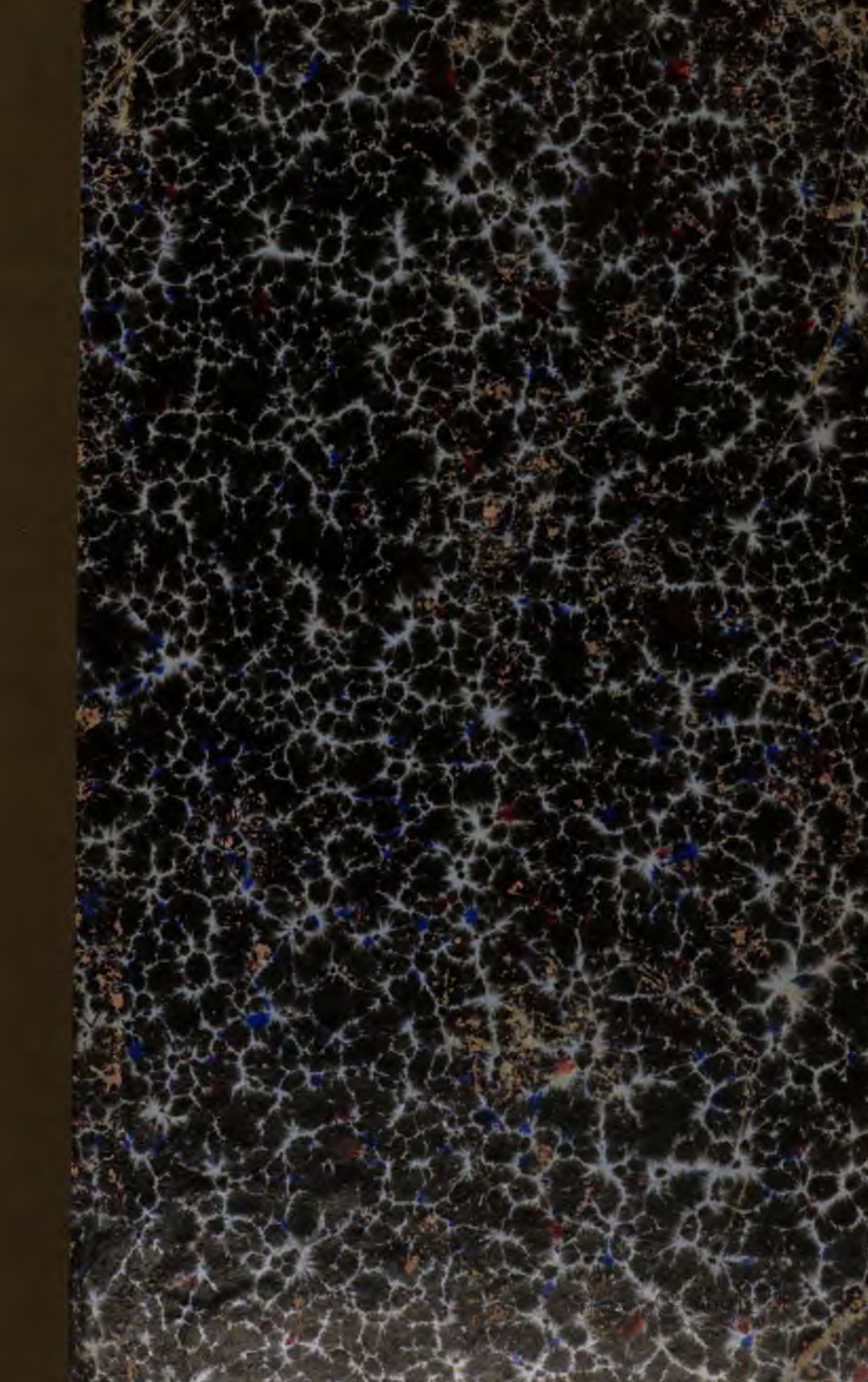
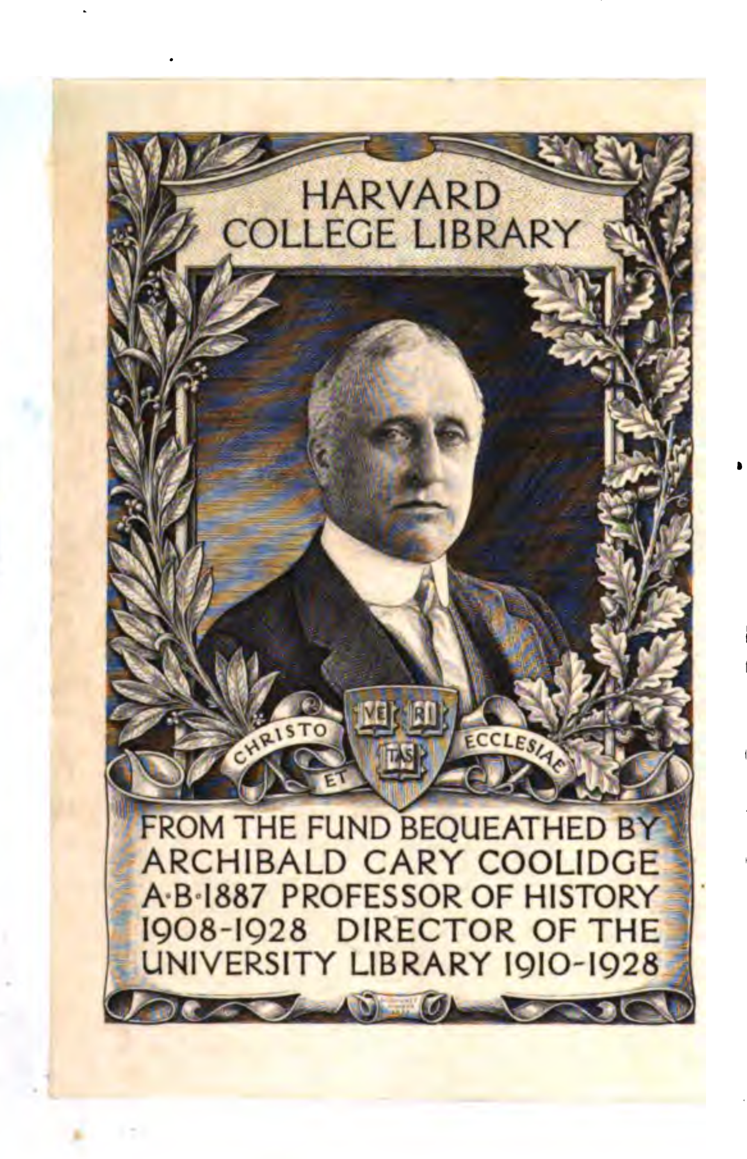

HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
ECCLESIAE
VE RI TAS
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

274

ТОМЪ ДВѢСТИ СЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ШЕСТОЙ.)

1901.

І Ю Л Ь.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Условія подписки на 1901 годъ.

Подписная цѣна на годовое изданіе „**Русскаго Вѣстника**", состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книгъ: безъ доставки въ конторѣ журнала **15** р. **50** к., съ доставкою въ **Москвѣ** и **С.-Петербургѣ** **16** р., съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи **17** р., а **за границу** **19** руб.

Принимается также подписка на сроки: на 6 мѣсяцевъ **8** р. **50** к., на 3 мѣсяца **4** р. **25** к. и на 1 мѣсяцъ **1** р. **50** к. съ пересылкою и доставкою.

Для гг. годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ платежѣ денегъ, а именно: при подпискѣ вносится въ контору журнала **9** руб., а остальная сумма уплачивается къ 1-му іюня.

Книжные магазины пользуются уступкою по **50** копѣекъ съ годоваго экземпляра. Подписка на сроки менѣе года отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

Подписка на сроки менѣе года, а также въ разсрочку, принимается исключительно въ конторѣ журнала.

Контора журнала покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ имѣть въ виду слѣдующее:

1 При перемѣнѣ адреса гг. подписчики благоволятъ сообщать конторѣ журнала вмѣстѣ съ новымъ адресомъ, по которому желаютъ получать журналъ, и старый адресъ, или же точно обозначать нумеръ бандероли, подъ которою получаютъ журналъ.

2 Согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе о неполученіи книги журнала допускается не позже полученія слѣдующей книги.

3) Контора журнала не отвѣчаетъ за аккуратную доставку книгъ журнала предъ тѣми лицами, которыя подписались помимо конторы журнала; съ жалобами въ такихъ случаяхъ гг. подписчики благоволятъ обращаться въ тѣ мѣста, гдѣ подписались.

4) За перемѣну адреса уплачивается 40 коп., за исключеніемъ перемѣны адресовъ изъ Москвы и С.-Петербурга въ другія мѣста Россіи, за каковую перемѣну доплачивается 1 руб. 50 коп.

За перемѣну адреса изъ Москвы и С.-Петербурга за границу доплачивается 3 руб. 50 коп., а изъ другихъ мѣстъ Россіи за границу 2 руб. 50 коп.

5) Чтобы ближайшая книжка журнала могла быть отправлена по новому адресу,—заявленіе о перемѣнѣ адреса должно быть получено въ конторѣ журнала не позже 25 числа текущаго мѣсяца.

Адресъ конторы и редакціи: Москва, Малая Дмитровка, 29.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ СЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ШЕСТОЙ.)

ІЮЛЬ.

1901.

Т-во типо-литографіи Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ. Марьина роща, соб. д.

1901.

РУССКIЙ ВѢСТНИКЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДВѢСТИ СЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

Русскій Вѣстникъ.

ІЮЛЬ.

Стр.

БИБЛІОГРАФІЯ:

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ:

ПРИЛОЖЕНІЯ:

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Послѣ непогоды.

Улыбнулась природа сквозь слезы:
Пронеслась непогода грозою,
И безсильнаго грома угрозы
Умолкаютъ за далью лѣсною.

Старый садъ просвѣтлѣвъ веселѣетъ,
И алмазы на землю свѣвая,
Межъ вѣтвей и щебечетъ, и рѣетъ
Воробьевъ суетливая стая.

Позабудемъ и мы про невзгоды
Что̀ надъ сердцемъ грозой пролетѣли,
Выйдемъ, другъ мой, на праздникъ природы
Слушать звонкой малиновки трели.

Въ душу глянетъ намъ ласковымъ свѣтомъ
Солнце счастія съ нѣгой бывалой,
И знакомымъ стозвучнымъ привѣтомъ
Встрѣтитъ садъ нашъ приходъ запоздалый!

II.

Муки слова.

Счастливъ тотъ кто васъ не вѣдалъ,
Муки творческаго слова,
Кто душѣ открыться не далъ
Для участія чужаго,
Для кого скользятъ безгласно
Неустанныя мгновенья,
Кто не боленъ жаждой страстной
Воплотить свои видѣнья!
Погрузясь въ воспоминанья,
Одиночества не чуя,
Онъ живетъ во тьмѣ молчанья,
Не борясь и не тоскуя.

Счастливъ тотъ кто васъ извѣдалъ,
Муки творческаго слова,
Кто душѣ созвучной предалъ
Тайны сердца нероднаго,
Кто рыдалъ въ тоскѣ безсилья
Жаждой творчества томимый,
И кого мечты, какъ крылья,
Уносили въ край родимый,
Въ край, гдѣ все красой одѣто,
Гдѣ не мучитъ дня тревога,
И гдѣ чуетъ духъ поэта
Близость неба, близость Бога...

III.

Невѣдомому другу.

Облетая весь міръ легкокрылой мечтой
Я повсюду, родная, встрѣчаюсь съ тобой:
Захочу ль отъ людей и отъ шума уйти
Свѣтлый призракъ, ты ждешь на пустынномъ пути;
Погружусь ли я въ море тревогъ и страстей,
Ты, какъ совѣсть, стоишь надъ душою моей;
Отъ обидъ и страданій заноетъ ли грудь,
Мнѣ надеждой живой освѣщаешь ты путь.
О, невѣдомый другъ! беззавѣтно любя,
Въ этомъ мірѣ еще я не знаю тебя,
И лишь смутно порой, въ полутьмѣ, въ полуснѣ,
Твой отрадный привѣтъ долетаетъ ко мнѣ,
Но въ сіяніи дня, въ тишинѣ ли ночной,
Ты, я чую, какъ ангелъ-хранитель со мной!
И я вѣрю что въ мірѣ надзвѣздной мечты,
Въ замогильномъ краю улыбнешься мнѣ ты!

В. Саводникъ.

1611 годъ.

Историческая повѣсть.

IX *).

Прошло больше недѣли. Лукьянова шайка уже давно повернула на дорогу въ Переяславль. Доводы и уговоры Ивана, поддержанные Власомъ и Мартыномъ, склонили товарищей къ рѣшенію пристать къ полку Ляпунова. Шайка двигалась медленно, зигзагами, добывая мародерствомъ необходимыя жизненные припасы. Мы застаемъ ее на послѣднемъ привалѣ. Люди отдыхали, кто сидя, кто растянувшись на плащахъ. Лукьянъ занимался чисткой своей пищали.

— Конецъ, значитъ, вольному житью! На службу воинскую переходимъ, говорилъ лежа Андрей.

— А что жь такое, сказалъ Мартынъ,—и послужимъ доброму дѣлу. И давно пора. Что̀ бѣды на свѣтѣ развелось! Что̀ народу плачущаго! Что̀ бѣдности непокрытой! Что̀ поношеній отъ иноплеменниковъ!.. Ни то порядка, ни то управы! Вся земля скрозь какъ харчевня сдѣлалась: кто хочетъ бродитъ, кто можетъ дани беретъ.

— Вѣрно, дѣдушка, подхватилъ Власъ.—А что̀ до воли, такъ нынѣ лучше будѐтъ. Прежде волю добудешь развѣ убѣгомъ, воровски, а теперь присталъ къ ополченію, и правъ.

— Правда ли еще это? усомнился кто-то.

— Люди врутъ, такъ и я вру, обидѣлся Власъ.

— А какъ убьютъ на ратномъ полѣ? спросилъ чей-то голосъ.

— Ну, дядя Софронъ, отозвался Андрей,—это ты того... Коли помирать, такъ лучше въ полѣ чѣмъ въ бабьемъ подолѣ.

---

*) Продолженіе. См. *Русскій Вѣстникъ*, іюнь, 1901.

Всѣ помолчали.

— Ну, и пищаль у нашего атамана, сказалъ Андрей смотря на работу Лукьяна.

— Ничего, пищаль добрая, промолвилъ тотъ.

— Да, замѣтилъ Власъ,—и у насъ въ избѣ была такая-то, хорошо била: съ полки разъ упала, семь горшковъ разбила.

Слова Власа вызвали дружный хохотъ.

— Смѣйтесь, смѣйтесь, спокойно сказалъ Лукьянъ, — а далеко до пищали вашему лучному бою.

— Напрасно, атаманъ, лукъ коришь, возразилъ Иванъ.— Огнемъ ударишь, только дымъ да громъ, а въ стрѣлѣ мѣткость есть. Ты ее куда хочешь пошли, она тебя не выдастъ.

— А ты, должно, стрѣлецъ важный, сказалъ Андрей.

— Чтò жь, я могу. Случалось звѣря на бѣгу срѣзывать.

— Ну, медвѣжатникъ, хвастаешь!

— Зачѣмъ хвастать, возразилъ задѣтый за живое Иванъ.

Говоря эти слова онъ взглянулъ вверхъ и, быстро схвативъ лукъ, положилъ стрѣлу по направленiю полета птицы парившей почти надъ его головой. Со звономъ взвилась сильно пущенная стрѣла, а спустя минуту птица разомъ свернула крылья и какъ камень упала къ ногамъ стрѣлка.

Удача выстрѣла привела всѣхъ въ восхищенiе.

— Ну, медвѣжатникъ! сказалъ Андрей беря изъ рукъ Ивана птицу. Едва взглянувъ на нее, онъ воскликнулъ въ сильномъ смущенiи:

— А вѣдь ты ручную птицу застрѣлилъ! Это охотничiй соколъ. Какъ бы не попасть въ отвѣтъ.

Всѣ столпились кругомъ разсматривая запачканнаго кровью бѣлаго сокола, а между тѣмъ бѣда уже надвигалась на нихъ. Изъ-за мелкаго лѣса несся къ нимъ всадникъ во весь духъ. Бурая длинная лошадь вытянувъ шею стлалась по землѣ подгоняемая безпрерывными ударами плети. Въ мигъ всадникъ былъ уже тутъ и на ходу скатился съ коня.

— Чтò вы сдѣлали! кричалъ онъ.—Вы убили любимаго кречета воеводы! Ну, будетъ же вамъ!.. Прокопiй Петровичъ выѣхалъ въ послѣднiй разъ погонять сокола передъ походомъ, а вы вонъ чтò... Ну, берегитесь же.

Прежде чѣмъ шайка успѣла обсудить бѣло и принять какiя-либо мѣры, изъ-за того же лѣса появился еще всадникъ.

Онъ скакалъ широкимъ сановитымъ галопомъ. Крупный, сѣрый въ яблокахъ конь съ гордо поднятою шеей гремѣлъ металическими цѣпями поводьевъ и сiялъ наборомъ серебряныхъ

бляхъ. Всадникъ, широкоплечій рослый мущина съ очень красивымъ лицомъ и сѣдоватою бородой вѣеромъ, былъ одѣтъ въ желтый кафтанъ на мѣху и верблюжьей шерсти епанчу наброшенную на плечи и застегнутую масивною золотою пряжкой; голова была покрыта четыреугольной низкой шапкой съ бобровымъ околышемъ и зеленымъ верхомъ.

— Прокопій Петровичъ! сказалъ сокольничій и тотчасъ же пошелъ навстрѣчу держа сокола въ рукахъ и таща за собою на поводѣ лошадь тяжело водившую боками.

— Чтò тутъ такое? спросилъ Ляпуновъ подъѣзжая.

— Батюшка-бояринъ, отвѣчалъ сокольничій низко кланяясь, —кречета твоего, Арбача, стрѣлили. Уже окоченѣлъ вовсе.

Лицо воеводы разомъ покраснѣло до корня волосъ. Онъ поднялъ плеть, и конь взвившись на дыбы однимъ скачкомъ очутился посреди шайки.

— Кто застрѣлилъ? Негодяи! Отвѣчай! кричалъ воевода зычнымъ голосомъ.

Люди боязливо поскидали шапки и жались въ сторону.

— Кто застрѣлилъ? Конемъ потопчу, мерзавцы!

— Я стрѣлялъ, дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ Иванъ, выступая впередъ.—Прости, бояринъ, невзначай убилъ.

— Ахъ, ты, собачій сынъ! Да какъ у тебя рука поднялась? Да ты весь съ потрохами одного пера той птицы не стоишь.

— Говорю, невзначай, повторилъ Иванъ, разгорячаясь бранью которою осыпалъ его Ляпуновъ.—Нешто разглядишь въ высотѣ какая такая птица...

— Какъ ты говоришь? Развѣ такъ разговариваютъ съ воеводой?

— Говорю какъ умѣю, бояринъ. Какъ мнѣ знать разговоръ? Выросъ я вольнымъ человѣкомъ и въ холопахъ не бывалъ.

— Я тебя сразу научу! Я съ тебя своею рукой всю шкуру сниму!

Ляпуновъ размахнулъ плетью. Иванъ заслонился лукомъ, отступилъ на шагъ и сказалъ задыхаясь отъ гнѣва:

— Не гнѣвись, бояринъ, печенку попортишь.

Эти слова оказали удивительное дѣйствіе. Ляпуновъ спустилъ плеть, откинулся назадъ и молча смотрѣлъ нѣкоторое время на Ивана... И, странно, въ его глазахъ за молніями гнѣва какъ будто промелькнула тѣнь улыбки. Онъ заговорилъ совсѣмъ другимъ, величаво спокойнымъ тономъ:

— Чтò вы за люди?

Тотчасъ же выступилъ впередъ Лукьянъ и началъ докладывать, по обыкновенію, хозяйственно и дѣловито:

— А разные тутъ люди, воевода-батюшка, кто откуда. И собрались мы на твой кличъ чтобъ къ полку твоему пристать, да Москву отъ Ляховъ съ Божіею помощью отбивать.

— Съ бору да съ сосеньки! сказалъ Ляпуновъ, презрительно оглядывая рубища и плохое вооруженіе шайки.—Бѣглые холопы, разбойники, гультаи... Ну, все равно, я всѣхъ скликаю. Въ котлѣ святаго дѣла всякая нечисть перекипитъ, очистится... Идите вы къ городу и объявитесь воеводѣ Плещееву, онъ вамъ мѣсто укажетъ.

Съ этими словами Ляпуновъ повернулъ коня и поѣхалъ крупною рысью. За нимъ продолжая держать на рукѣ убитаго сокола затрусилъ сокольничій.

Глядя имъ вслѣдъ люди шайки стали дѣлиться впечатлѣніями. Андрей былъ въ полномъ восторгѣ.

— Эхъ, воевода! кричалъ онъ, лихо встряхивая волосами.— Вотъ это такъ воевода! Глазищами ворочаетъ словно пятерыхъ проглотилъ. А конь подъ нимъ какъ бѣсъ поворачивается. А голосина! Эка глотка!.. Какъ заспорилъ съ нимъ Иванъ, ну, думаю, конецъ: кобыла съ волкомъ тягается, одинъ хвостъ да грива останется. А онъ и смягчился потому, думаетъ, что жь ему комашку давить, мараться... Ну, воевода! Орелъ, не человѣкъ!

— Н-да, раздумчиво отозвался Мартынъ,—огневой человѣкъ. Онъ не продастъ. Такой человѣкъ вилять не станетъ. За правду постоитъ, хоть и крутенекъ.

— А чтó жь что крутенекъ? сказалъ Лукьянъ.—Какъ же иначе рати водить. Воевода какъ быть должно. Рать-то, извѣстно, крѣпка воеводою. Тутъ чтобъ всѣ по стрункѣ. А то ты господинъ-государь, я государь, а кто жь пригосударивать будетъ?

Лукьянъ говорилъ сохраняя на лицѣ свою обычную непроницаемость.

Иванъ не вмѣшивался въ разговоръ, но чувствовалъ въ душѣ горькій осадокъ незаслуженной обиды. Онъ прекрасно понималъ, хотя и выросъ въ лѣсной глуши, что люди не всѣ равны, что есть повелѣвающіе и подчиняющіеся, [illegible]ные и слабые, но тѣмъ не менѣе оскробленное чувство со[illegible]наго достоинства сидѣло въ немъ колючею занозой.

Шайка поднялась и пошла по той же дорогѣ, по которой пріѣзжалъ Ляпуновъ. Обогнувъ лѣсокъ взошли на пригорокъ,

откуда открылась широкая панорама города Переяславля. На холмѣ удлиненнымъ четыреугольникомъ очерчивались стѣны съ дюжиной башенъ въ разныхъ мѣстахъ. Внутри четыреугольникъ былъ словно густо набитъ постройками, надъ которыми высились купола церквей. Внѣ стѣнъ разсыпались вдали бисеромъ слободы. Кругомъ змѣились рѣчки, ширились пруды. Съ сѣвера темнѣлъ боръ съ бѣлѣвшими кое-гдѣ колокольнями монастырей, а за городомъ открывалась Ока съ плоскимъ лѣвымъ берегомъ, гдѣ въ туманѣ дали чуть проступали пятна лѣсовъ. Эфекту картины мѣшалъ лежавшій на ней монотонный снѣжный покровъ скрывавшій краски и стушевавшій контуры.

— Это и есть стольный градъ Рязань? спросилъ Иванъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Власъ,—самая-то Рязань верстъ сорокъ пониже будетъ. Тамъ княжили допрежде рязанскіе князья, ну, а потомъ Татары сколько разъ городъ разоряли, онъ и запустѣлъ, а народъ сюда въ Переяславль подался. Въ Рязани теперь только соборъ, да гробницы княжескія остались, а вся сила тутъ.

Ватага подошла къ городу. Атаманъ отправился разыскивать воеводу Плещеева, а Иванъ съ Андреемъ прибрали своихъ коней и пошли пѣшкомъ ознакомиться съ мѣстомъ.

Поднявъ головы, съ видомъ глубокихъ провинціаловъ, они разглядывали крѣпостныя ворота и высившуюся надъ ними башню, когда кто-то позади сказалъ:

— Глѣбовскія ворота.

Обернувшись наши увидѣли возлѣ себя юношу лѣтъ семнадцати съ пухлымъ лицомъ и ожирѣвшимъ тѣломъ; одѣтъ онъ былъ въ старый суконный зипунъ съ яркаго цвѣта колпакомъ на головѣ.

— Глѣбовскія, говоришь? переспросилъ Андрей.

— Глѣбовскія... И башня Глѣбовская.

— Такъ... А ты, видно, тутошній?

— Я тутъ и родился... Вы въ городъ? Пойдемъ вмѣстѣ, я вамъ все покажу. Поднимемся на валъ, оттуда далеко видать.

Всѣ трое взошли на высокую, саженей въ пять, стѣну и оглянулись.

— Подъ самымъ низомъ ровъ съ водою изъ озера Быстраго, объяснилъ услужливый юноша.—А тамъ на полночь за деревянной стѣной рѣчка Трубежъ. Съ другаго конца къ полудню, за деревянной же стѣной, рѣка Лыбедь. Третья стѣна идетъ по-надъ Окой. За Лыбедью пораскинулись слободы: и рыбная, и ямская, и конная, много ихъ тамъ. А вонъ озеро это самое,

Быстрое, и Карасево озеро. Святыя озера, вода въ нихъ полезна къ прочищенію очей... А тамъ, гляди, островочекъ промежъ Трубежомъ и Окой, Сударевъ прозывается; и на томъ острову боръ, а въ бору Богоявленскій монастырь. А насупротивъ въ бору же, гдѣ рѣчка Павловка въ Трубежъ падаетъ, монастырь Свято-Троицкій... И-и, далеко видать... Вонъ рощи, деревнюшки, мельницы...

Полюбовавшись красивымъ видомъ, компанія сошла со стѣны и двинулась внутрь города.

— Вотъ княжіе терема, говорилъ юноша указывая на высокія зданія съ узкими окнами, лицомъ на Трубежъ.

— Да тебя какъ звать-то, милый человѣкъ? спросилъ Андрей.

— Филькой зовутъ, а васъ?

Удовлетворивъ свое любопытство Филька продолжалъ роль добровольнаго гида.

— Кругомъ, глядите, все церкви: направо Духовъ монастырь, налѣво Успеніе, а тамъ Архангельскій соборъ. Хорошія церкви, каменныя! Дома-то у насъ сплошь деревяные, а вотъ храмы Божіи многіе изъ камня сложены. А вонъ, подальше, Никола Старый, первое зерно, откуда весь городъ выросъ... Ну, теперь, братцы, повернемъ мы съ этой площадочки въ улочку. Узеньки наши улицы.

— И въ тѣснотѣ жь живутъ! замѣтилъ Иванъ протискиваясь среди толпы прохожихъ въ кривой улицѣ.—Боже храни, пожаръ, бѣда!

— Да, отвѣчалъ Филька,—много народу понабралось. Всякихъ тутъ людей есть. Вонъ хоромы стольника Ивана Башмакова, а вонъ домъ Ивана Смолева, богатый торговый человѣкъ. Дальше тамъ разные рукодѣльники, серебреники, пищальники. А тутъ скрозь лавки кто чѣмъ промышляетъ. Кто питьями торгуетъ, кто харчевню держитъ.

— Чтò и говорить, промолвилъ Андрей,—городъ затѣйный: что ни шагъ, то съѣстной да питейный.

— Вотъ дядя Архипъ квасомъ торгуетъ, говорилъ Филька, проходя мимо домика, у дверей котораго стоялъ лысый, заплывшій жиромъ старикъ.

Старикъ услыхавъ свое имя закричалъ:

— Заходи, добрые молодцы, у меня всякіе квас[illegible] житные, и ячменные, и медовые, и ягодные...

— А вотъ рыбникъ Никита, продолжалъ показывать Филька.

— Эхъ, давно рыбки не ѣдали! восклицалъ Андрей. — Зайдемъ, Иванъ, попробуемъ.

Пріятели подошли къ откидному прилавку на столбикахъ и стали разсматривать наваленный товаръ.

— Вамъ, молодцы, чего требуется? спросилъ краснощекій Никита и продолжалъ скороговоркой: —Хороша рыбка есть! Свѣжая, вяленая, сухая, соленая, провѣсная, вѣтреная, паровая, подвареная, въ прокъ щипаная, копченая.

Андрей взялъ въ руки твердую какъ дерево соленую рыбу и поднеся къ носу замѣтилъ:

— Что-то духу въ ней нѣтъ, знать не поспѣла еще.

— Чего не поспѣла! воскликнулъ торговецъ.—Въ самый разъ поспѣла: на всю улицу духъ слыхать.

— А то, можетъ, сказалъ Филька,—коли ѣсть хотите, въ харчевню зайдемъ? Тамъ всего достанемъ чего душа проситъ.

Слѣдомъ за своимъ проводникомъ Андрей и Иванъ вошли въ просторную, но низкую и темноватую избу. Атмосфера чада, гари и постнаго масла охватила ихъ тотчасъ же за порогомъ. Пробравшись между наполнявшимъ избу народомъ наша компанія заняла мѣсто и принялась обсуждать меню. Слуга въ грязной рубахѣ содѣйствовалъ имъ предлагая разныя великопостныя снѣди: щи, блины, луковники, левашники, пироги подовые съ макомъ, кисели сладкіе, прѣснечки.

— А какъ нынче воскресный день, сказалъ онъ, - такъ можно разрѣшить и рыбнаго, икорки щучей, осетрей или судачей. То же и насчетъ питей, всякія есть. Можно водки пшеничной, ржаной, ячменной. А то есть на мятѣ, на горчицѣ, на звѣробоѣ, на бодягѣ, съ амброй, на селитрѣ, можжевеловая. Всякая есть.

— Это и видать, замѣтилъ Андрей кивая головой на галдѣвшую и шумѣвшую толпу посѣтителей.

Пока пріятели насыщались, шумъ въ харчевнѣ увеличивался; наконецъ, крики перешли въ драку.

— Вотъ это я люблю! воскликнулъ Андрей.—Чѣмъ долго браниться, не лучше ли подраться?.. Вотъ ловко развернулся! Нѣтъ того спорѣе что кулакомъ по шеѣ!..

Сидѣвшій поблизости подъячій, въ грязномъ кафтанѣ до пятъ, глядя на свалку промолвилъ заплетающимся языкомъ:

— Пьяницы!.. Голь кабацкая!.. Правильно сказано: то есть не пьяница, иже упився ляжетъ спать, а то есть пьяница, еже упився толчетъ, біетъ, сварится.

Проговоривъ это изреченіе онъ опустилъ голову на столъ и захрапѣлъ.

Обремененные по горло пищей пріятели оставили харчевню и двинулись дальше. За ближайшимъ угломъ улицы они вышли къ городскому колодцу, у котораго толпилось нѣсколько женщинъ съ ведрами и кувшинами. Тутъ же на обрубкѣ дерева сидѣла жирная баба въ наброшенномъ на голову платкѣ.

Проходя мимо колодца молодые люди поглядѣли на женщинъ, а Андрей подмигнулъ и крикнулъ одной изъ нихъ:

— Эхъ, краличка, далъ бы пряничка, да ломанаго нѣтъ.

— Проходи, проходи, много васъ тутъ! послышался суровый отвѣтъ.

— Эй, молодцы, крикнула въ то же время баба въ платкѣ,—чѣмъ такъ-то зубы точить, сядь-ка со мною рядышкомъ, потолкуемъ, можетъ, чтò придумаемъ.

— Это чтò за вѣдьма? спросилъ Иванъ у Фильки.

— А такъ... Потворенная баба... сваживаетъ, отвѣтилъ тотъ и сплюнулъ.—А не зайдемъ ли въ мыльню, братцы?

— Вотъ бы хорошо! А нешто тутъ есть мыльни для чужихъ, для пришлыхъ людей? спросилъ Андрей.

— Есть такая, и нынче какъ разъ она и топилась... Пойдемте, послѣ обѣда самое время... Спустимся съ горки, тутъ и будетъ.

Не нужно было никакой вывѣски чтобы между избами узнать баню. Она вся клубилась бѣлымъ паромъ который струился изъ всѣхъ щелей и выбивался облакомъ изъ растворяемой двери. Въ густомъ туманѣ этого пара пріятели вошли въ сѣни общія для мущинъ и женщинъ; въ горячемъ облакѣ они сняли свое платье, размѣстились на полкахъ съ сѣномъ и отдались неистовому бичеванію вѣниками. Все время за тонкою перегородкой слышались визги и крики женскихъ голосовъ. Долго продолжалось сладостное истязаніе. Наконецъ, Иванъ въ истомѣ огнедышащей нѣги кликнулъ Андрея. Но Андрея нигдѣ не было. Въ поискахъ за товарищемъ Иванъ направился въ сѣни и очутился въ большой компаніи. Сюда выходили прохладиться и изъ мужскаго и изъ женскаго отдѣленія. Въ людной толпѣ Андрей разговаривалъ съ какою-то черноволосою назнакомкой, которая цѣломудренно прикрывалась вѣникомъ. Вся картина носила на себѣ идилическій характеръ райской жизни. Ивану пришлось потратить много усилій чтобы добыть своего пріятеля.

Уже совсѣмъ вечерѣло когда они послѣ пріятно прове-

деннаго дня вернулись къ своимъ которыхъ съ большимъ трудомъ разыскали на квартирахъ отведенныхъ въ посадѣ.

X.

Съ слѣдующаго дня шайка перестала существовать самостоятельно и вошла въ составъ ополченія. Она сдѣлалась частью цѣлаго, и это цѣлое начало ее впитывать въ себя и перерождать. Ополченіе образовавшееся изъ людей пришедшихъ съ разныхъ сторонъ сдѣлалось единымъ существомъ, котораго душа и сила отнюдь не представляли собою только сумму отдѣльныхъ воиновъ. Эти воины вступая въ ополченіе получали отъ него больше чѣмъ вносили. Душа ополченія, воспламененная призывными грамотами патріарха Гермогена и жалобными воплями изъ Москвы и Смоленска, разливала волной горячее чувство по всему организму и будила однообразный возвышенный мотивъ въ сердцѣ каждаго воина, мотивъ ненависти къ врагамъ отечества и желанія возстановить нарушенный нормальный порядокъ въ царствѣ.

Люди нашей шайки пришли съ разными намѣреніями и умонастроеніями. Мартыну было противно положеніе гулящаго человѣка и онъ хотѣлъ пристать къ мѣсту, послужить доброму дѣлу. Лукьянъ наклонный по натурѣ „мастерить жизнь“, какъ, напримѣръ, плотникъ мастеритъ телѣгу или соху, пришелъ поработать подъ хозяйской фирмой Ляпунова. Андрей мечталъ повоевать и пображничать. Никита питалъ надежду чѣмъ-нибудь поживиться. Власъ думалъ только о томъ чтобы добыть волю и избыть холопство. Конечно, каждый изъ нихъ чувствовалъ и сознавалъ что переживаемое время тяжело и унизительно, но эти чувства и мысли стояли у нихъ позади личныхъ интересовъ и мотивовъ. Войдя же въ организмъ рати они смѣнили узкую личную жизнь на жизнь крупнаго колективнаго цѣлаго. Ополченіе повернуло всѣ головы къ одному знамени, добыло изъ всѣхъ сердецъ однообразное содержаніе и сообщило большую или меньшую степень энергіи тѣмъ душевнымъ струнамъ которыя раньше у нѣкоторыхъ лицъ вибрировали слабо или молчали.

Иванъ пришелъ въ Переяславль съ нѣкоторымъ запасомъ впечатлѣній отъ печальной картины народныхъ бѣдствій, шатанія и смуты. Внушенія игумена показали ему важность предпріятія Ляпунова. Однако, дума Ивана была затронута сначала

болѣе съ внѣшней стороны. Онъ представлялъ себѣ будущій походъ болѣе съ эстетической точки зрѣнія, со стороны красоты ожидаемыхъ военныхъ подвиговъ. Но, сливаясь съ ополченіемъ, онъ сталъ перерождаться. Жалобы многихъ ратниковъ лично потерпѣвшихъ отъ смуты, похвальбы удальцовъ расправиться съ супостатами-иноземцами волновали его сердце и тѣмъ настраивали его, упражняли въ патріотическомъ направленіи. Видя прибытіе все новыхъ и новыхъ отрядовъ, слушая гонцовъ привозившихъ со всѣхъ сторонъ вѣсти о движеніи въ разныхъ городахъ, Иванъ заражался общимъ подъемомъ духа.

Какъ-то разъ пришлось ему услышать чтеніе московской грамоты: „Не слухомъ слышимъ, говорила эта грамота, а глазами видимъ бѣдствіе неизглаголанное. Заклинаемъ васъ именемъ Судіи живыхъ и мертвыхъ: возстаньте и спѣшите къ намъ. Здѣсь камень царства, здѣсь знамя отечества, здѣсь Богоматерь изображенная евангелистомъ Лукою, здѣсь свѣтильники и хранители церкви, митрополиты Петръ, Алексій, Іона. Извѣстны виновники ужаса, предатели студные, но за насъ Богъ, съ нами святѣйшій патріархъ Ермогенъ. Дадите ли насъ въ плѣнъ и латинство?..“ Отъ этихъ словъ вѣяло такимъ жалостливымъ, беззащитнымъ сиротствомъ что сердце Ивана щемило до слезъ.

Часто онъ присутствовалъ въ толпѣ зрителей при встрѣчѣ воеводами прибывающихъ союзниковъ. Патріотическія рѣчи произносимыя при этихъ случаяхъ глубоко западали въ его душу. Иногда онъ стоялъ слишкомъ далеко чтобы слышать слова, но уже одинъ видъ привѣтствій, поцѣлуевъ которыми обмѣнивались люди въ виду великаго общаго дѣла, энергическіе жесты ораторовъ затрогивали подготовленныя струны его сердца, и Иванъ чувствовалъ волненіе пробѣгавшее въ немъ дрожью. А оглядываясь вокругъ себя онъ видѣлъ сотни лицъ одушевленныхъ тѣмъ же самымъ духомъ, и эти сотни чувствъ въ свою очередь дѣйствовали на его чувство которое росло и ширилось. Сверхъ того, видъ многочисленности рати, ея постоянно возрастающая сила придавали воодушевленію отвагу, дѣлали душевное настроеніе способнымъ на рѣшительную активность, на дерзость проявленія.

Такимъ образомъ въ душѣ Ивана накоплялся горючій матеріалъ вспыхивавшій отъ всякой искры. При объѣздахъ лагеря Ляпуновымъ, видя воеводу на эфектномъ боевомъ конѣ, слыша зычный голосъ привѣтствія, Иванъ краснѣлъ до корня

волосъ, неистово махалъ шапкой и натуживаясь присоединялъ свой голосъ къ общему громадному крику... Чтò переживалъ Иванъ, переживалось въ такой или иной степени и другими ратниками. Вотъ почему можно сказать что въ рязанскомъ ополченіи 1611 года былъ не случайный сбродъ ратныхъ людей, а сама Русь, поднявшаяся на свое освобожденіе.

Говоря о могучемъ дѣйствіи рати на отдѣльныхъ ратниковъ, о дѣйствіи цѣлаго на части, суммы на составныя единицы, нельзя умолчать и объ обратномъ вліяніи частей на цѣлое, единицъ на слагающуюся изъ нихъ сумму. Качества и свойства матеріала не могутъ не отражаться на постройкѣ. Изъ кирпича хорошо обожженнаго, твердаго и правильной формы каменщикъ можетъ выстроить прочную и высокую стѣну, но если кирпичи плохой глины, плохо обожжены, если они кривы, поломаны, хрупки, тогда на прочность постройки трудно разсчитывать.

Съ этой точки зрѣнія ополченіе Ляпунова заключало въ себѣ изъянъ. Воевода собиралъ людей безъ разбора. Эти люди, какъ мы видѣли, переработывались въ горнилѣ общаго дѣла, снабжались должными настроеніями и порывами. Но настроенія и порывы еще не все. Для надлежащаго осуществленія этихъ порывовъ и чувствъ люди должны имѣть еще извѣстный закалъ характера, соотвѣтственную дисциплину воли. Матеріалъ собираемый Ляпуновымъ былъ довольно шероховатъ, оттого и его постройкѣ угрожала возможность неудачи...

Отрядъ, къ которому была причислена ватага Лукьяна, выступилъ изъ Переяславля въ началѣ марта. Шли медленно, дѣлая большія остановки по деревнямъ. Плохо организованная провіантская часть чрезвычайно затрудняла походъ. Обозы съ припасами ползли черепашьимъ шагомъ и часто попадали не туда куда назначались. Съ фуражомъ для лошадей дѣло стояло еще хуже.

Тѣмъ не менѣе люди чувствовали себя прекрасно и двигались весело. Иванъ ѣхалъ посвистывая и легонько пощелкивая плетью Копчика который очень отъѣлся на казенныхъ харчахъ, шелъ щепоткою ходой и лукаво посматривалъ изъподъ роскошной чолки. Лукьянъ, со своею свѣтлою скобкой и взмахивающими локтями, постоянно кого-нибудь вразумлялъ и доказывалъ что-то подбирая неопровержимые аргументы. Мартынъ, какъ всегда, шелъ сторонкой опустивъ косматую голову въ сопровожденіи неотлучной жены, Арины-Молчальницы. Никита по большей части былъ погруженъ въ свои

размышленія; иногда онъ говорилъ самъ съ собою поводя руками. Если Иванъ спрашивалъ его о чемъ онъ думаетъ, то Никита отвѣчалъ:

— Дѣльце у меня на умѣ... Эхъ, важное дѣльце!

Но секрета своего не открывалъ.

Одинъ Андрей временами скучалъ. Его кипучій темпераментъ съ трудомъ переносилъ монотонность похода. Особенно досаждали ему долгія остановки по глухимъ деревушкамъ. Онъ обыкновенно заваливался спать и вставая послѣ полусуточнаго сна ворчалъ почесываясь:

— Вотъ этакъ спишь, спишь, а отдохнуть некогда.

На что Власъ, качая головою, замѣчалъ:

— Видали мы сидней, поглядимъ на лежня...

Миновали большой городъ Перевицкъ съ крѣпкимъ кремлемъ на высокомъ холмѣ, сдѣлали еще нѣсколько переходовъ и подошли, наконецъ, къ бѣлымъ стѣнамъ Коломны. Тутъ произошла опять остановка. Подходили новые отряды, ссылались гонцами съ Тулой, откуда выступали казаки атамана Заруцкаго, и съ Калугой гдѣ собирались въ походъ бывшія военныя силы тушинскаго царька подъ начальствомъ князя Трубецкаго. Передовые полки Ляпунова, подъ командою князя Пожарскаго и другихъ, давно уже ушли къ Москвѣ чтобы поддержать ея населеніе въ ожиданіи прихода всей рати. Все шло хорошо, какъ вдругъ появились дурныя вѣсти.

Въ среду на страстной Андрей и Иванъ собрались ко всенощной. Проходя мимо двора въ которомъ помѣщался, говоря нынѣшнимъ языкомъ, штабъ отряда, они увидѣли выѣзжавшаго изъ воротъ всадника. Этотъ всадникъ былъ блѣденъ и забрызганъ дорожною грязью которая покрывала и его очень подбившагося коня.

— Откуда Богъ несетъ? спросилъ Андрей.

— Изъ Москвы, отъ князя Димитрія Михайловича... День и ночь ѣхалъ безъ передышки... Плохія дѣла на Москвѣ. Вчерашній день вышли изъ Кремля Ляхи въ Бѣлый городъ, какъ начали лузжить народъ, бѣда!.. Нашъ князь отбивался, когда я поѣхалъ, ну, да врядъ-ли онъ осилитъ. Ляхи съ нѣмчинами все крушатъ.

— Ахъ, собачьи дѣти! воскликнулъ Андрей хватаясь за свой молодецкій черный усъ.

На другой, на третій день вѣсти стали еще хуже. Говорили что Поляки зажгли весь городъ, что жители бросились бѣжать, а князь Пожарскій очень раненъ и отвезенъ своими

людьми въ Троицко-Сергіевъ монастырь. Подъ вліяніемъ такихъ извѣстій ополченіе ускорило движеніе. Ляпуновъ съ передовыми частями уже ушелъ. Отрядъ, при которомъ состояла ватага нашихъ знакомцевъ, назначенъ былъ сопровождать артилерійскій снарядъ и также выступалъ. Вереницы лошадей шлепая по лужамъ желтоватой воды тащили тяжелыя, закатывающіяся по ледку дороги сани съ неуклюжими пушками и щитами для Гуляй-города. Пѣшіе воины и вершники толпясь съ обозомъ обдавали другъ друга грязью. Стороной по рыхлому, проваливающемуся снѣгу проѣхалъ на толстомъ ворономъ конѣ воевода Плещеевъ.

-- Поспѣшайте, ребятушки, покрикивалъ онъ, —надо выручать Москву.

— Мы и то, батюшка, поспѣшаемъ, раздались голоса въ отвѣтъ, и кнуты обозныхъ замелькали надъ лошадьми.

Шли усиленнымъ маршемъ и съ малыми роздыхами. Скоро стало попадаться много встрѣчнаго народа. Кто ѣхалъ на конѣ, кто брелъ пѣшкомъ, цѣлиной, загрузая въ снѣгу. Ѣхали и возы набитые женщинами, дѣтьми и разнымъ домашнимъ скарбомъ. Это спасались жители Москвы отъ польскаго погрома. Проѣзжая мимо двухъ пѣшеходовъ съ сумками, присѣвшихъ у края дороги, Иванъ остановилъ Копчика. Одинъ изъ пѣшеходовъ, молодой человѣкъ съ перевязанной тряпками головой, проговорилъ изнуреннымъ голосомъ:

— Поздно идете. Теперь все пропало. Была Москва золотыя маковки, и нѣтъ ея больше, одни горѣлыя полѣнья остались.

— И—и чтó тамъ было! сказалъ другой пѣшеходъ съ длинною бѣлою бородой.—Скачетъ Литва на коняхъ, ломятъ Нѣмцы! Мы и такъ и сякъ. Заваливаемъ улицы скамьями, дровами, куда тамъ!.. По всѣмъ рядамъ и проулкамъ выше роста человѣческаго трупъ человѣчь лежитъ!..

Наконецъ, рать пришла къ Симонову монастырю. Наступалъ вечеръ. Заходящее солнце золотило косыми лучами тысячи желѣзныхъ шишаковъ и ерихонокъ, стальныхъ латъ и зерцалъ, металическихъ наручней и щитовъ. На широкомъ пространствѣ слышались человѣческій говоръ и конское ржаніе.

Съ пригорка монастыря ополченіе смотрѣло впередъ и видѣло ужасную картину. На много верстъ простиралось пожарище. Груды пепла и угля покрывали его; кое-гдѣ еще курилось, и удушливый запахъ гари тянулся по вѣтру. На черно-сѣромъ фонѣ пепелища виднѣлись мѣстами уцѣлѣвшія

каменныя церкви, остовы печей или бугорки сложенныхъ изъ кирпича погребовъ. Среди этого пожарища какъ островокъ высились стѣны Кремля съ Китай-городомъ, а за стѣнами рдѣли на солнцѣ купола, Иванъ Великій и другіе. И какъ жалостливо глядѣли они охваченные цѣпкимъ вражескимъ объятіемъ! Словно плѣнники увлекаемые рукой насильника, они глядѣли издали на своихъ и молили объ освобожденіи... И это Москва, стольный градъ всей Руси! Это краса и сердце православнаго народа! Ивану вспомнились слова грамоты: „здѣсь корень царства, здѣсь знамя отечества, здѣсь свѣтильники церкви...“ И слеза жалости, печали и обиды скатилась изъ его глазъ. Такое же чувство смѣшанное изъ жалости и негодованія угнетало души и всѣхъ ратниковъ когда они расходились на отдыхъ. Цѣлую ночь дыханіе ихъ спиралось отъ дыма и смрада доносившагося къ нимъ вмѣстѣ съ воемъ собакъ изъ погибшаго города.

XI.

На другой день рано утромъ людей Лукьяновой ватаги разбудилъ громъ музыки. Неистовые звуки литавровъ, набатовъ или мѣдныхъ барабановъ, трубъ и накровъ смѣшивались съ хоромъ пѣсенниковъ. Наши знакомые молодцы бросились на дорогу и увидѣли длинную вереницу конницы которая проходила густою массой. Копья щетинились лѣсомъ, отъ лошадей поднимался паръ на утреннемъ холодкѣ.

— Казаки атамана Заруцкаго, сказалъ Лукьянъ.

Въ это время мимо нихъ проѣзжалъ запорожецъ въ желтомъ кафтанѣ и широкихъ шароварахъ съ красными сапьянцами на ногахъ. Высокая баранья конусообразная шапка свисала малиновымъ верхомъ съ бритой головы на правое плечо; длинный оселедецъ былъ закинутъ за ухо, а при бокѣ колыхалась здоровенная шаблюка. Услыхавъ слова Лукьяна онъ сказалъ хриплымъ басомъ:

— Эге-жь...

— Подваливай, братцы, покажемъ Ляхамъ какъ Москву разорять! воскликнулъ Власъ.

— Эге жь, повторилъ запорожецъ проѣзжая.

Ѣхавшій за нимъ донецъ обернулъ свое круглое красное лицо и сказалъ насмѣшливо улыбаясь:

— А вы, пахотники любезные, зачѣмъ тутъ? Эхъ, пахать бы вамъ земельку!

— Гляди какъ бы мы не вспахали тебѣ спину! крикнулъ ему вслѣдъ Андрей.

— Ну-ну, воины! промолвилъ Лукьянъ крутя головой.— Это пика о двухъ остріяхъ. Ты ее однимъ остріемъ на врага направляешь, а она другимъ остріемъ тебя-же въ животъ...

— Союзнички! прибавилъ Никита.—Говорилъ мнѣ тутъ одинъ человѣкъ что атаманъ ихній, Заруцкій, стакнулся съ Мариной, женой убитаго калужскаго царика, и держитъ на мысли младенца ея, Ивана, на престолъ посадить.

— Ну, времечко! продолжалъ крутить головою Лукьянъ...

Вскорѣ послѣ тульской казацкой рати подошло и войско князя Трубецкаго, остатки стараго тушинскаго табора. Ополченія раскинули свой лагерь подъ главнымъ начальствомъ трехъ вождей: Ляпунова, Заруцкаго и князя Трубецкаго. Поляки не замедлили показаться.

Дня два послѣ прихода рати изъ Московскихъ воротъ выступилъ отрядъ тысячи въ полторы всадниковъ. Хоругви двигались стройными рядами. На воинахъ блестѣли шлемы, бѣлые жупаны почти скрывались подъ кольчугами изъ плетеной проволоки или подъ панцырями изъ ярко отчищенныхъ бляхъ. Обнаженныя сабли сверкали сталью. У гусаръ былъ короткій палашъ, концеръ, и длинное копье, влачень; по бокамъ ихъ лошадей поднимались крылья. За каждымъ рядомъ рыцарей-товарищей ѣхали пахолики-оруженосцы.

Развернувшись эфектною картиной отрядъ выслалъ впередъ нѣсколько десятковъ наѣздниковъ которые лихо подлетали къ нашимъ и выкрикивали разныя обидныя фразы:

— Чего пришли, хлопы!.. Вотъ ваша Москва, понюхайте чѣмъ пахнетъ!..

По линіи русской рати произошло движеніе. Тамъ и сямъ мелькалъ сѣрый конь Ляпунова съ развѣвавшеюся львиною гривой. На обидныя восклицанія Поляковъ къ нимъ летѣли достойные отвѣты:

— Эй, пучки! Лысыя головы, глаголи! надсаживался между другими Власъ присѣдая отъ усердія къ землѣ.

Воеводы кликнули охотниковъ-гарцовщиковъ, и въ ту же минуту понесся на Поляковъ рой русскихъ всадниковъ. Андрей и Иванъ поскакали также, но ихъ кони не могли соперничать съ лошадьми дворянъ и боярскихъ дѣтей. Сверхъ того, не разобравъ дорогу они попали въ топь и когда выбрались на сухое

мѣсто, дѣло уже было сдѣлано. Польскія хоругви отступали съ преисправною быстротой оставивъ нѣсколько плѣнныхъ и раненыхъ.

Такія вылазки повторялись довольно часто развлекая многочисленную русскую рать и безполезно истощая польскій гарнизонъ.

Скоро ополченіе пододвинулось къ стѣнѣ Бѣлаго города, вся восточная часть котораго была покинута Поляками. Ляпуновъ сталъ у Яузскихъ воротъ, повыше, у Воронцова поля, раскинулся казацкій лагерь Заруцкаго, за Покровскими воротами потянулся таборъ князя Трубецкаго. Постоянно подходившіе отряды изъ разныхъ русскихъ городовъ становились каждый своимъ полкомъ и охватывали московское пепелище широкимъ полумѣсяцемъ, черезъ рѣчку Неглинную до Тверскихъ воротъ и до Трубы.

Лукьянъ ѣздившій какъ-то разъ вдоль линіи лагерей вернулся въ восхищеніи.

— О, Господи, велика собралась сила земская! говорилъ онъ.—Кого только тутъ нѣтъ! Изъ Мурома народъ, изъ Нижняго, изъ Суздаля, изъ Владиміра, Костромы, Ярославля, Вологды!.. Тутъ и Кашинцы, и Бѣжичане, и Угличане. Тутъ и съ монастырей и съ земли даточные люди. Подвалили заволжскіе мужики. А у Петра-чудотворца, да у Никиты-мученика поставленъ пушечный снарядъ и по городу палятъ. Ну, толку большаго хоть и нѣтъ, а все же... И-и, много насъ!

Численность ополченія была дѣйствительно велика, но, къ сожалѣнію, эту силу подрывала рознь. Всякому послѣднему ратнику было извѣстно что главные военачальники не ладятъ другъ съ другомъ. На первомъ мѣстѣ между ними стоялъ Ляпуновъ; его таланты, энергія и широкая популярность во всей странѣ создали ему особенное положеніе. Но выдающееся положеніе Ляпунова не могло не мучить его товарищей завистію. Притомъ тріумвиры представляли собою людей весьма различнаго умонастроенія. Ляпуновъ, земскій человѣкъ, хотѣлъ задавить гидру смуты терзавшей столько лѣтъ Русскую землю, изгнать иноземцевъ и возстановить нарушенный порядокъ жизни, прежній государственный укладъ, съ царемъ, съ боярскою думой, съ приказными, съ служилымъ людомъ и прочими орудіями „держанія земли.“ Заруцкій же проникнутъ былъ наклонностію къ казацкой волѣ разбалованной просторомъ междуцарствія. Къ нему примыкалъ и князь Трубецкой, человѣкъ съ блѣднымъ нравственнымъ обликомъ, но привыкшій путаться

по таборамъ самозванцевъ и обходиться безъ стѣснительныхъ барьеровъ правильнаго общественнаго порядка.

Не смотря на взаимный антагонизмъ, тріумвиры правили не только войскомъ, но и всею страной; отъ нихъ шли всѣ указы и государственныя распоряженія, къ нимъ притекали всѣ отчеты и челобитья.

Духъ розни коренившейся въ высшихъ сферахъ проникалъ и всю рать. Казаки и вообще люди склонные къ вольной гульбѣ косились на земскихъ людей, какъ косится конь на человѣка подходящаго къ нему съ уздой въ рукахъ. Земцы въ свою очередь хмурились на своевольство казаковъ, а иногда по слабости человѣческой и завидовали, видя ихъ поживу и нюхая запахъ жирной снѣди несшійся отъ ихъ костровъ. Въ лагеряхъ постоянно вспыхивали шумы, ссоры и драки. Но въ военномъ дѣлѣ всѣ выступали заодно сѣтуя на незначительность стычекъ.

Война, въ самомъ дѣлѣ, ограничивалась долгое время только тѣмъ что наши подстерегали мелкія партіи высылаемыя изъ Кремля польскимъ гарнизономъ за провіантомъ и фуражомъ. Но вотъ однажды, въ половинѣ апрѣля, Поляки вывели въ поле большой отрядъ. Наши полки тотчасъ же выступили впередъ покрывъ широкое пространство лѣсомъ копій. Ударили въ литавры и набаты. Русскіе гарцовщики тучей понеслись на непріятеля.

Лукьянъ съ товарищами стоялъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, на пригоркѣ поросшемъ рѣдкимъ кустарникомъ. Противъ этого фланга направлялась колонна нѣмецкой пѣхоты. Ея ряды сверкая алебардами подвигались стройнымъ шагомъ. Наши уже готовились встрѣтить колонну выстрѣлами. Лукьянъ хлопотливо снаряжалъ свою пищаль, а Иванъ нервно перебиралъ стрѣлы. Но Нѣмцы остановились и сдѣлавъ поворотъ отошли назадъ. Трудно было понять почему пѣхота уклонилась отъ боя; можетъ-быть, она встрѣтила на пути болото, а можетъ-быть, просто, поспорили между собою польскіе полковники.

Въ это время половина русскихъ гарцовщиковъ налетѣла на польскія хоругви. Испытанные во многихъ бояхъ рыцари выдержали натискъ и въ свою очередь плотными желѣзными рядами пошли въ атаку. Русскіе конники послѣ недолгаго сопротивленія опрокинулись назадъ. Безпорядочною толпой давя другъ друга они ринулись къ кустамъ лѣваго фланга рискуя поставить себя подъ ударъ нѣмецкой пѣхоты.

Зоркій взглядъ Ляпунова замѣтилъ рискованность положе-

нія и воевода немедля понесся далеко опережая свиту къ отступавшей конницѣ. Онъ что-то кричалъ ей громкимъ голосомъ, но испуганные люди мчались сломя голову. Вихремъ проскакали они мимо кустовъ, а за ними на коняхъ подморенныхъ безкормицей показались передовые изъ польской хоругви. Такимъ образомъ Ляпуновъ очутился въ промежуткѣ между отступавшими гарцовщиками и приближавшимися рыцарями.

— Андрюша, гляди! крикнулъ Иванъ своему товарищу.

Они сейчасъ же пустили коней. Но на пути попалась грязная канава, и лошадь Андрея закинувшись помчалась въ сторону. Копчикъ не побоялся препятствія. Не дозволяя себѣ благороднаго прыжка, онъ сползъ по-мужицки въ ровъ и брызгая грязью выбрался на ту сторону. Было какъ разъ время. Два польскіе гусара настигали Ляпунова, такъ что онъ долженъ былъ обнажить свою воеводскую саблю. Иванъ вихремъ налетѣлъ на гусаръ и сильнымъ ударомъ сабли ссадилъ одного съ сѣдла, но другой воспользовался моментомъ и направилъ пику въ Копчика. Добрый конекъ взвился на дыбы и рухнулъ на землю, но Иванъ успѣлъ схватить гусара за ремень шелома и увлекъ его въ своемъ паденіи. Въ одно мгновеніе справившись съ врагомъ онъ поднялся на ноги. Ляпуновъ внимательно взглянулъ на Ивана и сказалъ:

— Я тебя помню... Изъ полка Плещеева!

Съ этими словами онъ повернулъ коня и ударяя плетью о серебряныя литавры придѣланныя за сѣдломъ поскакалъ къ своимъ войскамъ которыя словно потокъ прорвавшій плотину хлынули на Поляковъ поспѣшно дававшихъ хребетъ.

Иванъ между тѣмъ уже не слѣдилъ за ходомъ битвы. Онъ присѣлъ на корточки возлѣ неподвижно вытянувшагося Копчика и горевалъ. Онъ оплакивалъ свое единственное сокровище, милаго, вѣрнаго конька, стараго друга своего сиротливаго одиночества...

Возвращался въ лагерь Иванъ съ пѣшею частію своего отряда. Всѣ шли возбужденные сраженіемъ, хохотали надъ „пучками“, умилялись великости русской рати и прославляли на всѣ лады Ляпунова, этого бодреннаго воеводу который, словно левъ рыкая, скакалъ по всѣмъ полкамъ и всюду поспѣвалъ. Одинъ только Мартынъ опустивъ голову и размахивая руками ворчалъ про себя:

— Чтò и говорить, куда ни глянь, вездѣ Прокопій... Всюду головой выше всѣхъ, вездѣ всѣхъ учитъ, направляетъ, на

всѣхъ кричитъ, всѣ не по немъ дѣлаютъ... Это будто и неладно. Ежели ты въ правду земскій человѣкъ, такъ ты людей не топчи и самъ не высовывайся. Живи общею думкой, общею радостію и кручиной. А то все: я, да я! Вы всѣ де слуги моего дѣла. Анъ дѣло не твое, а общее, и ты поставленъ въ середку чтобъ общій стягъ держать. Ты и держи его перекрестясь чинно. И въ сѣчи, чего молодечествовать зря? Ты не скачи безъ памяти, а скромненько веди рать... А то что̀ жь такъ-то выкручиваться особнякомъ! Ну и поглазѣютъ люди, поахаютъ, а тамъ, глядишь, сохрани Господи, попыхтѣлъ, посверкалъ, да и лопнулъ!..

XII.

Послѣ описаннаго сраженія жизнь ополченія вернулась въ обычную колею. Ратники проводили время въ томительной праздности; въ казацкомъ лагерѣ однако замѣчалось постоянное веселое оживленіе. Казаки безпрестанно куда-то отлучались и возвращались обремененные всякой добычей. По вечерамъ отъ ихъ костровъ разносились звуки музыки, крикъ и пѣніе, причемъ въ пьяныхъ хорахъ слышались и визгливые голоса женщинъ.

Часто Русскіе ходили въ сожженные нейтральные кварталы Бѣлаго города. Между прочимъ тамъ среди пожарища сохранялся обширный соляной буянъ который привлекалъ и Русскихъ и Поляковъ.

Какъ-то разъ къ партіи шедшей за солью пристали Никита и Иванъ. Предпріятіе было исполнено успѣшно, люди съ мѣшками отправились въ лагерь, но Никита соблазнилъ Ивана пошарить по уцѣлѣвшимъ подваламъ.

— Пойдемъ поищемъ, говорилъ онъ, — можетъ что̀ найдемъ. Какъ знать? Никогда не знаешь гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь...

Выбравъ подвалъ побольше размѣрами они спустились въ него черезъ сорванныя съ петель двери. Къ сожалѣнію, ожиданія не оправдались. Въ обширномъ полутемномъ помѣщеніи погреба среди пыли и паутины лежали только разбитые боченки и ящики. Никита жадно рылся въ хламѣ возбуждая въ товарищѣ неудержимый смѣхъ.

— Ты бы набралъ, Никитушка, щепочекъ, говорилъ Иванъ,—пригодятся костеръ разжечь.

— А ты что̀ думаешь, отвѣчалъ Никита,—оно, конечно,

щепка не важное дѣло, а какъ иной часъ она нужна бываетъ!

Не успѣлъ онъ произнести этихъ словъ, какъ по лѣстницѣ застучали шаги и въ отверстіе двери заглянула голова съ длинными усами. Замѣтивъ что въ подвалѣ есть люди, голова тотчасъ же исчезла и ступеньки затрещали подъ быстрымъ топотомъ ногъ. Наши бросились вслѣдъ и увидѣли развѣвающіеся рукава на жупанѣ убѣгавшаго Поляка. Добѣжавъ до стѣны полуразвалившейся церкви Полякъ присѣлъ; наши спрятались за ближайшую печь сгорѣвшаго дома. Обѣ стороны выглядывали другъ на друга изъ своихъ засадъ. Черезъ нѣсколько минутъ послышался голосъ Поляка:

— Чтò, много нашли! Гультаи!

— Молчи, пучекъ, пока живъ, полетѣло въ отвѣтъ съ нашей стороны.

— Мы всю Москву вашу очистили. Жемчугомъ вашимъ изъ мушкетовъ стрѣляли.

— Эхъ, лысая голова, искренно возмутился Никита,— умнѣе ничего не придумали, жемчугомъ палить! Дать бы вамъ ума съ задняго двора!

— Мы и лагерь вашъ разнесемъ. Какъ придетъ наияснѣйшій гетманъ, такъ и будетъ вамъ карачунъ! Дали Бугъ такъ!

Замѣтивъ что у нашихъ нѣтъ ружей Полякъ насмѣлился, поднялся изъ-за стѣны, подвинулъ шапку на ухо и ораторствовалъ взявшись руками въ бока.

Иванъ быстро изготовилъ лукъ и въ ту же минуту стрѣла сбила съ задорнаго воина шапку. Неожиданное событіе такъ поразило Поляка что онъ бросился бѣжать безъ оглядки.

— Пойдемъ и мы, сказалъ Иванъ.

— Погоди, возразилъ Никита.—Зачѣмъ добру пропадать даромъ.

Онъ поднялъ непріятельскую шапку, стряхнулъ ее и сунулъ за пазуху. Затѣмъ они отправились домой, мѣстами зажимая носъ отъ тяжелаго смрада и отгоняя съ дороги собакъ которыя копошились у разлагающихся человѣческихъ труповъ.

Въ тотъ же день, поздно вечеромъ, вся компанія, за исключеніемъ Андрея, собралась у костра. Въ котелкѣ варился кулешъ подъ надзоромъ Мартына.

— Подкинь сальца-то, сальца, сказалъ ему лежавшій тутъ же Лукьянъ.

— Да побольше, подхватилъ Власъ,—у казаковъ теперь навѣрно свинину или баранину поджариваютъ.

— Ну, то и труженики зато, промолвилъ Лукьянъ.— Мы вотъ лежимъ на боку, а ихъ половины нѣтъ въ таборѣ, все по деревнямъ да по дорогамъ хлопочутъ.

— А вотъ ихъ Прокофій подберетъ къ рукамъ, замѣтилъ Никита.

Всѣ замолчали. Свѣжая безвѣтреная ночь мигала звѣздами. Въ тихомъ воздухѣ рокотала словно шумъ далекаго моря жизнь большаго лагеря. Тамъ и сямъ перекликались часовые. Изъ-за бѣлой стѣны доносился вой собакъ. Отъ костра падалъ свѣтъ тѣснымъ кругомъ за которымъ мракъ казался совершенно чернымъ. Вдругъ въ полосу свѣта вступили двѣ фигуры. Одна изъ нихъ человѣкъ съ длинными волосами, въ темномъ рваномъ кафтанѣ до пятъ, другой запорожскій казакъ, еще молодой, съ гордымъ, но удивительно безсмысленнымъ видомъ.

— Съ нами крестная сила! воскликнулъ Лукьянъ приподнимаясь.—Чтò за люди? Чего надо?

— Хорошо-бъ кабы люди были, сказалъ Власъ,—а тутъ дѣло не безъ нечистаго.

— Прошу гостепріимства, люди добрые, промолвила странная фигура.

Получивъ разрѣшеніе неизвѣстный сѣлъ къ огню и продолжалъ:

— А чтò вы говорите про нечистаго, то отъ суевѣрія. Пустыя нараціи вы пріемлете въ серьезъ, а потому ваши конклюзіи чтò пальцемъ въ небо.

— Чуднò говоришь, человѣче, замѣтилъ Лукьянъ. — Ты изъ какихъ будешь? Цыцарецъ ли, Ляхъ, Нѣмецъ или Скотъ?

Лукьянъ, очевидно, перечисляя націи хотѣлъ щегольнуть своею бывалостію.

— Не Ляхъ я и не Скотъ, отвѣчалъ незнакомецъ, — а русской земли я человѣкъ и зовутъ меня Симеономъ Небійбатько. Говорю же складно потому что обучался во многихъ школахъ не только въ Кіевѣ, но и за рубежомъ. А въ училищахъ письмена благочестія пишутся на гладкихъ скрижаляхъ естества человѣческаго, исполинское укрощается дерзновеніе, циклопская смягчается жестокость.

— Съ твоею бы ученостію попомъ быть, сказалъ Лукьянъ.

— Не можетъ! промолвилъ вдругъ молча стоявшій запорожецъ.—До килишка склоненъ, а какъ выпьетъ, и пойдетъ плюндровать.

— Наученіе великое дѣло, продолжалъ Симеонъ не обра-

тивъ ни малѣйшаго вниманія на казака. — И свинья ученая дороже человѣка не ученаго.

— Ври больше! крикнулъ Власъ.

— Чтò вы за существа! невозмутимо говорилъ Симеонъ. — Всю жизнь вашу слѣпотствуете въ ночи невѣжества. Глядите вокругъ себя и ничего не видите. Взираете на небо звѣздное и его не знаете.

— А ты знаешь? спросилъ Никита.

— Я знаю. Небеса суть троякія. Сперва небо эмпирейное, престолъ Божій, пространствомъ сто тысячъ миль. Второе небо кристальное, а третье твердь гдѣ водружены звѣзды и планеты. Небо есть тѣло чистое, естествомъ простѣйшее и тончайшее, по качеству свѣтло, прозрачно и безцвѣтно. Звѣзды образомъ круглы, по количеству многочисленны, по виду кажутся малы, производятъ ведро и ненастіе. Самая малая звѣзда въ восемьдесятъ разъ больше земли. А земля ниже всѣхъ стихій, черна, тяжела, кругла, мать плодовъ, питательница звѣрей, зданій основаніе, мертвыхъ пріятелище, всего міра кентръ. Внутри ея адъ, и терзается она трусомъ отъ замкнутыхъ въ ней духовъ.

— Хорошо ли ты небо-то измѣрилъ? спросилъ Лукьянъ.— Слазить бы съ тобой туда, провѣрить, да не досужно.

— Ловко у тебя, братъ, всѣ промѣры сдѣланы, подхватилъ Власъ, — а не знаешь ли, почтеннѣйшій, сколько лѣтъ сатана низверженный въ бездну летѣлъ?

— Невѣжественные, надъ чѣмъ смѣетесь? Надъ невѣжествомъ своимъ глумитесь. Ибо то чтò я сказалъ есть наука, и къ той наукѣ пойдутъ въ наученіе дѣти ваши и дѣти дѣтей вашихъ.

— О, Господи! пробормоталъ Власъ.

— По невѣжеству вашему вся страна ваша отдѣляется отъ зарубежныхъ странъ какъ ночь ото дня.

— Неужели жь за рубежомъ все такъ ладно? спросилъ Лукьянъ.

— Тамъ солнце сіяетъ и люди какъ ангелы свѣтлы.

— Ну и врать же ты, братъ, поперекъ себя толще! воскликнулъ Лукьянъ.

— Кабы тебѣ все это домой на себѣ нести! подхватилъ Власъ.

— Говоришь ангелы свѣтлы! продолжалъ Лукьянъ. — Видали мы ангеловъ тѣхъ! Много ихъ понабралось къ намъ: въ винѣ и во всякой скверне съ головой тонутъ?.. Вотъ

строй воинскій знаютъ, это вѣрно. Что̀ правда, то правда. И въ воинскомъ и во всякомъ дѣлѣ надобно знать что̀ и какъ. Темный человѣкъ куда же годенъ? Неоперенная стрѣла въ бокъ летитъ.

— Пойдете вы къ тѣмъ зарубежнымъ людямъ на поклонъ, невозмутимо продолжалъ Симеонъ,—и обычаевъ своихъ устыдитесь, и примете отъ тѣхъ людей лозу наученія.

— Что̀ говоритъ только? не выдержалъ Мартынъ.—Гдѣ же это видано чтобъ обычаевъ своихъ стыдиться? И пословица есть: что̀ край то обычай, что̀ народъ то и вѣра... Ты погляди, всякая комашка и та копошится по-своему, по-своему славитъ Создателя. Пойди въ лѣсъ весною, то-то щебетъ, свистъ и пѣніе! И каждая птаха поетъ на свой ладъ. Отъ того и звенитъ лѣсъ этакимъ радостнымъ хоромъ, а не то чтобъ всѣ въ одну свистульку свистѣли. А ты говоришь устыдитесь! Какъ же это будетъ по-твоему? Станемъ мы, значитъ, лицомъ къ рубежу и что̀ тамъ дѣлается, то и мы себѣ. Тамъ думу думаютъ, дѣло дѣлаютъ, и мы какъ малолѣтки, вслѣдъ. Тамъ рѣчи говорятъ, а мы подговариваемъ, тамъ пѣсни поютъ, а мы подплясываемъ. Эхъ, человѣче, нешто не знаешь что подъ всяку пѣсню не подпляшешь. Стыдно подплясывать-то, да и не всегда ладно. Былъ въ деревнѣ такой-то вотъ дурачекъ что̀ по своему разуму жить не могъ, а все къ умнымъ людямъ лѣзъ чтобъ научили. Ну, умные люди и говорятъ: коли ты, дуракъ, увидишь гдѣ горитъ, хватай скорѣй ведерко и заливай. Хорошо. Идетъ разъ дуракъ и видитъ мужики свинью палютъ. Онъ и давай заливать. Много бою тутъ дуракъ принялъ.

И Мартынъ разказалъ всю сказку.

— Да что̀ тутъ, поддержалъ Власъ,—никакъ невозможно отъ своего обычая отстать. Безъ корня и полынь не ростетъ. А кто на свое плюетъ, тому мало чести. Худа та птица которая свое гнѣздо мараетъ.

Но Симеонъ продолжалъ упрямо повторять:

— Примете лозу наученія.

— Ну, другъ, надоѣлъ, сказалъ Лукьянъ,—пошелъ бы ты себѣ съ Богомъ.

— А нѣтъ ли у васъ питія, меду ли, вина? спросилъ Симеонъ.

— У насъ, милый, не казацкій таборъ, отвѣчалъ Власъ,— поди-ка ты далѣ гдѣ былъ давѣ.

— Идемъ, дѣдуню, поднялъ своего товарища запорожецъ.

— Кого-кого не перевидишь на свѣтѣ! сказалъ Лукьянъ зѣвая когда обѣ фигуры исчезли въ темнотѣ.

— Въ одномъ ополченіи нашемъ какого только народа нѣтъ! замѣтилъ Власъ.—И земскіе люди, и хохлы, и казаки, есть мурзы татарскіе, а вотъ теперь и этакій еще выискался... русскій цыцарецъ.

— Хорошо что Андрея тутъ не было, прибавилъ Иванъ,— онъ бы ему надавалъ...

При этихъ словахъ къ костру быстрыми шагами подошелъ Андрей.

— Ну, вотъ, засмѣялся Лукьянъ,—про волка рѣчь, а онъ навстрѣчь.

Андрей присѣлъ у огня и тотчасъ обратился къ товарищу:

— Вотъ что̀, Иванушка, собирайся, пойдемъ въ одно мѣсто.

— Куда еще на ночь глядючи? возразилъ Иванъ.

— Пойдемъ. Тутъ недалечко въ избѣ люди гуляютъ. Музыка, поютъ, пляшутъ... И что̀ въ правду? Люди гуляютъ, а мы сидимъ словно пеньки въ лѣсѣ. Пойдемъ.

Иванъ упирался, но Андрей поставилъ на своемъ.

Долго шагали они при слабомъ мерцаніи звѣздъ, спотыкаясь и скользя по весеннимъ лужамъ. Направо тянулось черное поле, налѣво чуть бѣлѣла стѣна. Въ далекомъ Кремлѣ теплился огонекъ.

— Можетъ, огонекъ тотъ въ Чудовомъ горитъ, патріархъ-батюшка молится, замѣтилъ Иванъ.

— Сохрани, Господи, праведника, отвѣчалъ Андрей.—Велика сила праведника! Слыхалъ я, былъ такой городъ, во грѣхахъ совсѣмъ загнилъ, и хотѣлъ Господь его вовсе съ лица земли снять. Анъ въ томъ городѣ отыскался праведникъ. Поглядѣлъ на него Господь, поглядѣлъ, да и помиловалъ городъ, а городъ тотъ потомъ голоса своего праведника послушался и покаялся.

Ведя благочестивую бесѣду о праведникахъ, пріятели, по молодости лѣтъ, внимательно прислушивались къ визгливымъ звукамъ смыки, несшимся изъ избушки которая открылась передъ ними за пригоркомъ. Они тихонько подкрались и заглянули въ свѣтившееся оконце. Въ избѣ было человѣкъ пять-шесть казаковъ и двѣ женщины. На столѣ стояли оловянники съ ковшами, двое казаковъ пилили смыками по скрипкамъ держа ихъ стоймя, а одинъ старый казакъ, сильно пьяный, плясалъ по срединѣ избы на общую потѣху. Взглянувъ

на женщинъ Иванъ сейчасъ же призналъ ихъ; это были тѣ самыя которыя освободили его изъ польскаго полона.

Наши вошли въ избу и поздоровались на всѣ стороны. Казаки встрѣтили ихъ довольно радушно, наполнили ковши крѣпкимъ медомъ, а плясавшій старикъ-запорожецъ поглядѣлъ оловянными глазами и промолвилъ:

— Идите, хлопцы, идите, погуляйте съ нами... А мы тутъ танцюемъ соби.

Онъ опустился на лавку и задремалъ.

— Дуня, крикнула маленькая черноглазая женщина указывая на Ивана,—а вѣдь это постникъ нашъ!

— Я давно вижу, отвѣчала Дуня,—игуменъ...

Между тѣмъ Андрей знакомился съ казаками, выпивалъ ковши, заговаривалъ съ дремавшимъ старикомъ, пробовалъ скрипки, словомъ, поворачивался какъ добрый воръ на ярмаркѣ. Затѣмъ онъ подошелъ къ женщинамъ, сѣлъ между ними на лавкѣ, говоря:

— Эхъ, давно я съ бабами не разговаривалъ!

— Садись и ты, что̀ стоишь, сказала Дуня Ивану.

Иванъ застѣнчиво подсѣлъ рядомъ и спросилъ:

— Значитъ, вы Ляховъ тѣхъ бросили?

— Бросили, ну ихъ! отвѣчала Дуня.—Надоѣли. Народъ они, надо правду сказать, помягче нашихъ. Ни чтобы тебѣ въ зубы, ни что такое, а все жь чужіе они. Лопочутъ по-собачьи, надо всѣмъ нашимъ издѣваются, молятся не по-людски. Ну ихъ!.. Да ты что̀ же сидишь словно пѣтухъ на насѣсти?

Дуня ласково хлопнула Ивана по плечу, но тотъ продолжалъ конфузливо поджиматься, не смотря ни на какіе авансы. Зато Андрей проявилъ кипучую предпріимчивость.

— Что̀ Ляхи! покрикивалъ онъ.—То ли дѣло нашъ братъ, русачекъ!

Казаки начали, наконецъ, коситься.

— Ты, братъ, какъ Татаринъ ввалился сюда, сказалъ одинъ изъ нихъ.—И сѣчешь, и рубишь, и въ полонъ берешь.

— Разобрался не въ мѣру, проворчалъ другой.

— А у насъ вотъ какъ поступаютъ! воскликнулъ третій и хотѣлъ нанести Андрею ударъ здоровеннымъ кулакомъ.

Андрей уклонился, проскочилъ подъ столомъ и выхвативъ саблю крикнулъ:

— Иванушка, не выдавай!

Иванъ тотчасъ же поднялъ тяжелую скамью и размахнулся. Произошла горячая сшибка. Отбиваясь и пятясь назадъ наши вышли за порогъ избы. Тутъ еще долго продолжалась свалка, не привлекая ничьего посторонняго вниманія, потому что шумъ и драки были обычнымъ явленіемъ въ подмосковномъ лагерѣ. Наконецъ, нашимъ удалось отбиться и они побѣжали домой.

— Полоснулъ-таки меня одинъ, сказалъ на бѣгу Андрей.

— Ну! тревожно отозвался его товарищъ.

Возвратившись къ своему костру, они застали кругомъ глубокій сонъ.

— Вернулись, гуляки? пробормоталъ Власъ полуоткрывъ глаза.

— Вернуться-то вернулись, да неблагополучно, отозвался Андрей.

— Чтò такъ? воскликнулъ Власъ и приподнялся.

— А вотъ погляди.

Андрей приблизился къ огню и показалъ лѣвый рукавъ весь пропитанный кровью.

— Эхъ, ма! проворчалъ Власъ снимая съ товарища кафтанъ и разсматривая руку.

— Вотъ чтò, сказалъ онъ,—сейчасъ мы руку твою обмоемъ и перевяжемъ, а потомъ я обѣгаю тутъ къ одному человѣку, онъ тебѣ помощь дастъ.

Власъ проходилъ около часа и вернулся ведя за собою маленькаго старичка въ сермяжномъ зипунѣ. Старикъ блестя изъ-подъ нависшихъ бровей маленькими глазами величаво подошелъ, осмотрѣлъ пораненную руку и спросилъ сурово, точно гнѣваясь:

— Какъ звать? Звать какъ?

Затѣмъ онъ сталъ на востокъ и началъ говорить:

— Конь младъ, человѣкъ старъ, ты, руда, стань, больше не капь у раба Божьяго Андрея.

Проговоривъ это старикъ завязалъ рану, повернулся молча и исчезъ въ темнотѣ.

XIII.

До сихъ поръ ополченіе стояло совершенно безпечно. Кругомъ лагерей лишь кое-гдѣ разставлялась стража, и то далеко не недремлющая. Но теперь рать зашевелилась и начала обры-

ваться рвомъ и огораживаться частоколомъ. Причина взятыхъ предосторожностей заключается въ томъ что съ поля подвигался Янъ Сапѣга. Этотъ польскій кондотьери сталъ у Дѣвичьяго монастыря и долгое время велъ двойную политику. Сначала онъ завязалъ тѣсныя сношенія съ воеводами ополченія и притворялся ихъ другомъ. Когда кремлевскій гарнизонъ сдѣлалъ сильную вылазку чтобы вовлечь своего соплеменника въ битву съ Русскими, Сапѣга послалъ строгое приказаніе Полякамъ вернуться обратно. Очень можетъ быть что смѣлый витязь грабежа имѣлъ виды на московскій тронъ. Подобные замыслы не могутъ насъ удивить, потому что въ то несчастное время разные Петрушки и прочія сомнительныя личности, „едва не изъ Жидовъ", наперерывъ другъ передъ другомъ протягивали руки къ священной шапкѣ Мономаха... Разочаровавшись въ своихъ надеждахъ Сапѣга примкнулъ къ Гонсѣвскому, постоялъ подъ Москвою и ушелъ на свою любимую работу: грабить русскіе города и волости.

Пользуясь уходомъ врага ополченіе рѣшило сдѣлать приступъ на осажденный городъ. Всю ночь 31 мая рати провели въ волненіи сборовъ и за часъ до разсвѣта двинулись впередъ. Глухо рокочущею волной приливали толпы воиновъ къ стѣнамъ погруженнымъ въ тишину глубокаго сна. Низкій узкій мѣсяцъ на ущербѣ бросалъ слабый отблескъ на панцыри, шишаки и копья.

Передъ отрядомъ нашихъ знакомцевъ высилась чернымъ силуэтомъ широкая башня. Подставили принесенныя лѣстницы и народъ устремился по нимъ.

— Не отставай, Иванушка, проговорилъ Андрей карабкаясь одинъ изъ первыхъ.

Въ двѣ минуты люди были уже наверху. Въ темнотѣ башни заметались какія-то вскочившія фигуры, послышались крики испуга, лязгъ желѣза, стонъ и хрипѣніе. Башня быстро была взята. Подоспѣвшій начальникъ отряда распоряжался перетаскиваніемъ пушекъ на другую сторону стѣны и посылалъ за взятыми изъ лагеря мѣшками пороха. Среди этой суеты воины не замѣтили какъ по узкой стѣнѣ, гуськомъ, подбѣгали Поляки. Собравшись въ достаточномъ числѣ Поляки бросились на нашихъ, оттѣснили ихъ и заняли башню. Приходилось штурмовать сначала.

— Ну, тутъ управятся безъ насъ, сказалъ Андрей,—пойдемъ поищемъ гдѣ веселѣе.

Сбѣжавъ по внутренней насыпи товарищи пошли вдоль

стѣны. Приступъ шумѣлъ уже со всѣхъ сторонъ. Поляки захваченные врасплохъ суетились впопыхахъ. Нѣкоторые изъ нихъ спѣшили надѣвать доспѣхи почти подъ оружіемъ враговъ. Иванъ видѣлъ стараго, тучнаго воина который съ вытаращенными глазами старался затянуть на себѣ ремень кольчуги; ему разсѣкли голову раньше чѣмъ онъ успѣлъ застегнуть крючекъ... Хоругви одна за другою развертывали фронтъ чтобы задержать напоръ русскихъ. Но, собранныя коекакъ, малочисленныя, человѣкъ по двадцати, по тридцати въ каждой, онѣ тотчасъ же изнемогали и обращались въ бѣгство. Повсюду переливались массы нашихъ ратниковъ, словно взбаломученное море гигантской нивы, каждымъ колесомъ которой являлось озвѣрѣлое лицо. Повсюду, въ сѣрой утренней мглѣ, виднѣлись судорожно искривленные трупы, пятна крови и прочіе атрибуты войны, банальные въ словесномъ описаніи, но полные трагизма въ дѣйствительности...

Поляки отступали по всѣмъ пунктамъ. Гордые рыцари и пылкіе оруженосцы соперничали въ быстротѣ бѣга въ кремлевскихъ воротахъ. Кому не удавалось добѣжать, тотъ падалъ убитымъ или сдавался въ плѣнъ... Раза два до ушей Ивана доносился откуда-то зычный голосъ Ляпунова.

Андрей съ товарищемъ подошелъ къ Никольскимъ воротамъ. Тутъ оборонялась нѣмецкая пѣхота встрѣчая атакующихъ градомъ пуль. Но вскорѣ выстрѣлы прекратились. Разстрѣлявъ заряды Нѣмцы бросали сверху кирпичи и камни. Однимъ изъ этихъ камней ушибло ногу Андрея. Удалецъ, тѣмъ не менѣе, не отставалъ отъ другихъ и нахрамывая, ломился впередъ. Послѣ недолгой горячей сѣчи со стѣны начали сходить, съ закрученными назадъ руками, нѣмецкіе жолнеры. Ихъ погнали ударами копейныхъ древковъ въ лагерь, и кремлевскій гарнизонъ въ безсильной ярости смотрѣлъ изъ-за своихъ укрѣпленій на это плачевное зрѣлище.

Въ рукахъ Поляковъ оставалась теперь только одна пятиглавая башня на углу Бѣлаго города у Москвы-рѣки. Когда туда прибѣжали неразлучные Иванъ и Андрей, то увидѣли, въ свѣтѣ первыхъ лучей солнца, цѣлыя толпы ратниковъ обступившихъ башню на почтительномъ разстояніи. Среди гущеры копій мелькала конная фигура Ляпунова.

— Чтò же вы столпились какъ бараны! гремѣлъ онъ.— Всю стѣну очистили, весь городъ по самый Кремль захватили, а тутъ уперлись!

— Никакъ не способно, воевода, оправдывались ближай-

шіе воины,—ихъ тамъ сотъ пять засѣло. Такъ огнемъ и полыхаютъ.

Всѣ кричали, волновались, грозно потрясали оружіемъ, но подступиться къ башнѣ никто не рѣшался. Ляпуновъ ворча проклятія соскочилъ съ коня и хотѣлъ лично вести на приступъ, когда къ нему протискался какой-то человѣкъ весьма воинственнаго вида.

— Бояринъ, сказалъ онъ, — подъ башней той, въ нижнемъ ярусѣ, гранаты и снаряды сложены. Подпалить бы въ самый разъ.

— А ты почему знаешь? спросилъ Ляпуновъ.

— Я знаю, я тутошній.

— Да подпалить-то какъ? Ярусъ глухой, вонъ одно оконце малое въ немъ, замѣтилъ воевода.

— Стрѣлу, ребята, стрѣлу пустить! заговорили вдругъ въ толпѣ.

Услышавъ этотъ говоръ Иванъ сейчасъ же оторвалъ кусокъ сукна отъ своего кафтана, обернулъ имъ стрѣлу, высѣкъ огня и натянулъ лукъ. Дымящійся уголекъ взвился по направленію къ башнѣ и исчезъ въ темномъ квадратѣ окна. Всѣ примолкли въ ожиданіи, а Иванъ тѣмъ временемъ изготовилъ и пустилъ вторую стрѣлу. Нѣсколько минутъ спустя въ основаніи башни послышался глухой стукъ и изъ оконца повалили клубы дыма. Толпа ратниковъ огласилась восторженнымъ воплемъ, а на верху башни, за зубцами, начали въ ужасѣ метаться несчастные осажденные. Имъ не оставалось спасенія. Прибѣгая къ послѣднему средству они стали спускаться по веревкамъ къ рѣкѣ, но тутъ ихъ ожидали безпощадные копья и сабли...

Проѣзжая мимо Ивана Ляпуновъ придержалъ лошадь и сказалъ:

— Опять ты?.. Ну, вотъ чтò: приходи завтра въ мой дворъ, будешь служить при мнѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

К. Ярошъ.

ПЯТНО.

РАЗКАЗЪ СТАРАГО ОФИЦЕРА.

Площадь передъ соборомъ скромнаго тихаго города П. съ утра была оживлена. У воротъ соборной ограды стоялъ катафалкъ запряженный шестеркой подъ черными попонами скрывавшими видъ заморенныхъ и разбитыхъ на всѣ ноги лошадей. У катафалка толпились скучающіе прислужники въ фантастическихъ траурныхъ костюмахъ неловко сидѣвшихъ на плечахъ и видимо стѣснявшихъ людей, быть-можетъ, первый разъ облачившихся въ нихъ. Прямо передъ соборомъ стояла воинская команда выставившая передъ собой свои ружья. На правомъ флангѣ помѣщались музыканты, а на лѣвомъ двѣ запряженныя пушки возлѣ которыхъ сидѣли и стояли въ разнообразныхъ позахъ солдаты. Передъ строемъ офицеры собравшись въ кучку вели неоживленный разговоръ изрѣдка посматривая на соборъ. За солдатами вплоть до тротуаровъ и на самихъ тротуарахъ стоялъ народъ ожидавшій предстоящей церемоніи.

Воинская команда расположенная на площади призвана была отдать останкамъ сослуживца послѣднія воинскія почести, а собравшійся народъ привлекало рѣдко повторяющееся зрѣлище которое своею трогательною торжественностью всегда собираетъ большую толпу.

Апрѣльское солнце съ чистаго весенняго неба мирно освѣщало эту картину.

Въ соборѣ шло отпѣваніе скончавшагося подполковника Андрея Леонидовича Хмарина. Около гроба стояло нѣсколько офицеровъ, нѣсколько дамъ и много любопытныхъ, и во всемъ этомъ собравшемся у гроба обществѣ не видно было ни одного

лица особенно грустнаго, отражающаго послѣднюю молитву за близкаго, роднаго покойника.

На площадь изъ собора вышелъ молодой офицеръ и направился къ группѣ стоявшихъ передъ командой. Оттуда послѣдовало нѣсколько вопросовъ:

— Ну, что̀, скоро кончится?

— Сейчасъ будутъ выносить, отвѣтилъ прибывшій.

Всѣ засуетились. Командиръ сѣлъ верхомъ, солдаты разобрали ружья, артилеристы садились на коней, музыканты продували свои инструменты, толпа любопытныхъ придвинулась ближе къ солдатамъ.

Изъ собора двинулась процесія, выносили гробъ, съ колокольни раздался торжественный звонъ.

— Смирно! Слушай накраулъ! послѣдовала команда; солдаты щелкнули ружьями и выставили ихъ передъ собой цѣлымъ заборомъ штыковъ, музыка заиграла и торжественные звуки молитвы „Коль славенъ нашъ Господь“ мѣшались съ колокольнымъ звономъ.

Народъ обнажилъ головы.

Колыхаясь на плечахъ носильщиковъ закрытый гробъ, съ обнаженной шашкой и вѣнкомъ отъ сослуживцевъ на крышкѣ, приближался къ катафалку.

Вотъ гробъ установленъ на катафалкѣ, воинская команда перестроилась и процесія двинулась къ кладбищу подъ звуки похороннаго марша. Провожавшихъ гробъ было много: непосредственно за катафалкомъ шли товарищи и знакомые умершаго. Они глядѣли спокойно изрѣдка перебрасываясь фразами. Такъ и говорило все что провожаютъ гробъ больше по обязанности или изъ любопытства, а не по влеченію сердца.

Погребеніе произошло по установленному порядку: войска дали три прощальныхъ залпа, комья земли застучали о крышку гроба, скоро онъ исчезъ подъ свѣжимъ холмикомъ, и всѣ принимавшіе такъ или иначе участіе въ погребеніи мирно разошлись по домамъ уже почти забывъ того человѣка который ушелъ отъ нихъ туда, откуда нѣтъ возврата.

Новая могила осталась одинока въ ряду прочихъ, къ ней не придетъ ни одна скорбящая душа, на нее не прольется ни одна слеза близкаго роднаго человѣка.

Въ обычномъ явленіи природы, что былъ человѣкъ и нѣтъ его, нельзя найти ничего особеннаго, хотя къ этому явленію люди никакъ привыкнуть не могутъ; а вотъ удивительно что человѣкъ прожилъ пятьдесятъ лѣтъ и за эту довольно продолжитель-

ную жизнь не пріобрѣлъ ни друзей, ни близкихъ которые бы пожалѣли о смерти его, помянули его добрымъ словомъ, погоревали и хотя бы тяжелымъ вздохомъ напутствовали его въ могилу.

Хмаринъ умеръ не оставивъ послѣ себя ни одного пріятеля, ни одного друга, ни одного близкаго человѣка. Помянутъ его имя въ приказѣ по войску, исключатъ его изъ списковъ и забудется онъ навсегда...

А между тѣмъ Андрей Леонидовичъ когда-то былъ душею общества, желаннымъ гостемъ, любимымъ товарищемъ...

Окончивъ курсъ корпуса и военнаго училища Хмаринъ прибылъ офицеромъ въ армейскій полкъ въ которомъ совсѣмъ не было офицеровъ вышедшихъ изъ корпуса. Всѣ остальные офицеры прошли лишь юнкерское училище, а потому Хмаринъ занялъ въ полку привилегированное положеніе образованнаго офицера. Командиръ полка гордился имъ видимо и при всякомъ удобномъ случаѣ выдѣлялъ его, а товарищи сначала косились, но въ концѣ концовъ нашли во вновь прибывшемъ хотя и высшаго ихъ по образованію и воспитанію, но скромнаго внимательнаго члена полковой семьи, не кичившагося своимъ положеніемъ.

Красавецъ собой, находчиваго остраго ума, умѣвшій поддержать разговоръ какъ между стариками, такъ и молодежью, умѣвшій занять даже дѣтей, Хмаринъ по справедливости могъ назваться душой общества. Онъ приглашался всюду въ обществѣ наперерывъ, а отсутствіе его всегда замѣчалось.

Родители его жили далеко отъ города гдѣ стоялъ полкъ, и Хмаринъ навѣщалъ ихъ рѣдко, но къ нему какъ-то пріѣхала родная и единственная его сестра и обладая такими же качествами какъ и братъ сразу завоевала симпатіи молодежи между представителями которой скоро нашлись претенденты на ея руку и сердце. Здѣсь же она вышла замужъ за одного изъ товарищей Хмарина, и онъ такимъ образомъ имѣлъ въ П. и родную семью.

При многочисленности знакомыхъ Хмаринъ почти все свободное время проводилъ внѣ дома. Онъ считалъ своимъ долгомъ не отказывать приглашающимъ его и бывалъ въ гостяхъ часто. Однако, впослѣдствіи онъ началъ уклоняться отъ посѣщенія нѣкоторыхъ домовъ, такъ какъ не хватало времени посѣщать всѣхъ знакомыхъ. Къ тому же онъ началъ учащать свои посѣщенія семьи члена суда Клепаева имѣвшаго красивую 18-лѣтнюю дочь Соню.

Здѣсь Хмаринъ началъ бывать почти ежедневно, и пріязнь между молодыми людьми какъ-то незамѣтно перешла во взаимную страстную любовь.

Хмаринъ и Соня представляли изъ себя дѣйствительно такую парочку, глядя на которую нельзя было не радоваться. Все у нихъ подходило другъ къ другу, все такъ гармонировало что невольно думалось: Хмаринъ созданъ для Сони, а она для него. Казалось что счастье выпавшее на долю этихъ молодыхъ людей обезпечено надолго, и не можетъ найтись ничего такого что̀ могло бы прервать его.

Андрей Леонидовичъ сдѣлалъ предложеніе, получилъ согласіе Сони и благословеніе родителей ея, и всѣ начали готовиться къ свадьбѣ.

Хмаринъ торопилъ свадьбой, самъ Клепаевъ ничего не имѣлъ противъ ускоренія этого событія, но жена его нашла неудобнымъ торопиться и выговорила себѣ извѣстный довольно продолжительный срокъ для приготовленія приданаго.

Между тѣмъ насталъ ноябрь 1876 года и была объявлена мобилизація арміи и въ томъ числѣ и полку гдѣ служилъ Хмаринъ. Начали дѣятельно готовиться къ войнѣ, и рядомъ съ этимъ возникъ вопросъ: слѣдуетъ ли сыграть свадьбу до похода, или отложить до окончанія войны? Мнѣнія раздѣлились: Хмаринъ и Соня желали обвѣнчаться немедленно, причемъ она обѣщала слѣдовать за мужемъ въ качествѣ сестры милосердія; за то остальные члены семьи оказались противъ немедленной свадьбы, находя такой шагъ рискованнымъ и необдуманнымъ. Эта сторона приводила доводы что безрасудно разъединять молодыхъ тотчасъ послѣ свадьбы на неопредѣленное время, когда можетъ случиться несчастье и молодая жизнь будетъ загублена. Соня горячо защищала свое мнѣніе доказывая что она будетъ болѣе несчастна, если жениха ея убьютъ тогда, когда она будетъ далеко отъ него, что невѣстой она за нимъ слѣдовать не можетъ, тогда какъ женой пойдетъ туда, куда и онъ. Но старики не сдавались и старались повліять на молодыхъ эгоистическими доводами сиротства, если она покинетъ ихъ въ такое смутное время. Хмаринъ не считалъ себя вправѣ настаивать на свадьбѣ находя значительную долю справедливости въ доводахъ стариковъ, хотя самъ желалъ жениться немедленно. Желаніе родителей восторжествовало, Соня и Хмаринъ должны были подчиниться ему, и было рѣшено сыграть свадьбу по окончаніи войны и по возвращеніи Андрея Леонидовича изъ похода.

Мобилизація полка была окончена и ему назначено выступленіе въ Бесарабію.

Молодые люди жестоко загрустили; оба похудѣли, сдѣлались неразговорчивы; даже оставаясь вдвоемъ они почти не находили словъ и только переживали каждый въ самомъ себѣ тѣ горькія думы и ощущенія которыя возникали при одной мысли о долгой тяжелой разлукѣ.

А время шло и день выступленія полка былъ назначенъ.

Наканунѣ этого дня Соня и Хмаринъ не разставались ни на минуту.

— Я и вообразить себѣ не могу, какъ я останусь одна безъ тебя, со слезами въ голосѣ говорила Соня.

— А мнѣ, ты думаешь, легко? также грустно отвѣтилъ Хмаринъ.

— Меня мучитъ какое-то предчувствіе, продолжала она,— точно мы больше никогда не встрѣтимся...

— На все воля Божья; если убьютъ меня, это единственная причина, когда мы можемъ больше не встрѣтиться, ты не грусти; если встрѣтится тебѣ человѣкъ котораго можешь полюбить, не вспоминай нашей любви, а только помолись за меня и выходи замужъ.

— Нѣтъ, мнѣ какъ-то не страшно за тебя; предчувствіе мнѣ говоритъ не о смерти твоей, а только о роковой разлукѣ навсегда.

— Полно разстраивать себя; уже и такъ достаточную трепку задали мы своимъ нервамъ за эти дни. Будемъ надѣяться что не для того же свела насъ судьба чтобы такъ быстро и такъ жестоко разлучить... Кончится война, и тогда я твой навсегда безраздѣльно.

— Милый, какъ жаль что я не могу слѣдовать за тобой!

Всю ночь наканунѣ выступленія полка въ походъ которое было назначено рано утромъ Хмаринъ просидѣлъ у Клепаевыхъ. Никто о снѣ и не думалъ; гнетущая тоска испытываемая всѣми членами этого кружка только и заставляла думать о предстоящей разлукѣ. Конечно, каждый думалъ посвоему, у каждаго въ головѣ роились свои думы, свои предположенія, свои предчувствія. Конечно, молодежь думала только о себѣ, а старики о ней.

Сырое холодное непривѣтливое утро не помѣшало, однако, наполнить весь вокзалъ и платформу провожающею публикой. Преобладающее настроеніе у большинства, даже у всѣхъ, было грустное; только нѣкоторые изъ непонятнаго бахвальства, а

можетъ-быть чтобы не выпустить изъ рукъ расходившіеся нервы не только храбрились, но даже старались показать всѣмъ свое пренебреженіе къ переживаемому моменту. Собравшіяся группы провожающихъ и отъѣзжающихъ не вели, однако, шумныхъ разговоровъ; тамъ не замѣтно было оживленія; какъ на зло такъ много хотѣлось сказать напослѣдокъ, а словъ и даже мыслей вдругъ не оказалось на лицо.

Все имѣетъ конецъ, время не стоитъ, и вотъ громкій звонокъ возвѣстилъ скорый отходъ поѣзда. Раздались рыданія, громкіе поцѣлуи, благословенія, мольбы беречь себя...

Соня не выдержала, силы ея оставили и ее должны были унести въ обморокѣ. По желавшему улыбнуться, но искривленному лишь гримасой лицу Хмарина текли слезы... Еще звонокъ, свистъ паровоза, солдатская пѣсня вырвавшаяся изъ вагоновъ, грохотъ колесъ, и поѣздъ отошелъ увозя полкъ на войну... Полкъ остановили въ Бесарабіи и расположили по деревнямъ. Сначала дѣятельно приготовлялись всѣ къ войнѣ, но время шло, а о войнѣ ходили разнообразные слухи между которыми начали брать верхъ предположенія что войны не будетъ вовсе. Апатія готова была смѣнить лихорадочную дѣятельность; начала сознаваться безцѣльность такихъ сборовъ. Офицеры выражали досаду и нетерпѣніе. Но вотъ вслѣдъ за вѣстями объ окончаніи настоящаго положенія дѣлъ роспускомъ по домамъ вдругъ пронеслась вѣсть объ объявленіи войны. Все воспрянуло, все зашевелилось; полкамъ назначенъ военный походъ...

Хмаринъ и Соня очень часто переписывались и въ своихъ письмахъ чрезвычайно трогательно выражали какъ испытываемыя ими страданія разлуки, такъ и надежды на лучшее будущее. Они дѣйствительно страдали съ тою только разницей что для Сони эти страданія должны были усугубляться сознаніемъ опасности для любимаго человѣка, а Хмарину въ трудахъ походной жизни, въ ожиданіи серіозныхъ дѣлъ некогда было предаваться тоскѣ по своей невѣстѣ, и разлука съ нею теперь переносилась имъ почти легко.

Полкъ, гдѣ служилъ Хмаринъ, торопливо слѣдовалъ къ Дунаю. Останавливались только на ночлегъ и почти не знали дневокъ. Такъ прошли нѣсколько городовъ и множество деревень Бесарабіи и Румыніи. Новая страна съ новыми типами и говоромъ развлекали нашихъ солдатъ и офицеровъ, хотя мысленно всѣ смотрѣли впередъ, въ загадочное будущее. Вотъ и Дунай, вотъ и цѣль похода. Полкъ расположился въ дере-

вушкѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Дуная и ему дали нѣсколько дней отдыха. Во всемъ полку съ перваго же дня остановки въ каждой палаткѣ открылись свои мастерскія, гдѣ чинилось, обшивалось, мылось и чистилось русское воинство. Когда это было окончено, каждый съ наслажденіемъ предался возможному сибаритству, долгому сну, праздному препровожденію времени.

Хмаринъ пользуясь остановкой написалъ цѣлую серію писемъ Сонѣ и скучалъ не имѣя отъ нея вѣстей. Наконецъ, столь ожидаемое письмо невѣсты пришло къ нему, оно было наполнено трогательными и тревожными вопросами о немъ, все было проникнуто горячею прочною любовью, и Хмаринъ не могъ безъ восторга начитаться имъ. Но на этомъ письмѣ переписка ихъ опять остановилась. Полкъ перевели въ другое мѣсто, затѣмъ въ третье и, казалось, опять начались безконечные походы. Хмаринъ извѣщалъ объ этомъ свою невѣсту и жаловался на судьбу лишающую его извѣстій отъ дорогой, любимой Сони... А время не стояло, подходилъ знаменательный день переправы черезъ Дунай... Судьба берегла Хмарина, и онъ вышелъ благополучно изъ кроваваго дѣла, гдѣ многіе товарищи его нашли себѣ безвременную могилу. Пошли и другія дѣла: осада, а затѣмъ и взятіе Никополя, первая, вторая и третья Плевна и тутъ, наконецъ, долгая и томительная остановка. Потекли однообразные дни оцѣпленія Османа-паши.

Хмаринъ рвавшійся впередъ, нетерпѣливо мечтавшій о концѣ войны чтобъ полетѣть къ невѣстѣ и остаться тамъ навсегда, томился сидѣніемъ у Плевны которое обѣщало быть длиннымъ.

Въ одной незначительной перестрѣлкѣ аванпостовъ шальная пуля задѣла руку Хмарина. Сначала онъ какъ бы обрадовался: явилась возможность подъ благовиднымъ предлогомъ уѣхать лечиться домой. Но тутъ же поймалъ себя въ недостойной русскаго офицера мысли и устыдившись ея Хмаринъ не захотѣлъ даже на время лечь въ полевой лазаретъ, а только ходилъ туда на перевязку. Онъ даже ни слова не сообщилъ Сонѣ о своей ранѣ, тѣмъ болѣе что она скоро зажила, и онъ себя чувствовалъ совсѣмъ здоровымъ.

Такъ давно и нетерпѣливо ожидаемый конецъ наступилъ и для Плевны. Османъ-паша, этотъ, какъ казалось, несокрушимый гигантъ, сдѣлался нашимъ военно-плѣннымъ, а наши полки развязавшіеся со столь упорнымъ врагомъ торопились за Балканы чтобъ покончить и со всей Турціей. Наступила зима,

тяжесть походовъ усугубилась холодомъ и неимѣніемъ теплой одежды.

Рѣдко, неакуратно и случайно получаемыя, благодаря постояннымъ передвиженіямъ, письма отъ Сони были наполнены тревогой за любимаго человѣка передъ которымъ явился новый врагъ въ видѣ зимы.

Съ большимъ трудомъ и громадными жертвами русская армія одолѣла послѣдній порогъ, занесенные снѣгомъ Балканы, и какъ вырвавшаяся изъ береговъ рѣка, разлилась по ту сторону грозныхъ твердынь. Скоро передъ очами Русскихъ показался Царь-градъ.

Конечная цѣль достигнута, война кончена, и воины могли облегченно вздохнуть и предаться заслуженному отдыху. Но отдохнуть хотѣлось дома, а не въ чужой, хотя и прекрасной странѣ. Между тѣмъ пошли дипломатическіе переговоры, задержки и даже угрозы новой войны. Войско стояло безъ дѣла, безъ цѣли, въ ожиданіи милостей какого-то конгреса составленнаго изъ иностранцевъ, въ награду за лишенія, раны, жертвы и потери...

Наконецъ, вѣсть о выступленіи полка на сѣверъ встряхнула всѣхъ, апатія которою страдали въ мигъ исчезла и замѣнилась бурною неудержимою радостію. Все зашевелилось, и полкъ былъ готовъ къ выступленію, точно его требовали по тревогѣ. Прошли опять всѣ тѣ же мѣста которыя проходили еще такъ недавно.

Черезъ двѣ недѣли похода полкъ съ музыкой и пѣснями входилъ въ Рущукъ. Тутъ его ожидалъ весьма непріятный сюрпризъ: приказано было остановиться на неопредѣленное время. Опять безцѣльное сидѣніе безъ надежды скоро вырваться изъ томительной неопредѣленности. Хмаринъ попробовалъ отпроситься въ отпускъ, но его не пустили: былъ приказъ всему полку въ полномъ составѣ сидѣть и ждать дальнѣйшихъ событій. Нечего дѣлать, пришлось покориться. За то городъ представлялъ достаточно развлеченій, правда, однообразныхъ, но на безрыбьѣ и ракъ рыба, и по этому изреченію приходилось признать кафе-шантаны и гостиницы съ музыкой и шансонетками веселыми развлеченіями.

А такихъ убѣжищъ было много и работали они хорошо: не было вечера чтобы гостепріимныя помѣщенія ихъ не были биткомъ набиты офицерами.

Хмаринъ послѣдовалъ примѣру прочихъ и сталъ всѣ свои вечера проводить въ ресторанахъ и гостиницахъ, разнообразя

такое времяпрепровожденіе лишь тѣмъ что двухъ вечеровъ подрядъ никогда не проводилъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Онъ, какъ и большинство офицеровъ, не кутилъ, не топилъ своей тоски, а просто убивалъ время, потому что болѣе некуда было его дѣвать.

Въ одинъ изъ вечеровъ онъ зашелъ въ гостиницу небогато обставленную и помѣщавшуюся на второстепенной улицѣ, но носившую громкое названіе: „Рогъ Изобилія". Довольно большая зала имѣла маленькую сцену передъ которою остальное мѣсто комнаты было уставлено отдѣльными столиками. Возлѣ этихъ столиковъ размѣщалась публика и ей предоставлялось ѣсть, и пить, и любоваться происходящимъ на сценѣ.

Все это было рѣшительно такое же какъ и въ прочихъ подобнаго рода пріютахъ, а потому Хмаринъ съ двумя, тремя товарищами усѣлись за столикъ не ожидая ничего особеннаго. Представленіе уже началось: съ подмостковъ уже неслись звуки развеселой французской шансонетки изъ устъ пестро одѣтой и накрашеной особы. Она жестами рукъ и ногъ подчасъ слишкомъ свободными старалась дополнить слова пѣсенки и такъ или иначе обратить на себя благосклонное вниманіе публики. Это ей отчасти и удалось: послышалось нѣсколько хлопковъ, послѣ чего она спрыгнула со сцены и съ тарелочкой въ рукахъ направилась въ ту сторону, откуда раздалось одобреніе ея искусному изображенію шансонетки.

За пѣвицей шансонстокъ которая послѣ сбора въ свою пользу осталась у одного изъ столиковъ, гдѣ находились ея поклонники, сцену занялъ цѣлый оркестръ изъ пяти человѣкъ составлявшихъ, очевидно, одно семейство: двое родителей и трое дочерей, одна другой красивѣе. Старшей изъ нихъ было лѣтъ двадцать, а младшей не болѣе шестнадцати. Прилично, безъ щегольства одѣтыя, съ прекрасными бѣлокурыми косами, дѣвицы на видъ казались очень скромными, а манера держать скрипки и водить по нимъ смычками показывали что онѣ не были лишены граціи. Отецъ этого семейства, довольно угрюмый и толстый Нѣмецъ, игралъ на контрабасѣ, а маменька, тоже толстая съ красными щеками, на віолончели.

Появленіе этого музыкальнаго семейства впервые на подмосткахъ „Рога Изобилія" произвело нѣкоторую сенсацію и оживило постоянныхъ посѣтителей которымъ уже начали пріѣдаться появлявшіяся здѣсь шансонетныя пѣвички. Особенно всѣхъ обрадовалъ необыкновенно здоровый цвѣтъ лица молодыхъ нѣмокъ; подкрашиванія нельзя было и предполагать: са-

мый натуральнѣйшій румянецъ на пухлыхъ молодыхъ щекахъ былъ замѣтенъ даже при скудномъ освѣщеніи. Также всѣхъ удивило необыкновенное поведеніе этого семейства: пославъ самую младшую нѣмочку за сборомъ остальные члены семьи исчезли, и только мутерхенъ появилась въ дверяхъ слѣдя своими строгими глазами за младшею дочкой. На первый разъ сборъ оказался прибыльнымъ.. Всѣмъ очень понравился видъ скромной, юной, невинной нѣмочки, краснѣвшей и потуплявшей глаза при каждомъ обращенномъ къ ней вопросѣ. Она очень мило присѣдала и произносила „данке зеръ“, когда въ тарелочку ея попадала монета.

Хмарину сразу приглянулась эта юная нѣмочка, но приглянулась безъ всякихъ заднихъ мыслей. Ему сразу стало жаль это юное созданіе попавшее въ среду которая до добра не доводитъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему захотѣлось узнать и умственный кругозоръ этой нѣмочки: какъ она понимаетъ обстановку въ которую попала и какъ относится къ ней. Онъ началъ посѣщать „Рогъ Изобилія“ каждый вечеръ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія нѣмокъ и послѣ ихъ игры старался такъ или иначе обратить вниманіе на себя юной сборщицы вознагражденій. Но ему никакъ не удавалось поговорить съ заинтересовавшей его дѣвушкой, хотя та, видимо, знала уже его, такъ какъ съ улыбкой подходила къ нему и особенно привѣтливо говорила „данке зеръ“, когда онъ опускалъ монету, часто довольно цѣнную, на ея тарелочку.

Однажды Хмаринъ чтобы подольше задержать возлѣ себя юную Терезу (онъ уже успѣлъ узнать ея имя) вздумалъ пошутить: въ протянутую передъ нимъ съ обычной улыбкой тарелочку онъ неожиданно высыпалъ цѣлую горсть мѣдныхъ монетъ; тарелочка отъ такой тяжести выскользнула изъ рукъ нѣмочки, монеты посыпались во всѣ стороны, а сама Тереза остановилась съ испуганнымъ видомъ въ полномъ недоумѣніи.

Этотъ эпизодъ помогъ Хмарину познакомиться съ матерью Терезы которая, узнавъ въ чемъ дѣло, сладко улыбалась и только съ маленькой укоризной покачивала головой. Хмаринъ тутъ же пригласилъ какъ старуху, такъ и юныхъ нѣмокъ поужинать вмѣстѣ съ нимъ, но мамаша предусмотрительно заявила что она не можетъ принять любезнаго приглашенія офицера, не испросивъ на то разрѣшенія главы семейства. Хмаринъ долженъ былъ отправиться приглашать главу, и ужинъ состоялся. Нѣмецкое семейство при этомъ заявило себя очень тактично: ѣли немного, особенно дѣвицы, пить же только и

выпили что двѣ бутылки пива, изъ которыхъ на отца пришлось полторы и на мать полбутылки. За то этотъ ужинъ способствовалъ заключенію знакомства между Хмаринымъ и нѣмецкимъ семействомъ которое уже въ слѣдующіе вечера встрѣчало его какъ стараго знакомаго и даже начало спрашивать его: какія изъ исполняемыхъ ими піесъ ему больше нравятся.

Но Хмарину не того хотѣлось: онъ старался сблизиться съ Терезой, а этого-то и не удавалось, хотя какъ старики, такъ и дѣвицы при приближеніи Хмарина всегда выставляли впередъ Терезу которая только краснѣла, улыбалась, но въ разговоръ не вступала.

Хмаринъ началъ испытывать странное ощущеніе: въ его мысляхъ все болѣе и болѣе начала занимать главное мѣсто Тереза; онъ постоянно думалъ о ней, старался какъ можно чаще видѣть ее и каждый день оканчивалъ недовольствомъ, какъ будто онъ не достигалъ того чего хотѣлъ.

Ему все казалось что онъ не умѣетъ какъ слѣдуетъ познакомиться съ интересной дѣвушкой, и это его бѣсило; онъ каждый день рѣшался предпринять рѣшительный шагъ, а когда этотъ день проходилъ въ платоническихъ и незначительныхъ фразахъ ни на шагъ не подвигавшихъ знакомство, онъ опять злился на себя.

Вмѣстѣ съ такимъ ощущеніемъ заполонившимъ его онъ началъ все меньше и меньше вспоминать Соню. Ея письма не возбуждали больше желанія скорѣе вернуться въ Россію, онъ чувствовалъ что находится въ какомъ-то опьяненіи съ которымъ не можетъ вернуться къ своей невѣстѣ. Онъ почти не писалъ ей, а свободное время все употреблялъ на изобрѣтеніе способовъ поближе познакомиться съ Терезой.

Однажды Хмаринъ проснулся съ намѣреніемъ побывать у Нѣмцевъ, посмотрѣть ихъ житье-бытье и такъ или иначе показать что онъ интересуется Терезой.

Онъ разчитывалъ что такое вниманіе русскаго офицера къ бѣдной музыкальной семьѣ должно очаровать Нѣмцевъ и что всѣ члены семьи должны способствовать его сближенію съ Терезой.

Придя въ гостиницу и отыскавъ на краю длиннаго и грязнаго коридора нумеръ занимаемый нѣмецкимъ семействомъ, Хмаринъ засталъ всѣхъ дома. Очевидно, никто изъ членовъ этого семейства не ожидалъ никакого посѣщенія, а тѣмъ болѣе посѣщенія русскаго офицера, такъ какъ каждый занимался своимъ дѣломъ: мать съ помощью старшей дочери готовила

на бензиновой кухнѣ какое-то варево, вторая дочь починяла бѣлье, а младшая вязала чулокъ. Глава семейства съ огромными очками на носу и безъ сюртука переписывалъ ноты, когда Хмаринъ постучался въ ихъ нумеръ.

На этотъ стукъ Тереза поднялась и направилась къ двери, а остальные продолжали свои занятія. Пріотворивъ дверь и заглянувъ въ образовавшуюся щель, Тереза отъ удивленія выпустила изъ рукъ свой чулокъ, затѣмъ быстро побѣжала и шопотомъ, вся красная какъ ракъ, сообщила отцу о томъ кто пожаловалъ къ нимъ. Тотъ сначала какъ будто не могъ догадаться о чемъ идетъ рѣчь, удивленно смотрѣлъ на такъ взволнованную дочь, но потомъ не спѣша отложилъ нотную тетрадь, одѣлъ сюртукъ, проворчалъ что-то обращаясь къ своимъ и медленно ступая направился къ двери.

Остальныя прекратили свою работу и оставались въ тѣхъ позахъ въ которыхъ ихъ застало сообщеніе Терезы, точно окаменѣлыя.

Старый Нѣмецъ вышелъ въ коридоръ и плотно затворилъ за собой дверь.

Привѣтливо улыбаясь онъ спросилъ офицера: дѣйствительно ли онъ желалъ ихъ видѣть, а не ошибся нумеромъ. Хмаринъ отвѣчалъ что игра музыкальнаго семейства такъ очаровала его что онъ рѣшился ближе познакомиться съ симпатичными людьми которые своимъ искусствомъ доставляютъ такъ много удовольствія. Нѣмецъ разсыпался въ благодарностяхъ, но стоялъ все на мѣстѣ, не обнаруживая намѣренія впустить офицера въ свое жилище.

Затѣмъ взявъ Хмарина подъ руку, онъ пошелъ по коридору и дорогой сказалъ:

— Извините меня, я очень польщенъ вашимъ вниманіемъ, но мы такъ бѣдно живемъ что я не могу васъ принять. Къ тому же у меня три дочери, и посѣщеніе офицера можетъ породить толки неблагопріятные для репутаціи честныхъ дѣвушекъ.

Хмаринъ былъ сконфуженъ. Онъ этого не ожидалъ и не находилъ что̀ возразить. Онъ лишь отвѣтилъ что и въ мысляхъ не допускалъ возможности толковъ и что онъ отказывается отъ желанія познакомиться съ столь заинтересовавшимъ его семействомъ, разъ этому желанію придаютъ такой зазорный видъ.

Они разошлись сухо, хотя Нѣмецъ со вздохомъ повторилъ свою благодарность и сожалѣніе о невозможности вести знакомство съ такимъ прекраснымъ русскимъ офицеромъ.

Раздраженный, недовольный собой, вернулся Хмаринъ домой и просидѣлъ тамъ не выходя цѣлый день. Осторожность Нѣмца подсказавшая ему такъ непривѣтливо встрѣтить русскаго офицера не обѣщала ничего хорошаго въ будущемъ. Какимъ же способомъ ближе сойтись съ Терезой которая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе заполоняла сердце молодаго человѣка, а препятствія воздвигавшіяся на пути къ знакомству съ милой дѣвушкой еще болѣе разжигали страсть?

Хмаринъ долго и тяжело обдумывалъ этотъ вопросъ и ни къ какому результату придти не могъ. Ужь не бросить ли эту затѣю? Стоитъ ли добиваться знакомства съ Терезой? Чтò можетъ дать въ концѣ-концовъ это знакомство? Хмаринъ рѣшилъ попробовать не видѣть Терезу и вечеромъ не пошелъ въ „Рогъ Изобилія“.

А на членовъ нѣмецкаго семейства посѣщеніе Хмарина произвело различное впечатлѣніе. Мать Терезы, узнавъ отъ мужа зачѣмъ приходилъ къ нимъ офицеръ, пожалѣла что его не приняли, предвидя что за такимъ посѣщеніемъ на нихъ могли бы посыпаться блага вниманія и другихъ офицеровъ. Но мужъ такъ грозно прервалъ мечтанія старухи что та должна была замолчать. Старшая дочь, зная что предметомъ вниманія офицера была Тереза и потому завидуя ей, приняла сторону отца и при этомъ произнесла цѣлый монологъ на тему необходимости поддерживать чистоту репутаціи музыкальной семьи. Вторая дочь, напротивъ, радовалась успѣху Терезы и хотя молчала, но сочувственно смотрѣла на младшую сестру, точно обѣщая ей свое содѣйствіе. Улучивъ минуту она шепнула сестрѣ:

— Ты, Терезочка, счастлива! Онъ тебя такъ любитъ!

Тереза ничего не отвѣтила, но глубоко задумалась.

Это былъ очень сосредоточенный, вдумчивый и какъ большинство нѣмокъ сентиментальный ребенокъ. Слова сестры о любви Хмарина ее всю встревожили; она сама давно замѣтила необыкновенное вниманіе къ себѣ молодаго офицера; его же красивая наружность, молодость, всегда скромное, безъ тѣни пошлости, обращеніе съ нею, обращеніе ласковое, деликатное, совсѣмъ не похожее на тѣ выходки какія позволяли другіе по отношенію къ людямъ появлявшимся на сценахъ въ кафе, обращеніе безъ пошлыхъ намековъ, все это коснулось юнаго сердца Терезы, и это сердце готово было забиться любовью. Тереза начала постоянно думать о Хмаринѣ, а намеки сестеръ которыя тоже почти постоянно начали упоминать въ

разговорѣ между собой о молодомъ офицерѣ поддерживали въ ней эти думы. Мечтательная головка юной нѣмочки стала рисовать картины самыхъ яркихъ, теплыхъ тоновъ, и въ центрѣ этихъ картинъ всегда былъ Хмаринъ.

Какъ ни хотѣлось Хмарину пойти въ „Рогъ Изобилія", когда наступило время посвящаемое въ предыдущіе дни посѣщенію этого пріюта, какъ ни хотѣлось увидѣть Терезу, но онъ оставался дома, хотя и продолжалъ быть недовольнымъ собой и другими.

Тереза съ нетерпѣніемъ ожидала вечера, особенно усердно занимаясь прической и своимъ туалетомъ, и первый взглядъ, когда она вошла на сцену, былъ брошенъ ею туда, гдѣ обыкновенно находился Хмаринъ.

Отсутствіе его огорчило молодую дѣвушку, но надежда на то что онъ еще можетъ придти не оставляла ее и заставляла время отъ времени смотрѣть въ публику и глазами искать того кто такъ занялъ ее.

Когда же время подходило къ концу, а Хмаринъ все не показывался, Тереза загрустила и стала такъ разсѣянно играть что вызвала замѣчаніе отца.

Ночь проведенная ею по окончаніи этого дня была первая въ ея жизни почти безъ сна, съ тяжелыми грустными думами. Особенно она загрустила, когда сестра ложась спать сказала ей:

— А знаешь, Тереза, я думаю что онъ не пришелъ разсердившись на насъ. Онъ, бѣдный, теперь грустить и, пожалуй, совсѣмъ перестанетъ ходить въ „Рогъ Изобилія".

У Терезы даже слезы полились отъ этихъ словъ. Тѣмъ не менѣе проснулась она съ надеждой увидѣть Хмарина. Но прошло нѣсколько дней, Хмаринъ все не показывался въ „Рогѣ Изобилія", и Тереза не на шутку загрустила. Она поблѣднѣла, мало ѣла, безспокойно спала и, вообще, не находила себѣ мѣста. Мать замѣтила такое состояніе младшей дочери и начала допытываться. Къ счастію Терезы, за нее вступилась вторая дочь:

— И чего вы пристаете къ ней, мама! Чему радоваться въ нашемъ положеніи, и если при этомъ нездоровится человѣку, то лучше всего оставить его въ покоѣ.

Мать Терезы апатичная, недалекая нѣмка, любила своихъ дочерей, но при этой любви она никогда не задавалась вопросомъ: какая судьба ждетъ дѣвушекъ? Небогатая фантазія ея основывалась исключительно на планахъ мужа: заработать на

чужбинѣ какъ можно больше денегъ чтобы возвратиться въ фатерландъ и тамъ зажить какъ слѣдуетъ. Дѣла ихъ теперь шли недурно, а, слѣдовательно, можно было оставаться спокойною.

Терезѣ же сестра сказала:

— Удивляюсь что Хмаринъ не показывается. Что онъ любитъ тебя въ этомъ я не сомнѣваюсь, и это даже меня пугаетъ. Богъ знаетъ что̀ онъ можетъ съ собой сдѣлать, зная что ты для него недоступна. Онъ очень порядочный человѣкъ, и я бы на твоемъ мѣстѣ пошла къ нему и успокоила бы.

Тереза была огорчена и смущена этими словами, но сестра прибавила:

— Ахъ, Терезочка, какъ хорошо бы было, еслибъ ты вышла замужъ за Хмарина. Поѣхала бы въ Россію, взяла бы меня съ собой и не пришлось бы намъ разыгрывать передъ пьяною и грубою публикой, не улыбались бы мы больше пошлостямъ и грубостямъ которыя намъ приходится слушать ради денегъ.

Тереза обняла сестру, но ничего не сказала. Въ глубинѣ души она рѣшила посѣтить Хмарина, будучи убѣждена въ его любви и сама чувствуя непреодолимое влеченіе къ молодому офицеру.

Хмаринъ хандрилъ жестоко. Онъ старался сбросить съ себя невольное увлеченіе Терезой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ своему искреннему сожалѣнію, сознавалъ что это увлеченіе не шуточное. Онъ собирался писать Сонѣ, думалъ о ней, но изъ этого ничего не выходило: думы о Сонѣ прерывались мечтами о Терезѣ, а письма останавливались на первыхъ строкахъ и уничтожались какъ совсѣмъ не подходящія. Тѣмъ не менѣе онъ старательно избѣгалъ бывать въ „Рогѣ Изобилія“, хотя помимо воли каждый день нѣсколько разъ проходилъ мимо гостиницы, гдѣ жила Тереза. Еслибъ онъ пришелъ къ какому-нибудь рѣшенію, то, пожалуй, ему было бы легче; но на бѣду никакого опредѣленнаго рѣшенія ему не давалось; просто одно желаніе видѣть Терезу возлѣ себя, говорить съ ней, заполонило его всего. Ему ни разу не пришла мысль о томъ что сдѣлай предложеніе Терезѣ, и она получила бы радостное благословеніе родителей сдѣлаться женой русскаго офицера. Нѣтъ, о женитьбѣ онъ и не думалъ, а просто, не задаваясь никакими цѣлями, онъ хотѣлъ сблизиться съ Терезой и теперь злился на свои чувства и на то что благодаря своему слабоволію не можетъ рѣшиться поступить такъ или иначе, то-есть, или

бросить совсѣмъ мысль о Терезѣ, или рѣшительными дѣйствіями добиться сближенія съ нею.

Въ нерадостномъ настроеніи духа Хмаринъ шагалъ изъ угла въ уголъ своей комнаты выходившей окнами во дворъ.

Солнце садилось и косыми яркими лучами золотило стѣны домовъ и отражалось въ стѣнахъ оконъ. Деньщикъ возился во дворѣ съ самоваромъ, когда къ нему подошла закутанная женская фигура и ломанымъ русскимъ языкомъ спросила: дома ли офицеръ Хмаринъ. Солдатъ крайне удивился вопросу, никогда не видя чтобъ къ его барину приходили женщины, тѣмъ не менѣе онъ оставилъ самоваръ и повелъ гостью къ своему господину.

Хмаринъ своимъ глазамъ не повѣрилъ увидя у себя Терезу, ту самую Терезу которая занимала послѣднее время всѣ его мысли. Молодые люди очутясь другъ передъ другомъ совсѣмъ растерялись, особенно Тереза наэлектризованная мечтательнымъ воображеніемъ будто тотъ, кто заронилъ искру любви въ ея юномъ сердцѣ, при смерти боленъ и ждетъ ея помощи. Увидя его здравымъ и невредимымъ она потеряла сразу всю свою рѣшимость и теперь не знала что̀ дѣлать, что̀ сказать.

Хмаринъ не былъ опытнымъ ловеласомъ и потому явившаяся къ нему чистая дѣвушка, показавшая что онъ ей не чуждъ, смутила его и заставила потоптаться на одномъ мѣстѣ въ полной растерянности. Такое неловкое положеніе молодыхъ людей продолжалось, быть-можетъ, очень долго, еслибъ его не нарушилъ вошедшій деньщикъ.

— Прикажете самоваръ подавать? спросилъ онъ.

Удаливъ деньщика, сказавъ что самоваръ не нуженъ, Хмаринъ подошелъ, наконецъ, къ Терезѣ.

— Неужели это вы? Какъ вы нашли мою квартиру?.. Я такъ радъ!.. Неужели вы пришли ко мнѣ? путался молодой человѣкъ, беря Терезу за руку.

— Я думала... Мнѣ сказали что вы больны, прерывисто отвѣчала она не отрывая взгляда отъ пола.

Наконецъ, Хмаринъ оправился; онъ догадался что̀ привело Терезу къ нему, и сердце его забилось радостнымъ трепетомъ. Онъ усадилъ Терезу, самъ сѣлъ возлѣ нея и не выпуская ея руки говорилъ:

— Если хотите, я, дѣйствительно, былъ боленъ съ тѣхъ поръ какъ узналъ васъ; мнѣ такъ хотѣлось познакомиться съ вами, хотѣлось видѣться съ вами часто, часто, и я болѣлъ

сердцемъ и душой не имѣя возможности сказать вамъ какъ вы мнѣ нравитесь. Теперь я выздоровѣлъ сразу; вы вылечили меня, и я не знаю какъ и благодарить васъ.

Тереза съ сердечнымъ замираніемъ слушала восторженныя слова молодаго офицера. Да, сестра правду говорила, онъ любитъ ее, и молодое сердце билось неудержимо, билось навстрѣчу тому чувству въ которомъ она больше уже не сомнѣвалась. Радостная, трепетная, она удовольствовалась короткимъ свиданіемъ и потому начала собираться уходить. Хмаринъ ея не задерживалъ; онъ только спросилъ:

— Будете ходить ко мнѣ, Тереза?

— Да, чуть слышно промолвила она.

— Не знаю какъ и благодарить васъ! горячо говорилъ онъ провожая ее.—Вы увидите что я стòю вашего вниманія, я васъ буду беречь, постараюсь вырвать изъ вашей семьи заставляющей васъ заработывать пропитаніе такимъ тяжелымъ трудомъ, я научу васъ русскому языку и вы узнаете что русскіе люди лучшіе люди въ мірѣ!

Нечего и говорить что въ этотъ вечеръ Хмаринъ былъ въ „Рогѣ Изобилія“, радостный, сіяющій, веселый. Онъ не спускалъ глазъ съ Терезы, неистово аплодировалъ музыкѣ нѣмецкаго семейства, угостилъ его хорошимъ ужиномъ и успѣлъ шепнуть Терезѣ: „жду завтра“.

Съ этого дня свиданія Терезы съ Хмаринымъ происходили каждый день. Молодые люди блаженствовали и въ своемъ упоеніи любовію не заглядывали въ будущее. Тереза давно уже не дичилась Хмарина и даже подружилась съ его деньщикомъ. Она радостно и всегда порывисто вбѣгала въ квартиру Андрея Леонидовича, наполняла его жилище щебетаніемъ, смѣхомъ; возилась съ уборкой незатѣйливой обстановки квартиры офицера, старалась за короткое время свиданія заучить нѣсколько русскихъ словъ и затѣмъ акуратно, черезъ полчаса, уходила домой чтобъ свидѣться съ Хмаринымъ уже въ „Рогѣ Изобилія“.

Знали ли родители Терезы о посѣщеніяхъ офицера, сказать трудно; вѣрнѣе что знали, но почему-то не препятствовали имъ и даже не придавали этому никакого значенія; по всей вѣроятности, они убѣждены были доводами второй дочери что Хмаринъ непремѣнно женится на Терезѣ, а перспектива имѣть свою дочь замужемъ за русскимъ офицеромъ для нихъ была заманчива. Въ порядочность Хмарина они увѣровали какъ-то сразу и успокоились его почтительнымъ вниманіемъ къ нимъ.

Однимъ словомъ, Хмаринъ и Тереза хотя и обставляли свои свиданія таинственностію, но на самомъ дѣлѣ были избавлены отъ какой бы то ни было опасности.

Хмаринъ упивался любовью къ Терезѣ, насколько позволяла его молодость. Въ этомъ юномъ, чистомъ существѣ, готовомъ отдаться ему безъ разсужденій, нравилось все. Онъ мечталъ выучить ее русскому языку, вылѣпить изъ нея подругу себѣ по своему вкусу и просто умилялся видя на каждомъ шагу проявленіе любви милой дѣвушки и готовность ея быть его рабой.

О бѣдной Сонѣ онъ въ эти дни не думалъ.

Такое состояніе, похожее на чадъ, продолжалось, впрочемъ, недолго. Онъ скоро и безъ труда узналъ что кругозоръ и развитіе Терезы заставляютъ желать многаго. Ея наивность сначала такъ нравившаяся ему стала казаться убожествомъ мысли, желаній, взглядовъ. Повторилась старая исторія: вслѣдъ за достиженіемъ полнаго обладанія женщиной, влеченіе къ которой было основано исключительно на физической прелести, наступило охлажденіе долженствовавшее обратиться скоро въ полное равнодушіе. Хмаринъ началъ все чаще и чаще вспоминать Соню, хотя и не рѣшался возобновить прерванную переписку съ нею. Онъ началъ опять скучать и желать скорѣйшаго возвращенія въ Россію, а съ Терезой все меньше и меньше заговаривалъ о Россіи и, вообще, пересталъ строить планы на будущее.

Какъ ни беззаботна, какъ ни наивна была Тереза, а перемѣну въ Хмаринѣ замѣтила скоро. Сначала она не могла себѣ объяснить причину этой перемѣны, долго ломала себѣ голову, пристально присматривалась къ нему, но въ концѣ-концовъ, больше сердцемъ, чѣмъ головой, поняла что явившаяся перемѣна грозитъ охлажденіемъ. Она очень загрустила, но своей грусти не хотѣла показать Хмарину.

Однажды во время свиданія она послѣ обычнаго оживленнаго щебетанія вдругъ присмирѣла, замолчала и изъ подлобья начала смотрѣть на хмурое лицо Хмарина.

— Послушай, вдругъ сказала она поблѣднѣвъ отъ рѣшимости заговорить о томъ предметѣ который послѣднее время ее мучилъ,—послушай, ты меня не такъ ужь любишь какъ прежде?

Хмаринъ не ожидалъ этого вопроса, онъ не допускалъ чтобы Тереза могла догадаться о его чувствахъ и потому очень удивился ея вопросу.

— Вотъ глупости! отвѣтилъ онъ стараясь не смотрѣть на Терезу,—изъ чего ты взяла это?

— Мнѣ кажется что ты не тотъ ужь, не такъ веселъ, не радъ мнѣ! Скажи, я надоѣла тебѣ?

— Перестань, пожалуйста, я тотъ же что̀ и былъ; если же меньше говорю о любви, то это понятно: нельзя же только и говорить что объ одной любви.

— Ты меньше ласкаешь меня!

Хмаринъ началъ раздражаться.

— Ахъ, вотъ что̀! Меньше лижусь съ тобой, такъ тебѣ уже мерещится измѣна!

Онъ сдержалъ себя и постарался загладить свою вспышку. Онъ подошелъ къ ней, обнялъ и сказалъ стараясь весело улыбаться:

— Не смѣй думать такъ скверно обо мнѣ; я люблю тебя, считаю своей, а если я не твержу этого постоянно, такъ у меня есть и другія, кромѣ твоей любви, заботы.

Тереза начала успокаиваться, но все же сказала, хотя и безъ упрека:

— Ты пересталъ говорить о возвращеніи въ Россію, домой, о нашей жизни въ Россіи.

— Что же я буду повторять тебѣ одно и то же!

— А я бы безъ конца могла говорить объ этомъ. Милый! люби меня, не бросай, я на все готова.

— Глупенькая ты у меня, отвѣтилъ Хмаринъ и долгимъ поцѣлуемъ прекратилъ разговоръ.

Тереза успокоилась на этотъ разъ. Веселость и беззаботность вернулись къ ней, хотя и не надолго. Въ слѣдующіе дни она опять начала сомнѣваться: червь злыхъ, черныхъ предчувствій началъ точить ея сердце, и она потеряла покой.

Хмаринъ также очень мучился: онъ созналъ вполнѣ что вспыхнувшее въ немъ чувство къ Терезѣ не получило нужной ему пищи и потому скоро, очень скоро заглохло. Онъ началъ скучать съ Терезой и вмѣстѣ съ тѣмъ съ ужасомъ думалъ о томъ что̀ должно случиться когда наступитъ часъ окончательнаго разрыва съ ней. Вѣдь не можетъ же она, эта сентиментальная, мечтательная, влюбленная, отдавшаяся ему цѣликомъ дѣвушка, спокойно перенести горе разлуки навсегда. Да и какъ перенести такое горе человѣку, еще не окрѣпшему въ борьбѣ съ жизнію, умѣющему только слушаться своего сердца, но не знающему еще что̀ значитъ разбитая надежда? Сознаніе что разрывъ для Терезы долженъ быть роковымъ собы-

тіемъ мучило Хмарина. Если онъ не пылалъ больше любовью къ ней, то ему всетаки жаль было разбить молодую жизнь такъ довѣрчиво отдавшуюся ему. Гдѣ выходъ изъ такого положенія? А выходъ долженъ былъ быть найденъ и скоро, такъ какъ не сегодня, завтра объявятъ походъ домой въ Россію, и ему придется рѣшить какъ поступить съ Терезой.

Между тѣмъ онъ чувствовалъ что любитъ одну Соню, что и не переставалъ любить ее. Его тянуло къ ней, онъ сознавалъ что только тамъ дома съ Соней онъ будетъ вполнѣ счастливъ.

Попавъ въ этотъ заколдованный кругъ Хмаринъ не зналъ какъ изъ него выбраться. Объявить откровенно Терезѣ что онъ ея не любитъ, что броситъ ее здѣсь, онъ не рѣшался и потому скрывалъ отъ нея полученное извѣстіе о скоромъ возвращеніи въ Россію. Онъ надѣялся что, авось, судьба возьмется за его дѣло, распутаетъ тяжелый узелъ и выведетъ его изъ того сквернаго положенія въ какое онъ попалъ.

Между тѣмъ и Тереза услышала о выходѣ полка въ Россію, узнали объ этомъ и родители Терезы и пристали къ ней съ вопросомъ: чѣмъ должно кончиться ея знакомство съ Хмаринымъ?

Придя къ Андрею Леонидовичу Тереза прямо, безъ обиняковъ спросила его:

— Правда что вы уходите въ Россію?

Хмаринъ нѣсколько смутился, но совладавъ съ собой твердо отвѣтилъ:

— Я ничего не слыхалъ, мало ли какіе слухи ходятъ, мы уже больше года слышимъ о возвращеніи домой, да все еще сидимъ здѣсь.

— Но вѣдь когда-нибудь вы уйдете же?

— Ну, конечно, не обратимся же мы въ Болгаръ.

— А какъ же я: останусь здѣсь, или ты возьмешь меня съ собой? съ дрожью въ голосѣ допытывалась Тереза.

— Пожалуйста, не волнуйся такъ, отвѣтилъ съ запинкой Хмаринъ,—я тебя не оставлю.

— Милый, родной, безцѣнный! Я безъ тебя не могу жить; если ты меня бросишь, я покончу съ собой! Я готова быть твоей рабой, дѣлай со мной чтò хочешь, но только не бросай. Мнѣ житья не будетъ отъ своихъ, да я и не могу, не могу остаться безъ тебя, я такъ люблю тебя, люблю больше родныхъ, больше всего на свѣтѣ!

Хмаринъ подавилъ вздохъ и отвѣтилъ:

— Ну, ну, не тревожься понапрасну и надѣйся на меня.

Скорое выступленіе полка въ Россію не было уже тайной ни для кого, объ немъ говорили всюду, и городъ собирался торжественно проводить полкъ такъ потрудившійся для новаго болгарскаго государства.

Всѣ товарищи Хмарина радовались скорому возвращенію домой; про солдатъ и говорить нечего, они считали каждую минуту отдѣлявшую ихъ отъ счастливаго времени, когда распростятся они, наконецъ, съ измѣренною ихъ ногами и упитанною ихъ кровью и пòтомъ чуждою землею чтобы явиться въ родныя семьи.

Одинъ Хмаринъ не зналъ, радоваться ли ему или нѣтъ! Гдѣ-то далеко затаившееся чувство къ Сонѣ подымало радость обѣщаемую скорымъ свиданіемъ съ невѣстой, но за то воспоминаніе о Терезѣ, мысль о томъ, какъ-то онъ отдѣлается отъ нея, бросала его въ дрожь. Онъ до сихъ поръ не рѣшилъ какъ слѣдуетъ ему поступить съ Терезой и потому находился въ сквернѣйшемъ расположеніи духа.

Дверь съ шумомъ распахнулась, и къ Хмарину вошелъ его товарищъ поручикъ Балабинъ.

— Неужели ты еще не укладываешь своихъ вещей? спросилъ вошедшій, протягивая руку Хмарину. — Да что это ты такъ мрачно смотришь на свѣтъ Божій и не радуешься нашему возвращенію домой?

— Успѣю, не вѣсть какъ много добра укладывать, неохотно отвѣтилъ Хмаринъ.

— А торопиться надо, вѣдь послѣзавтра садимся на пароходъ, плывемъ до Рени, а тамъ уже и Россія. Нѣтъ, скажи, отчего ты мраченъ, я никакъ не пойму?

— Откуда же ты взялъ что я мраченъ; напротивъ, я отъ души радъ, такъ надоѣло здѣсь болтаться безъ дѣла.

— Казалось бы что тебѣ слѣдуетъ радоваться больше всѣхъ насъ, не унимался Балабинъ,—вѣдь тебя ждетъ дома невѣста...

Хмаринъ покраснѣлъ, и это смущеніе не укрылось отъ пытливыхъ глазъ Балабина.

— А, понимаю! протянулъ онъ; — немного жаль тебѣ и этихъ мѣстъ... Кстати, неужели твоя интрижка съ голубоглазой нѣмочкой зашла очень далеко?

— Вотъ глупости! Никакой интрижки и не было, смущенно отвѣтилъ Хмаринъ, и желая прекратить неправи-

вшійся ему разговоръ спросилъ:—Развѣ однимъ эшелономъ мы выѣдемъ отсюда?

— Конечно, пароходище такъ великъ что всѣхъ заберетъ, сказалъ Балабинъ и прибавилъ: — а насчетъ нѣмочки я пошутилъ; знаю что никакая сдобная, голубоглазая иностранка не можетъ отбить тебя отъ милѣйшей Софьи Михайловны. Ну, прощай да собирайся на обѣдъ устраиваемый городомъ.

— Я не пойду на обѣдъ.

— Неужто? Нѣтъ, съ тобой что-то дѣлается неладное...

Балабинъ ушелъ. Хмаринъ продолжалъ шагать изъ угла въ уголъ глубоко задумавшись.

Изъ этой задумчивости его вывелъ деньщикъ подавшій письмо оказавшееся отъ Терезы. Хмаринъ съ любопытствомъ началъ читать письмо, и съ каждой прочитанной строчкой лицо его оживлялось и дѣлалось болѣе и болѣе радостнымъ.

Тереза сообщала что больна и принуждена лежать въ постели; она проситъ сообщить, рѣшилъ ли милый Андрюша взять ее съ собой, тогда она несмотря на болѣзнь явится къ нему, хотя докторъ сказалъ что ей надо нѣсколько дней лежать въ постели.

Хмаринъ тотчасъ отвѣтилъ:

„Дорогая Тереза, не смѣй манкировать здоровьемъ, а слушайся доктора. Меня оставляютъ здѣсь еще на недѣлю, значитъ я подожду, пока ты выздоровѣешь. Не тревожься, завтра или послѣзавтра я приду къ тебѣ“.

Пославъ это письмо, Хмаринъ въ волненіи опять зашагалъ по комнатѣ и почти вслухъ думалъ: „Судьба помогаетъ. Хоть и подло, да что же я сдѣлаю когда другаго выхода нѣтъ. Пусть полежитъ, а тѣмъ временемъ я исчезну... Неожиданная разлука не будетъ такъ тяжела для нея... Избавимся, по крайней мѣрѣ, отъ раздирательныхъ сценъ никому не приносящихъ никакой пользы... Подло, скверно, но что же я могу сдѣлать?.. Развѣ написать отцу Терезы что не могу взять ее съ собой? Можно было бы приложить маленькую сумму для утѣшенія... А впрочемъ, чортъ съ ними! Въ ихъ положеніи такіе казусы въ порядкѣ вещей...“

Хмаринъ порывисто началъ укладывать свои вещи въ чемоданъ. Ему ужасно хотѣлось чтобы поскорѣе прошло время до отхода парохода который увезетъ его отсюда, и полуторадневный срокъ отдѣляющій его отъ желаемаго момента казался для него очень продолжительнымъ.

Стоялъ совершенно осенній день. Свинцовыя тучи плотно

закутали небо, и солнечные лучи не могли пробиться сквозь сѣтку моросившаго дождя. Дунай точно былъ недоволенъ, онъ высоко подымалъ свои мутныя волны и немолчно шумѣлъ.

На пристани у громаднаго парохода съ утра шла оживленная работа; полкъ грузился спѣшно, радостно. Тутъ же на пристани, несмотря на дождь, толпились жители Рущука любопытно глазѣя на происходящую сутолоку.

Время близилось къ отходу. Уже все что̀ было нужно переселилось съ суши на пароходъ. На пристани собрались власти и почетные жители для проводовъ полка; на палубѣ парохода играла музыка и пѣли пѣсенники, группа офицеровъ еще стояла на пристани прощаясь съ знакомыми.

Вотъ раздался гудокъ, офицеры торопливо прощались, собравшаяся на проводы публика выкрикивала добрыя пожеланія отъѣзжающимъ. Еще гудокъ, и матросы подошли къ трапу чтобы принять его.

Въ это время сквозь толпу расталкивая попадающихъ на пути спѣшно пробиралась женская фигура. Заплаканное, болѣзненное лицо выражало отчаяніе. Не обращая вниманія на встрѣчающихся, смотрѣвшихъ на нее съ удивленіемъ, женщина торопилась поспѣть къ отходу парохода. Однимъ прыжкомъ вскочила она на пристань, занесла ногу на трапъ, но послѣдній уже подымался, и несчастная со всего розмаха полетѣла въ воду. Поднялась тревога, пароходъ остановился и спустилъ лодку въ помощь нѣсколькимъ другимъ лодкамъ которыя были тутъ же у пристани и которыя поспѣшили спасать утопающую. Но спасти было не такъ легко. Бурныя волны захлестнули несчастную, а быстрое теченіе отнесло утопленицу далеко, когда удалось лодкамъ схватить ее и вытащить изъ воды. Хотя пребываніе несчастной въ водѣ было непродолжительно, хотя къ спасенію ея были приняты всѣ мѣры, но возвратить ее къ жизни не удалось.

Это была Тереза.

Прождавъ цѣлый день обѣщаннаго посѣщенія Хмарина, она превозмогая свою болѣзнь и предчувствуя что-то недоброе отправилась на квартиру его. Извѣстіе что его уже тамъ нѣтъ, что онъ уже на пароходѣ, значитъ бросилъ, подкосило силы бѣдной дѣвушки, и она лишилась чувствъ. Очнувшись и неясно сознавая что̀ дѣлаетъ, лишь повторяя одно слово: „покинулъ, покинулъ“, несчастная бросилась къ пристани.

Тамъ она и нашла свою могилу...

Хмаринъ забрался на пароходъ рано и нетерпѣливо ожи-

далъ отъѣзда. Ему казалось что пароходъ безъ цѣли стоитъ у пристани, что давно пора ужь ему отходить. Онъ забрался въ каюту и не выходилъ оттуда до тѣхъ поръ, пока не услыхалъ гудка извѣщавшаго близкій отходъ. Радуясь въ душѣ что обманъ его удался, что отъ Терезы онъ отдѣлался легко, Хмаринъ вышелъ на палубу, когда поднимали трапъ. Взоръ его упалъ на мелькнувшую на пристани женскую фигуру; онъ не успѣлъ вздрогнуть, какъ произошла катастрофа. Катастрофа эта задержала пароходъ не надолго, утопленица была вытащена, и пароходъ былъ свободенъ; онъ сдѣлалъ поворотъ и полнымъ ходомъ пошелъ внизъ по теченію. При этомъ поворотѣ стоявшіе на палубѣ, а въ томъ числѣ и Хмаринъ, послѣдній разъ могли видѣть несчастную утопленицу лежавшую на пристани.

Долго на пароходѣ говорили о несчастной, дѣлали разныя догадки, пока всѣхъ занимавшее близкое возвращеніе домой не заставило забыть о печальномъ происшествіи омрачившемъ нѣсколько веселый отъѣздъ на родину послѣ двухлѣтняго пребыванія въ чужихъ краяхъ.

Одинъ Хмаринъ не могъ забыть происшествіе. Мало того, онъ только и думалъ о немъ, точно у него не было будущаго, а стояло только недавно прошедшее. Мысль о Терезѣ, мысль о томъ что онъ погубилъ ее за ея безкорыстную любовь, гнетомъ давила его и не давала ни на минуту покоя. Онъ не могъ забыться даже сномъ: стоило ему закрыть глаза, какъ передъ нимъ какъ живая являлась Тереза съ облипшимъ мокрымъ платьемъ, съ прядью мокрыхъ волосъ прикрывавшихъ блѣдное, страдальческое лицо. Хмаринъ съ ужасомъ просыпался и все думалъ и думалъ. Мысль его вращалась все около одного и того же, пятно легшее на его совѣсть слишкомъ велико, слишкомъ позорно чтобы не получить скораго и безпощаднаго возмездія. Онъ не вправѣ, онъ не можетъ теперь явиться къ своей невѣстѣ; своимъ прикосновеніемъ онъ загрязнитъ и ту честную дѣвушку которая вѣрила ему. Черное, гнусное пятно должно оставаться въ немъ одномъ, и ничто, ничто не въ состояніи смыть съ него это пятно. Странный видъ и странное поведеніе Хмарина среди общей радости были замѣчены товарищами, но на разспросы ихъ Хмаринъ отвѣчалъ что нездоровъ и просилъ оставить его въ покоѣ.

Къ тому времени какъ пароходъ причалилъ къ пристани у Рени и полкъ, наконецъ, очутился на русской землѣ, у Хмарина созрѣлъ планъ дѣйствій. Онъ отпросился въ отпускъ

который ему и былъ данъ въ виду его нездоровья. Почти не простясь съ товарищами Хмаринъ уѣхалъ въ тотъ городъ гдѣ жили его родные.

Старики не узнали своего сына съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемаго. Вмѣсто жизнерадостнаго молодаго человѣка, какимъ его прежде знали, къ нимъ явился худой, съ блуждающимъ взоромъ, молчаливый, угрюмый, раздражительный человѣкъ. На предложеніе родныхъ полечиться Хмаринъ отвѣтилъ что если его не оставятъ въ покоѣ, то онъ сейчасъ же уѣдетъ. А такъ какъ ни отецъ, ни мать не могли успокоиться, не могли оставить любимаго сына безъ разспросовъ и совѣтовъ, то онъ дѣйствительно уѣхалъ отъ нихъ совершенно неожиданно, чѣмъ не только огорчилъ, но и просто огорошилъ стариковъ.

Хмаринъ направился въ Петербургъ и тамъ выхлопоталъ себѣ переводъ въ другой полкъ стоявшій въ одной изъ трущобъ Польши.

Изъ Петербурга онъ написалъ письмо своей невѣстѣ, гдѣ изложилъ все что̀ съ нимъ произошло и свое рѣшеніе отказаться отъ личнаго счастія.

Письмо оканчивалось такъ: „Искалѣченый, съ ужаснымъ несмываемымъ пятномъ на совѣсти, я не заслужилъ не только счастія быть вашимъ мужемъ, но я даже не смѣю явиться къ вамъ безъ опасенія что гнетущимъ меня пятномъ я не замараю васъ, чистую и святую. Моя жизнь кончилась печально, гнустно! Забудьте же меня и будьте счастливы“!

Хмаринъ, дѣйствительно, проникнулся мыслію что его жизнь кончена. Онъ сдѣлался нелюдимъ, сторонился общества, ни съ кѣмъ не велъ знакомства и жилъ только у себя на квартирѣ или на службѣ. Новые товарищи не взлюбили его за его отчужденность и не зная причины такой нелюдимости считали его скрытнымъ, недоброжелательнымъ человѣкомъ.

Такъ текла жизнь бѣднаго Хмарина безъ радостей, безъ развлеченій, безъ перемѣнъ. Замкнутый въ себѣ, онъ все еще переживалъ тѣ несчастія которыя выпали на его долю. Онъ былъ глубоко несчастенъ не находя себѣ оправданія, и только не оставлявшая его религіозность помогала влачить печальное существованіе. Его часто видѣли въ церкви, онъ не пропускалъ ни одной службы и забившись въ отдаленный уголъ церкви простаивалъ долго на колѣнахъ ища въ молитвахъ облегченія своему изстрадавшемуся сердцу. Только глубокая вѣра поддерживала его и помогла перенести новое несчастіе: онъ

узналъ что Соня умерла отъ злѣйшаго недуга которымъ болѣла со дня полученія злосчастнаго письма Хмарина. Это извѣстіе еще болѣе придавило Андрея Леонидовича, еще больше заставило замкнуться въ себѣ и усиленно искать успокоенія въ церкви. Но полнаго успокоенія не было, мысль о гибели двухъ неповинныхъ существъ изъ-за любви къ нему неотразимою силой давила его, и пятно чувствовавшееся имъ на своей совѣсти, казалось, разросталось и покрыло его всего.

Такъ прошли многіе годы, тяжелые, безпросвѣтные. Хмаринъ печально влачилъ свое существованіе и единственное утѣшеніе видѣлъ только въ смерти. Но судьба еще разъ подтрунила надъ нимъ, еще разъ разбередила незажившія раны: съ производствомъ въ подполковники онъ былъ назначенъ въ полкъ квартировавшій въ городѣ П., въ томъ городѣ, гдѣ онъ началъ службу, гдѣ познакомился съ Соней.

Но здѣсь Хмаринъ прожилъ недолго. Давно гнѣздившаяся въ немъ болѣзнь взяла свое и, продержавъ его нѣсколько мѣсяцевъ въ постели, свела въ могилу.

Смерть покончила счеты и сняла пятно испортившее жизнь нѣсколькихъ существъ.

Ив. Вязовской.

ѲЕНЯ.

ИЗЪ ЗАХОЛУСТНОЙ ЖИЗНИ.

I.

— Дѣвки, ау!

Тихо, тихо въ лѣсу; крѣпко сплелись межь собою вѣтви деревьевъ; причудливо перепутались серебряные листья тополя съ темнозеленымъ дубовымъ уборомъ; непроницаемой, густой стѣной выстроились кусты черемухи разливающей на далекое пространство опьяняющій ароматъ свой, волчьи ягоды сцѣпились съ орѣшникомъ и крушинникомъ мощно перевитыя ползучимъ хмелемъ. По землѣ разбросались огромные колокольчики, незабудки, позвоночки; рѣзко выдѣляются своими цвѣтами кучки гвоздики, маргаритокъ, да высокіе стебли съ пунцовыми лепестками барскаго мыла пестрятъ землю соперничая красками лишь съ дикимъ махровымъ розаномъ.

— Ау, дѣвки! вновь гулко разносится по лѣсу, и на залитую погасающими лучами падающаго солнца поляну выбѣгаетъ молодая крестьянская дѣвушка съ загорѣлымъ, почти бронзоваго цвѣта, лицомъ на которомъ рѣзко выдѣляются большіе свѣтло-голубые глаза съ вызывающимъ, игривымъ выраженіемъ. Маленькій вздернутый носъ вполнѣ гармонируетъ съ общимъ задорнымъ выраженіемъ этого худенькаго лица, и только небольшія губы съ приподнятыми кверху острыми уголками пытаются придать нѣкоторую серіозность этой дѣвушкѣ, въ которой все такъ напоминаетъ ребенка. Она останавливается, движеніемъ головы отбрасываетъ набѣжавшую на лобъ прядь золотыхъ волосъ и прикладываетъ руку къ уху.

Все тихо. Только дятелъ гдѣ-то стукаетъ носомъ по древесной корѣ, да иволга пискнетъ своимъ сдавленнымъ голосомъ.

„Ишь, разбрелись должно!“ недовольно шепчетъ дѣвушка, и обычно смѣющіеся ея глаза на минуту принимаютъ сердитое выраженіе. „А можетъ и припали гдѣ у кустовъ да и смѣются втихомолку, проказныя!“

— Дѣвки! продолжаетъ кричать она стараясь погромче.— Идите, шалыя, сюда! Домой идти надоть! Я пойду-у!

— А-у! издалека чуть слышно доносится голосъ.

Но чуткое, привычное ухо дѣвушки ясно различаетъ невѣрный тонъ донесшагося крика.

Она бѣжитъ по направленію къ нему и скоро натыкается въ кустахъ на спрятавшихся дѣвокъ.

— Выходите, негодницы! кричитъ на нихъ она. —Домой пора: неча прохлаждаться-то! Ишь, вечерять стало... Неравно на волковъ набредешь тутъ съ вами!

Услышавъ про волковъ дѣвки присмирѣвъ умолкаютъ и начинаютъ переглядываться между собой.

— Ну, ну, чего стали? не унимается та.—Пойдемте...

И толпа дѣвокъ молча направляется въ дорогу наскоро и находу прибирая въ пучки собранные цвѣты.

Но проказницамъ неймется, ужь весело очень въ лѣсу было. Скоро мысль о волкахъ забывается, и въ кучкѣ начинаются говоръ и смѣшки.

— Ишь, смѣется высокая дѣвка съ круглымъ, изрытымъ оспою, лицомъ, — поди, Ѳенька напужалась какъ осталась одна въ лѣсу-то, какъ мы всѣ спрятались...

— Смотри, сама не напужайся! огрызается Ѳенька, и ея смѣющіеся глаза принимаютъ серіозное выраженіе, — тутъ ночью, бабы гуторятъ, все домовые Степки шляются!..

Дѣвки взвизгиваютъ, иныя захлебываются отъ довольнаго хохота, а рябая дѣвка сконфуженно смолкаетъ.

— А и взаправду! вдругъ выкрикиваетъ маленькая дѣвчушка-подростокъ взятая дѣвками для компаніи.—Нешто домовые въ лѣсу не водятся?

— Эка сказала, пустомеля! авторитетно вмѣшивается въ разговоръ высокая и худая дѣвка Паранька, — да нешто домовые въ лѣсу водятся? Домовые дома живутъ, а въ лѣсу лѣшіе...

— Ай! взвизгиваетъ одна изъ дѣвокъ, заслышавъ шорохъ изъ кустовъ волчьихъ ягодъ.

— Ктой-то шуршитъ!

— Ай! разомъ взвизгиваютъ всѣ дѣвки и бросаются вразсыпную съ разноголосымъ визгомъ.

— Волки! кричитъ одна.

— Дѣвонки, волки! подтверждаетъ другая.

Изъ кустовъ, дѣйствительно, слышится звѣриное ворчаніе, но не проходитъ и полминуты, какъ оттуда съ гикомъ и хохотомъ вылѣзаютъ молодые парни и изо всѣхъ силъ устремляются за дѣвками.

— Петруха! держи дѣвчатъ! кричитъ одинъ.

— Вонъ за Машкой, паря, жарь!

— Ну, а я за Ѳеклушкой... Погажь, толстомясая!.. Телка брыкливая!..

— Наддавай, наддавай жару, Паранька!

— Парни! Парни! визжатъ дѣвки оправившись отъ испуга и разглядѣвъ своихъ преслѣдователей.

— Ѳеньку, робя, нагоняй, Ѳеньку!

— Нѣту, братъ, выкуси! Я за Ѳенькой...

— И я за Ѳенькой! Чортъ ты колченогій...

Дѣвки летятъ со всѣхъ ногъ отъ парней, онѣ знаютъ что пойманной придется худо...

Одинъ парень догоняетъ Ѳеню запутавшуюся въ травѣ и хочетъ схватить ее.

Та, круто повернувшись и тяжело дыша отъ бѣга, останавливается. Ея смѣшливые глаза теперь сверкаютъ и приняли вызывающее выраженіе.

— Только трожь, трожь только! замѣчаетъ она преслѣдователю.—Я те по загривку-то хлестну!..

И рука рѣзвушки ужь поднимается точно для удара.

Парень опѣшилъ; онъ не ожидалъ такой крутой постановки дѣла и стоитъ глупо съ выпученными глазами и разинутымъ ртомъ, Ѳенька уже далеко и несется съ громкимъ хохотомъ къ лѣсу довольная ловкимъ маневромъ своимъ.

Между тѣмъ солнце ужь давно спряталось за горку, черныя тѣни деревьевъ вытянулись по дорогамъ и легли на потускнѣвшій горизонтъ.

Забѣжавшей впопыхахъ далеко въ лѣсъ Ѳенѣ стало страшно. Деревья всѣ сдѣлались такими черными, непріятными; вѣтви точно гуще стали, а вѣтеръ страшно шелеститъ листьями, точно ворчитъ что-то. А вотъ прямо передъ глазами какое дерево стоитъ, будто нечистый какой: и двѣ ноги у него, и руки раскинулъ, такъ и хочетъ схватить. Ѳеня остановилась въ нерѣшительности и ясно услышала какъ стучитъ въ груди ея собственное сердце.

„Страшно!“ подумала дѣвушка, и ея губы зашевелились, точно хотѣли зачѣмъ-то повторить это тяжелое слово.

А темнота все гуще, непріятнѣе. Къ тому же Ѳеня знала что съ наступленіемъ сумерекъ выйдетъ на добычу самъ лѣшій, просыпающійся, какъ извѣстно, въ это время.

„Домой торопиться надоть!“ мелькнуло въ головѣ Ѳени. „Поди, мамка“... выговорила она и вдругъ вздрогнула всѣмъ тѣломъ: въ кустахъ съ другой стороны лѣсной поляны что-то зашевелилось, кусты затрещали, зашуршали, и что-то черное, мохнатое выкатилось на открытое мѣсто.

— Ай! нечеловѣческимъ голосомъ взвизгнула дѣвушка, бросилась бѣжать и запуталась въ цѣпкомъ хмелѣ и чилигѣ. Она съ силой рванулась изъ своихъ оковъ, путы лопнули, она шарахнулась въ сторону и опять завязнувъ въ цѣпяхъ начала рваться и биться, крича изо всѣхъ силъ и слыша что что-то тяжелое прискокомъ неловко и грузно валится прямо къ ней. Въ глазахъ у дѣвушки разомъ потемнѣло, она услышала еще какой-то крикъ, скокъ, затѣмъ сопѣнье и ужасный ревъ...

— Ай! взвизгнула она, открывъ глаза и увидавъ что-то черное склонившееся близко къ ея лицу.

— Али спужалась дюже? слышитъ дѣвка надъ собою голосъ, но не отдавая себѣ отчета все еще испуганно протягиваетъ руки какъ бы для защиты и упирается ими въ человѣческое лицо.

Ѳеня смутно соображаетъ и чувствуетъ, какъ у сердца словно что-то отпустило и тепло по жиламъ побѣжало, но открыть глаза все же боится.

— Ишь, горячо какъ перетрухнула! повторяетъ надъ ней тотъ же голосъ.

Ѳеня поворачиваетъ лицо въ сторону и открывъ глаза снова взвизгиваетъ во весь голосъ: около нея лежитъ черная, косматая масса и чья-то голова съ разинутой пастью.

— Да чего ты? повторяетъ надъ ней спокойный голосъ.— Видмедь-то карачунъ велѣлъ! Небось, теперича не укуснетъ онъ!

Только теперь дѣвушка рѣшается взглянуть на то что̀ наклонилось надъ нею и замѣчаетъ великана-парня. Да какой-то незнакомый будто.

— Кто ты? спрашиваетъ Ѳеня, все еще не поднимаясь съ земли.

— Я-то? спрашиваетъ великанъ и улыбается своей ши-

рокой доброй улыбкой отъ которой на сердцѣ у дѣвушки дѣлается легко и отрадно.—Я-то кто буду? Я такъ... человѣкъ...

— Вижу и безъ тебя что не видмедь! отвѣчаетъ вскакивая Ѳеня. Къ ней возвращается ея обычный задоръ. — А кто ты таковъ и откуда будешь?

— Кто я-то? переспрашиваетъ парень, добродушно улыбаясь.

— Да ужь, конечно, ты, безтолковый!

— Я Силантій, а прозвище Гордѣевъ, это мое-то...

— Ну, а меня зовутъ Ѳенькой... А прозвища у меня... будто нѣтъ...

Парень улыбается.

— Бой ты, видно, дѣвка, говоритъ.

— Видно что эдакъ... А ты какъ сюда попалъ?

— Какъ, тоись, такъ?

— Экой ты несуразный! Я тебя спрашиваю: зачѣмъ ты тутъ подъ ночь шляешься?

— А это-то? указываетъ парень на черную массу.—А видмедь-то?..

— А! Такъ это ты его...

— Знамо. Задрать, вишь, онъ те хотѣлъ, да я его того... рогатиной ка-акъ пырнулъ!..

— Вонъ оно чтò!

— Да. Такъ онъ тутъ и капутъ...

— Такъ ты молодецъ, видно...

Парень довольно улыбается. И нравится Ѳенѣ эта добрая простая улыбка.

— Такъ это, значитъ, ты меня уберегъ? припоминаетъ она.—Право, молодецъ ты... А я, вишь, заплуталась... Ты изъ какого села-то будешь?

— Я изъ Сосновки...

— Ну, а я изъ Каменнаго... Недалече это... Слышь, парень, я вѣдь одна-то, чего добраго спужаюсь, такъ доведи меня до мамки, а потомъ ступай себѣ по здорову... Чтò жь, ладно, ай нѣтъ?

— Чтò жь, ладно, вѣстимо!

— Ну, вотъ. Ну, пойдемъ..

Они отправились

— Ты чтò жь, охочишься на видмедей что ли-ча?

— Знамо, охочусь! Когда ежели придется...

— Такъ съ рогаткой и ходишь?

— Не... и ружьишко у меня есть... Да тогда-то не успѣлъ, какъ на те бѣжалъ онъ...

— Да, ты молодецъ! повторила дѣвушка.

Оба помолчали.

Воздухъ сдѣлался свѣжимъ, вѣтерокъ усилился и заколыхалъ вѣтвями деревьевъ. Но не страшенъ теперь Ѳенѣ ихъ ропотъ: съ такимъ великаномъ она ничего не боится. Дѣвушка шла и изрѣдка посматривала на своего собесѣдника.

Ей нравилась его мощная фигура, его кудрявая свѣтлая бородка и добрая улыбка. Силантій тоже иногда искоса оглядывалъ спасенную имъ дѣвушку, но тотчасъ же опускалъ глаза, когда она ловила этотъ взглядъ.

„Ишь, бирюкъ какой!“ думала Ѳеня про себя. „Видно, бобыль онъ на селѣ... Глаза боится поднять...“

Они дошли до пруда. Освѣщенный миріадами небесныхъ огней и рожкомъ народившагося мѣсяца, онъ былъ красивъ со своей искрящейся зыбью по темно-синему фону.

Ѳеня остановилась у пруда. Отсюда уже была близка ихъ деревня.

— Вишь, какъ мѣсяцъ-то горитъ! замѣтила она поглядывая на парня.

Силантій перевелъ глаза на сверкающую зыбь пруда.

— Да, смущенно пробормоталъ онъ.—Свѣтится...

— А тутотко ночью-то хорошо! добавила Ѳеня, не спуская глазъ съ Силантія.

— Да, хорошо! замѣтивъ на себѣ взглядъ дѣвушки и еще болѣе смущенный проговорилъ тотъ отворачиваясь.

Ѳеня лукаво улыбнулась.

— А придешь сюда завтра вечеромъ? вдругъ спросила она игриво кривя губки.

— Чего? робко переспросилъ парень.

— Ахъ ты, бирюкъ... засмѣялась дѣвушка.—Вотъ ужь ты и есть видмедь-то настоящій! Право слово, видмедь!

И она повторила ему свой вопросъ.

Парень будто съежился.

— Для ча придтить-то? спросилъ онъ путаясь.

— И я тоже приду! Тогда придешь?

— Тогда приду!

Дѣвушка громко и весело расхохоталась.

— Чего ты? недоумѣвающе спросилъ парень.

— Такъ... Я подшутила... А ты лучше скажи, завтра придешь ты за видмедемъ-то своимъ?

— Знамо, приду! Да какъ же не приду, коли я тамъ у него и заночую...

— А нешто видмеди те не съѣдятъ тамъ?

— Какіе?

— А я почемъ знаю какіе! Придутъ да и съѣдятъ!

— Не... улыбнулся парень.—Не съѣдятъ!

— Почему жь это?

— Подавятся...

Ѳеня улыбнулась.

— А вѣдь ты молодецъ! проговорила она.—Такъ завтра поутру я приду посмотрѣть видмедя-то твоего... Ты подожди.

— Знамо, подожду.

— Ну, то-то же! А теперь прощай.

— Постой малость...

— Ага! разговорился! Нѣтъ, парень, шалишь, меня мамка ждетъ...

— У меня тоже мамка! ухмыльнулся парень.

— Ну вотъ... Ну, прощай, прощай пока...

— Ну, прощай.

— Прощай, ты... видмедь!

И Ѳеня захохотавъ побѣжала по берегу пруда.

Силантій же долго стоялъ на берегу задумчиво смотря въ воду и почесывая затылокъ. Его мысли были точно чѣмъ-то взбудоражены.

„Эхъ... дѣвка!“ бормоталъ онъ вздыхая и отправляясь къ мѣсту, гдѣ онъ положилъ медвѣдя на ночевку.

II.

Миновавъ прудъ Ѳеня скоро добѣжала до села и успокоясь неторопливо побрела по улицѣ къ своему дому.

На улицахъ еще было замѣтно нѣкоторое оживленіе. То бѣгали парняги и дѣвки возвратившіеся съ гулянки.

Къ дѣвушкѣ стали приставать парни, но та сердито прогнала ихъ отъ себя и постучалась въ низенькое оконце своей хатки.

„Заснула мамка, должно!“ думала она подходя, но оказалось что старая Дарья и не ложилась спать поджидая запоздавшую дочурку.

— Ну, ну, гулёна! ворчаніемъ встрѣтила Ѳеню мать. — И нѣтъ того чтобы во-время спать улечься, нѣтъ того въ тебѣ: до пѣтуховъ идѣ-то шлёндаетъ! А мать тутъ сидитъ да ждетъ не ложась!

— Ахъ, мамка, мамка! Да ты не знаешь всего!

— Чего? спросила старушка засвѣчивая огонь и садясь къ дочери на скамью.

— Да того. Вонъ нониче я съ видмедемъ устрѣлась!

— Чего ты городишь, баловница?

— Пра, мамка, съ видмедемъ! Только онъ хорошій такой, ласковый... Смѣется...

— А я-то, старая, изъ ума выжила! съ негодованіемъ заговорила Дарья поднимаясь со скамейки. — Я-то, старая, уши развѣсила, а дура-дѣвка вретъ, да усмѣхается.

— Да, право, право же, мамка!.. Вотъ те Богородица, ежели не съ видмедемъ...

— Ай-ай? съ испугомъ спросила старуха подсаживаясь.— И взаправду? Чего жь ты городишь что смѣется? Да нешто станетъ те видмедь смѣяться?

— А вотъ смѣялся... Только это не видмедь, а парень... Онъ его-то и уложилъ!

И дочь начала разказывать матери о своей встрѣчѣ въ лѣсу.

Старая Дарья долго вздыхала, ужасалась, удивлялась и даже побранивала дѣвку чтобъ не шлялась подъ вечеръ по лѣсу, наконецъ, ея старое вниманіе утомилось, и она легла спать.

— Мамка, а вѣдь молодецъ парень-то? спрашивала у матери Ѳеня тоже раздѣваясь.

— Чего жь не молодецъ! зѣвая подтверждала старуха.

— Да рослый такой онъ!

— Смотри ты у меня, проказница! предостерегала Дарья.— А я-то жду-пожду, дѣвки нѣту... Ахъ, ты такая-сякая, думаю... Вотъ погоди, говорю, какъ придешь... грозно говорила старушка, но сама въ душѣ была очень рада что дочушка пришла и все благополучно.

— Ты знаешь, мамка, онъ, это Силантій-то, видмедя на рогатинку ка-акъ пуститъ, такъ ему и капутъ сразу... Молодецъ онъ, этотъ Силантій, право!..

— Еще бы, засыпая подтверждала старуха.—Одначе ты, дѣвка, вонъ что: спи-ка лучше себѣ на здоровье... Ишь, и пѣтухъ у тетки Агафьи запѣлъ... горластый какой... Охо! Охо!

Старая Дарья заснула.

Только Ѳенѣ что-то не спалось, точно давно ужь она выспалась. Дѣвушкѣ было какъ-то неловко на ея полушубкѣ; сразу Богъ вѣсть съ чего-то жарко становилось, то знобно дѣлалось; раскроешься, холодъ по тѣлу идетъ, инда мурашки

бѣгаютъ, закроешься, жарко опять станетъ... Ѳеня ворчала недовольно, вздыхала, зажмуривала глаза, но сонъ не являлся. Взамѣнъ этого передъ ея глазами все торчала фигура широкоплечаго Силантія. Стоитъ надъ головой и не отходитъ. Ѳеня даже бранила *его* чтобъ отошелъ. Такъ нѣтъ же тебѣ, не слушается! Экой противный!.. Вонъ и пѣтухъ опять горланитъ, а въ оконцо ужь и разсвѣтъ брезжится...

— Экой противный этотъ Силантій! ворчитъ дѣвушка ворочаясь съ бока на бокъ и то обнажая себя, то опять закутываясь съ головой въ одѣяло.—У, видмедь эдакій! недовольно раздумываетъ Ѳеня.— Ишь, свѣтло почитай совсѣмъ. И все видмедь виноватъ...

Наконецъ, дѣвушка заснула.

Но не долго спала она. Быстро вскочивъ съ постели она вспомнила все вчерашнее и стала торопливо одѣваться.

Старая Дарья еще спала. Она измучилась поджидая вечеромъ дочушку.

Ѳеня потихоньку вышла изъ избы и направилась по улицѣ къ пруду.

Деревня еще не просыпалась. Только собаки лѣниво зѣвая и потягиваясь вылѣзали изъ подворотень. Онѣ еще не проснулись хорошенько и имъ даже было лѣнь полаять на дѣвушку.

III.

Завернувшись съ головою въ армякъ крѣпко спалъ Силантій, когда дѣвушка пришла на мѣсто ихъ вчерашней встрѣчи.

Она молча посмотрѣла на спавшаго парня, поглядѣла на сваленную имъ медвѣжью тушу и сѣла на бугорокъ невдалекѣ. Но минуту спустя она вскочила, подбѣжала къ спящему и толкнула его ногой. Силантій не шевелился. Дѣвушка толкнула еще разъ.

Парень приподнялъ армякъ и взглянулъ на Ѳеню сонными глазами.

— Ну, ты, видмедь! проговорила дѣвушка стараясь чтобы это было похоже на недовольный тонъ.—Ишь, разоспался...

— Пришла... промычалъ парень.

Очевидно, онъ не распознаналъ ея тона.

Ѳеня сдвинула брови.

— Ну, вставай, вставай; чего дрыхать-то зря?

— Рано ты пришла... проговорилъ парень.

Та будто сконфузилась.

— Вишь, пришла на видмедя поглядѣть! недовольно сказала она бросая исподлобья взгляды на парня.

Силантій пробудился окончательно. Онъ вскочилъ на ноги и потянулся.

— И разоспался же я! протянулъ онъ.

Ѳеня сдѣлала гримаску.

— И дурень же ты! крикнула она Силантію.

Тотъ улыбнулся.

— Чего?

— Да ничего! съ сердцемъ проворчала дѣвушка.

— Да чего жь ты серчаешь? спросилъ ее парень, притомъ такъ добродушно, ласково, что Ѳеня улыбнулась.

— Послушай, ты чего ночью во снѣ видѣлъ? вдругъ спросила Ѳеня взглянувъ на него строго.

Парень широко открылъ глаза.

— Видѣлъ? протянулъ онъ.—Я-то?

— Да вѣстимо не поповская собака!

— Я-то? Я ничего не видѣлъ...

— А я видѣла во снѣ сегодня видмедя!

— Вонъ оно чтò! И зачѣмъ же ты его видѣла?

— А я почемъ знаю! раздраженно отвѣтила дѣвушка, но вспыхнула и отвернулась.—Экіе вопросы у тебя глупые!

Она сѣла на бугорокъ и надула губки.

Силантій постоялъ съ минуту на мѣстѣ, потомъ почесалъ затылокъ, вздохнулъ и неловко подошелъ къ Ѳенѣ.

— Ты чего-то опять разсерчала? спросилъ онъ ее заглядывая на дѣвку робкими, но добрыми-добрыми голубыми глазами.

— Да вовсе не разсерчала! отвѣчала дѣвушка. — Только я до дому пойду.

— Погажь! попросилъ парень.—Куда торопишься-то?

— А чтò мнѣ здѣсь дѣлать-то?

Парень какъ-то удивленно повернулъ къ ней свои глаза, хотѣлъ было что-то сказать, но не сказалъ и потупился.

Прошла порядочная пауза.

— Ну, прощай! вставая проговорила Ѳеня готовая расплакаться.

— Право, погажь малость.

— Да чего мнѣ съ тобою годить-то?

Парень вздохнулъ и не отвѣтилъ ни слова.

— Ну, прощай! повторила дѣвушка и сдѣлала нѣсколько шаговъ, но потомъ остановилась и сѣвъ на поваленное бурей дерево расплакалась.

Силантій быстро подошелъ къ ней. Постоялъ, помолчалъ и, наконецъ, выговорилъ:

— Ну, чего ты?

— Ничего! сердито отвѣчала Ѳеня продолжая плакать.

— Право, перестань. Зачѣмъ это?.. просилъ парень подсаживаясь къ ней и заглядывая какъ собака въ ея лицо.

— Такая дѣвка... и плачетъ...

Дѣвушка подняла на него заплаканные глаза.

— Какая дѣвка? спросила она.

— Какъ какая? Да ты дѣвка!.. и плачешь... хорошая дѣвка...

— Развѣ я хорошая дѣвка?

— А то? Нешто плохая ты?

— Хорошая значитъ?

— Ничего, хорошая.

— Видмедь ты, вотъ ты кто!

— Опять видмедь! улыбнулся парень.

Разсмѣялась сквозь слезы и Ѳеня.

— Такъ-то лучше! выговорилъ Силантій. — Нешто слѣдъ те плакать?

— Такъ хорошая? спрашивала не слушая дѣвушка. — Такъ я те и взаправду того... по нраву?..

— А то? несразу отвѣтилъ парень.—Знамо...

Ѳеня не дала ему договорить.

— А сегодня вечеромъ къ пруду придешь, видмедь? спросила она его лукаво складывая свои губки.

— Я-то? Приду! отвѣчалъ Силантій.

— Ну, прощай, видмедь! быстро проговорила Ѳеня и пошла къ пруду. Но черезъ минуту она бѣгомъ возвратилась къ глядѣвшему ей вслѣдъ парню и стала прямо передъ нимъ прищуривъ свои глаза уставленные на него въ упоръ.—Ну, прощай! еще разъ сказала дѣвушка и вдругъ поднявшись на цыпочки поцѣловала его въ губы.

Когда Силантій пришелъ въ себя, Ѳеня была уже далеко и бѣжала по канавамъ пруда съ своимъ задирательнымъ смѣхомъ.

IV.

Весело бѣжала Ѳеня по улицамъ роднаго села. Хорошо у нея на душѣ такъ было, точно мамка ей цѣлый сарафанъ изъ заморскаго бархата или красную кофту изъ шелка басурманскаго сшила. Прибѣжала домой радостная, какъ птичка весенняя съ пѣсенкой.

— Гдѣ была? ворчливо спросила дочь старая Дарья. Она уже давно встала и теперь убирается по хозяйству.

— Я-то? весело переспросила Ѳеня.—Я у бабушки Перпетуи была.

— Чего? занегодовала старуха. — Ахъ ты, ахъ ты, постыдница! Да лопнуть мнѣ на этомъ самомъ мѣстѣ, коль сейчасъ у меня эта самая Перпетуя-коменичиха не была!..

Дѣвушка вспыхнула какъ зарево пожара, но сейчасъ же подбѣжала къ матери и усѣлась передъ нею на опрокинутый чугунъ поставленный у печки на полъ.

— Мамка! сказала она.

— Ну, чего? недовольно спросила Дарья.

Молчаніе.

— Ахъ, ты, Господи! прервала старуха небольшую паузу.— Да никакъ ты, полоумная, на чугунъ усѣлась? Пошла, негодница, съ чугуна! Неравно сломаешь, чѣмъ-отъ потомъ управляться будемъ?.. Ну, ну, слѣзай! ворчала Дарья, между тѣмъ какъ ея морщинистыя черты разглаживались подъ взглядами любимой дочушки.

— Я вѣдь соврала-те, мамка! заявила Ѳеня.

— Да ужь коли въ проруху попались, то созналась! стараясь чтобъ вышло построже проговорила мать.

— Нѣтъ! отрѣзала дѣвушка.—Все равно бъ я те сказала все... Была я въ лѣсу.

— Опять?

— Видмедя смотрѣла!

— Смотри, не догуляйся до чего съ видмедемъ-то своимъ!

— Да вѣдь онъ убитый! лукаво усмѣхаясь и уставясь глазами на мать проговорила Ѳеня.

— То-то убитый... Ну, пусти, пусти, чего работать-то мѣшаешь... Пошла, пошла, телка!

— Мамка, да я сама-те помогу!

— Ну тебя! Еще помощница нашлась! Сама и безъ тебя управлюсь! Да не лѣзь, ну-те къ проказнику!

Ѳеня захохотала и бросилась на шею къ матери. Старая Дарья отбивалась, шумѣла, ворчала чтобъ шалунья отошла поскорѣе и сама въ душѣ была очень рада шумнымъ ласкамъ дочери.

— Пусти, пусти, шалая! отбивалась старуха.—Горшокъ разобьешь... Тише, тише! Такъ и есть! Ухнулъ горшочекъ мой! Полоумная, и впрямь полоумная! Чего гогочешь-то?.. Разбила посуду и зубоскалитъ! Да кто тебя такую выдумалъ?.. Эвона! На куски расхлестало!.. Телка ты, телка несуразная!..

Долго еще ворчала и бранилась старуха. И долго старческій, ворчливый голосъ перемѣшивался съ молодымъ и свѣжимъ голоскомъ Ѳени...

Къ вечеру дѣвушкѣ опять стало неспокойно. Она не могла усидѣть минуты на мѣстѣ, а все выбѣгала на улицу и смотрѣла какъ клонится къ закату за горку солнышко.

— Ишь, какъ сегодня долго на небѣ-то стоитъ! недовольно разсуждала сама съ собой Ѳеня...

— И чего только стоитъ? Вѣдь ужь нажарило всѣхъ всласть, накалило, и довольно...

Еще солнце выглядывало изъ-за горы и причудливо красило тускнѣющими лучами горизонтъ, когда дѣвушка уже была на берегу пруда.

— И чего это Силантій не идетъ? раздумывала Ѳеня садясь у кустиковъ шиповника.—Вѣдь сказалъ... А ну, какъ не придетъ! мелькнуло у нея въ головѣ.—Вѣдь отъ него станетъ!

Невдалекѣ послышался шорохъ.

Дѣвушка вздрогнула и обернулась.

Передъ нею стояла вытянувъ шею рыжая корова.

— Ну, чего ты! обратилась къ ней Ѳеня.—И вовсе тебя здѣсь не надо!.. Ай! чуть слышно вскрикнула она запримѣтивъ издали идущаго къ пруду парня.—Идетъ!

Ѳеня тихонько проползла къ кустамъ толовъ и спрятавшись въ нихъ стала наблюдать. Силантій торопливо подошелъ къ берегу и остановился оглядываясь по сторонамъ.

— Чего это? вслухъ проговорилъ онъ.—Вѣдь сказала, а не пришла!

Лицо у парня сдѣлалось уморительное, можетъ-быть, отъ того что на немъ обрисовалось подобіе отчаянія и смущенія.

Ѳеня не вылѣзая изъ кустовъ громко расхохоталась.

Силантій быстро обернулся и увидалъ дѣвушку.

— Вотъ ты гдѣ! протянулъ онъ.—Зачѣмъ же ты спряталась-то?

— А такъ. А тебѣ что за дѣло? быстро спросила Ѳеня.

— Да я такъ, оробѣвъ, пробормоталъ парень и остановился.

Помолчали.

— Ну, чего жь стоишь ты, видмедь! вдругъ спросила дѣвушка.—Садись сюда ко мнѣ... Такъ...

Парень неловко и точно съ опаской усѣлся около Фени.

— Ну, говори! приказала та.

Силантій вскинулъ на нее свои глаза.

— Чего говорить-то? спросилъ онъ.

— А чего хочешь, видмедь ты эдакій.

Парень не говоря ни слова вдругъ неожиданно для Ѳени, а, быть-можетъ, и для себя самого, потянулся къ дѣвушкѣ и облапивъ ее крѣпко поцѣловалъ въ щеку. Ѳеня быстро вскочила.

— Вотъ ты какъ! закричала она.—Съ чего это ты, видмедь, разошелся?.. Ишь ты, какой сразу сталъ прыткій...

Дѣвушка была готова вновь разсмѣяться испуганной по-дѣтски фигурѣ этого великана.

— А развѣ нельзя? наивно спросилъ тотъ.

Ѳеня смягчилась.

— Можно, только ты не сразу! А-то чуть не задушилъ, вотъ ужь видмедь... Ты полегче... Ну-ка, попробуй... Да смотри, легче...

Парень улыбнулся своей широкой улыбкой и потянулся къ дѣвушкѣ.

— Постой, постой! запротестовала та.—Ого, какой ты сталъ смѣлый! Пусти!

— А вотъ не выпущу! вдругъ выговорилъ парень, но ужь испугался смѣлости своихъ словъ.—Не пущу! закричалъ онъ и началъ горячо цѣловать свою Ѳеню.

— Пусти, негодный видмедь! хохотала дѣвушка выбиваясь изъ лапъ своего медвѣдя.—Пусти скорѣй, ну?..

— Я и завтра сюда приду! съ блестящими глазами объявилъ Силантій.—Пра, приду! Чего я, въ самомъ дѣлѣ!

Ѳеня взглянула на его возбужденное лицо и коварно улыбаясь проговорила:

— Ну, то-то! А пока прощай.

Парень хотѣлъ было вновь облапить дѣвушку, но та ловко вывернулась и отбѣжала.

— Довольно! Ладно съ тебя, а то зазнаешься!..

И Ѳеня не оглядываясь побѣжала домой, между тѣмъ какъ парень еще долго стоялъ на пруду и счастливо улыбался...

V.

Потянулись, замелькали для Ѳени веселые деньки, радостные.

Чуть проснется, ужь пѣсни поетъ, работаетъ съ пѣснями; всякая работа у ней спорится... Свечерѣетъ, бѣжитъ дѣвушка къ завѣтному мѣстечку. А тамъ ужь стоитъ - дожидается Силантій.

„Все поздно приходишь", говоритъ да жалуется... А смѣлый какой сталъ, да складный, ужь давно перестала его Ѳеня видмедемъ звать...

Но не перемѣнилась въ характерѣ своемъ дѣвка; еще пущей проказницей сдѣлалась, хороводницей. Ни одного праздника дѣвическаго не пропуститъ, ни веселья какого... Вездѣ празднуетъ!..

Іюнь мѣсяцъ ужь кончается.

Вотъ ужь два мѣсяца какъ любятся они, сталъ Силантій подумывать какъ бы къ свадебкѣ повернуть.

— А, Ѳеня, говоритъ ей парень, — надоть хоша мамкѣ твоей сказать... Право, нехорошо будто такъ...

— Ну, ладно ужь. Приходи завтра, скажу мамкѣ все... Да! знаешь, завтра мы будемъ солнышко караулить, такъ приходи, а опосля и къ мамкѣ пойдемъ... Только приходи ты ряженый, какъ и слѣдъ тому...

Вздохнулъ Силантій, затылокъ почесалъ.

— Чего дѣлать-то будемъ?

— Какъ чего? А солнышко устрѣть? Гуторятъ, столбы на ночь къ Петру и Павлу отъ него восходятъ разные! Они синіе да зеленые, всякіе! Любо смотрѣть будетъ!..

— Ладно! со вздохомъ проговорилъ Силантій отправляясь домой.

„Экая она"... раздумывалъ парень дорогой. „Право же, какая она"...

Силантій хотѣлъ что-то сказать, но не смогъ.

— Вѣдь ребенокъ еще Ѳеня, дѣвочка... мелькало у парня въ головѣ.

— А и чего бы ждать отъ ребенка, отъ дѣвочки которой еще шестнадцати годковъ не минуло? И любитъ-то она рѣзвясь да играючи...

Долго еще раздумывалъ Силантій о своей ненаглядной Ѳенѣ.

Солнце ужь давно за гору спряталось, темно ужь стало, а на деревнѣ гамъ стоитъ несмолкаемый. По улицамъ тамъ и сямъ бродятъ парни и дѣвки съ чугунами и сковородами; мальченки бѣгаютъ, стучатъ, звенятъ въ нихъ, кричатъ во весь голосъ.

Парни съ дѣвками косами и серпами лязгаютъ, стараются шуму надѣлать побольше чтобъ спать не дать сельскимъ жителямъ.

Бранятся степенные мужики и старухи со стариками ворочаясь на постеляхъ и стараясь спрятаться съ головой въ одѣяла и армяки чтобъ не слышать адскаго грохота.

— Экіе непутевые! Экіе шалаганы! ворчатъ они.

Но молодежи и дѣла до того нѣтъ, гуляютъ себѣ, веселятся, да и только...

Да еще не то будетъ какъ къ полуночи дѣло подойдетъ...

Мѣсяцъ ужь высоко взобрался на небо, усѣлся посреди его и смотритъ какъ веселиться будутъ люди крещеные да „солнышко караулить“...

Въ избѣ старой Дарьи горитъ огонь. Упросила Ѳеня мамку дать имъ на ночь эту избу чтобъ можно было попріодѣться, да порядиться, какъ оно наканунѣ Петра и Павла слѣдуетъ.

Шумно въ избѣ. Хохотъ, визгъ, пискъ. Дѣвки наряжаются, убираютъ себя лентами яркими, цвѣтами разными; между ними Ѳеня такъ и бѣгаетъ. Разодѣтая вся, красивая такая! Стоятъ парни по угламъ, да такъ глазъ и не спускаютъ. И Силантій стоитъ тутъ: зазвала его дѣвушка, только мамкѣ кто таковъ говорить заказала строго настрого.

Недоволенъ парень этимъ, не по нраву ему все веселье это, да ослушаться своей красавицы не смѣетъ, покоряется... Къ тому же и потѣшить-то ее хочется.

Одно только не нравится Силантію, это то что ужь больно всѣ на Ѳенюшку заглядываются...

— Ну, дѣвки, кричитъ Ѳеня,—нарядились, убрались вы, и ладно... Пока ступайте во дворъ... Теперь кой-какихъ парней обряжать будемъ! Смотрите, только не выходите со двора пока...

Начинается ряженье парней.

Неприхотливы вкусы русскаго человѣка. Чего нѣтъ, то воображенье дополнитъ.

Вотъ стоитъ парень. Лицо у него угольями вымазано, а въ рукахъ кнутъ огромный. Это цыганъ Махмудка, воръ, мошенникъ и пьяница. И сейчасъ у него изъ-за пазухи полбутылки торчитъ.

Вотъ парень. Надѣлъ онъ вывернутый полушубокъ и съ успѣхомъ изображаетъ изъ себя чорта, да такого страшнаго что какъ подойдетъ къ маленькой Паранькѣ или толстопузому большеголовому Ванюшкѣ, тѣ крикомъ кричать отъ испуга начинаютъ.

Вотъ долговязый парень въ армякѣ и съ мочальной веревкой сзади отлично представляетъ изъ себя волка. И урчитъ такъ, будто не парень Митюха онъ, сынъ Прохора бочара, а и взаправду злой волкъ, да еще голодный.

А вотъ и медвѣдь съ поводыремъ. Медвѣдь показываетъ штуки разныя, какъ горохъ ребята воруютъ, какъ на печи баба сидитъ, на четверенькахъ бродитъ, поводырь кричитъ на него и палкой бьетъ совсѣмъ какъ настоящаго...

Наконецъ, очередь доходитъ и до Силантія.

— Принесъ спиджакъ-то? спрашиваетъ его Ѳеня.

— Знамо, нехотя отвѣчаетъ парень.

— Ну, и ладно! весело говоритъ дѣвушка.

— Становись сюда!

— Какъ его наряжать-то будемъ? спрашиваетъ Ѳеню дѣвка помогающая ей.

— Чиновникомъ, отвѣчаетъ та.

— Чиновникомъ, чиновникомъ! захлебываясь отъ восторга кричитъ толпа, и всѣ медвѣди, черти и волки тѣснятся посмотрѣть на потѣшное зрѣлище.

Ѳеня носится по избѣ съ разными цвѣтными бумажками, а Силантій со вздохомъ надѣваетъ на себя пиджакъ добытый имъ для Ѳени у барина, поповскаго сына, семинариста.

Ѳеня радостно взвизгиваетъ увидавъ Силантія въ пиджакѣ и торопливо начинаетъ прикалывать и пришивать къ нему разныя бумажки отъ конфектъ, кусочки золотой и серебряной бумаги изображающей галуны и позументы съ медалями...

Чиновникъ готовъ; осталось ему только растрепать волосы чтобъ все было какъ слѣдуетъ.

Толпа радуется и гогочетъ: скоро можно будетъ выходить на улицу.

Наконецъ, сборы и ряженье окончились.

— Выходите! командуетъ Ѳеня, и толпа вываливаетъ съ шумомъ и криками на улицу. Къ ней присоединяются ряженые изъ другихъ домовъ, по улицамъ начинаютъ визжать и пѣть-голосить всѣ гармоники какія только есть на селѣ, звяканье косъ, серповъ, чугуновъ и тазовъ дѣлается ожесточеннымъ, и ряженые начинаютъ бѣгать по домамъ, будить и

расталкивать всѣхъ разоспавшихся обывателей которые забыли запереть двери своихъ избъ.

На деревнѣ поднимается невообразимая кутерьма, суматоха которая носитъ названіе солнечнаго карауленья...

Веселье молодежи все ростетъ: по улицамъ начинается пляска которая постепенно переходитъ въ бѣготню... Парни начинаютъ гоняться взапуски съ дѣвками и за дѣвками, кучи гуляющихъ рѣдѣютъ и всѣ разбѣгаются кто куда попало...

Вотъ за Ѳенькой съ рычаньемъ погнался какой-то чортъ. И откуда только такой взялся: длинный да тонкій, а во рту точно огонь горитъ...

Испугалась дѣвушка, взвизгнула и полетѣла по улицѣ куда глаза глядятъ. Вотъ ужь и мостъ скоро будетъ, а сатана все рычитъ и гонится. Экой діаволъ, въ самомъ дѣлѣ...

Увидала Ѳеня что на берегу рѣки будто народъ стоитъ и понеслась туда во весь духъ. Бѣжитъ, а сама все оглядывается: а тотъ, сатана-то, нагоняетъ все...

Вотъ сейчасъ поймаетъ!.. Вотъ!

Рванулась Ѳеня и крикнула: чувствуетъ она что летитъ куда-то внизъ и не можетъ опомниться, а сама ужь въ водѣ барахтается: съ яру упала, значитъ.

— Спасите! кричитъ дѣвушка стараясь держаться на поверхности воды.—Спасите!

Ѳеня не ошиблась: у рѣки дѣйствительно были люди, только стояли они на другомъ берегу; не разсмотрѣла она въ темнотѣ да впопыхахъ.

— Спасите! носится по водѣ ея голосокъ.

— Никакъ тонетъ кто-то! замѣчаютъ въ толпѣ...

— Кажись, дѣвка какая шарахнулась!

Послѣднее слово совпало съ шумнымъ всплескомъ рѣчной воды. Съ берега въ воду грузно кинулся къ утопавшей гигантъ и поплылъ по рѣкѣ...

Сильно схватилъ онъ дѣвушку мускулистой рукой и поплылъ по теченію къ пологому спуску берега.

Туда уже поскакали во весь духъ парни. Вотъ гигантъ вышелъ съ своей ношей на берегъ и поднесъ ее къ зажженной лучинѣ.

— Ѳеня! прокричалъ онъ.

Видятъ парни что передъ ними дѣвка Ѳенька, дочь старой Дарьи, а держитъ ее парень-силачъ что̀ еще чиновникомъ снаряжали...

Парень повелъ продрогшую дѣвушку домой. Ѳеня была

очень испугана и въ первый разъ покорно слушала тихіе разговоры Силантія.

— Во второй разъ, Ѳенюшка, спасти мнѣ тебя случай привелъ. Беречь бы те себя надобно... твердилъ онъ дѣвушкѣ дорогой...

Такъ и не удалось Ѳенѣ подкараулить солнышко. Не пошла она на улицу, а тамъ безъ нея подкараулили... Разказывали ей потомъ дѣвки что отъ солнышка выходили столбы разноцвѣтные большіе-пребольшіе, да еще кольца синія, красныя да зеленыя... Увѣряли онѣ Ѳеню что завсегда такъ наутрѣ Петрова дня бываетъ, только она такъ и не повѣрила...

VI.

Страшно перепугалась старая Дарья какъ увидѣла дочь мокрую всю, продрогшую. Да и Ѳеня сама была смущена и безъ обычной смѣшливости прослушала мамкины попреки.

— Ахъ ты, шалая твоя голова! кричала старуха укутывая переодѣтую дѣвушку въ полушубки.—Да нешто мои старые глаза услѣдятъ за всѣми твоими проказами! Ахъ ты, Господи! суетилась она разогрѣвая жестяной чайникъ.—И куда это только крышка запропастилась? Ахъ ты, грѣховодница эдакая!.. Вотъ ужь напугала-то! Помяни мое слово что достукаешься ты со своими причудами! Быть бычку на веревочкѣ... Охо, охо! Ужь какъ мнѣ и благодарить те, касатикъ, обратилась она къ скромно стоявшему у притолоки Силантію.—Вѣдь спасъ ты ее, спасъ бѣдовую голову... Exe! хе!.. Простудилась [1]) я тутъ съ тобой, смаялась... Ахъ ты, сорви твою голову!..

— Да недолго, мамка, маяться-то тебѣ со мной придется! послышался изъ-подъ полушубковъ задорный голосокъ. Ѳеня, очевидно, согрѣлась и вновь оживъ сдѣлалась прежней Ѳенькой.

— Чего-о? удивленно протянула старуха.

— Да того: скоро вотъ помру, тогда и маяться не будешь.

— Ахъ, чтобъ-те чихнулось, телка непутевая! заворчала старая Дарья. — И чего только несешь, типуна нѣтъ у тебя на языкѣ?

— Право, помру, а-то... замужъ выйду! пробормотала дѣвушка и спряталась въ полушубки.

---

[1]) Изнемогла, измучилась.

— Эка! Пошла городить! продолжала мать свою ворконю.—Экая дѣвка несуразная! И все-то у ней въ головѣ причуды, нѣтъ чтобы дѣло сказать... Ахти! Чайникъ-то упустился! Заговорилась я съ тобой, непутевая...

И старая Дарья завозилась у чайника.

— Мамка! вновь заговорила Ѳеня приподнимаясь на постели.—Я не брешу: вонъ и женихъ-отъ стоитъ.

И она указала на парня.

— Ты не слушай, добрый человѣкъ, обратилась Дарья къ Силантію.—Она у меня такая вздорная дѣвка...

— Чего жь не слухать? заговорилъ подходя тотъ.—Ѳеня и взаправду говоритъ, потому *я* и есть *онъ* самый настоящій...

— Да никакъ вы оба рехнулись?! заголосила старуха всплескивая руками и присѣдая.—Да чего вы?..

Но Ѳеня ужь вскочила съ постели, съ криками набросилась на мать и стала ее вертѣть и тормошить.

— Пусти, негодница! Пусти! кричала Дарья. — Вотъ-те сама Богородица, ежели я сейчасъ же блюдца не уроню... Пусти, пусти, ахъ, ахъ! Такъ и есть, раскокала! Ахъ, нелегкая те сунула...

— Ничего, ничего, мамка! кричала Ѳеня.—Вонъ Силантій те не такихъ еще купитъ, какъ поженимся... Вѣдь это онъ видмедя-то убилъ. Купишь мамкѣ блюдцевъ съ птицами золотыми, Силантій? обратилась она къ парню.

— Безпремѣнно! счастливо улыбаясь отвѣчалъ тотъ.—Да еще съ цвѣтами райскими во все блюдечко.

— Это, значитъ, какъ у попадьи-матушки? радостно взвизгнула старушка.

— Лучше будетъ, съ усмѣшкой прокричала ей на ухо Ѳеня.

— Вотъ еще и чайникъ у насъ тоже! вдругъ озабоченно хозяйственнымъ тономъ проговорила старая Дарья.

— И чайникъ онъ те купитъ новый что̀ какъ солнце али жаръ-птица какая горѣть будетъ, обѣщала Ѳеня никакъ не могущая согнать со своего лица улыбки.

— Да неужто?! переспросила старуха воззрясь на Силантія.

— А то! просто отвѣчалъ парень.—И чайникъ купимъ, и все прочее...

— Да ты, видно, богатый! съ удивленіемъ произнесла Дарья.—Откелева ты собой-то будешь?

Силантій объяснилъ.

— Ахъ ты, Господи! просіяла старуха.—И близехонько-

то какъ! И богатый, говоришь, съ достаткомъ... Вотъ и слава те, Пресвятители! А я-то, старая, ничего не знаючи сижу, мнѣ и невдомекъ, глупой, куда это дѣвка бѣгать учала! Ахъ, грѣхи, грѣхи тяжкіе! твердила она, но ея лицо было счастливо и сіяло, можетъ-быть, не хуже обѣщаннаго новаго чайника.

Дѣло было слажено, поударено по рукамъ. Ужь совсѣмъ свѣтло было, когда Силантій вышелъ изъ избушки своей невѣсты и отправился домой чтобъ пріѣхать опять же сюда и привезти свою мать-старуху, какъ того настоятельно требовала Дарья.

Шелъ домой онъ радостный, казалось ему что все въ мірѣ улыбается да его счастію съ рѣзвушкой Ѳеней радуется. Никогда не пѣвалъ пѣсенъ Силантій, а тутъ, почитай, всю дорогу голосилъ: ужь больно свѣтло на душѣ у него было.

Радостно, тепло и у Ѳени на душѣ, и хочется ей какъ-нибудь радость свою отпраздновать, да ужь очень Силантій просилъ не бѣдокурить больно, не рѣзвиться чтобы еще въ бѣду какую не впасть.

А скучно такъ сидѣть рѣзвушкѣ. Ужь она всѣмъ дѣвкамъ-подругамъ оповѣстила на селѣ что на той недѣлѣ и свадебка будетъ у нея, и хочется Ѳенѣ свое дѣвичество справить, потому ужь больше ей въ дѣвкахъ не быть, да не знаетъ какъ чѣмъ бы повеселиться. А пока веселиться можно. Силантій въ городъ за покупками разными да нарядами уѣхалъ, вернется только къ обѣду. И любо Ѳенѣ пошалить да побѣгать, пока жениха нѣтъ; а потомъ, какъ пріѣдетъ, опять будетъ усовѣщевать да уговаривать и про недавнее купанье въ рѣчкѣ вспоминать. А какъ начнутъ это старухи обѣ гуторить, просто хоть изъ дома бѣги.

Да и убѣгла бы, ежели бъ дѣлать было чтò. Вся и бѣда въ томъ что веселиться нечѣмъ. Вотъ, развѣ вѣнки въ воду побросать, о судьбѣ будущей погадать? мелькаетъ въ головкѣ у дѣвушки.

Ѳеня ухватывается за эту мысль, собираетъ подругъ и бѣжитъ съ ними къ лѣсу на рѣчку.

Пробѣгали полями, видятъ, мужики сѣно копнятъ. Всюду стога и копёшки разставлены.

— Куда бѣжите, полоумныя? спрашиваютъ мужики.

— Въ воду, топиться! отвѣчаетъ Ѳенька.

— Ахъ, чтобъ те разорвало! Экая шалая! ворчатъ мужики, а сами ухмыляются:—бой дѣвка, гуторятъ.

Прибѣжали дѣвки къ лѣсу, стали цвѣты рвать, запѣли. Звончѣй всѣхъ слышится Ѳенькинъ голосокъ.

— А слухали, дѣвоньки, вдругъ замѣчаетъ одна дѣвка,— вчера вечоръ къ Ефиму-горшечнику опять вѣдьма приходила.

Насторожила Ѳеня ушки: вдругъ къ мужику вѣдьма приходила, а она по сію пору такъ ничего и не слышала.

— Какая вѣдьма? спрашиваетъ она дѣвку.

— Какъ какая? Нешто ты не знаешь что къ Ефиму кажный годъ объ лѣто вѣдьма приходитъ?

— Не знаю.

— Приходитъ, пра, приходитъ! И такая черная, волосы распущенные... У Ефима, говорятъ, мачиха была злая, вотъ она, какъ умерла-то, въ вѣдьму оборотилась и мучаетъ его, бранится, гуторятъ, да съѣсть живьемъ хочетъ...

Заинтересовало это Ѳеню.

— Вишь ты! сказала она.—Это который же Ефимъ-горшечникъ будетъ?

— А что̀ те въ слѣдъ ругательство пустилъ! Еще что у самыхъ хлѣбовъ сѣно-то копнитъ...

— Ахъ, видѣла, видѣла! вскрикнула дѣвушка.

— Одначе что жь вы, дѣвки, стали? Я чаю, пора и вѣнки на воду спущать...

— Да ужь мы готовы, какъ ты? отвѣчали тѣ.

Начала Ѳеня вѣнки бросать. Все удача да счастье выходитъ. Ажь дѣвки всѣ завидуютъ.

— Ишь, тебѣ-то что̀, говорятъ.—А вонъ, у Катьки Ненилиной смерть все выходитъ, какъ не кинь...

Посмотрѣла на Катьку Ѳеня. Та скучная, унылая стоитъ.

И Ѳенѣ вдругъ скучно стало. Дѣвки-подружки рѣзвятся, а ей не нравится веселье это, побѣжала она потихоньку домой. А у самой въ головѣ все вѣдьма Ефимова стоитъ.

Вечерѣть уже стало.

Забѣжала Ѳеня въ мамкину избу, схватила пологъ, платокъ Дарьинъ черный, угольевъ въ кошелкѣ и побѣжала опять изъ избы.

— Стой, стой! кричала ей мать. — Куда ты? Скоро Силантій парень пріѣдетъ... Убѣжала! Экая непутевая...

— И вотъ, мать ты моя, говорила она подсаживаясь къ сидѣвшей у нея за чаемъ старухѣ-матери Силантія. — И наградилъ же меня дочкой Господь, торопыгой такой... И все-то у нея смѣхи да проказы на умѣ, чтобы гдѣ набѣдить думаетъ.

— И, милушка! отвѣчала ей Степановна глотая горячій чай.—То-то и хорошо что разудалая дѣвка: такая-то дѣвка

и парню люба! А то чтò... Къ тому жь ежели и на годы ея посмотрѣть: ну, какіе у нея годы... Еще дѣвченка, почитай, совсѣмъ; ну, а какъ поженятся, такъ смирится, и блажь лишняя пройдетъ, и другое чтò... Перемелется, милушка, мука, свѣтъ ты мой, будетъ.

— Да такъ-то оно такъ! вздыхала Дарья.—Чтò и говорить: дѣвка она хороша, не дѣвка, значитъ, по карахтеру, а золото! Да ужь маеты съ ней больно много примешь...

И старая Дарья начала разказывать гостьѣ о своей рѣзвуньѣ.

VII.

Солнце ужь закатывалось, какъ Ѳеня прибѣжала въ лѣсъ къ подругамъ.

— Это чего? любопытно завизжали дѣвки разсматривая принесенныя Ѳенькой вещи.

— Ни-ни! Нишкните... Это я вѣдьмой одѣнусь да къ Ефиму-горшечнику и сунусь...

Дѣвки радостно заголосили. Ужь очень понравилась имъ Ѳенькина мысль.

— Только скорѣе надобно! А-то темно станетъ.

— То и хорошо! торопливо отвѣчала проказница, — во тьмѣ-то онъ еще болѣе того напужается.

— И то! согласились подруги.

— Ну, одначе, мажьте! сказала Ѳеня.

Она засучила рукава сарафана, распустила золотистые волосы свои и надѣла на себя пологъ.

— Ну, теперича мажьте угольемъ меня! повторила она протягивая голыя руки свои.

Дѣвки намяли угля и начали чернить Ѳенины руки то и дѣло заливаясь хохотомъ.

— Тише! предостерегала хорошенькая вѣдьма.— Еще придутъ, услышатъ!

Руки дѣвушки сдѣлались черными.

— Готово? воскликнула она оглядѣвъ работу дѣвокъ. — Ладно. Теперь мажьте лицо.

— Какъ лицо? спросила одна.

— Да такъ вотъ лицо. Да не растабарывайте много больно-то: еще уйдетъ Ефимъ съ работы.

— А я сбѣгаю, погляну! вызвалась одна дѣвка. — Вѣдь онъ работаетъ тутъ съ краю, недалече.

Дѣвка убѣжала.

— Ну, натерли угольевъ? нетерпѣливо спросила Ѳеня.

— Готово-то, готово! Да только мазать-то какъ?

— Ахъ ты, Ѳеклушка! недовольно проворчала Ѳенька, сама схватила въ горсть угольнаго порошка, и ея хорошенькое личико сразу сдѣлалось чернымъ.

— И впрямь вѣдьма! отступая и со страхомъ проговорили дѣвки пугаясь сверкающихъ глазъ и зубовъ на темномъ фонѣ лица.

— То-то! торжествующе прошептала Ѳеня.—Поди Ефимъ-то спужается! мелькнуло у нея въ головѣ.

— Тутъ горшечникъ! доложила запыхаясь прибѣжавшая дѣвка-развѣдчица. — Всѣ, почитай, съ поля ушли, а Ефимъ все еще копнитъ...

— Вотъ и ладно! радостно проговорила вѣдьма. — Ну, я пойду, а вы тихонько за мной... Только близко не подходите къ Ефиму, а глазѣйте издалеча...

Ѳеня отправилась надѣвъ для пущаго страху пологъ на самую голову.

Дѣвки съ замирающими отъ удовольствія сердцами и съ сдержаннымъ хихиканьемъ осторожно пошли за проказницей...

Уже замѣтно сгущались сумерки; работающіе почти всѣ ужь разбрелись по домамъ съ поля, и только одинъ горшечникъ Ефимъ собиралъ вилами сѣно въ кучи. Но и онъ торопился домой, запоздалъ больно и приводилъ работу къ концу разговаривая съ своей собакой, лохматымъ Шарикомъ. Ѳеня вышла изъ лѣса, тихонько пробралась къ высокой ржи и поползла въ ней къ работающему мужику. Она хотѣла подползти къ Ефиму какъ можно ближе и показаться ему прямо въ лицо. Доползла Ѳеня почти до самаго краю ржи и притихла. Вдругъ ей чего-то стало страшно, сердце вдругъ заколотилось, въ вискахъ застучало.

Шарикъ почуялъ что-то и заворчалъ. Отступать уже было поздно.

— Чего ты, песъ? обратился къ собакѣ мужикъ дѣлая нѣсколько шаговъ по направленію къ хлѣбу. Вотъ Ефимъ вздрогнулъ и вскрикнулъ нечеловѣческимъ голосомъ: прямо шагахъ въ десяти отъ него изо ржи поднялось какое-то страшное черное видѣніе въ бѣломъ саванѣ.

— Вѣдьма!! вскрикнулъ мужикъ, рванулся впередъ, запу-

тался въ травѣ, упалъ, а его тяжелыя желѣзныя вилы полетѣли въ вѣдьму.

Раздался ужасный, пронзительный крикъ повторенный десяткомъ голосовъ. То кинулись къ Ѳенѣ подруги-дѣвки. Несчастная дѣвушка лежала навзничь на колосьяхъ ржи. Желѣзные трезубцы пробили ей грудныя кости и впились въ сердце.

Ѳеня была мертва...

А блѣдный, испуганный мужикъ Ефимъ странно поджавъ подъ себя ноги сидѣлъ на травѣ шевеля губами.

Дѣвки склонились надъ убитой проказницей. Грубое полотно полога красилось кровью казавшейся при сумеркахъ черною, а личико дѣвушки, несмотря на испуганно открытыя глаза и черноту кой-гдѣ слѣзшую, было прекрасно.

Эти широко открытые синіе глаза съ длинными, загнутыми рѣсницами, казалось, твердили:

— За что̀ меня убили?!..

VIII.

— Касатикъ, говорила старая Дарья вернувшемуся изъ города веселому Силантію.—А вѣдь гулёна-то наша, того... убѣгла куда-то!.. Не дождалась те, непосѣда!

Время шло, стало вечерѣть, Силантій сдѣлался туманнымъ, мрачнымъ. Сѣлъ молча въ уголокъ и не выходитъ.

Солнышко стало прощаться съ землею.

Парень сталъ къ окнамъ подходить и заглядывать, не идетъ ли проказница.

Солнце за горку ужь спряталось.

Силантій посидитъ-посидитъ въ избѣ, да выйдетъ за ворота. Смотритъ, стадо прогнали, пыль поднялась, ничего не видно. Возвращается въ избу парень. На столѣ тамъ ужь и чайникъ весело бурлитъ, и посуда новая съ райскими птицами красуется, а Ѳени все нѣтъ.

— Чего бы это? справляется у старухи матери Силантій,—вѣдь нейдетъ наша Ѳеня-то!

— И, паренекъ! отвѣчаетъ ему Дарья, а и самой что-то нескладно да неспокойно дѣлается,—нешто моего сорванца скоро въ избу добудешь?.. Дѣвка она, ну, и заговорилась съ подружками, и все тутъ...

Дверь тихонько пріотворилась, и въ избу вошелъ парень робко осматриваясь. При свѣтѣ лампы было видно что онъ чѣмъ-то встревоженъ.

— Бабушка Дарья! заикаясь проговорилъ вошедшій.

— Чего те, Митрій? спросила старуха и подошла къ парню.

— Выйдь-ка отсель на часъ! попросилъ тотъ.

— Чего? только успѣла проговорить Дарья, какъ Силантій весь побагровѣвъ сорвался со своего мѣста и подскочилъ къ парню.

— Говори!! загремѣлъ онъ схвативъ вошедшаго за воротъ.

— Ну... залепеталъ тотъ...—Это... Горе великое пришло... Ѳеня-то...

— Ну?!

— Такъ умерла она...

— Чего?!.

Парень молчалъ.

— Гдѣ? рявкнулъ черезъ секунду Силантій.

— На лугу у копенъ...

— Бѣги!! задыхаясь сдавленнымъ голосомъ прошепталъ Силантій и схвативъ парня на руки вынесъ его изъ избы.

— Куда?! дико глядя на парня спросилъ онъ.

Тотъ только рукой махнулъ.

Силантій выпустилъ парня изъ рукъ и со всѣхъ ногъ полетѣлъ къ стогамъ.

Въ деревнѣ ужь прослышали о несчастіи и тоже бѣжали къ покосу.

За Силантіемъ, насколько могли старыя ея ноги, понеслась и трясущаяся старуха Дарья...

... На лугу стояла толпа и глухо ворчала промежь собой окруживъ плотнымъ кольцомъ убитую дѣвушку.

Вотъ кольцо съ силой было разорвано, далеко разлетѣлись звенья его, и къ трупу Ѳени припалъ великанъ. Обнялъ онъ ее и рыдаетъ дико и страшно...

— Ѳеня, Ѳеня моя ненаглядная!.. Догулялась, догулялась... Ѳенюшка...

Толпа слушаетъ нечеловѣческіе вопли и сочувственно шепчется, гудитъ...

— Кто убилъ?! вдругъ рявкаетъ поднявшійся съ земли великанъ.

Въ его глаза бросается растерянная всклокоченная фигура горшечника Ефима, и онъ съ дикимъ урчаньемъ бросается на него, валитъ и душитъ...

Толпа ахаетъ.

Вотъ бросились на помощь Ефиму мужики и вытащили его посинѣлаго изъ-подъ Силантія.

А тотъ плачетъ припавъ къ землѣ и твердитъ одно:

— Ѳеня, Ѳеня моя милая!..

А у трупа дочери голоситъ старуха Дарья. Не плачетъ она, слезы не видно на сморщенныхъ щекахъ, только кричитъ страшно, отчаянно. Вотъ и ее отвели отъ дочери и усадили поодаль: бабы утѣшать не умѣютъ, да и какъ тутъ утѣшать?..

Долго стоятъ перешептываясь мужики, наконецъ, рѣшаютъ унести съ поля убитую.

Поднимаютъ онѣ ее, всѣ поднимаются.

Вдругъ Силантій вырвалъ у несущихъ Ѳеню и побѣжалъ съ своей ношей въ деревню.

— Держи! Держи! заорали мужики.—Онъ теперича не въ умѣ: неравно что съ собой сдѣлаетъ!

За Силантіемъ побѣжали въ догонку парни.

Но ничего съ собой не сдѣлалъ Силантій. Прибѣжалъ онъ въ избу, положилъ невѣсту на постель, а самъ сѣлъ къ столу и уронилъ голову. Жениховы слезы высохли...

Н. Каренинъ.

СТАРЫЙ СУДЬЯ.

Разказъ Маргариты Диленд.

Съ англійскаго.

I.

Фруктовый садъ спускался по холму отъ дома судьи къ пыльному шосе которое обнимая имѣніе точно рука оканчивалось угрожающимъ кулакомъ тамъ, гдѣ оно у Мерсера расширялось въ площадь передъ зданіемъ суда и сѣрою гранитною тюрьмой. Самая дорога была довольно красива, кромѣ того мѣста гдѣ она проходила жалкими пригородами Мерсера полными мельницъ; она шла возлѣ рѣки, извивалась по лугамъ, потомъ вверхъ и внизъ по холмамъ, въ тѣни платановъ и каштановъ; но красота ея опять пропадала немного ранѣе Стараго Честера гдѣ дорога слегка огибала кучку безформенныхъ домовъ съ облѣзшими стѣнами и покосившимися трубами, свиньи хрюкали тамъ по грязнымъ тропинкамъ и не хотѣли пошевелиться чтобы пропустить прохожаго. Люди работавшіе на кирпичномъ заводѣ жили въ этомъ поселкѣ и платили судьѣ огромную аренду. Изъ его мрачнаго, стараго дома на холмѣ не было видно ихъ неказистыхъ лачугъ: ихъ отдѣляла сначала дорога, затѣмъ кайма боярышника и наконецъ фруктовый садъ, въ которомъ деревья уже много лѣтъ заброшенныя обросли сѣрымъ налетомъ мха и пучками мелкихъ вѣтвей. Деревня кирпичниковъ была неприглядна, но они безо всякой ироніи называли ее „Морисоновъ лачужный городъ“. Они въ самомъ дѣлѣ до нѣкоторой степени гордились тѣмъ что у нихъ богатый и вліятельный хозяинъ, они хвастали его деньгами и его „большимъ домомъ“.

Скорѣе изъ сосѣдской гордости чѣмъ изъ злонамѣренности жители Морисонова лачужнаго города избрали фруктовый садъ судьи мѣстомъ для прогулокъ и для хищенія яблоковъ. Послѣднія были довольно плохи: или жестки и корявы, или мелки и горьки. Давно миновало время когда садъ былъ въ полной силѣ; въ тѣ дни въ „большомъ домѣ“ жили мальчики и дѣвочки, а самъ судья, старшій изъ братьевъ, былъ серіознымъ молодымъ человѣкомъ носившимъ трость и жилетъ цвѣточками. Серіозный юноша превратился въ серіознаго пожилаго человѣка, а братья съ сестрами разсѣялись по бѣлу свѣту; садъ пришелъ въ запустѣніе, кирпичники начали скопляться кучкой у подошвы холма, ниже обширнаго, развалившагося стараго дома гдѣ жилъ со своею сестрой Ганною судья, поглощенный своею професіей и равнодушный къ всему свѣту кромѣ тѣхъ случаевъ когда онъ его презиралъ. Если въ немъ и жило чисто человѣческое чувство, оно состояло въ гордости тѣмъ что онъ ни раза не имѣлъ глупости привязаться къ какому бы то ни было человѣческому существу; онъ терпѣлъ своихъ ближнихъ и былъ справедливъ къ нимъ, по его словамъ, но онъ не знавалъ ни одного мущины, женщины или ребенка которыхъ нельзя было бы купить и продать какъ тюкъ хлопка. „Вѣроятно и меня самого можно было бы купить“, говорилъ онъ, „еслибы я сумѣлъ придумать цѣну которой мнѣ хотѣлось бы въ достаточной степени“.

Такова была атмосфера въ которой пришлось жить Теофилю Бэль, молчаливому ребенку, съ кроткими, широко раскрытыми карими глазами, шелковистыми, темными волосами и проборомъ надъ яснымъ лбомъ. Мать Теофиля была младшею сестрой судьи. Онъ былъ расположенъ къ ней по-своему; по крайней мѣрѣ, больше чѣмъ къ старшей сестрѣ Ганнѣ которая, по неоднократному признанію ея же самой судьѣ, мало того что была женщиной, но была еще и дурою. Судья предполагалъ что мать Теофиля станетъ вести его хозяйство и будетъ такою же кроткою, покорною женщиной, какою ихъ мать была для ихъ отца. А вмѣсто того, когда ей было за тридцать лѣтъ, она вдругъ вышла замужъ за бѣднаго, ни къ чему непригоднаго, привѣтливаго человѣка, художника, шалопая, какъ его называлъ судья, не умѣвшаго даже уберечь ее, потому что она умерла оставивъ этого ребенка которому она по неразумной женской нѣжности захотѣла дать имя своего старшаго брата.

— Она думаетъ что я оставлю ему свои деньги, сказалъ

себѣ судья когда ему сообщили объ оказанномъ ему вниманіи; и глаза его сузились изобразивъ нѣчто похожее на усмѣшку.

„Пожалуй назови его Теофилемъ", написалъ онъ матери, „но мнѣ сдается что онъ не выживетъ съ такимъ именемъ. Можетъ-быть, мнѣ слѣдуетъ воспользоваться этимъ случаемъ и сообщить тебѣ что онъ не долженъ разчитывать на меня: всѣ мои деньги завѣщаны общественнымъ учрежденіямъ."

Теофиль остался въ живыхъ, не смотря на имя, но мать его немногимъ пережила это письмо. Что касается отца, то когда ребенку исполнилось десять лѣтъ, бѣдный, ласковый, болѣзненный джентльменъ почувствовалъ что и онъ скоро покинетъ мальчика и что поэтому нужно озаботиться его будущимъ. Онъ далъ мальчику два наставленія: „Слушай, Теофиль, и помни когда папы больше не будетъ; помни всю свою жизнь: *не плачь и веди себя честно*". Затѣмъ онъ написалъ духовную завѣщая судьѣ свое единственное достояніе, Теофиля.

Сообщивъ шурину письмомъ объ этомъ обстоятельствѣ онъ умеръ. Отъ удивленія и бѣшенства судьѣ понадобилось нѣсколько дней чтобы сообразить какимъ бы способомъ отклонить неожиданный подарокъ; но пока онъ соображалъ, шалопая похоронили и Теофиль пріѣхалъ.

Почтовая карета высадила Теофиля у воротъ, въ самомъ низу фруктоваго сада.

— Судья живетъ на вершинѣ холма, сказалъ почтальонъ, указывая рукояткой бича, и старая желтая карета скрипнула, колыхнулась и укатилась въ вечерній сумракъ.

Мальчикъ стоялъ и смотрѣлъ ей вслѣдъ, напрягая зрѣніе. Казалось, его послѣдній другъ исчезаетъ за выпуклостію холма.

Похороны мистера Бэль никого особенно не касались, только квартирной хозяйкѣ хотѣвшей сбыть ихъ какъ можно скорѣе съ плечъ и пастору спѣшившему къ одному изъ прихожанъ на чашку чая онѣ надѣлали хлопотъ. Поэтому никто не счелъ нужнымъ предупредить судью Морисона о пріѣздѣ его племянника. Хозяйка „сплавила" ребенка на слѣдующее утро послѣ похоронъ, а подрядчикъ похоронныхъ процесій въ то же время отправилъ по почтѣ счетъ за свои услуги. Теофиля отправили, точно грузъ большой скорости, и бросили тутъ у дороги вмѣстѣ съ большою сумкой заключавшею все его имущество и старую отцовскую трубку которую мальчикъ засунулъ въ уголокъ когда хозяйка отвернулась. Впослѣдствіи подводя итоги своимъ счетамъ съ бѣднымъ умершимъ джентль-

меномъ хозяйка замѣтила пропажу трубки и почувствовала удвоенное раздраженіе противъ мистера Бэль имѣвшаго безтактность умереть въ меблированныхъ комнатахъ.

На дорогѣ было очень безлюдно, фруктовый садъ по склону холма погрузился въ тѣни, а тропинка ведшая къ дому была почти скрыта травой росшей по обѣимъ ея сторонамъ. Теофиль подумывалъ нѣтъ ли у дяди собакъ. Онъ находилъ что въ саду довольно темно, что мѣшокъ тяжелененекъ, ему... взгрустнулось объ отцѣ. Теофиль полѣзъ въ карманъ за носовымъ платкомъ. Онъ былъ очень маленькимъ мальчикомъ; онъ былъ одѣтъ старомодно и отличался тревожною, молчаливою исправностью ребенка, которому пришлось дѣлить опытъ и заботы старшихъ. Прижавъ носовой платокъ къ глазамъ и съ усиліемъ глотнувъ онъ бережно сложилъ платочекъ и положилъ его назадъ въ карманъ; наконецъ онъ рванулъ мѣшокъ, взвалилъ его на плечо и сталъ взбираться по холму.

Домъ высился въ осеннихъ сумеркахъ, мрачный и пустынный. Передъ затворенными ставнями лицевыхъ оконъ шла тераса на деревянныхъ колоннахъ, нѣкогда бѣлыхъ, но теперь вздувшаяся пузырями краска на нихъ полопалась и облупилась; потолокъ терасы былъ оштукатуренъ, но штукатурка кое-гдѣ тоже растрескалась и осыпалась открывъ тощія запыленныя дранки; въ углахъ ласточки понастроили гнѣздъ, а сѣрый шаръ служилъ доказательствомъ что обветшавшій потолокъ пришелся по вкусу осамъ. Передъ домомъ когда-то былъ садъ, но теперь уцѣлѣли только неопредѣленныя каймы изъ букса засохшаго и поломаннаго, или разросшагося высокими, частыми купами на избранныхъ мѣстахъ. Вокругъ дома было довольно много деревьевъ, и мѣстами ихъ густая листва такъ затѣняла землю что она оставалась обнаженною или одѣвалась скользкою зеленою плѣсенью. Запыхавшійся Теофиль взбираясь по тропинкѣ черезъ фруктовый садъ пересѣкъ заросшую травой экипажную дорогу и подошелъ къ ступенямъ крыльца. Нигдѣ въ непривѣтливыхъ окнахъ фасада не было огня. Здѣсь, на вершинѣ холма, было очень тихо, а въ шесть часовъ вечера въ октябрѣ бываетъ уже довольно темно. Теофиль чувствовалъ какъ у него клубокъ подкатился къ горлу; онъ ступалъ осторожно и вздрагивалъ, когда подъ его ногами хрустѣлъ сучекъ. Темный, заколоченный домъ пригорюнившійся въ сумеркахъ и маленькій мальчикъ, у котораго отъ полноты сердца сдавило горло, стояли другъ передъ другомъ. Теофиль захлебываясь оглянулся черезъ плечо. Что если сбѣжать внизъ по холму

какъ можно скорѣе? У него даже сами ноги хотѣли бѣжать! Но какіе ужасы могутъ очутиться позади него если онъ отойдетъ? Онъ всхлипнулъ, дернулъ свою сумку, взошелъ по ступенькамъ и потянулъ звонокъ.

Судья и миссъ Ганна сидѣли за ужиномъ. Столовая помѣщалась съ задней стороны дома; въ сущности, въ тароватые дни семейства Морисоновъ, пока судья не разбогатѣлъ, эта комната служила кухней, а теперь миссъ Ганна стряпала въ прачешной, и братъ ея приходилъ съ чернаго крыльца. Лицевая сторона дома, передняя и двѣ пріемныя по обѣ стороны ея уже много лѣтъ стояли запертыми.

На столѣ, возлѣ книги которую читалъ судья, горѣла лампа; въ остальной части комнаты было темно. „Не жги керосинъ понапрасну", этому миссъ Ганна была обучена давно; поэтому она возилась въ полумракѣ, подавала брату хлѣбъ съ масломъ и мясо и подбирала кусочки съ тарелокъ вынося ихъ какъ тощая сѣрая птица съ испуганными глазами. Затѣмъ она сѣла за дальнимъ концомъ стола и стала слѣдить за братомъ, готовая вскочить съ мѣста если онъ подниметъ голову отъ книги. Сѣдая голова судьи напоминавшая волчью ярко выступала въ пятнѣ ламповаго свѣта. На его бритомъ лицѣ морщины расходились, точно ниточки, отъ угловъ глазъ и спускались глубокими рѣзкими складками отъ ноздрей; его холодный, грубый ротъ съежился, точно его собрали и затянули веревочкой. Онъ читалъ французскій романъ. Миссъ Ганна ѣла хлѣбъ съ масломъ и старалась угадать, когда онъ соберется пить чай.

Вдругъ они оба взгрогнули и подняли головы. Ржавая проволока проходившая подъ потолкомъ дрогнула, задребезжала и колокольчикъ на концѣ ея слабо звякнулъ. Братъ и сестра смотрѣли на колокольчикъ съ раскрытыми ртами.

— Чтò это значитъ? сказалъ судья.

— З... звонокъ, пролепетала миссъ Ганна.

— Это и я сообразилъ, сказалъ судья. — Ступай же посмотрѣть кто это.

Миссъ Ганна проворно встала, какъ лошадь которая дергаетъ впередъ, если щелкнуть бичемъ; она прошла скорыми шагами по темной передней, но не сразу повернула ключъ въ замкѣ.

— Кто тамъ? слабо спросила она.

Тонкій голосъ отвѣтилъ въ замочную скважину:

— Теофиль.

У миссъ Ганны духъ захватило и она задышала тяжело; прошла добрая минута, прежде чѣмъ она отодвинула засовъ и отперла дверь. Тутъ мальчикъ упалъ въ переднюю: такъ онъ прижался къ двери отъ страха темноты, тишины и густыхъ тѣней подъ крышею терасы.

— Здѣсь живетъ дядя? сказалъ Теофиль рыдая.

Тогда миссъ Ганна стала предъ нимъ на колѣна, стала цѣловать его и прижимать къ себѣ дрожащими старческими руками.

— О чемъ же вы плачете? замѣтилъ ей Теофиль.—Развѣ я ушибъ васъ, когда наскочилъ на васъ? Дверь отворилась... совсѣмъ неожиданно. Вы дядина кухарка?

При этихъ словахъ миссъ Ганна вздрогнула и вскочила какъ бы отъ звука бича и оглянулась черезъ плечо.

— О, Боже мой! сказала она,—что̀ намъ дѣлать?

Пока она говорила, холодный, отчетливый голосъ крикнулъ:

— Ганна! Кто бы тамъ ни пришелъ, скажи ему что по дѣламъ приходятъ съ чернаго крыльца. Я кончилъ и жду чая.

— Какъ же тебѣ лучше поступить? говорила миссъ Ганна притаивъ дыханіе.

Теофиль дернулъ своею сумкой.

— Если вы поможете мнѣ донести это, сказалъ онъ вѣжливо,—я попрошу дядю заплатить вамъ. Она очень тяжелая.

— О, оставь, умоляла бѣдная Ганна. — О, давай... о, Боже! Что-то онъ скажетъ.

Но она пошла за нимъ, помогая нести мѣшокъ, нерѣшительная и непослѣдовательная.

Теофиль же прошелъ въ ту комнату, гдѣ судья сидѣлъ въ ожиданіи чая.

— Ганна, ты копаешься, точно...

Тутъ онъ поднялъ голову и увидалъ Теофиля.

— Дядя, заговорилъ мальчикъ,—папа велѣлъ сказать тебѣ что я не буду тебя стѣснять. Онъ сказалъ что я недурной мальчикъ (у Теофиля задрожалъ голосъ), и я пріѣхалъ жить къ тебѣ. Это твоя кухарка? Я чуть не сбилъ ее съ ногъ когда входилъ, но только я нечаянно. Можно мнѣ теперь поужинать, дядя!

— Что̀ за чортъ... Это щенокъ этого Бэль? Ганна, что̀ это значитъ?

— О, братецъ, это сынъ Мери, сказала старая миссъ Ганна.—Развѣ вы не видите? Ея глаза! О, братецъ, его назвали въ честь васъ!

— Ахъ, вы моя тетя, правда? спросилъ Теофиль.—Папа говорилъ (при этомъ имени у него навернулись слезы)... мой папочка говорилъ...

— Не надо, милый, не надо, прошептала Ганна, — не плачь... не годится... братецъ не любитъ...

— Я не стану плакать, сказалъ Теофиль;—мнѣ папа не велѣлъ. Дядя, нельзя ли мнѣ поужинать?

— Ганна, подай мнѣ чаю. Неужели ты не можешь убрать его? Дай ему поѣсть и отправь его спать. Для какого чорта...

Судья схватилъ свой романъ и лампу и внезапно вышелъ изъ комнаты.

Миссъ Ганна и Теофиль оставшись въ темнотѣ слышали какъ заскрипѣла лѣстница подъ его сердитыми шагами и какъ захлопнулась дверь библіотеки.

— О, Боже! Подать ли мнѣ чай туда? говорила миссъ Ганна охая и шаря въ поискахъ за спичками и свѣчкой.— Ахъ, милый мальчикъ, зачѣмъ только ты пріѣхалъ?

— Онъ не очень ласковый, правда, тетя? сказалъ Теофиль.—Папа говорилъ что онъ нехристь.

— Нехристь! повторила скандализованная миссъ Ганна.— Ну, нѣтъ, неправда! Нехристь, значитъ, язычникъ, а твой дядя христіанинъ. Не надо говорить такихъ словъ, дѣточка. Нехристь! Вотъ ужь неправда, нисколько!

Миссъ Ганна пугалась, волновалась и плакала одновременно.

— Должно-быть, робко сказалъ Теофиль,—папа только хотѣлъ сказать что онъ злой. Мнѣ бы очень хотѣлось поужинать, тетя.

II.

Такъ началась жизнь Теофиля съ судьею, или, вѣрнѣе, въ домѣ судьи. Миссъ Ганна трепеща отъ страха запретила мальчику „попадаться братцу на глаза“, что̀ Теофиль исполнялъ очень охотно. Первые два, три дня бѣдная старуха едва смѣла дышать боясь напомнить судьѣ о своемъ существованіи и, пожалуй, чего добраго, объ его племянникѣ; она жила въ постоянномъ страхѣ ожидая приказанія отослать мальчика въ „пріютъ или къ чорту!“ Ея братъ былъ бы способенъ сказать это.

Судья сильно сердился, особенно потому что не находилъ въ себѣ силы раздѣлаться со всею этою исторіей, сбывъ ре-

бенка съ рукъ. „Не знаю, почему я это терплю", рычалъ онъ наединѣ. „Зачѣмъ мнѣ содержать чужое отродье? Что касается какого-либо наслѣдства... конечно, Бэль именно его-то и имѣлъ въ виду..." тутъ судья усмѣхался и думалъ о своей духовной. Однако, черезъ минуту онъ скрежеталъ зубами отъ гнѣва. Бэль взялъ надъ нимъ перевѣсъ, а онъ не могъ достать Бэль чтобы выразить ему свое мнѣніе. „Срамъ!" говорилъ онъ. „Эти люди разыгрывающіе на золотыхъ арфахъ и предоставляющіе другимъ содержать ихъ потомство въ духовномъ отношеніи не лучше бродягъ! Скоро настанетъ день, когда мы настолько цивилизуемся что упорядочимъ этотъ вопросъ о потомствѣ. Всякому ребенку котораго родители не могутъ воспитывать прилично будутъ свертывать шею! А за одно слѣдовало бы и отцу съ матерью, по моему мнѣнію".

Отъ такихъ рѣчей миссъ Ганна блѣднѣла и еще тщательнѣе прятала Теофиля. Но онъ какъ бы уже получилъ разрѣшеніе остаться. Миссъ Ганна начала дышать свободнѣе, хотя все еще, такъ сказать, оглядывалась черезъ плечо боясь что судья примется „упорядочивать".

Самъ Теофиль былъ очень тихъ и послушенъ. Онъ тосковалъ по отцѣ всѣмъ своимъ маленькимъ умомъ и сердцемъ, каждый вечеръ вынималъ трубку изъ сумки, держалъ ее въ рукахъ, иногда начиналъ мигать и задерживать дыханіе въ темнотѣ вспоминая что онъ обѣщалъ не плакать; но онъ никогда не говорилъ о своей утратѣ миссъ Ганнѣ, и миссъ Ганна радовалась про себя что его горе прошло. Теофиль много помогалъ ей въ ея суетливой работѣ по неопрятному, развалившемуся дому, ѣлъ въ прачешной, когда судья оканчивалъ обѣдать, игралъ въ одиночку и безшумно пробирался наверхъ спать въ маленькую каморку находившуюся далеко отъ дядиной комнаты. Казалось, онъ привязался къ миссъ Ганнѣ, часто сидѣлъ держа ея за руку, перебиралъ ея тонкіе старые пальцы и прислонялся головой къ ея колѣнамъ. Онъ разговаривалъ немного и никогда не говорилъ о самомъ себѣ, но за его ласковымъ обращеніемъ отъ тетки совершенно ускользала его сообщительность.

Когда наступила зима, онъ началъ ходить по утрамъ въ Старый Честеръ въ общественную школу.

Въ эту зиму судья почти не разговаривалъ съ нимъ. Между ними произошелъ первый разговоръ, когда судья разъ засталъ Теофиля въ конюшнѣ: онъ гладилъ рослую лошадь судьи. Судья немедленно нахмурился будучи къ тому осо-

бенно расположенъ, такъ какъ лошадь наканунѣ вечеромъ захромала.

— Дядя, сказалъ Теофиль, — у Джека былъ камень въ подковѣ. Я его вынулъ.

Судья что-то промычалъ. Потомъ онъ потрогалъ ногу у Джека и подумалъ что за все время своего пребыванія въ его домѣ мальчикъ въ первый разъ оказался къ чему-нибудь пригоднымъ.

— Я не желаю чтобы ты шатался по конюшнямъ, молодой человѣкъ. Слышишь? сказалъ онъ.

Онъ раза два взглянулъ на Теофиля и въ тотъ же вечеръ рѣзко замѣтилъ сестрѣ:

— Ганна, для какого чорта ты прячешь этого ребенка? Пусть ѣстъ въ столовой, слышишь? Пусть сидитъ со мною, а то выростетъ дикаремъ, безо всякихъ манеръ!

И миссъ Ганна была такъ благодарна брату за эту милость что не нашла ничего комическаго въ упоминаніи о манерахъ.

Замѣчаніе судьи насчетъ шатанія по конюшнямъ не помѣшало Теофилю играть тамъ цѣлую зиму. Какъ взрослые припомнятъ, стойла служатъ превосходными крѣпостями въ которыхъ можно укрываться при нападеніи индійцевъ, а старая коляска съ полопавшимися и пыльными подушками много лѣтъ стоящая безъ употребленія является отличнымъ экипажемъ для путешествій въ Азію или къ Сѣверному полюсу, смотря по полету воображенія. Миссъ Ганна иногда удивлялась, чѣмъ можетъ быть занятъ Теофиль одинъ-одинешенекъ въ сараѣ. Когда она его спрашивала, онъ призадумывался, а потомъ отвѣчалъ неопредѣленно:

— О, я просто играю, тетя.

И миссъ Ганна удовлетворялась.

Спустя нѣкоторое время Теофиль началъ сходить внизъ по фруктовому саду и заглядывать въ грязный, добродушный, гостепріимный Лачужный городъ; позже, зимою, онъ перебрался черезъ дорогу, познакомился со свиньями и цыплятами, потомъ съ дѣтьми. Мало-по-малу у него составилось собственное общество, въ которомъ Кэти Мерфи занимала первенствующее положеніе.

Семья Мерфи жила во второмъ домѣ по ту сторону дороги. Въ составъ ея входило семеро грязныхъ, веселыхъ дѣтей, рослая, румяная, ласковая мать, большею частію пьяный, раздражительный отецъ, двѣ свиньи, кошка и куры, притомъ,

какъ замѣтилъ Теофиль, эти куры были совсѣмъ ручныя и разгуливали себѣ по комнатѣ, пока семья сидѣла за столомъ. Домъ состоялъ изъ ряда маленькихъ каморокъ безо всякой вентиляціи, земляные полы были выложены бракованными кирпичами, и грязь дома отличалась веселостію и откровенностію. Конечно, по всѣмъ правиламъ семейству Мерфи слѣдовало бы болѣть. Врачъ Вилли Кингъ говорилъ доктору Левендару что въ Лачужномъ городѣ когда-нибудь вспыхнетъ ужасный тифъ. Но до сихъ поръ онъ не являлся, что̀ вѣроятно было большою обидой и разочарованіемъ для Кинга.

Теофиль познакомился съ Кэти, молчаливо предложивъ ей черезъ калитку стаканъ снѣжнаго мороженаго. Кэти столь же молчаливо съѣла полужидкую смѣсь сахара съ молокомъ и снѣгомъ глядя на Теофиля широко раскрытыми глазами. Послѣ этого они подружились, хотя безмолвно. Только весной когда она показала ему, какъ надо дѣлать въ бутылкѣ сладкую воду изъ лакрицы, а онъ научилъ ее одному изъ дѣтскихъ языковъ, *дазавазай изигразать*, ихъ дружба сдѣлалась краснорѣчивою.

Сначала всѣ дѣти Мерфи играли съ нимъ въ фруктовомъ саду, причемъ происходили обычныя перебранки и потасовки. Впрочемъ, Кэти слѣдовала предводительству Теофиля во всѣхъ играхъ и никогда ничего не затѣвала сама. Она обыкновенно смотрѣла на него широко раскрывъ ротъ и глаза отъ удивленія, но никогда не возражала. Постепенно Нелли и Томми и всѣ остальныя дѣти были ласково, но рѣшительно устранены. Теофиль нашелъ что для него вполнѣ достаточно дружбы вдвоемъ, и Кэти сдѣлалась его постоянною спутницей. Именно черезъ эту-то его любовь къ Кэти судья въ первый разъ дѣйствительно огорчилъ ребенка, и Теофиль затаилъ въ сердцѣ глубокую обиду. Дѣло было въ лѣто большой саранчи. Старый Честеръ не скоро забудетъ это лѣто. На каждомъ листѣ, на каждой былинкѣ цвѣтущей травы, на верхушкѣ каждаго стебля клевера сидѣла саранча; въ горячемъ, неподвижномъ воздухѣ стояло̀ ея нескончаемое стрекотаніе, похожее на точку косъ. Дѣти Лачужнаго города значительно усиливали семейные доходы собирая саранчу въ шляпы или корзины, точно ягоды, и получая отъ фермеровъ по нѣскольку центовъ за ведро. Однако, Теофиль запретилъ Кэти участвовать въ этомъ промыслѣ, отчего ея ласковые глаза наполнились слезами.

— Онѣ лягаются, сказалъ Теофиль, — не трогай ихъ.

— Онѣ все поѣдаютъ, жалобно пролепетала Кэти.

— Онѣ все поѣдаютъ, сказалъ онъ, — и онѣ прегадкія; поэтому знаешь что̀? Поймай *немножко*; поймай двѣнадцать и посади ихъ въ цвѣточный горшокъ въ тюрьму. И принеси ихъ въ садъ послѣ обѣда, сказалъ онъ, какъ бы что-то придумавъ, и нѣжно поцѣловавъ Кэти пошелъ домой обѣдать въ глубокой задумчивости.

Когда Кэти встрѣтила его въ фруктовомъ саду съ плѣнной саранчей, онъ уже рѣшилъ ея судьбу.

— Мой дядя, судья, сказалъ онъ,—и онъ вѣшаетъ злыхъ людей. Вотъ и мы повѣсимъ этихъ арестантовъ, потому что они навѣрно гадкіе. Только сначала, прибавилъ онъ, и лицо его засіяло,—сначала нужно поставить висѣлицу!

Кэти безмолвно раскрыла ротъ. Однако, Теофиль не ожидалъ отъ нея возраженій. Онъ пошелъ впередъ, по колѣна въ травѣ, къ тѣнистому мѣстечку; тамъ онъ вбилъ въ землю двѣ лучинки вмѣсто столбовъ и положилъ на нихъ третью вмѣсто перекладины.

— Готово! сказалъ онъ запыхавшись. — Конечно, Кэти, мы должны сначала предупредить ихъ чтобы они могли приготовиться къ смерти. Такъ дѣлаетъ дядя когда вѣшаетъ людей. Дай мнѣ горшокъ, я имъ скажу.

Онъ приподнялъ черепокъ служившій дверью тюрьмы и посмотрѣлъ на арестантовъ которые падали переползая другъ черезъ друга; на каждомъ перепончатомъ крылѣ стояло зловѣщее *W* означавшее, по словамъ матери Кэти, война (war).

— А я думаю что это значитъ гадкій (wicked), строго сказалъ Теофиль. Потомъ онъ грознымъ голосомъ велѣлъ плѣнникамъ „готовиться къ смерти“.—Я надѣюсь что имъ не будетъ больно, медленно прибавилъ онъ.

— Отчего больно, Теофиль? спросила Кэти.

— Когда мы ихъ будемъ вѣшать.

— О! сказала Кэти.

— А ты думаешь что имъ будетъ больно?

— Я не знаю какъ это бываетъ, призналась Кэти.

Теофиль нервно раздвигалъ и сжималъ пальцы.—Мнѣ непріятно обвязывать имъ шею веревкой, пролепеталъ онъ.

— О, дай мнѣ, сказала Кэти.

— Тебѣ не годится это дѣлать. О, Кэти, давай, пусть они убѣгутъ! Если мы снимемъ камень съ черепка, они могутъ вылѣзти, а мы можемъ играть что это вышло нечаянно. Да-

вай, будто одинъ изъ нихъ знаменитый генералъ, будто онъ замышляетъ бѣгство...

— Они гадкіе, Теофиль, напомнила ему Кэти.

— Это правда, сказалъ Теофиль со смущеннымъ лицомъ.

— И мнѣ не трудно навязать ихъ на нитку, выпрашивала Кэти.

— На веревку, поправилъ Теофиль.—Тебѣ правда не непріятно? Тебѣ хочется?

— Мнѣ не трудно, мнѣ очень хочется, проворно отвѣтила Кэти.

— Ну, хорошо, сказалъ мальчикъ, но въ голосѣ его слышалось неудовольствіе.—Они гадкіе... не къ чему играть, будто они хорошіе; если ты не боишься ихъ трогать...

— Мнѣ очень хочется, съ оживленіемъ сказала Кэти.

Теофиль вынулъ катушку чернаго шелка добытую изъ рабочей корзинки миссъ Ганны, отмѣрилъ достаточное количество „веревки" для каждой жертвы и растолковавъ Кэти, какъ слѣдуетъ прикрѣплять ее къ тому чтò онъ называлъ „шеей" несчастныхъ насѣкомыхъ, повернулся спиною, дрожа и стискивая руки, блѣдный отъ волненія.

— Кэти, не забудь: *они гадкіе*, напоминалъ онъ ей,—ихъ нужно наказать, такъ надо. Готовы арестанты?

— Да, Теофиль, я ихъ обвязала, радостно сказала Кэти.

— Ты должна говорить „да, милордъ", сказалъ Теофиль повелительнымъ шепотомъ.

— Да, милордъ, повторила Кэти.

Теофиль направился величественною поступью къ висѣлицѣ и началъ привязывать каждую нитку къ перекладинѣ; но руки у него дрожали.—Мнѣ бы хотѣлось знать, говоритъ ли имъ дядя что-нибудь когда вѣшаетъ ихъ? пролепеталъ онъ. Онъ былъ такъ разстроенъ что Кэти невольно сказала:

— Теофиль, дай, я навяжу ихъ за тебя? Мнѣ бы хотѣлось.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ,—нѣтъ, я судья какъ дядя, а судья долженъ вѣшать людей. Дядя ихъ вѣшаетъ каждый день.

Онъ привязалъ послѣднюю нитку, и гадкая саранча завертѣлась веретеномъ на черной шелковой привязи.

Дѣти чинили судъ и расправу въ нижней части фруктоваго сада; былъ тихій теплый вечеръ, безоблачное небо синѣло. Трава такъ высоко выросла что они не замѣтили судью Морисона подходившаго по тропинкѣ. Онъ пріостановился посмотрѣть на нихъ и случайно услыхалъ послѣднее замѣчаніе Теофиля. Сначала онъ не понялъ значенія лучинокъ и качав-

шейся на ней злополучной саранчи; но слова племянника объяснили ему въ чемъ дѣло. Онъ тихо засмѣялся думая о своемъ мирномъ Сиротскомъ судѣ. „Къ сожалѣнію, судьѣ не представляется случая вѣшать людей", сказалъ онъ про себя и затѣмъ раздробилъ висѣлицу ударомъ трости.

— Чѣмъ вы заняты?

Дѣти съ виноватымъ видомъ отскочили другъ отъ друга.

— Кто эта дѣвочка? спросилъ судья.

— Это Кэти Мерфи, сказалъ Теофиль. (У него побѣлѣли губы).

— Пошла прочь, сказалъ судья Морисонъ.—Я не желаю чтобы ты сюда шлялась, слышишь?

Кэти нырнула и пустилась бѣжать такъ скоро, какъ ее могли нести босыя толстыя ножки; она перепрыгивала черезъ садовую траву и перелѣзла черезъ калитку въ концѣ тропинки.

— Ты вѣшаешь саранчу? презрительно спросилъ судья.

— О, тихо произнесъ Теофиль,— ты *нехорошій!*

Затѣмъ онъ повернулся и побѣжалъ вслѣдъ за Кэти, а дядя остался съ такимъ чувствомъ будто на него внезапно напала колибри. Его стянутый морщинистый ротъ расплылся въ нѣчто похожее на улыбку.

— Славно! сказалъ онъ,—я нехорошій!

Онъ хихикнулъ про себя взбираясь по холму. Ему давно уже не бывало такъ смѣшно.

III.

Такимъ образомъ завязалось знакомство судьи съ племянникомъ. Карикатура судопроизводства въ саду безконечно его забавляла, а гнѣвная откровенность Теофиля съ которою онъ сказалъ „ты нехорошій" расшевелила въ немъ чувство смѣшнаго въ обыкновенныхъ случаяхъ приноровленное только къ горечи и пошлости его судейской залы.

— О, несравненный Теофиль, сказалъ онъ,—сколько людей чувствуютъ то же самое, но не говорятъ этого!

Онъ началъ слѣдить за мальчикомъ и иногда бросалъ ему снисходительное слово. Теофиль же отвѣчалъ, когда съ нимъ заговаривали, и раза два, не будучи спрошенъ, выразилъ своимъ тонкимъ голосомъ мнѣнія нелестныя для судьи.

— Дядя, почему ты не говоришь „благодарю" тетѣ Ганнѣ? Папа мнѣ всегда говорилъ...

— Прикуси языкъ! сказалъ судья.

— Ты не очень вѣжливъ, сказалъ Теофиль; сердце у него билось сильно, но голосъ былъ спокоенъ. Судья положилъ книгу и посмотрѣлъ на него, причемъ веревочка вокругъ его собраннаго рта распустилась.

— Вотъ какъ! сказалъ онъ съ усмѣшкою. Храбрая антипатія ребенка очень его забавляла. Но миссъ Ганна до того перепугалась что могла только пролепетать:

— Милый мальчикъ! Что̀ ты... такъ нельзя... о, братецъ, онъ этого не думаетъ.

Теофиль не подтвердилъ этого заявленія; онъ молча ѣлъ хлѣбъ съ масломъ, сочинялъ свои игры съ Кэти и думалъ, какъ было бы пріятно, еслибы дядя умеръ, а тетя Ганна вышла бы замужъ за какого-нибудь добраго господина въ родѣ папочки, и еслибы у нея было шесть мальчиковъ и шесть дѣвочекъ съ которыми онъ могъ бы играть. Онъ задумчиво разказалъ объ этомъ миссъ Ганнѣ; ея старое поблекшее лицо слабо покраснѣло и она сказала:

— Теофиль, перестань... право не надо такъ говорить...

— Впрочемъ, прибавилъ онъ,—я самъ скоро женюсь. Я женюсь на Кэти и мы будемъ жить здѣсь. Мы будемъ ѣсть въ прачешной, а не съ дядей, потому что Кэти не любитъ дядю.

Миссъ Ганна пришла въ ужасъ, но очень возможно что Теофиль не слыхалъ ея тревожныхъ укоровъ: онъ сочинялъ новую игру. Она была необыкновенно сложна и состояла въ томъ что Кэти попадала въ плѣнъ къ людоѣдамъ, а Теофиль ее спасалъ. На слѣдующій вечеръ, когда онъ и Кэти играли въ нее, время ужина настало и прошло, но онъ этого не замѣтилъ. Когда голодъ и Кэти напомнили ему объ упущеніи, онъ отправился на кухню Мерфи, гдѣ получилъ кусокъ жаренаго мяса и картофелину. Его посадили къ печкѣ и миссисъ Мерфи прислуживала ему. Она отмахнула дѣтей отъ его стула, поставила ему скамеечку подъ ноги и сказала что такого расчудеснаго мальчика еще никогда на свѣтѣ не было.

— Ахъ, Кэти, ахъ, ты пострѣленокъ! Вотъ такъ подцѣпила себѣ дружка! Когда же вы домкомъ-то обзаведетесь, а?

— Очень скоро, сказалъ Теофиль. — Мнѣ хочется еще чаю, миссисъ Мерфи. Кэти, я думаю что мы съ тобою женимся на будущей недѣлѣ.

Миссисъ Мерфи подмигнула мужу который наполнялъ комнату дымомъ дурнаго табака и ласково хлопнула Теофиля по плечу широкою рукой.

— А что̀ скажетъ судья?

— О, мнѣ все равно что̀ онъ скажетъ, спокойно отвѣтилъ Теофиль.—Мы съ Кэти его не любимъ. Онъ неправильный судья. Папа говорилъ что нужно быть вѣжливымъ, а что̀ мы чувствуемъ, это все равно. Вотъ я и вѣжливъ съ нимъ. Но онъ накричалъ на Кэти и я его не люблю. (Потомъ онъ слѣзъ со стула и нѣжно обнялъ Кэти). На дворѣ такъ темно, сказалъ онъ со вздохомъ, и Кэти предложила проводить его домой. Онъ посмотрѣлъ на нее въ искушеніи, потому что подъ яблонями на холмѣ было совсѣмъ черно, но покачалъ головою и робко вышелъ въ сумерки.

Тѣмъ временемъ миссъ Ганна переживала непріятныя минуты.

— Гдѣ этотъ ребенокъ? Ганна, если этотъ мальчикъ не можетъ приходить къ столу во̀-время, онъ можетъ оставаться безъ ужина. Слышишь?

Судья раскрылъ книгу и прибавилъ нѣчто рѣзкимъ голосомъ объ отдачѣ Теофиля въ пансіонъ. У бѣдной старой Ганны дрожали колѣна; она украдкою посматривала въ окно послѣ каждаго куска, но становилось все темнѣе, а Теофиля и въ поминѣ не было.

— Гдѣ этотъ ребенокъ? сердито повторилъ судья. Миссъ Ганна вздрогнула и подняла на него глаза, раскрывъ отъ удивленія свой поджатый ротъ. *Въ его голосѣ слышалась тревога!* Это открытіе такъ поразило ее что она не могла говорить.

— Что̀ это, братецъ безпокоится! сказала она себѣ.

Повидимому, судья не нуждался въ ея отвѣтѣ. Онъ всталъ и вышелъ изъ комнаты; на верхней площадкѣ онъ остановился, перегнулся черезъ перила и крикнулъ ей внизъ:

— Гдѣ этотъ ребенокъ спитъ?

Она нетвердо отвѣтила ему и въ слѣдующее мгновеніе услыхала его шаги надъ головою; затѣмъ дверь комнаты Теофиля отворилась и затворилась. Очевидно, онъ подумалъ что мальчикъ, можетъ-быть, тамъ; но шаги его раздались въ обратномъ направленіи.

— Вернулся онъ? крикнулъ онъ внизъ.

— Нѣтъ, братецъ. Ахъ, да, братецъ, вотъ онъ. Теофиль, гдѣ это...

Дверь библіотеки хлопнула.

— Теофиль, братецъ спрашивалъ о тебѣ, выговорила миссъ Ганна захлебываясь.—Милый мальчикъ, не думаешь ли ты что надо быть немножко исправнѣе? Я оставила тебѣ поужинать...

— Я не хочу. Мать Кэти дала мнѣ поѣсть. Зачѣмъ дядя былъ въ моей комнатѣ? Я видѣлъ огонь...

Теофиль съ трудомъ переводилъ духъ, потому что въ фруктовомъ саду было очень темно, но онъ побѣжалъ наверхъ, не дожидаясь отвѣта, и черезъ двѣ минуты вернулся.

— Тетя, онъ у меня взялъ... онъ воръ! Онъ укралъ... *мою трубку!*

Тутъ онъ расплакался вздрагивая отъ рыданій и топая ногами отъ гнѣва.

— Онъ воръ! Она была на каминѣ. Это нечестно, ходить въ мою комнату. Онъ укралъ трубку!

Миссъ Ганна теряла голову. „Если братецъ услышитъ, онъ отдастъ его въ пансіонъ", думала она въ несказанномъ ужасѣ. Но Теофиль внезапно успокоился.

— Я больше не стану плакать, сказалъ онъ дрожащимъ шепотомъ,—но только...

И миссъ Ганна удовлетворилась, не слыша ничего угрожающаго въ этомъ „только".

Въ эту ночь, когда она заснула, мальчикъ всталъ, выбрался изъ своей каморки черезъ ея комнату и дошелъ до главной двери; по ту сторону ея, направо отъ просторной передней, находилась библіотека судьи. Теофиль осторожно ступалъ по половицамъ останавливаясь и задерживая дыханіе, когда онѣ громко скрипѣли подъ его босыми ногами; затѣмъ пробирался дальше. Ребенку казалось что уже за полночь, такъ долго онъ пролежалъ безъ сна ненавидя дядю; но было одиннадцать часовъ и судья Морисонъ усердно работалъ надъ бумагами собираясь лечь не ранѣе какъ часа черезъ два. Теофиль тихонько повернулъ ручку двери и слегка толкнулъ ее; потомъ еще немножко. Неожиданная полоса свѣта смутила его: онъ надѣялся нащупать трубку въ темнотѣ. Но онъ не видалъ что дядя стоитъ въ темномъ углубленіи комнаты. Судья доставалъ книгу съ одной изъ полокъ. Когда мальчикъ вошелъ, судья остановилъ руку на полпути и сталъ слѣдить за нимъ. Теофиль тяжело дыша и сжимая руки прямо направился къ библіотечному столу. Онъ былъ заваленъ бумагами, въ четырехъ-пяти расшатанныхъ лакированныхъ стойкахъ помѣщались въ изобиліи и удобномъ безпорядкѣ коричневые коленкоровые конверты перевязанные красными тесемками и туго набитые; посерединѣ стояла запыленная чернильница, возлѣ нея лежалъ пучекъ гусиныхъ перьевъ; передъ нею бумаги были сдвинуты вправо чтобы очистить мѣсто для заня-

тій. Томъ собранія законовъ былъ раскрытъ и подпертъ неустойчивой кучкой другихъ книгъ; на полу прислонившись къ письменному столу стояли покосившіяся кипы докладовъ; всѣ стулья, кромѣ того которымъ судья пользовался, были завалены отдѣльными листами, а старый диванъ былъ усѣянъ связками документовъ; все было покрыто густымъ слоемъ пыли и въ несказанномъ безпорядкѣ. Будучи хозяиномъ у себя въ домѣ, судья не допускалъ никакой женщины къ „уборкѣ", и поэтому зналъ гдѣ что̀ найти.

Теофиль тихонько отодвинулъ одинъ изъ ящиковъ письменнаго стола и заглянулъ въ него, потомъ въ другой: трубки не было. На столѣ стояла конторка, одинъ изъ тѣхъ старомодныхъ пюпитровъ у которыхъ откидывается крышка и образуетъ собою покатость покрытую истертымъ и закапаннымъ чернилами бархатомъ. Онъ попытался поднять внутреннюю крышку, она зацѣпилась, потомъ подалась... и тутъ раздалось:

— *Ну-съ, молодой человѣкъ!*

Крышка съ шумомъ упала. Теофиль безмолвно уставился на него. Глаза дяди сузились и беззвучная усмѣшка открыла его желтые, старые зубы.

— Ты начинаешь рано, несравненный Теофиль; ты кончишь какъ саранча.

Судьѣ давно уже не было такъ смѣшно.

— Очень возможно что тебѣ придется имѣть дѣло со мной и ты можешь быть увѣренъ что я исполню свой долгъ!

Казалось, Теофиль былъ готовъ лишиться чувствъ; но онъ не просилъ пощады.

— Да, ты начинаешь рано: куришь, ломаешь замки... Къ слову, что̀ именно ты надѣялся стащить?

— Ты... сказалъ Теофиль, стуча зубами,—ты воръ. Ты взялъ мою трубку.

— Вотъ какъ! сказалъ судья, — ты хочешь предъявить встрѣчный искъ? Отлично! Что̀ это за трубка? Я не позволяю мальчикамъ курить въ моемъ домѣ.

— Я не курю, шепотомъ отвѣтилъ Теофиль.

Судья оставилъ шутливый тонъ.

— Не лги. Если ты будешь лгать, я...

— О! воскликнулъ мальчикъ,—ты навѣрно очень дурной человѣкъ. Ты укралъ мою трубку и говоришь что я лгу. Ты самъ лжешь, и ты воръ; это нечестно. Отдай мнѣ мою трубку или... (мальчикъ былъ смертельно блѣденъ и трясся отъ гнѣва

и ненависти) или мнѣ, можетъ-быть, придется... убить тебя... Вотъ что̀.

Тутъ онъ судорожно разрыдался.

Судья смотрѣлъ на него съ нѣкоторою гордостію: мужество, сила характера, правдивость, пожалуй, изъ него что-нибудь выйдетъ.

— Если ты не куришь, зачѣмъ тебѣ трубка?

Молчаніе.

— Отвѣчай мнѣ, щенокъ!

Нѣтъ отвѣта.

— Отвѣчай, или ты не получишь трубки. На что̀ тебѣ трубка?

Теофиль посмотрѣлъ на него, но ничего не сказалъ.

Онъ нравился судьѣ все больше и больше.

— Можешь убираться. Трубка останется у меня и отнынѣ я буду запирать дверь. Ступай! Ты мнѣ надоѣлъ. Постой-ка! Почему ты опоздалъ къ ужину? Пока я тебя кормлю, ты будешь являться къ столу во̀-время, слышишь? Гдѣ ты былъ?

— У миссисъ Мерфи, сказалъ Теофиль.

Лицо дяди потемнѣло.

— Не смѣй больше знаться съ этими людьми. Если я услышу что ты опять играешь съ этими оборванцами, я... я съ тобой расправлюсь!

Теофиль побрелъ назадъ черезъ комнату и тихо затворилъ за собою дверь.

Судья сѣлъ къ столу, а его безцвѣтное, холодное лицо расплылось въ подобіе улыбки.

— Порохъ! сказалъ онъ.—Чортъ бы его взялъ, изъ него что-нибудь да выйдетъ!

IV.

— Это папина трубка, сказалъ Теофиль потомъ Кэти;— а дядя злой человѣкъ.

— Но если она у тебя безъ надобности, Теофиль, сказала она,—я бы не стала о ней убиваться.

Онъ внимательно посмотрѣлъ на нее, но не пытался объяснять. Вмѣсто того онъ объявилъ ей что желаетъ немедленно жениться.

— По мнѣ что жь, сказала Кэти.

— Мы съ тобою женимся и я буду держать тебя на чер-

дакѣ, сказалъ Теофиль.—Онъ не узнаетъ. А потомъ, когда я достану денегъ, мы уѣдемъ. Давай играть сегодня, будто ты царевна превращенная въ змѣя. А я будто царевичъ и пришелъ тебя выручать, а ты рычишь и ѣшь меня; потомъ ты превращаешься въ прекрасную царевну... нѣтъ, нельзя: гдѣ же буду я, если ты меня съѣшь! Будто ты рычишь, а я отрубаю твою страшную голову; потомъ я умру, и мы оба оживемъ, и ты будешь царевной.

Кэти кивнула головою.

— Сначала будто мы умерли, сказалъ Теофиль, постепенно измѣняя ходъ игры.—Мы выроемъ себѣ могилы и ляжемъ въ нихъ посмотрѣть, каково быть мертвыми.

Кэти открыла ротъ отъ любопытства. Теофиль разсудилъ что будетъ трудно рыть могилу въ спутаной травѣ фруктоваго сада и повелъ Кэти наверхъ, въ заброшенный и запущенный садъ передъ домомъ. Тамъ было бы легко вырыть яму въ рыхлой черной землѣ подъ лиственицами, гдѣ росла рѣдкая и блѣдная трава. По дорогѣ они нарвали одуванчиковъ, Теофиль разорвалъ длинные полые стебли на полоски и провелъ по нимъ губами чтобы они завились.

— Они ужасно противные и горькіе, сказалъ онъ,— но это ничего не значитъ. Дай, я повѣшу ихъ тебѣ на уши, Кэти. У царевенъ всегда бываютъ кудри.

Кэти съ безмолвнымъ удовольствіемъ дала себя украсить; сердце ея билось отъ гордости, когда она чувствовала какъ кудри изъ одуванчиковъ задѣваютъ ее по щекамъ. Потомъ она сѣла на траву и стала слѣдить за Теофилемъ. Онъ такъ развеселился роя землю что позабылъ свои обиды и безъ умолка болталъ во время работы. Онъ сказалъ что намѣревается, какъ только у него будетъ время, подрыться подъ большой плоскій камень въ саду, потому что тамъ навѣрно что-нибудь зарыто.

— Чтò же тамъ зарыто, Теофиль? спросила Кэти.

— О, мертвые Индѣйцы и золото, нетерпѣливо сказалъ Теофиль.—Не все ли равно чтò именно: тамъ кладъ. Но у меня столько дѣла что мнѣ некогда его вырыть.

— Зачѣмъ же его оставили подъ камнемъ? спросила Кэти.

— А почему бы его тамъ не оставить? возразилъ онъ и такъ подробно описалъ кладъ что Кэти была убѣждена. Она подперла подбородокъ обѣими грязными ручонками, скрестила босыя ноги точно утка и слушала.

— Довольно-таки жарко, сказалъ Теофиль;—намъ не при-

дется имѣть двѣ отдѣльныя могилы, мы будемъ хоронить другъ друга по очереди.

Потомъ онъ пересталъ работать, выпрямился, отеръ свой маленькій лобъ и произнесъ мужественнымъ голосомъ:

— Ей-ей, тяжелая работа; ей-ей!

Онъ велѣлъ Кэти встать чтобы снять съ нея мѣрку для могилы: она была выше его.

— Нельзя ли тебя похоронить такъ, чтобы ты подвернула ноги? спросилъ онъ.—А то копать такъ жарко.

— Честное слово, я не могу, сказала она съ безпокойствомъ;—мои ноги складываются только вотъ въ этомъ мѣстѣ и вотъ тутъ, а больше не могу, честное слово, Теофиль!

— Чтò жь, съ горечью сказалъ могильщикъ,—я вырою подлиннѣе. Но для меня она впору, Кэти Мерфи!

Кэти была въ отчаяніи, боясь пропустить случай быть похороненной, и ея большіе, ласковые, глуповатые глаза наполнились слезами; увидавъ это Теофиль выскочилъ изъ могилы и обнялъ ее.

— Я похороню тебя! Не плачь, Кэти! Я сдѣлаю мѣсто для твоихъ ногъ; только онѣ немножко длинны.

Кэти мгновенно утѣшилась и стала слушать исторію которую Теофиль разказывалъ роя яму: о царевичѣ и царевнѣ, о жестокомъ королѣ, ревнивой волшебницѣ, отравленномъ кубкѣ и... о разверстой могилѣ!

— Готово! въ восторгѣ воскликнулъ Теофиль, бросая лопату и собираясь сойти внизъ; однако, онъ остановился и посмотрѣлъ на Кэти.

— Пожалуй, слѣзай *ты* сначала, сказалъ онъ съ усиліемъ;—но ты будешь лежать не очень долго, правда? Вѣдь я ее вырылъ, ты знаешь. А впрочемъ, полежи сколько тебѣ хочется, Кэти.

Кэти съ трепетомъ восхищенія сошла въ неглубокую канавку и легла.

— У, какъ холодно! сказала она.—Тутъ черви! О-о...

— Не разговаривай, сказалъ тревожно Теофиль; — ты умерла...

Кэти плотно зажмурилась и вздохнула. Потомъ она сказала:

— Можно мнѣ вылѣзать, Теофиль?

— Какъ, развѣ ты не хочешь чтобы я тебя засыпалъ грязью? упрекнулъ онъ ее; но она захныкала и выкарабкалась вонъ при такомъ предложеніи.

Тогда Теофиль серіозный и сосредоточенный, блестя глазами, растянулся на ея мѣстѣ; глядя вверхъ онъ видѣлъ каемку рѣдкой травы на краю могилы, темныя поникшія вѣтви лиственицы, сѣрое облачное небо надъ нею.

— Теофиль! шепнула Кэти.—Ай! кто-то идетъ!

Теофиль нахмурился и сѣлъ. Передъ ними стоялъ судья Морисонъ.

— Теофиль! Кто эта дѣвочка? Пошла прочь! Чтò я тебѣ говорилъ, Теофиль? Я не желаю чтобы эта негодница сюда шлялась. Слышишь, дѣвочка? Убирайся!

Съ этими словами онъ замахнулся палкой. Кэти взвизгнула, метнулась въ сторону и побѣжала. Теофиль медленно подошелъ къ нему, потомъ вдругъ поднялъ дрожащую ногу и ударилъ его. Судья взялъ его за шиворотъ и встряхнулъ потомъ подержалъ его на вытянутой рукѣ и засмѣялся, причемъ глаза его заблестѣли отъ удовольствія.

Послѣ этого уже не могло быть сомнѣнія въ чувствахъ судьи Морисона къ племяннику. Мальчикъ забавлялъ его, затѣмъ началъ интересовать; его мужество и искренность будили въ немъ гордость, и какъ это ни странно, въ его засохшемъ, огрубѣломъ старомъ сердцѣ постепенно зародилось нѣчто, чего онъ не узналъ, никогда не испытавъ этого чувства раньше. Разумѣется, оно выражалось только въ неудовольствіи и раздраженіи, если Теофиль казался непонятливымъ, въ нетерпѣніи, если мальчикъ казался усталымъ, чтò бывало очень часто; въ гнѣвѣ, если онъ случайно запаздывалъ къ ужину, чтò то же бывало. „Вѣроятно сломалъ себѣ шею", говорилъ судья и разъ десять выглядывалъ въ окно рыча отъ тревоги. Раздраженіе и презрительность не часто бываютъ признаками любви, конечно, прошло много времени прежде чѣмъ судья узналъ ихъ. Онъ сознался себѣ только въ томъ что онъ очень часто думаетъ о ребенкѣ; но самому себѣ онъ объяснялъ это тѣмъ что Теофиль составляетъ обузу.

Впрочемъ, онъ велѣлъ Ганнѣ купить мальчику платье получше, хотя позабылъ дать ей для этой цѣли денегъ; и онъ говорилъ ей грубости, потому что Теофиль недостаточно ѣлъ. Дѣйствительно, онъ слѣдилъ за ребенкомъ безпрестанно, и его проницательный холодный взглядъ смягчался подъ какою-то перепонкою, какъ у орла, когда онъ смотритъ на своихъ птенцовъ. Разъ въ полночь онъ постучалъ въ дверь къ миссъ Ганнѣ.

— Я хочу попробовать пульсъ у этого ребенка, сказалъ

онъ; — у него лицо горѣло за ужиномъ, а ты такъ глупа, Ганна, что дашь ему расхвораться у тебя на рукахъ.

Миссъ Ганна, трепеща отъ страха, сѣла въ кровати и разрѣшила ему войти.

— Мнѣ кажется что онъ здоровъ, братецъ, сказала она; — онъ самъ мнѣ сказалъ.

— Какъ будто у васъ обоихъ хватитъ смысла на такія вещи! возразилъ судья.

Онъ вошелъ и его длинная, тощая фигура въ сѣромъ фланелевомъ халатѣ направилась шаркая ногами черезъ комнату къ двери Теофиля; въ одной рукѣ онъ держалъ вѣеръ изъ пальмоваго листа и красный шелковый платокъ и несъ высокій мѣдный подсвѣчникъ старомоднаго фасона съ гасильникомъ и пружиною внутри. Ему смутно представлялось что мальчика нужно обмахивать вѣеромъ, если у него жаръ и что, можетъ быть, слѣдуетъ обвязать ему голову. Теофиль мирно спалъ, румянецъ прошелъ и лицо его казалось худенькимъ на низкой подушкѣ.

Судья вернулся и по дорогѣ погасилъ свѣчку.

— Онъ долженъ принимать лекарство, слышишь? Пусть докторъ Кингъ его посмотритъ. Похороны дороги, прибавилъ онъ осклабляясь.

Тѣмъ временемъ Теофиль обращалъ очень мало вниманія на дядю; онъ не замѣчалъ никакихъ попытокъ къ сближенію. Кэти была изгнана (впрочемъ, это не составляло большой разницы, потому что Теофиль могъ играть внизу, въ Лачужномъ городѣ, почти съ такими же удобствами какъ во фруктовомъ саду), тетѣ Ганнѣ досталось, его самого подняли насмѣхъ, трубка исчезла, какое же ему было дѣло до дяди? Мало того, его озлобленіе возрасло, когда онъ открылъ практическія послѣдствія испуга Кэти въ тотъ день, когда онъ ее хоронилъ: она долгое время отказывалась выходить замужъ. По ея словамъ, она не могла жить на чердакѣ, потому что „онъ“ найдетъ ее и отдуетъ. Убьетъ, чего добраго! Нѣтъ, она не хочетъ выходить замужъ.

Но Теофиль осаждалъ ее страстными мольбами.

— О, пожалуйста, Кэти. Не говори „нѣтъ“, пожалуйста, прошу тебя, Кэти!

И съ теченіемъ времени пришлось согласиться.

— Хорошо, сказала Кэти со вздохомъ.

— Надѣнь воскресное платье, сказалъ ей женихъ, — и приходи къ калиткѣ послѣ ужина; я буду тамъ и отведу тебя

на чердакъ. Мы будемъ играть, будто мы ѣдемъ по желѣзной дорогѣ.

— Сначала нужно сходить къ отцу Вильямсу, сказала Кэти.

— Какъ бы онъ не выдалъ насъ, возразилъ Теофиль. Но Кэти повторила что всякій долженъ побывать у отца Вильямса, прежде чѣмъ стать женатымъ.

— Почему? сказалъ Теофиль.

Но на этотъ вопросъ Кэти отвѣтила неясно: она слыхала какъ мать осуждала дѣвушекъ которыя „не побывали у пастора“ со своими друзьями; вотъ все что̀ было извѣстно Кэти.

— Хорошо, неохотно сказалъ Теофиль;—сегодня слишкомъ поздно, но мы пойдемъ завтра. Я буду занятъ нынче вечеромъ: мнѣ нужно носить провіантъ на чердакъ.

Онъ нѣжно поцѣловалъ Кэти и оставилъ ее сидящею на заборѣ: она скребла себѣ босыя ноги и думала о своей свадьбѣ.

Доставка провіанта на чердакъ не представляла затрудненій. Въ этотъ вечеръ миссъ Ганна ушла въ швейное общество, а судьи, конечно, не было дома; мальчикъ былъ предоставленъ самому себѣ въ пустынномъ, гулкомъ домѣ. Еслибы онъ не былъ такъ увлеченъ и возбужденъ, ему могло бы стать страшно тишины и пустоты. Въ широкое окно верхней передней вливалось вечернее солнце и ложилось пыльнымъ озеромъ свѣта у подножія лѣстницы ведшей на чердакъ; Теофилю было пріятно говорить что ему пришлось переходить озеро въ бродъ, когда онъ носилъ свои запасы. Лѣстница скрипѣла подъ его торопливыми шагами, когда онъ втаскивалъ одинъ грузъ за другимъ: сырой картофель, каравай хлѣба, яйца, яблоки, ведро воды. Потомъ онъ принесъ постельнаго бѣлья изъ-подъ преса въ бѣльевомъ шкафу, сколько могъ обхватить руками; одѣяла и простыни волочились по землѣ, такъ что онъ наступалъ на нихъ и разъ десять спотыкнулся, пока дошелъ до чердака.

Было безъ малаго пять часовъ, когда все было готово; нетерпѣливый женихъ отправился за невѣстою.

Она ждала его у рѣшетки; на ней было красное клѣтчатое платье, коротенькая красная кофточка и шляпа съ перомъ; однако, ноги остались босыми, такъ какъ она не рѣшилась надѣть новые башмаки не въ воскресенье; въ рукѣ она держала яблоко, и ея круглое личико довѣрчиво смотрѣло на жениха. Теофиль поспѣшно повелъ ее вверхъ по тропинкѣ съ такимъ ...жнымъ видомъ что Кэти испугалась было.

— „Онъ“ тамъ, Теофиль? спросила она запыхавшись отъ быстраго подъема по холму.

— Нѣтъ еще, сказалъ Теофиль.—Не пугайся, Кэти. Я не дамъ тебя въ обиду. Если онъ на тебя нападетъ, я повалю и свяжу его. Теперь, Кэти, влѣзай сзади на дровяной сарай, а я помогу тебѣ влѣзть въ окно моей комнаты, и тогда мы пойдемъ наверхъ на чардакъ.

Кэти тупо повиновалась. Казалось, проще было бы войти черезъ черный ходъ и отправиться наверхъ, но Теофиль предпочиталъ такой опасный способъ сообщенія. Однако, когда она очутилась на чердакѣ, глаза ея широко раскрылись отъ любопытства и слабый толчекъ воображенія подсказалъ ей что слѣдуетъ заставить дверь стуломъ, дабы непріятель не ворвался. Но Теофиль воспротивился.

— Нѣтъ, если онъ найдетъ дверь запертою, онъ подумаетъ, пожалуй, что мы здѣсь; если мы услышимъ что онъ идетъ, мы спрячемся за сундуками.

Прятаться на чердакѣ было чрезвычайно удобно. То было обширное помѣщеніе простиравшееся безъ перегородокъ надъ всѣмъ домомъ; двѣ печныя трубы покрытыя корявою штукатуркой и посѣрѣвшія отъ пыли и паутины стояли по обоимъ концамъ на половинѣ разстоянія отъ середины.

— Это наши укрѣпленія противъ врага, сказалъ Теофиль. Однако, не было надобности прятаться, потому что они не слыхали страшныхъ шаговъ грозившихъ приближеніемъ непріятеля. Они поужинали, затѣмъ свернулись на подушкахъ принесенныхъ Теофилемъ и проспали до тѣхъ поръ, пока восточное окно не превратилось въ ярко-голубое длинное пятно выходившее на небо.

V.

Настоящая тревога поднялась внизу только въ восемь часовъ, когда явилась миссисъ Мерфи извиняясь и плача. Не знаетъ ли миссъ Морисонъ, куда дѣвалась ея Кэти? Дѣвченка пропала и всѣ святые ангелы порукою миссъ Морисонъ въ томъ что миссисъ Мерфи не знаетъ гдѣ она, хоть сейчасъ разрази ее на мѣстѣ; развѣ только она съ молодымъ бариномъ который все говорилъ что собирается на ней жениться.

Судья разсердившійся на то что Теофиль опоздалъ къ ужину весьма потѣшился разказомъ миссисъ Мерфи и велѣлъ

ей поискать дѣтей во фруктовомъ саду, суля мальчику трость и грозя Кэти исправительнымъ пріютомъ. Немного погодя онъ взялъ фонарь и вышелъ самъ искать въ кустахъ, причемъ чуть не упалъ въ открытую могилу Теофиля. Толчекъ и сотрясеніе при невѣрномъ шагѣ и мгновенное воспоминаніе о лежавшей тамъ неподвижной фигуркѣ внезапно возбудили въ немъ сильную тревогу и такимъ образомъ онъ, конечно, опять разсердился; но гнѣвъ не помогъ бѣдѣ. Всю эту ночь они искали, ходили по лѣсу, освѣщали фонарями берега рѣки, кричали и звали; судья грозно молчалъ, миссъ Ганна молилась, но дѣтей не нашли.

На слѣдующій день Теофиль съ Кэти ѣли, пили и играли. Послѣ полудня Кэти начала зѣвать, напомнила супругу объ отцѣ Вильямсѣ и слегка соскучилась замужнею жизнію. Поэтому въ сумерки Теофиль сказалъ что они попробуютъ выйти и „сходить къ священнику“; осторожно спускаясь по лѣстницѣ они вдругъ услыхали голоса въ библіотекѣ и бросились назадъ подъ защиту своего чердака. Но Кэти не успокоилась; черезъ нѣсколько минутъ она настояла на томъ чтобы опять выбраться на лѣстницу. Теофиль пошелъ за нею и дернулъ ее за рукавъ.

— Онъ тебя поймаетъ! Уходи отсюда!

— Отстань, сердито сказала Кэти.

Теофиль пробрался назадъ и сѣлъ на сундукъ. На чердакѣ становилось темно; погреба подъ стропилами казались совсѣмъ черными; чего только не могло въ нихъ скрываться: Теофиль не смѣлъ дать волю воображенію. Онъ чувствовалъ что если начнетъ думать о возможныхъ скрытыхъ предметахъ, то мысли его остановятся на мертвыхъ пиратахъ. Почему именно пираты и почему мертвые, Теофиль не зналъ; онъ только чувствовалъ что страшныя вещи именно такого рода.

— Я не долженъ пугаться, говорилъ онъ себѣ, тяжело дыша и нервно щипля пальчиками гнилую кожу стараго сундука. Не будучи въ силахъ сносить болѣе молчаніе и одиночество, онъ опять осторожно вышелъ къ Кэти.

— Я слышу какъ они разговариваютъ! возбужденно прошептала она.—Она ужасно какъ разстроена.

— Вернись, прошепталъ Теофиль,—это нечестно, они не знаютъ что ты ихъ слышишь.

Кэти презрительно посмотрѣла на него.

— Развѣ я стала бы слушать, еслибы они знали? Теофиль, она плачетъ!

Дѣйствительно, рыданія бѣдной миссъ Ганны долетѣли до слуха ея племянника, такъ какъ дверь библіотеки была отворена настежь. Тутъ онъ взялъ жену за руку и оттащилъ ее назадъ.

— Нужно сказать тетѣ Ганнѣ, произнесъ онъ въ сильномъ волненіи;—я не хочу чтобы она плакала. Когда она ляжетъ спать, я сойду внизъ и скажу ей что мы женаты и живемъ здѣсь наверху; только она не должна никому говорить.

— А я останусь одна въ темнотѣ? въ ужасѣ выговорила Кэти и вдругъ заплакала.—Я бы лучше принесла свѣчку вмѣсто всей этой картошки, еслибы *я* устраивала, сказала она. Потомъ она стала упрекать Теофиля за то что онъ велѣлъ ей надѣть воскресное платье.

— Оно изомнется на мнѣ, говорила Кэти. Она хныкала что ей не нравится жить на чердакѣ; она жалѣетъ что вышла замужъ.—Я уйду домой къ мамѣ, рыдала она.

Теофиль въ отчаяніи стоялъ рядомъ съ нею. Онъ никогда еще не видалъ Кэти въ роли ея пола. Онъ сталъ на колѣна, обвилъ ее руками и пытался подѣйствовать на молодую жену убѣжденіями, какъ пытались и другіе мужья раньше его и съ такимъ же успѣхомъ. Кэти плакала громче прежняго.

— Мнѣ не нравится замужемъ и я не люблю невареный картофель. И спать мнѣ не нравится безъ кровати, только на подушкахъ и всемъ этомъ, потому что это не настоящая кровать, и я здѣсь не останусь; я пойду домой... къ мамѣ!

Рыданія Кэти были раздирательны. Теофиль поблѣднѣлъ отъ горя.

— Какъ, Кэти, неужели... *неужели* ты оставишь меня здѣсь одного въ темнотѣ? голосъ молодаго супруга дрожалъ отъ волненія; онъ позабылъ объ открытой двери. Жалобныя рыданія Кэти будили въ немъ только страхъ за прочность семейнаго счастія, а не за то какъ бы не услыхали враги.

— Я иначе не могу, Теофиль, мнѣ тутъ не нравится. Честное слово, не могу. О, Теофиль, возьми лучше Нелли себѣ въ жены. Она годится, она не станетъ бояться темноты.

— Нѣтъ, она не годится, отвѣтилъ онъ дрожащимъ голосомъ;—я не хочу брать Нелли, она совсѣмъ не хорошо играетъ и все время разговариваетъ. Мнѣ не нужно жену которая разговариваетъ. (Ахъ, Теофиль, сколько мужей дѣлаютъ это самое открытіе, когда бываетъ уже поздно „взять лучше Нелли"!).

— А я всетаки уйду домой къ мамѣ! выла Кэти; и на этотъ разъ непріятель услыхалъ.

Судья былъ сильно потрясенъ днемъ тревоги; такъ какъ дѣтей не нашли сейчасъ же и легко, онъ пришелъ къ заключенію что они ушли въ темнотѣ вдоль рѣчнаго берега и черная, глубокая, быстрая рѣчка знаетъ остальное.

— Онъ утонулъ, повторялъ себѣ судья, сидя въ сумеркахъ въ библіотекѣ съ опущенною на грудь головой.—Его нѣтъ, говорилъ онъ, втягивалъ губы и барабанилъ пальцами по ручкамъ кресла.—Его нѣтъ, его нѣтъ. Эта утрата была такъ случайна и ненужна; если бы мальчикъ заболѣлъ и умеръ, можно было бы сказать себѣ: „такъ угодно Провидѣнію", и тупо примириться со случившимся. Но тутъ была просто безпечность, въ такомъ несчастіи не было нужды: ребенокъ былъ лишенъ присмотра. Ганна за нимъ не доглядѣла, говорилъ онъ себѣ. Какая дура! почему она не могла за нимъ присматривать? Она позволяла ему играть съ этимъ бѣсенкомъ Мерфи. Впрочемъ, я радъ что ихъ теперь одною меньше, она тоже утонула, къ счастію! Что же, я сгоню ихъ съ этого мѣста. Они его убили сообща: Ганна и эти люди. Какъ жаль что Мери нѣтъ въ живыхъ, она бы усмотрѣла за нимъ.

Ему казалось что на Мери ложится какая-то отвѣтственность; еслибы она осталась дома и вела себя прилично, она могла бы ходить за ребенкомъ, неопредѣленно думалъ онъ. Внезапное столкновеніе любви и эгоизма бурлившихъ въ его сухомъ старомъ сердцѣ, какъ два встрѣчные, стремительные потока, совсѣмъ перепутало его мысли и онъ забылъ что еслибы Мери осталась дома, то Теофиль совсѣмъ не существовалъ бы. Онъ поднялъ голову, когда вошла миссъ Ганна съ безнадежнымъ лицомъ.

— Все еще нѣтъ извѣстій, братецъ, сказала она.—О, братецъ, что̀ ты думаешь?

— Я думаю что твой даровитый племянникъ утонулъ, милая сестрица.

При этихъ словахъ губы его раздвинулись, обнаруживъ зубы, и сѣрая блѣдность разлилась по безкровному лицу.

Старая миссъ Ганна сѣла на груду докладовъ и закрыла лицо руками. Судья грозно посмотрѣлъ на нее, потомъ выговорилъ сердито вполголоса: „Чертъ бы тебя побралъ." Но они никогда еще не были такъ близки другъ другу.

И вдругъ надъ ихъ головами, откуда-то изъ темноты, донесся рѣзкій дѣтскій плачъ, умолкъ и раздался еще разъ. Оба одновременно вскочили съ мѣстъ и стали прислушиваться затаивъ дыханіе.

VI.

Безъ сомнѣнія, реакція послѣ тревоги и обидное воспоминаніе объ испытанномъ потрясеніи ожесточили судью болѣе обыкновеннаго. Онъ не чувствовалъ жалости; можетъ-быть, онъ даже не испытывалъ гнѣва, который по-своему былъ бы человѣческимъ чувствомъ: онъ былъ только полонъ отвращенія и рѣшимости. Онъ „согналъ ихъ съ земли", не давъ даже однодневной отсрочки.—Укладываться! сказалъ онъ, и Мерфи стали укладываться. Они не были настолько освѣдомлены чтобы прибѣгнуть къ закону для полученія отсрочки, и кромѣ того, ктò можетъ обратить законъ противъ судьи?

А Теофиль?

Когда слабый звукъ плача поразилъ слухъ судьи, онъ поспѣшилъ на чердакъ спотыкаясь и задыхаясь. Послѣдовала минута нѣмой ярости, потомъ онъ швырнулъ Кэти въ сторону и ядовито сказалъ что-то, чего Теофиль не разслышалъ. Потомъ онъ злобно схватилъ племянника за руку и потащилъ его внизъ въ библіотеку бушуя и угрожая для собственнаго облегченія. Тамъ онъ изложилъ ему свой образъ мыслей.

Теофиль раза два вздохнулъ и посмотрѣлъ въ окно, но не сказалъ ни слова, пока судья не кончилъ. Потомъ онъ произнесъ голосомъ который до странности походилъ на голосъ дяди:—Ты нечестный. Я на тебя пожалуюсь Богу.

Тутъ онъ сталъ ждать дальнѣйшей брани, но ея не послѣдовало.

— Держи языкъ на привязи и ступай спать! сказалъ дядя, и мальчикъ ушелъ. Но Теофиль Морисонъ, оставшись одинъ въ библіотекѣ, опустилъ голову на руки и глубоко вздохнулъ.

Миссъ Ганна дрожа и плача увела Теофиля въ его собственную комнатку. Она задавала ему отрывочные вопросы, восклицала, ужасалась и укоряла его одновременно. Теофиль не давалъ отвѣта. Когда она, наконецъ, поцѣловала его на прощанье и оставила его въ желанной темнотѣ и тишинѣ, ему показалось что съ него скатилась тяжесть. Онъ сѣлъ въ постели и положилъ лицо на колѣна. Онъ не плакалъ, а только время отъ времени вздыхалъ длиннымъ, прерывистымъ, безнадежнымъ вздохомъ. Весь слѣдующій день онъ былъ очень блѣденъ и молчаливъ. Миссъ Ганна тщетно пыталась заставить его говорить, чтобы ей можно было утѣшить его. Онъ ѣлъ чтò она заставляла его ѣсть, потому что она плакала, когда онъ

отказывался. Но онъ молчалъ все время, только разъ прошепталъ ей: „Тетя, я пожалуюсь на него Богу“. Теофиль зналъ что Кэти отсылаютъ прочь: они никогда больше не увидятся. „Никогда, никогда“, повторялъ онъ про себя безпрестанно.

Но вопреки распоряженіямъ судьи и стараніямъ миссъ Ганны, Теофиль увидался со своею женою еще разъ. Въ то утро когда семейство Мерфи уѣзжало, онъ слѣдилъ изъ фруктоваго сада за нагрузкою подводы передъ дверью Кэти. Увидавъ что миссисъ Мерфи взбирается наверхъ и усаживается на печку и перину, а дѣти стоятъ кругомъ и готовы размѣститься возлѣ нея, онъ подошелъ къ двери прачешной и крикнулъ теткѣ что идетъ проститься съ Кэти. Онъ не сталъ дожидаться ея испуганныхъ укоровъ, но побѣжалъ блѣднѣя и замирая внизъ по фруктовому саду и черезъ дорогу. Миссисъ Мерфи взвизгнула при видѣ его, а бѣдная Кэти одинъ разъ взглянувъ опухшими глазами едва рѣшалась смотрѣть на него. Люди нагружавшіе подводу остановились и засмѣялись, но Теофиль никого не видалъ кромѣ Кэти.

Дѣвочку втащили наверхъ и посадили рядомъ съ матерью; глядя на него сверху она сказала дрожащимъ голосомъ:

— Прощай, Теофиль.

— Молчи, сказала ей мать принимаясь плакать. — Ахъ, милый мальчикъ, какой онъ блѣдненькій...

— Кэти, тихо выговорилъ Теофиль,—какъ только я буду взрослымъ, я пріѣду за тобою.

— Хорошо, Теофиль, отвѣтила Кэти.

— Ты не забудешь что мы съ тобою женаты?

— О, нѣтъ, Теофиль, пролепетала Кэти.

— О, Кэти, не уѣзжай, не уѣзжай, не бросай меня! не выдержалъ онъ.

— Ну, ну, миленькій, сказала миссисъ Мерфи,—не разстраивайся.

Толстой, ласковой женщинѣ вдругъ захотѣлось подхватить его и усадить вмѣстѣ съ собственнымъ выводкомъ среди горшковъ, кастрюль и перинъ. Мальчикъ, повидимому, не слыхалъ ея словъ.

— Кэти... сказалъ онъ тихо и посмотрѣлъ наверхъ, на нее. Вдругъ онъ разрыдался, какъ безумный бросился къ фурѣ и попытался влѣзть наверхъ по большимъ колесамъ.— Я тоже уѣду, я тоже уѣду... рыдалъ онъ.—Возьми меня съ собою, Кэти!

Онъ ухватился за колеса, и вощики со смѣхомъ оттащили его назадъ.

Миссисъ Мерфи тоже засмѣялась съ высоты перины.

— Вотъ потѣшный, сказала она,—хорошо ужь, Господь съ тобою! Ступай теперь домой, дѣточка. Я тебѣ сберегу твою жену...

Фура тронулась, миссисъ Мерфи позабыла о Теофилѣ и стала плакать о своемъ семейномъ очагѣ отъ котораго ее такъ жестоко оторвали. Потомъ она шлепнула ребенка который былъ тому виною, отъ чего Кэти тоже заплакала, и воющій хоръ покрылъ собою прощальныя восклицанія сосѣдей обступившихъ ихъ и слѣдившихъ за сборами.

Теофиль опять успокоился и только смотрѣлъ горящими глазами на маленькую фигурку сидѣвшую на подводѣ, пока она не скрылась съ глазъ за поворотомъ дороги.

Онъ пошелъ домой. Миссъ Ганна не сказала судьѣ объ его ослушаніи, но упрекнула Теофиля со свойственной ей тревогой и сбивчивостью.

— Послушай, милый мальчикъ, ты долженъ... такъ не годится... ты знаешь что братецъ не хочетъ... ты будешь помнить, правда, Теофиль?

Теофиль молча кивнулъ головою. Ему было совершенно все равно. Дни шли, но онъ не жаловался на одиночество. Казалось, онъ сталъ просто тихимъ, послушнымъ ребенкомъ. Онъ исполнялъ порученія миссъ Ганны, принималъ лекарство прописанное докторомъ Кингомъ, училъ уроки, никогда не ходилъ въ Лачужный городъ искать товарищей для игръ, но всякій разъ отвертывался, когда дядя заговаривалъ съ нимъ. Если тотъ предлагалъ ему вопросъ, онъ отвѣчалъ коротко; но невозможно было ошибиться въ выраженіи отвращенія, страха и ненависти на маленькомъ, кроткомъ лицѣ. Сначала онъ пробовалъ играть. Онъ говорилъ себѣ ежедневно что завтра же сдѣлаетъ чернила изъ волчьихъ ягодъ. Разъ ему вздумалось вообразить себя землянымъ червемъ который просверливаетъ себѣ дорогу сквозь цѣлыя мили глины и камней изображаемыхъ сѣномъ на сѣновалѣ. Но живаго интереса не было, онъ вернулся и безучастно сѣлъ у огня въ прачешной, между тѣмъ какъ миссъ Ганна изливала свои тревоги о немъ съ ласковой непослѣдовательностью, никогда не нуждаясь въ отвѣтѣ. Иногда послѣ чая за которымъ Теофиль былъ упрямо неразговорчивъ судья уходилъ къ себѣ въ библіотеку съ болью въ сердцѣ которую онъ принималъ за гнѣвъ и гово-

рилъ себѣ въ такихъ случаяхъ что Теофиль такъ же неблагодаренъ какъ и всѣ.

„Я сдѣлалъ бы изъ него человѣка“, говорилъ онъ себѣ часто; „онъ не глупъ, онъ сдѣлалъ бы мнѣ честь“. Онъ думалъ съ горечью о томъ, какъ все это несправедливо. „Прежде я не питалъ привязанности ни къ одному человѣческому существу“, говорилъ онъ, не зная что произноситъ приговоръ надъ самимъ собою; „какъ глупо привязываться теперь!“ прибавлялъ онъ. Что жь, онъ этого не стоитъ. А докторъ Кингъ идіотъ. Въ своемъ гнѣвѣ и тревогѣ онъ почти не уступалъ въ непослѣдовательности миссъ Ганнѣ. Дѣйствительно, онъ не скрывалъ своихъ чувствъ къ мальчику; онъ грубо и явно о немъ безпокоился. Онъ бранилъ миссъ Ганну за его блѣдность и настоятельно требовалъ чтобы было сдѣлано то или это для удобства ребенка; онъ даже раза два далъ ей для этой цѣли денегъ съ мучительною неохотой. Онъ постоянно старался вызвать Теофиля на разговоръ. Онъ жадно ждалъ привѣтливаго взгляда или слова, но напрасно. Ребенокъ не могъ забыть. Разъ на судью снизошло вдохновеніе: ему пришло въ голову что Теофиль не простилъ похищенія трубки; полный надеждъ, онъ позвалъ мальчика къ себѣ въ библіотеку.

— Теофиль, сказалъ онъ,—у меня есть одна твоя вещь, я тебѣ ее отдамъ. Но только не смѣй курить, молодой человѣкъ! прибавилъ онъ, пытаясь принять шутливый тонъ; мальчикъ посмотрѣлъ на него въ недоумѣніи, но не захотѣлъ взять трубку.

— Теперь мнѣ не нужно, коротко сказалъ онъ, и вернулся къ миссъ Ганнѣ; онъ сѣлъ возлѣ нея, прислонился головою къ ея колѣнамъ и принялся вяло готовить урокъ правописанія.—Мнѣ не нравится учиться правописанію, сказалъ онъ.—Никогда не знаешь, почему слово такъ пишется. А Кэти запоминала такъ легко! прибавилъ онъ. То былъ единственный разъ, когда онъ упомянулъ о своей маленькой трагедіи.

Вскорѣ послѣ пораженія съ трубкою судья сдѣлалъ новое усиліе. — Вотъ, молодой человѣкъ, сказалъ онъ,—вотъ тебѣ подарокъ. А? что̀ ты скажешь? Не слѣдуетъ ли поблагодарить? Онъ бросилъ на столъ возлѣ тарелки Теофиля монету въ пять центовъ, усмѣхаясь своему великодушію.

— Благодарю тебя, разсѣянно сказалъ Теофиль. Онъ опустилъ монету въ карманъ, но послѣ миссъ Ганна видѣла, какъ онъ вертѣлъ ее въ рукахъ и смотрѣлъ на нее съ про-

блескомъ интереса. — Тетя, дорого ли стоитъ съѣздить въ другое мѣсто? спросилъ онъ. И затѣмъ прибавилъ съ нѣкоторымъ оживленіемъ на лицѣ:—Пожалуй что и накоплю.

И онъ даже положилъ свои пять центовъ въ ящикъ изъ-подъ сигаръ, который долженъ былъ, по его словамъ, изображать банкъ.—Когда онъ наполнится, денегъ будетъ довольно, сказалъ онъ; но послѣ какъ будто позабылъ о немъ.

Съ теченіемъ зимы онъ становился все блѣднѣе и тише. Судья злился на весь свѣтъ, миссъ Ганнѣ приходилось плохо, а доктору Кингу еще хуже.

— На что̀ вы вообще годитесь? говаривалъ судья, издѣваясь, тревожась и сердясь одновременно.—Какъ вы думаете, за что̀ я плачу вамъ деньги?

Повидимому, Кингъ ни на что̀ не годился. У него подрѣзана какая-то струна, говорилъ онъ; мальчикъ ни къ чему не имѣетъ интереса. Послѣ онъ сказалъ что ребенокъ вообще слабъ. Подъ конецъ судья сидѣлъ съ мальчикомъ день и ночь и, можетъ-быть, острое горе старика смягчило ребенка. Въ послѣдній день, когда судья съ утра до ночи просидѣлъ на кровати (то была его собственная кровать на которую перенесли Теофиля), мальчикъ посмотрѣлъ на него раза два съ выраженіемъ любопытства.

— Дядя, сказалъ онъ.

Судья взялъ его за руку и удержалъ ее въ своей, открывая и закрывая губы, какъ бы пытаясь говорить.

— Дядя, я не скажу... не скажу... Богу, выговорилъ онъ.

Послѣ этого онъ повернулся лицомъ къ стѣнѣ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Е. А. ШТАКЕНШНЕЙДЕРЪ *).

1859 г.

Среда, 1 декабря.

Цензура отходитъ изъ *Министерства Народнаго Просвѣщенія* и переходитъ къ *барону Корфу*, автору книги *Восшествіе на престолъ Николая I*. Освобожденіе крестьянъ подвигается впередъ, но подробности хода дѣла этого не проникаютъ наружу. А если и проникаетъ что̀, то никогда нельзя знать что слухъ именно оттуда, а не сочиненъ досужими людьми. Конечно говорятъ объ освобожденіи, *эмансипаціи*, какъ называютъ это освобожденіе, очень много, но того что̀ дѣлается въ главномъ комитетѣ, гдѣ подъ руководствомъ самого *государя* предсѣдательствуетъ *Я. И. Ростовцевъ*, не знаютъ толкомъ. Кромѣ этого *комитета*, такъ называемаго *Редакціоннаго*, еще множество *комитетовъ*, *комисій*, *особыхъ мнѣній*, *записокъ*, *проектовъ и проч.* и обо всемъ-то говорятъ и ихъ обсуждаютъ. Жалуются все что людей нѣтъ, а вотъ Екатерина II находила же ихъ, хотя неизвѣстно было ли ихъ больше при ней чѣмъ нынѣ и отчего больше.

Но дивны мнѣ либералы. Есть ли тираны на свѣтѣ пуще ихъ? Они пикнуть не даютъ противъ эмансипаціи, сейчасъ заклеймятъ: крѣпостникъ, ретроградъ, консерваторъ, а вѣдь это страшнѣе анаѳемъ. И вотъ тутъ и ораторствуетъ Иванъ Карловичъ, Іоаннъ безземельный, и раздаетъ эти титулы, и такихъ безземельныхъ ораторовъ много, но надо сказать что и земельныхъ между либералами много тоже. И это, конечно, прекрасно. Отмѣна крѣпостнаго права дѣло святое. Какъ оно сдѣлается, какъ скажется, что̀ изъ него произойдетъ, не знаетъ никто, ниже сами дѣятели его, но одно покамѣстъ несомнѣнно, а именно то что если крестьянъ нужно освободить отъ помѣщиковъ, то еще нужнѣе освободить помѣщиковъ отъ крестьянъ; положеніе помѣщиковъ помыкающихъ себѣ подобными гораздо безнравственнѣе положенія помыкаемыхъ.

Вотъ что̀ вывела я изъ разговоровъ и споровъ, въ которые никогда не вмѣшиваюсь и только слушаю ихъ. Моего мнѣнія,

*) Продолженіе, см. *Русскій Вѣстникъ*, май, іюнь, 1901 г.

конечно, никто не спрашиваетъ, потому что заранѣе подразумѣвается что я не принадлежу къ партіи крѣпостниковъ, ретроградовъ и консерваторовъ. Да я къ нимъ и не принадлежу; тѣмъ болѣе что сама и мои родные изъ Іоанновъ безземельныхъ, такъ какъ *душами* не владѣемъ.

Но такое великое дѣло совершается: у людей отнимается то, чѣмъ они жили споконъ вѣку, что̀ наслѣдовали отъ отцовъ и дѣдовъ, и имъ пикнуть не даютъ что они недовольны. А возникнетъ слухъ о сокращеніи штатовъ, или какая-нибудь мѣра уменьшающая пенсію или удлиняющая срокъ къ ея выслугѣ, или явится слухъ о какомъ-нибудь налогѣ, и какой крикъ подымается среди либераловъ. И они тогда не называются ретроградами и консерваторами, а еще лучшими либералами и прогресистами.

Христосъ сказалъ что легче верблюду войти въ игольное ушко, чѣмъ богатому въ Царствіе Небесное, а мы не заботясь о Царствіи Небесномъ ни малѣйше, впрочемъ, все толкаемъ верблюда въ игольное ушко.

Хорошо что меня никто не слышитъ и никто не читаетъ моихъ записокъ.

Пятница, 3 декабря.

На дняхъ разсматривались въ Академіи Художествъ проекты памятника тысячелѣтія Россіи которое исполнится въ 1862 году.

Было представлено 300 проектовъ и ни одного замѣчательнаго. Первый нумеръ получилъ проектъ Микѣшина.

Хорошо, по крайней мѣрѣ, что Русскаго, а не какого-нибудь иностранца.

Воскресенье, 10 декабря.

Проектъ Микѣшина утвержденъ государемъ. Каково, Микѣшину въ 23 года такая слава!

1860 г.

Вторникъ, 10 января.

Нынѣшнимъ вечеромъ было *первое публичное чтеніе*, то-есть, *первый публичный литературный вечеръ въ пользу литературнаго фонда* въ залѣ *пасажа*. Это событіе.

Началось оно въ $7^1/_2$ ч. Зала была полна.

Первымъ читалъ Полонскій. Бѣдный, бѣдный, сынокъ его умираетъ.

И ради этого чтенія сегодня въ первый разъ послѣ своей болѣзни вышелъ Полонскій изъ дома, въ первый разъ и съ сокрушеннымъ сердцемъ. Его пустили первымъ чтобы онъ раньше могъ уѣхать домой. Онъ былъ очень разстроенъ; разсѣянъ же онъ всегда.

По причинѣ ли новизны дѣла, или не было толковаго распорядителя, но публика еще не сидѣла на мѣстахъ своихъ какъ Полонскій уже появился на эстрадѣ и, въ ту минуту когда застигнутая врасплохъ публика кинулась разсаживаться, сталъ читать. Онъ читалъ *Ніяды* и *Иная Зима*.

Нѣкоторые не любятъ чтенія Полонскаго. Что же касается меня, то я его очень люблю, мнѣ очень нравится какъ онъ читаетъ; и Осиповъ всегда восхищался имъ. Сегодня Полонскій читалъ не такъ хорошо, какъ то тускло и слишкомъ медленно. Видно слишкомъ тяжелый камень давилъ его; на словѣ *няня*, въ стихотвореніи *Иная Зима*, голосъ его дрогнулъ; когда онъ кончилъ, ему много аплодировали.

Но что было, когда на смѣну ему вступилъ на эстраду Тургеневъ, и описать нельзя. Уста, руки, ноги гремѣли во славу его. Онъ читалъ свою статью: *Паралель между Донъ-Кихотомъ и Гамлетомъ*. Она, ну скажу, просто мнѣ не понравилась. Лавровъ говоритъ: *„умно, очень умно построена, но парадоксъ на парадоксѣ“*.

Гамлета Тургеневъ называетъ эгоистомъ; *Санхо-Панчо* и *Полонія* какъ-то странно сравниваетъ другъ съ другомъ и говоритъ что если люди надъ чѣмъ-нибудь смѣются, то значитъ начинаютъ это любить. Вотъ, напримѣръ, смѣются надъ всѣми министрами, такъ это значитъ что ихъ начинаютъ любить? Совсѣмъ неожиданный выводъ и для министровъ и для смѣющихся. Не указать ли на него хоть Ивану Карловичу? Но всего что есть въ статьѣ не передать. Такой же взрывъ рукоплесканій какъ при встрѣчѣ и проводилъ его.

За нимъ читалъ Майковъ *Приговоръ*.

Майковъ читаетъ хорошо, умно.

Публично вѣдь всѣ они читали въ первый разъ. А это вѣдь не то что читать въ гостиной, въ знакомомъ кружкѣ.

Въ срединѣ чтенія Майкова прорвался неожиданный, но общій аплодисментъ на словѣ: *свобода*.

Послѣ Майкова читалъ Бенедиктовъ *Борьбу* и *Инымъ*. И *Борьба* произвела фуроръ, публика просто неистовствовала отъ восторга и заставила ее повторить. Странная эта штука публика.

Когда-то Бенедиктовъ былъ ея кумиромъ. Конечно, она ему руками не аплодировала тогда, потому что онъ передъ ней вѣдь никогда не появлялся, но она имъ зачитывалась, и онъ былъ ея любимѣйшій поэтъ. Затѣмъ явился *Бѣлинскій* и развѣнчалъ любимѣйшаго поэта, и развѣнчаннаго его забыли. Печатался онъ послѣ того рѣдко и въ какихъ то мало распространенныхъ журналахъ. О немъ не упоминали совсѣмъ, и оттого то шесть лѣтъ тому назадъ и могла я предполагать что его уже нѣтъ на свѣтѣ. Теперь онъ печатается иногда въ *Библіотекѣ для чтенія*, но *Современникъ*, напримѣръ, не только

не спрашиваетъ у него стиховъ, но гонитъ и преслѣдуетъ его изо всѣхъ силъ. И чтò же? Некрасовъ, заправила *Современника*, почуялъ вкусъ публики и время, и не успѣлъ еще придти въ себя отъ произведеннаго имъ восторга Бенедиктовъ, еще публика неистовствовала и громко его звала, а Некрасовъ уже завладѣлъ обоими произведеніями для своего журнала, для того самаго *Современника* который Бенедиктову жить не давалъ.

Некрасовъ читалъ вслѣдъ за Бенедиктовымъ: *Блаженъ незлобивый поэтъ* и *Ѣду ли ночью по улицѣ темной*.

Публика требовала *Филантропа* объявленнаго на афишѣ. Но Некрасовъ объяснилъ что его ему прочесть будетъ трудно для груди. Некрасовъ дѣйствительно читаетъ такимъ какимъ-то гробовымъ голосомъ что можно повѣрить что ему трудно читать. И публика повѣрила, должно быть, потому что прокричала: *браво!* и успокоилась.

Послѣднимъ читалъ Маркевичъ, и нельзя было выбрать чтеца, то-есть, голоса противоположнѣе Некрасовскому, чтобы читать тотчасъ послѣ него. У Маркевича въ чтеніи чудный, бархатный какой-то голосъ. Но то чтò онъ читалъ, а именно *Отрывокъ изъ Ричарда III, Шекспира*, въ переводѣ Дружинина, не слѣдовало пускать подъ конецъ. Это вещь слишкомъ тяжеловѣсная.

Такъ прошелъ и окончился первый нашъ литературный вечеръ. Его ждали съ нетерпѣніемъ и уже давно приготовлялись къ нему. Мама и я члены общества литературнаго фонда которое и устраивало вечеръ. Одинъ изъ его дѣятельныхъ членовъ Лавровъ. И всѣ литераторы, конечно, члены.

Иванъ Матвѣевичъ Толстой привезъ во время чтенія уже отъ государя 1.000 р., какъ ежегодный взносъ его въ пользу общества. При разъѣздѣ указали мнѣ на одного господина какъ на шпіона, я указала его Бенедиктову и говорю: „берегитесь, вотъ, говорятъ, шпіонъ“, но каково было мое удивленіе когда въ эту же минуту этотъ подозрѣваемый господинъ подошелъ къ Бенедиктову и оказался его знакомымъ.

Бенедиктовъ, Майковъ и Лавровъ пріѣхали съ вечера къ намъ пить чай и много и долго говорили о немъ и дѣлились впечатлѣніями. И было ужь все это не сегодня, а вчера, потому что первый литературный вечеръ въ Петербургѣ происходилъ не 11, а 10 января 1860 г.

Воскресенье, 28 февраля.

„Мнѣ не далъ Богъ бича сатиры...“ читалъ недавно Полонскій въ залѣ университета поднявъ носъ и бороду превыше міра и суетъ. Эти стихи все преслѣдуютъ меня сегодня. Да, Богъ ему не далъ бича сатиры, но потеря ли это? Зачѣмъ ему этотъ бичъ? Онъ и

безъ него хорошъ; даже вѣроятно съ нимъ былъ бы хуже. Ужь довольно у насъ этихъ бичей. Бьющихъ, кажется, ужь скоро будетъ больше чѣмъ подлежащихъ битью. Всякій норовитъ теперь овладѣть этимъ бичемъ и машетъ имъ направо и налѣво, попадая и въ виноватаго и въ праваго. Но впрочемъ и трудно разобрать кто правъ, кто не правъ.

И какъ то тоскливо, тошно дѣлается отъ всего этого. У Россіи появляются какія то гувернантки, злыя, придирчивыя старыя дѣвы. Имъ просто хочется сорвать свою досаду за неудачную жизнь, и онѣ выставляютъ свои благія цѣли и намѣренія на показъ. Но и я точно старая дѣва, если не злая, то плаксивая, все вижу черное впереди.

Да здравствуетъ разумъ! И скроется тьма... Надо идти впередъ и искать правды впереди. Надо всѣми силами помогать ломать старое, негодное и вносить свѣтъ разума въ потемки невѣжества и давать воздуха и простора молодымъ росткамъ лучшаго будущаго.

Вчера былъ въ *университетѣ диспутъ Погодина съ Костомаровымъ о происхожденіи Руси.* Событіе давно ожидаемое и на которомъ, къ сожалѣнію, по нездоровью я присутствовать не могла.

Ждали серіозныхъ и, можетъ быть, сухихъ преній, вышелъ перекрестный огонь остротъ, и не рѣшивъ вопроса диспутанты кинулись въ объятія другъ друга, точно надо было имъ мириться. Или думали они поцѣлуями разрѣшить вопросъ? А легкомысленная толпа молодежи подхватила ихъ слившихся такъ въ объятіяхъ и понесла ихъ обоихъ вмѣстѣ и выломала двери даже. О, студенты, узнаю васъ!

Какъ легко увлекать ихъ и какъ легко ими владѣть! А близкіе имъ люди професоры не хотятъ этого понять. Они ищутъ популярности, льстятъ имъ, стараются имъ нравиться, говорятъ имъ о гуманности, либерализмѣ, прогресѣ, о передовомъ человѣкѣ и уваженіи личности. Словомъ, стараются и идутъ къ нимъ навстрѣчу, заискиваютъ, когда можно овладѣть ими не сходя съ мѣста.

Да въ сущности чтобы привлечь къ себѣ и надо твердо и крѣпко стоять на своемъ мѣстѣ, иначе привлеченія и не будетъ, а будетъ увлеченіе, потеря почвы.

Можетъ быть, професоры этого и хотятъ? Студенты удивительно добродушный и довѣрчивый народъ въ массѣ.

Ихъ можно направить куда угодно; теперь ихъ слишкомъ направляютъ именно лестью. Они не прозорливы, но молодость чутка. Разобрать и отдать себѣ отчетъ они въ большинствѣ случаевъ еще не могутъ, но презрѣніе къ старому и старымъ и возвеличеніе новаго и молодаго и ихъ, молодыхъ, видятъ; что не нужно авторитетовъ слышали также. И вотъ ужь чувство уваженія въ нихъ умаляется,

а растетъ самомнѣніе, самоуваженіе. Хорошо ли это? А они въ сущности такъ добродушны, такъ наивны, такъ прекрасны въ массѣ. Не надо забывать еще что это все школьники времени Николая Павловича, и вдругъ имъ такая разница въ обращеніи.

Они еще восторженно вѣрятъ, не смотря на то что ихъ учатъ не вѣрить, и въ науку, и въ будущее, и въ Кавелина, и въ Костомарова, но вѣдь и это авторитетъ, а авторитетовъ не нужно.

Что несли они Погодина и Костомарова на рукахъ напомнило мнѣ оваціи къ Тамберлику и покойной Бозіо, когда они пѣвали на университетскихъ концертахъ. Они и ихъ такъ выносили. И разъ Тамберликъ убѣжалъ отъ нихъ схвативъ вмѣсто своей шляпы студентскую треуголку.

У Коли еще хранится кусокъ носоваго платка Бозіо, который они у нее взяли и раздѣлили между собой. Бывало, слышишь гамъ и топотъ тысячи ногъ по университетскому коридору, и можно подумать воръ спасается и его ловятъ, а это бѣжитъ Тамберликъ и его поклонники за нимъ. Когда хоронили Бозіо, студенты поборолись съ полиціей и затерли ее, но впрочемъ безпорядковъ не было, и съ нихъ за то не взыскивали, то-есть, за борьбу съ полиціей, и они были очень горды и довольны что показали свою силу, что полиція *не смѣла* имъ противодѣйствовать и они побѣдили. И все это было бы прекрасно, еслибы ко всему этому не примѣшивалось другое и еслибы каждый зналъ точную мѣрку до которой можно и надо идти, но эту мѣрку никто не знаетъ: все постоянно зависитъ отъ минуты.

Года два тому назадъ, а именно, въ 1858 г. лѣтомъ, въ Москвѣ, студенты кутили, перепились и шумѣли. Происходило это должно быть на квартирѣ, то-есть, въ комнатѣ одного изъ нихъ, и вѣроятно хозяева квартиры послали за полиціей. Полиція явилась, но студенты не хотѣли ее пустить, завязалась борьба, и въ результатѣ оказались избитые, говорятъ, даже убитые студенты; кажется, и полицейскіе. На утро доложили *Закревскому*. Закревскій послалъ государю донесеніе о случившемся въ такомъ духѣ что будто студенты бунтуютъ. Противъ этого мѣста на поляхъ донесенія государь написалъ карандашемъ: *Не вѣрю*!

Послѣ этого ждали что Закревскій слетитъ. Закревскаго уже давно точатъ Герценъ и вся новая партія, но онъ еще остался, усидѣлъ на этотъ разъ. Студентамъ также не было ничего, но съ полиціи взыскали.

Конечно и это ихъ подбодрило. Но можно ли разчитывать что такое постоянно будетъ сходить имъ съ рукъ?

Нынѣшнее царствованіе тѣмъ отличается что никто никогда не

увѣренъ что то что̀ худо или хорошо сегодня, будетъ худо или хорошо и завтра.

Государь, конечно, новый человѣкъ и либералъ и самъ, и должно быть, очень добрый человѣкъ, къ тому же и чувствительный. Рѣшать и вершать же человѣку такого рода очень трудно. Онъ вѣчно колеблется.

Сегодня огромный шагъ впередъ, и либералы торжествуютъ. На завтра шагъ этотъ кажется уже слишкомъ огромнымъ, и отступаютъ на полшага; потомъ дѣлаютъ шагъ въ сторону и затѣмъ еще въ другую. И въ результатѣ выходитъ недовольство, раздраженіе, неувѣренность и въ промежуткахъ этихъ колебаній возможность обдѣлыванія разныхъ темныхъ дѣлъ которыя въ концѣ-концовъ падаютъ на счетъ правительства и колеблютъ его основы. Это восхищаетъ иныхъ, такъ какъ колебать основы и есть задача настоящаго времени, и нельзя не сознаться что само правительство безсознательно служитъ ей.

Воскресенье, 20 марта.

Говорятъ что студенты едва успѣли вынести слившихся воедино борцовъ науки какъ уже закурили папиросы.

О, мужи духа и силы! Будущіе спасители отечества, цвѣтъ его и надежда!

Вы, хозяева, принимаете гостей, дамъ и курите имъ подъ носъ!

Оттого ли это дѣлаете что готовясь на борьбу со зломъ и тьмою, титаны и бойцы, не можете полчаса удержаться отъ табака, или оттого что никто не запрещалъ, не имѣлъ *права*, какъ вы любите выражаться, запретить вамъ курить? Спрошу ихъ непремѣнно.

Недавно я слушала Екатерину Павловну Майкову, что̀ за прелестная женщина и какъ умно, плавно, красиво, прекрасно она говоритъ, и какъ спокойно и просто. То-есть, нѣтъ, не спокойно, она волнуется, но она волнуется потому что предметъ разговора ее волнуетъ, а не отъ собственной неувѣренности или робости.

Среда, 23 марта.

Идея бороться съ сильными міра сего навѣяна духомъ времени. И въ чемъ она заключается? Въ борьбѣ съ полиціей, и со Сниткиными въ стѣнахъ университета, и съ Григорьевыми внѣ его стѣнъ. И потомъ въ отстаиваніи университетскихъ еще подлежащихъ сомнѣнію правъ сходокъ, кассы и университетскаго суда.

Воскресенье, 27 марта.

Гончаровъ вообще любитъ шутить и поддразнивать, такъ меня все дразнилъ Бенедиктовымъ и увѣряетъ что я имъ всецѣло владѣю,

и пишетъ также шутливо. Вотъ, напримѣръ, записка прошлаго года по поводу лотереи для бѣдныхъ которую устраивала мама:

„Теперь я окончательно убѣдился что доброе дѣло безъ награды не остается: какіе милые выигрыши! Но мнѣ хочется посѣять еще больше сѣменъ чтобы въ будущемъ году стяжать еще лучшую награду, во-первыхъ, у Васъ на предполагаемой съ Евгеніей Петровной [1]) лотереѣ, а во-вторыхъ, на небеси. Поэтому позвольте, Марья Ѳедоровна, возвратить нынѣшніе мои выигрыши съ просьбой обратить ихъ на будущую лотерею. Прилагаю также *Обыкновенную Исторію* для минувшей лотереи и *Фрегатъ Палладу* для будущей присовокупляя торжественное обѣщаніе принести на алтарь добродѣтели и экземпляръ *Обломова*, если онъ будетъ уже къ тому времени напечатанъ.

„Очень жалѣю что Николай Андреевичъ не засталъ меня: по его обѣщанію, я ждалъ его наканунѣ. Рукопись его подписанная мною отправлена въ цензурный комитетъ для приложенія печати [2]); тамъ можно получить ее во всякое время.

„Свидѣтельствую мое почтеніе Вамъ, Андрею Ивановичу и всѣмъ Вашимъ; передъ Еленой Андреевной, кромѣ того, извиняюсь въ томъ что почеркъ не хорошъ, хотя я и старался.

1859 г. „*И. Гончаровъ.*“

Такъ въ одномъ изъ писемъ поддразниваетъ онъ добрѣйшую старушку Евгенію Петровну Майкову которую очень любитъ и уважаетъ. Перепишу и это письмо:

„Не знаю какъ благодарить Васъ, милостивая государыня Марья Ѳедоровна, за присланный 24 іюня восхитительный букетъ, не смотря на то что къ нему приложенъ былъ сарказмъ о нелюбви будто бы моей къ цвѣтамъ: Евгенія Петровна около 20 лѣтъ прибѣгаетъ ко всевозможнымъ средствамъ чтобы извести меня и чего-чего не дѣлаетъ для этого! По воскресеньямъ даетъ мнѣ съѣдать отъ 3 до 12 блюдъ чтобы я погибъ отъ несваренія пищи; однажды отправила вокругъ свѣта въ надеждѣ что я пропаду, а теперь вотъ дѣйствуетъ посредствомъ клеветы, но Провидѣніе, должно быть, за мою простоту и добродѣтель хранитъ меня отъ ея неистовыхъ гоненій!

„Еслибы даже это была и правда, то-есть, еслибы я и не любилъ цвѣтовъ, то такой букетъ помирилъ бы меня съ ними.

„Порученіе Ваше исполнилъ давно, то-есть, прочелъ стихи Я. П. Полонскаго, но по крайней тупости моей мнѣ только сегодня пришла мысль отправить ихъ на Вашу городскую квартиру, съ которою

---

[1]) Майкова, мать поэта.

[2]) Переводъ Коли *О размноженіи рыбъ.*

вѣроятно у Васъ бываютъ частыя сношенія. Вотъ почему стихи не дошли до Вашихъ рукъ. Въ нихъ нѣтъ ничего противнаго цензурѣ выключая *Молитвы* которую я и отмѣтилъ карандашемъ.

„На дняхъ я встрѣтился съ Н. К. Гебгардомъ и заключилъ съ нимъ договоръ явиться въ непродолжительномъ времени къ Вамъ и лично поблагодарить за Ваше милое вниманіе.

„Прошу покорнѣйше передать мой искренній поклонъ А. И., Е. А. и всѣмъ Вашимъ

„честь имѣю быть и проч.

5 Іюля. 1858. „*И. Гончаровъ.*"

Пятница, 15 апрѣля.

Кто-то изъ московскихъ, не то *Аксаковъ*, не то *Островскій*, сказалъ про Щербину:

Полухохолъ и полугрекъ,
Грекъ Нѣжинскій, не Грекъ Милетскій,
Зачѣмъ, безсильный, злобой дѣтской
Свой укорачиваешь вѣкъ?

На это разъяренный Щербина поспѣшилъ огрызнуться:

Хоть Эллинъ я изъ Таганрога,
Но все-жь я Грекъ, не сынъ рабовъ...
За нами въ прошломъ славы много,
Къ намъ уваженіе вѣковъ...
У васъ застѣнки, плети, клѣтки;
У насъ свобода дѣлъ и словъ,
И чѣмъ древнѣе ваши предки,
Тѣмъ больше съѣли батоговъ.

Какъ пошло!

Теперь достается отъ него Григорьеву Аполлону и Розенгейму. Много припасено у него про нихъ всякихъ эпиграмъ, запомнила двѣ. Григорьеву:

Безталанный горемыка
И кабачный Аполлонъ,
Весь свой вѣкъ не вяжетъ лыка
И мыслете пишетъ онъ.

Розенгейму:

Жалки мнѣ твои творенья,
Какъ германскій жалокъ сеймъ:
Тредьяковскій обличенья,
Стихоборзый Розенгеймъ.

Говорятъ, то-есть, онъ, Щербина, самъ говорилъ Полонскому что всѣ стихи свои пишетъ онъ сперва прозой и потомъ ужь отдѣлываетъ въ стихотворную форму. Какъ это странно! Полонскій говоритъ что еслибы онъ поступилъ такъ, то-есть, стихотвореніе свое

написалъ бы сперва въ прозѣ, то оно прозой бы и осталось, что хоть убей его, а въ стихи оно бы не вылилось и накроить изъ него стишковъ онъ бы не могъ, что у него, да и у другихъ поэтовъ, сколько извѣстно, когда они творятъ, то на ряду со смысломъ творимаго слышатся и его гармонія, ритмъ, музыка стиха.

Странный пріемъ у Щербины, да и самъ онъ странное явленіе посреди поэтовъ. Никто такъ какъ онъ не напоминаетъ и не подтверждаетъ что богиня счастья слѣпа. Одарила она его даромъ пѣсенъ и умчалась, и не знаетъ на что̀ ему и пригоденъ ли этотъ даръ. Ему бы торговать губками или халвой въ Таганрогѣ, а онъ томится въ чужомъ кругу, на холодномъ сѣверѣ и то тоскуетъ по своей Греціи которую, впрочемъ, никогда не видалъ, то завидуетъ и злится что у него нѣтъ денегъ и чиновъ.

Какой у него разговоръ если онъ не ораторствуетъ и не остритъ? „Это кто такой?“ Такой-то. „А какой у него чинъ?“ Такой-то, или не знаю. „А сколько у него дохода?“ Эти вопросы задаетъ онъ постоянно и такъ, повидимому, чуждъ духу и направленію нашего круга, нашего общества что даже не видитъ что подобные вопросы въ немъ вовсе не у мѣста, потому что чины и доходы нашихъ знакомыхъ есть послѣднее что̀ мы о нихъ узнаемъ. Не говоря уже о Майковыхъ, Гончаровѣ, Григоровичѣ, о которыхъ я никогда не слыхала есть ли у нихъ чины и доходы, но я этого вовсе не знаю и о такихъ людяхъ какъ Яковъ Ивановичъ, Жадовскіе, Панаевъ, Святскій и проч. и проч. Вѣрно есть у нихъ чины, потому-что они служатъ, потому что они чиновники, но какіе чины не знаю; даже не знаю какой чинъ у Ф. К. Шульца. Между тѣмъ даромъ пѣсенъ обладаетъ Щербина несомнѣнно, хотя если вѣрить его собственнымъ, впрочемъ, словамъ и рубитъ онъ ихъ изъ прозы.

И еще особенность. Онъ поэтъ, писатель, а между тѣмъ у него почеркъ какъ у лавочника или у какой-нибудь купчихи которая берется за перо разъ въ годъ и для которой написать что-нибудь составляетъ событіе въ жизни. Полонскій, Майковъ, Гончаровъ, который дразнитъ меня своимъ почеркомъ, пишутъ неразборчиво, но своимъ выработаннымъ почеркомъ. Почеркъ же у Щербины очень разборчивъ, но глядя на него думаешь что этотъ человѣкъ только-что выучился писать и криво и косо рисуетъ каждую букву отдѣльно.

Въ заключеніе выпишу его пасквиль на Ивана Ивановича Панаева давно уже сочиненный имъ, но въ то время я не успѣвала вносить въ дневникъ ни стихи ходящіе по рукамъ, ни письма; тогда я писала дневникъ, а теперь пишу что̀ на умъ взбредетъ и когда взбредетъ. Напечатана же эта прелесть не была, да вѣрно и не будетъ никогда.

Превращеніе Ѳаддея въ „новаго поэта“. [3])

(Дополненіе къ Овидіевымъ Превращеніямъ)

Онъ „Пчелы“ метаморфоза,
И Ѳаддей явился въ немъ
Кучей смраднаго навоза
Подъ голандскимъ полотномъ.
Грязный циникъ въ кожѣ франта,
Шутъ нарядный и нахалъ,
Какъ соперникъ новый Брандта,
Въ милость къ „Пчелкѣ“ онъ попалъ
Тѣмъ что шуткой площадною
Фельетоны наводнилъ
И безстыдной клеветою
Литераторовъ чернилъ.
И какъ мутные потоки
Полились съ его пера
Сплетни, личности, намеки
Съ остроумьемъ комара.
Онъ своимъ безвреднымъ жальцемъ
И ничтожествомъ спасенъ:
Мы его не тронемъ пальцемъ,
Намъ онъ жалокъ и смѣшонъ...
Но въ подобномъ превращеньѣ
Какъ узналъ себя Ѳаддей,
Сталъ молить онъ о прощеньѣ
У боговъ и у людей:
„Нечестивыми дѣлами
Долгій вѣкъ мой заклейменъ
И въ Панаева богами
Я нежданно превращенъ!..
На позоръ и на смѣхъ свѣту
Въ немъ Булгаринъ измельчалъ:
Онъ на мелкую монету
Подлость „Пчелки“ размѣнялъ...
Былъ я низокъ колосально,
Артистическій подлецъ,
И мой ликъ монументальный
Онъ опошлилъ наконецъ!..
Вы ко мнѣ чрезъ мѣру строги,
Кара ваша тяжела:
Превратите лучше, боги,
Въ Апулеева осла!“

Этотъ манускриптъ писанный на папирусѣ найденъ при разрытіи Геркуланума въ навозной кучѣ у лавки парикмахера что рядомъ съ лавкой портнаго.

Direttore di Museo Borbonico Carlo Bonicci.

---

3) Ѳаддей—Булгаринъ, новый поэтъ—Панаевъ.

Перевернула поскорѣе страницу, потому что самой противно. Но въ свое время, то-есть, года четыре тому назадъ, вещь эта имѣла большой успѣхъ и *„Былъ я низокъ колосально“* и проч. повторялось съ восторгомъ.

Теперь ужъ все пошло дальше и даже Панаева, а не то что Булгарина или Греча, оставляютъ въ покоѣ.

Булгаринъ и Гречъ ужъ древняя исторія. Впрочемъ, вотъ пародія В. Курочкина на *„Шопотъ, робкое дыханье“*... Фета.

Мракъ, доносъ неуловимый...
Критикъ Полевой,
Герміонъ и Серафима,
Трель Ростопчиной...
Гречъ и третье отдѣленье,
Все своя семья!
И природы омерзенье
Я, я, я, я, я!

Я перебирала шкатулку съ разными неизданными стихами и нѣкоторые хочу вписать сюда, потому что въ тетради они лучше сохранятся. Между прочимъ нашла я несчастную *Коляску* которую Николай Павловичъ не принялъ и за которую столько пострадалъ самъ авторъ ея что, пожалуй, въ настоящее время не имѣетъ самъ ни одного ея экземпляра, такъ что и рукописная она будетъ черезъ нѣсколько лѣтъ рѣдкостію. Вотъ она:

Когда по улицамъ въ откинутой коляскѣ,
Передъ безпечною толпою, ѣдетъ онъ,
Въ походный плащъ одѣтъ, въ солдатской мѣдной каскѣ,
Спокойно грустенъ, строгъ и въ думу погруженъ,
Въ немъ виденъ каждый мигъ державный повелитель,
И вождь, и судія, Россіи охранитель,
И первый труженикъ народа своего.
Съ благоговѣніемъ смотрю я на него,
И горько думать мнѣ что мрачное величье
Въ его есть жребіи, ни чувствъ, ни дѣлъ его,
Не пощадилъ нашъ вѣкъ клеветъ и злоязычья;
И рвется вся душа во мнѣ ему сказать
Предъ сонмищемъ его ругателей презрѣнныхъ:
Великій человѣкъ! Прости слѣпорожденныхъ,
Тебя потомство лишь сумѣетъ разгадать,
Когда исторія предъ міромъ изумленнымъ
Плодъ слезныхъ думъ твоихъ Россіи обнажитъ,
И сдернувъ съ истины завѣсу лжи печальной
Въ ряду земныхъ царей твой образъ колосальный
На поклоненіе народамъ водрузитъ.

1853 г. *А. Майковъ.*

Я ужь не поклонница Николая Павловича. Мнѣ растолковали и я вѣрю, да и вижу какъ много вреда онъ надѣлалъ. Но когда я перечитывала эти стихи, передо мной встаетъ *„образъ колосальный“* какимъ я его видѣла во время Крымской войны ежедневно, такъ какъ мы жили тогда на Невскомъ и Николай Павловичъ ежедневно проѣзжалъ по Невскому въ этой самой *„откинутой“ коляскѣ, „спокойно грустенъ, строгъ и въ думу погруженъ“*. Сходство поразительное. Еслибы сняли тогда съ него фотографію, она вышла бы не вѣрнѣе словъ Майкова.

А еслибы сняли тогда, еслибы можно было снимать фотографію съ мыслей, чувствъ, впечатлѣній, то и эта фотографія была бы не вѣрнѣе всѣхъ остальныхъ словъ Майкова. Майковъ не льстилъ въ стихахъ этихъ и даже передавалъ въ нихъ не свое личное впечатлѣніе, а впечатлѣніе общее. То что̀ выразилъ онъ чувствовали всѣ, по крайней мѣрѣ, чувствовало огромное большинство. Но память коротка у людей. Прошло пять лѣтъ, и тѣ самые уста что̀ говорили, въ прозѣ только, а не такими прекрасными стихами, то же самое что̀ сказалъ Майковъ, кричатъ теперь: *„Позоръ! Онъ воспѣвалъ Николая Павловича!“* Но замѣчательно еще вотъ что̀. Списокъ *Коляски* который хранится у меня писанъ рукой Михаила Алексѣевича Имберна. Откуда списывалъ онъ его я не знаю, но всѣ мѣстоимѣнія Николая Павловича написаны съ прописной буквы, и я такъ ее скопировала.

Во всякомъ случаѣ списывалъ онъ не съ Майковскаго оригинала, потому что тогда мы еще и не были знакомы съ Майковыми. Не знаменіе ли и это времени что, даже говоря о Николаѣ въ третьемъ лицѣ, писалъ онъ „его“, „ему“ и проч. съ большой буквы?

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ГЕКЗАМЕТРЫ.

1.

Слезы.

Плачетъ, отъ счастья онъ плачетъ... Безмолвныя слезы, безъ звука,
Быстро бѣгутъ по щекамъ, пробуждая въ душѣ умиленье...
Горе былое не страшно, забыта вчерашняя мука,
Грудь вся, волнуяся, дышетъ, и радостно сердца біенье...

Слезы, тяжелыя слезы въ годину тревогъ и печали...
Смолкните, вопли и стоны!.. На волю не рвитесь, рыданья!..
Сколько очей вы соленою влагой своей отравляли!..
Сколько сердецъ вы заставили смолкнуть отъ мукъ и страданья!..

2.

Пахарь.

Любитъ онъ нивы родныя... Ихъ ранней душистой весною
Кровью и пóтомъ вспахалъ онъ, о жатвѣ обильной мечтая...

Только напрасны мечтанья: побиты нежданной грозою,
Смяты дождями, тѣ нивы ему не дадутъ урожая...

Молча стоитъ онъ и, думой своею томимъ невеселой,
Плачетъ онъ горько... Безмолвно надъ нимъ и угрюмое небо...
Плачешь о томъ что безслѣдно пропалъ этотъ трудъ твой тяжелый,
Или о томъ что ты снова, какъ и прежде, остался безъ хлѣба?!...

М. Д. Языковъ.

БУДДІЙСКАЯ НИРВАНА.

I.

Противоположность двухъ господствующихъ мнѣній современныхъ европейскихъ ученыхъ о нирванѣ.

Едва ли какое-либо другое понятіе въ составѣ буддійскаго вѣроученія вызывало и вызываетъ такое разнообразіе мнѣній какъ понятіе выражаемое популярнымъ (впрочемъ, по замѣчанію Рисъ-Дэвидса [1]), популярнымъ болѣе у европейцевъ, чѣмъ у самихъ буддистовъ) словомъ *нирвана*. Причина этого разнообразія проста. Понятіе нирваны и по своему корневому значенію и по своей постановкѣ въ раннѣйшихъ памятникахъ буддизма настолько шатко и неопредѣленно что открываетъ самый широкій просторъ для толкованій и перетолкованій. Съ другой стороны, въ виду важности этого понятія въ общемъ составѣ буддійскаго вѣроученія позднѣйшіе буддійскіе ученые и „святые" говорятъ о нирванѣ въ такихъ цвѣтистыхъ и пышныхъ выраженіяхъ, закутываютъ ее такимъ туманомъ мистики и тайны что невольно возбуждаютъ пытливость слушателей или читателей: какъ будто за этимъ туманомъ и дѣйствительно скрывается нѣчто исключительное по глубинѣ и содержательности!

Что же такое нирвана, прежде всего, по своему корневому значенію?

Нирвана (отрицательная частица *nir* и *vâ* вѣять, дуть) есть состояніе угашенія. Человѣкъ погрузившійся въ нирвану угасъ, какъ гаснетъ свѣтильникъ, въ которомъ нѣтъ болѣе горючаго матеріала, ибо и пламя нашей жизни горитъ лишь до той поры, пока его питаютъ „привязанности" (upâdâna значитъ именно „горючій матеріалъ"), которыми мы цѣпко держимся за жизнь, за земное и чувственное [2]).

[1]) *Буддизмъ*, пер. подъ ред. проф. Ольденбурга. Спб. 1899., стр. 81.

[2]) Такова *общепринятая* этимологія слова нирвана. Однако, такое объясненіе не единственное. Уже *Шопенгауэръ*, при едва начавшемся въ то время изученіи буддійскихъ памятниковъ, зналъ нѣсколько объясненій. Въ

Для человѣка погрузившагося въ нирвану насталъ покой, „вѣчный покой". Но покой *чего:* небытія или блаженства?

Вотъ неизбѣжный вопросъ который раздѣляетъ коментаторовъ самымъ глубокимъ и радикальнымъ образомъ: для однихъ *нирвана* есть *покой небытія*, для другихъ, напротивъ, *покой нескончаемой, неизмѣнно-блаженной, вѣчной жизни.*

примѣчаніи къ 41-й главѣ 2-го тома своего главнаго сочиненія *Die Welt als Wille und Vorstellung* (по изд. Grisenbach, Leipzig, 1891. S. 598—8) онъ пишетъ: Die Etymologie des Wortes *Nirwana* wird verschieden angegeben. Nach *Colebrooke* (Transact. of the Roy. Asiat. soc., Vol. I, p. 566) kommt es von *Wa*, *wehen*, wie der Wind, mit vorgesetzter Negation *Nir*, bedeutet also Windstille, aber als Adjectiv „erloschen". — Auch *Obry*, die Nirvana Indien, sagt p. 3; Nirvanam en sanscrit signifie à la lettre extinction, telle que celle d'un feu.—Nach dem Asiatic Journal, Vol. 24, p. 375, heisst es eigentlich *Nerawana*, von *nera*, ohne, und *wana*, heben, und die Bedeutung wäre annihilatio.— Im Eastern Monachism, by *Spence Hardy,* wird, S, 295, Nirwana abgeleitet von *Wana*. sündliche Wünsche, mit der Negation *nir*. — J. J. *Schmidt,* in seiner Uebersetzung der Geschichte der Ostmongolen, S. 307, sagt: das Sanscritwort *Nirwana* werde im Mongolischen übersetzt durch eine Phrase, welche bedeutet: „vom Jammer abgeschieden", dem Jammer entwichen. — Nach desselben Gelehrten Vorlesungen in der Petersburger Akademie ist *Nirwana* das Gegentheil von *Sansara*, welches die Welt der steten Wiedergeburten, des Gelüstes und Verlangens, der Sinnentäuschung und wandelbaren Formen, des Geborenwerdens, Alterns, Erkrankens und Sterbens ist.—In der Burmesichen Sprache wird das Wort Nirwana, nach Analogie der übrigen Sanscritworte, umgestaltet in *Nieban* und wird übersetzt durch „vollständige Verschwindung". Siehe Sangermano's Description of the Burmese empire, trans. by Tandy, Rome 1833, § 27. In der ersten Auflage von 1819 schrieb auch ich *Nieban*, weil wir damals den Buddhaismus nur aus dürftigen Nachrichten von den Birmanen konnten. Вотъ сколько мнѣній зналъ уже Шопенгауэръ! Послѣ него разнообразіе мнѣній увеличилось еще больше (ср. *Bastian:* Der Buddhismus in seiner Psychologie, Berlin, 1882. Index). Поэтому наиболѣе осторожные ученые въ настоящее время всего чаще передаютъ неопредѣленное слово *неопредѣленнымъ же выраженіемъ*. Такъ, напримѣръ, *Kern*, Der Buddhismus und seine Geschichte in Indien (перев. *Jakobi*, Leipzig, 1882, B. I, S. 463—4) пишетъ: Man kann das Unbestimte der Auffassung genau wiedergeben, wenn man es mit *ewige Ruhe*, übersetzt.—*Нирвана* на пали *ниббана*, по-бирмански *niban,* по-сіамски *niruphan,* по-китайски *nipan* или *nihuan*. Во всякомъ случаѣ, какъ бы мы ни объясняли терминъ, этимологически и по употребленію раннѣйшему и позднѣйшему, его значеніе по существу *отрицательно:* „свобода отъ..." „угасаніе для..." (ср. у *Васильева*, Буддизмъ, его догматы, исторія и литература, 1857, стр. 83: нирвана есть *исхожденіе или отрѣшеніе отъ...*). Свобода отъ *чего?* Угасаніе для *чего?* Тутъ открывается широкій просторъ для мысли, ибо *по существу отрицательное* понятіе нирваны не ограничено и не закрыто ничѣмъ положительнымъ (это, какъ увидимъ ниже, выполняетъ въ отношеніи къ нему понятіе *архатства)*. Объ upâdâna см. у *Ольденберга:* Будда, его жизнь, ученіе и община, (русск. перев., М. 1890, 183—184 стр.) и Edmund *Hardy:* Der Buddhismus nach ältern Pâli-Werken, 1890, s. 56.

Нирвана, пишетъ Кёппенъ, наиболѣе ясный и краснорѣчивый выразитель перваго пониманія, есть окончательное освобожденіе, смерть, за которою не послѣдуетъ уже больше перерожденій, которая полагаетъ конецъ всѣмъ бѣдствіямъ бытія. Нирвана лежитъ по ту сторону сансары (перерожденій): что̀ есть въ сансарѣ, того нѣтъ въ нирванѣ, и наоборотъ, что̀ есть въ нирванѣ, того нѣтъ въ сансарѣ. Въ сансарѣ есть возникновеніе и исчезновеніе, переходъ и движеніе, полнота и разнообразіе, сложное и индивидуальное. Въ нирванѣ покой и тишина, единство, простота и пустота. Тамъ рожденіе, болѣзнь, старость и смерть, грѣхъ и страданіе, добродѣтель и порокъ, заслуга и вина. Здѣсь полное отрѣшеніе ото всѣхъ этихъ условій и опредѣленій существованія. Нирвана есть берегъ спасенія который манитъ къ себѣ утопающаго въ потокѣ сансары. Нирвана есть безопасная пристань, къ которой стремятся выплыть существа изъ океана страданій. Нирвана есть мѣсто свободы которое приметъ тебя, когда ты бѣжишь изъ темницы бытія и порвешь оковы круговращенія. Нирвана это лекарство которое исцѣляетъ всѣ недуги и утишаетъ всѣ страданія. Нирвана есть вода утоляющая жажду желаній и угашающая огонь наслѣдственныхъ грѣховъ и т. д. Она не имѣетъ ни вида, ни цвѣта, ни въ пространствѣ и ни во времени. Она не ограничена и не безгранична, ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ и ни въ будущемъ, она не возникла и не невозникла. Она не есть ни приходъ, ни удаленіе, ни желаніе, ни хотѣніе, ни дѣйствіе, ни страданіе, ни цвѣтеніе, ни увяданіе и т. д. и т. д. Однако, такъ какъ всѣми этими выраженіями не сказано ничего, что̀ же такое она собственно или, точнѣе, *чѣмъ она должна быть*, какъ слѣдуетъ ее мыслить и представлять?

Относительно первоначальнаго, принципіальнаго значенія нирваны, продолжаетъ Кёппенъ, едвали можетъ быть сомнѣніе, хотя оно и оспаривалось въ послѣднее время какъ будто бы неестественное и безчеловѣчное. Пустота и ничтожество суть для буддизма внутренняя сущность всякаго существованія и жизни. Это ничтожество, въ концѣ-концовъ, должно проторгаться и чрезъ обманчивую смѣну явленій. Послѣ же того какъ отпадетъ пустая и неистинная форма бытія, оно (ничтожество) выступитъ во всей своей наготѣ. Иными словами: *ученіе которое исходило изъ ничто можетъ и придти лишь къ ничто. Нирвана есть, поэтому, прежде всего и главнымъ образомъ всецѣлое угасаніе души, переходъ въ ничто, совершенное уничтоженіе* или, въ отношеніи къ теоріи душепереселенія, окончательное угашеніе ряда преемственныхъ слѣдованій душъ. Если сама жизнь есть величайшее изъ золъ, то уничтоженіе (что совершенно послѣдовательно и такъ именно смотрѣлъ отшельникъ изъ рода Шакьевъ) есть высшее изъ благъ. *Нирвана есть блаженное ничто, а буддизмъ евангеліе уничтоженія.* Нирвана, таково наиболѣе обычное опредѣленіе, есть полное уничтоженіе страданій и атрибутовъ или агрегатовъ существованія (скандъ — skandhas). Часто это опредѣленіе усиливается добавленіемъ что въ нирванѣ не остается ни одного условія бытія, то-есть, абсолютно ничего и т. под. И даже тѣ объясненія и описанія нирваны которыя хотятъ сказать нѣчто совершенно иное, даже и они исходятъ изъ той мысли что нирвана со-

вершенно лишена предикатовъ существованія, чѣмъ сами они невольно признаютъ что *принципіально понятіе нирваны совпадаетъ съ понятіемъ чистаго ничто* [3]).

Вотъ одно пониманіе нирваны, *отрицательное*. Оно раздѣляется многими, если только не большинствомъ ученыхъ историковъ буддизма, между которыми есть и имена весьма авторитетныя [4]). Но рядомъ съ нимъ возникло и развилось другое пониманіе, положительное, которое хотя имѣетъ и не столь многочисленныхъ представителей, но такъ же отмѣчено нѣкоторыми авторитетными именами. По этому второму пониманію, какъ мы сказали выше, нирвана есть

---

[3]) Carl Friedrich *Koeppen:* Die Religion des Buddha und ihre Entstehung. Berlin 1857. B. I. S, 304—307, passim.

[4]) *Бюрнуфъ*, *Бартелеми-Сенъ-Илеръ* (см. ниже) и мн. др. (перечислены у Бартелеми-Сенъ-Илера Le Buddha et sa religion, nouv. éd. Paris. 1862, p. 134). Изъ новѣйшихъ историковъ буддизма съ особенною рѣшительностію за толкованіе нирваны въ смыслѣ *абсолютнаго уничтоженія* высказываются *Hopkins* (см. ниже) и особенно *Hardy*. Послѣдній въ своей извѣстной книгѣ *Der Buddhismus nach älteren Pâli-Werken* (Münster. 1890. S. 57) пишетъ: Die alte Streitfrage, ob Nirvâna oder richtiger Parinirvâna Vernichtung des Individuums oder ewige Seligkeit bedeute, ist für denjenigen, der buddhistisch zu denken weiss, zu Gunsten der Vernichtung entschieden. „Das Bewusstsein ist nicht mehr, es ist in das Nirvâna eingegangen“ lautet die Ausdrucksweise. Oder ähnlich: „Zerbrochen ist der Leib, erloschen die Vorstellung, auch die Empfindungen alle sind aufgezehrt; zur Ruhe gelangt sind die Gestaltunyen, das Bewusstsein ist gestorben“. Того же взгляда на нирвану держался и нашъ знатокъ буддизма, *Васильевъ*. Въ своемъ извѣстномъ трудѣ: „Буддизмъ, его догматы, исторія и литература“, т. I. Спб. 1857 г., онъ, между прочимъ, пишетъ: „Первоначальное понятіе о нирванѣ или о томъ состояніи которое есть апогей этого стремленія, есть не что иное, какъ *понятіе о совершенномъ уничтоженіи или выхожденіи изъ ряда существъ*“ (стр. 92—93). А въ своей популярной позднѣйшей книгѣ: „Религіи Востока, конфуціанство, буддизмъ и даосизмъ“ (Спб. 1873), онъ пишетъ о нирванѣ такъ: „... является буддизмъ и гонитъ прочь всѣ утѣшительные напѣвы слышанные съ того свѣта, бичуетъ розовыя надежды утѣсненнаго, загнаннаго люда который только въ фикціяхъ религіи и находилъ утоленіе своихъ горестей. Жизнь ему ненавистна; онъ хочетъ заглушить всѣ чувства, онъ отрицаетъ бытіе души, смотритъ на составъ человѣка какъ на остовъ телѣги, на весь міръ какъ на миражъ, сонъ, отраженіе въ зеркалѣ, пустое эхо, внѣшній и внутренній міры для него существуютъ условно. Вотъ почему онъ избралъ нищенство, отдалъ предпочтеніе монашеству, онъ требуетъ отвергнуть все, не допускать въ себя ничего для того чтобы онъ такимъ способомъ освободился отъ существованія, безслѣдно исчезъ въ природѣ, достигнувъ совершеннаго исчезновенія, не унося съ собой ничего, не получивъ ничего и тамъ, въ этой Нирванѣ которая его освободитъ отъ круга перерожденій, но не сохранитъ ни его отдѣльной личности, ни сольетъ въ одну общую, какъ говорятъ другіе, душу. Вотъ его цѣль, и поэтому его путь есть путь безъ пути“... стр. 62—3.

покой не уничтоженія и не бытія, но жизни, безконечной и полной невыразимаго блаженства.

Къ такому *положительному* пониманію нирваны въ противоположность первому чисто *отрицательному* предрасполагаютъ уже и нѣкоторыя апріорныя ожиданія. Вѣроятно ли, въ самомъ дѣлѣ, чтобы ученіе о нирванѣ исчерпывалось указаніемъ на ничто какъ высшую цѣль стремленій, на совершенное уничтоженіе какъ верховный идеалъ? Могла ли еще оставаться религіею такая религія которая полагаетъ въ свою основу ученіе о ничто и уничтоженіи? Именно такимъ вопросомъ начинаетъ свои возраженія противъ перваго толкованія нирваны извѣстный санскритологъ, Максъ Мюллеръ, и отвѣчаетъ на него отрицательно, въ духѣ общихъ началъ своей философіи религіи. Для него, какъ извѣстно, религія есть въ сущности не что̀ иное какъ мостъ переводящій человѣка отъ конечнаго къ безконечному. Но буддизмъ, если бы онъ училъ о нирванѣ какъ о *ничто*, какъ о полномъ и совершенномъ прекращеніи существованія, былъ бы, разсуждаетъ Максъ Мюллеръ, не „мостомъ“ къ безконечному“, а лишь ненадежной и обманчивою тропинкой которая внезапно обрывается предъ пропастью, предоставляя человѣку падать въ нее именно въ тотъ самый моментъ, когда онъ мечталъ уже о достигнутой цѣли. Нѣтъ, думаетъ знаменитый санскритологъ, нирвана есть не уничтоженіе, но *переходъ къ совершенному существованію*, къ блаженному покою, хотя, быть-можетъ, столь же далекому отъ земныхъ радостей, какъ безконечно далека она и отъ земныхъ страданій [5]). Конечно, добавляютъ къ этому другіе коментаторы, не столь рѣшительные, нирвана, въ прямомъ и собственномъ смыслѣ, есть „угасаніе бытія въ небытіи“. Но вѣдь „объ угасаніи можно говорить и тогда, когда, освободясь отъ пламени страданія, люди находятъ путь къ хладному покою блаженства“ [6]). Для буддиста „не существуетъ бытія въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, но точно также не существуетъ и небытія: предъ человѣкомъ жаждущимъ вѣчности встаетъ въ таинственномъ величіи высшее положительное, для котораго мышленіе не имѣетъ никакого понятія, а языкъ никакого выраженія“ [7]). Прежде всего нирвана есть „путь въ безконечную неизвѣстность“. Но ведетъ ли этотъ путь къ бытію или небытію это еще вопросъ. Остается, по крайней мѣрѣ, возможность перехода къ бытію, и ни въ одной

---

5) Einleitung zu Rogers Buddhaghosha's Parables, XXXIX fg. См. у *Dahlmann*: Nirvana, eine Studie zur Vorgeschichte des Buddhismus. Berlin. 1896, s. 10. Ср. *Ольденберга:* Будда, его жизнь, ученіе и община. М. 1890, перев. Николаева, стр. 210.

6) *Ольденб.ргъ,* op. cit , ibid.

7) Ibid., 220.

религіи мысль о безконечномъ и вѣчномъ не уходитъ въ такую безпредѣльную даль какъ въ буддизмѣ: „для буддиста эта мысль есть легкое дыханіе, каждую минуту угрожающее исчезнуть, погрузиться въ небытіе“ [8]). Но надежда можетъ питаться и такою колеблющеюся мыслію и поддерживать вѣру въ нирвану какъ „высшее благо“ и „блаженство“, въ которомъ, по выраженію текстовъ, „все скоро преходящее находитъ покой“ [9]).

Вотъ, въ общихъ чертахъ, второе изъ двухъ господствующихъ пониманій нирваны.

Сопоставляя оба изложенные нами взгляда на нирвану мы ви-

---

[8]) Ibid., стр. 222.

[9]) Ibid., стр. 223. Къ тому же пониманію нирваны склоняется и *Рисъ Дэвидсъ* (op. cit.). Но, кажется, всѣхъ энергичнѣе и рѣшительнѣе высказывается за положительное пониманіе нирваны нашъ знатокъ и переводчикъ буддійскихъ памятниковъ, *Н. И. Герасимовъ*. Возвращаясь неоднократно къ разъясненію буддійской нирваны въ своихъ обширныхъ вводныхъ статьяхъ къ переводамъ: *Пути къ истинѣ* или Даммапады (М. 1898, стр. 35—6), *Сутты-Нипаты* (М. 1899, стр. XVIII - XXI), *Буддійскихъ Суттъ* (М. 1900, стр. 36—39) и наконецъ *Лунныю Свѣта Санкья-Истины* (М. 1900, стр. 42—44), опираясь главнымъ образомъ на *позднѣйшіе* тексты, г. Герасимовъ облекаетъ буддійское ученіе о нирванѣ въ рядъ яркихъ и колоритныхъ выраженій, едва ли, однако, объективныхъ съ точки зрѣнія исторической (по смыслу, конечно, ибо вѣрность *буквъ* ни съ какой точки зрѣнія не можетъ быть признана въ данномъ случаѣ обязательною). „Пониманіе истинной буддійской мысли о *нирванѣ*“, пишетъ онъ (*Лунный Свѣтъ*, 42—3), „еще не можетъ считаться вполнѣ достигнутымъ. Современные буддисты мнѣнія которыхъ не могутъ быть для насъ безразличны, по большей части склоняются къ пониманію нирваны: 1) какъ состоянія души обновленной въ мірѣ вышней радости, напоенной безконечною жизнію, и 2) какъ райскаго мѣста, высшая высшихъ бытія, вѣчнаго царства вѣчныхъ блаженствъ. Нѣкоторые древнѣйшіе тексты говорятъ о Нирванѣ столь темно что, основываясь на нихъ, ученые изслѣдователи отказывались нерѣдко видѣть въ ней что-либо иное кромѣ смерти, абсолютнаго прекращенія бытія. Идея Нирваны-смерти не вяжется, однако, съ общимъ ходомъ буддійской мысли и не могла бы служить источникомъ возвышенныхъ идей, радости, умиротворенія, нравственнаго успокоенія, разрѣшеніемъ тоскующей совѣсти, возмущенной неправдою жизни“... Но что же такое, по мнѣнію г. Герасимова нирвана со стороны *положительной?* „Нирвана“, пишетъ онъ (*Буддійскія Сутты*, стр. 36), „понимается въ буддизмѣ, во-первыхъ, какъ особое душевное состояніе возможное уже въ этихъ формахъ жизни и, во-вторыхъ, какъ конечный выходъ изъ всякихъ „видовъ жизни“ въ условіяхъ времени и явленія. Первое есть *окруженіе души* немеркнущимъ свѣтомъ вѣчности; второе конечное *погруженіе* души въ вѣчное, непроявляемое въ областяхъ образнаго бытія; то и другое рисуется какъ *жизненное состояніе духа*. Ученіе о Нирванѣ есть самая сущность ученія Готамы, какъ *философіи душевнаго преображенія*. Нирвана дѣйствительное разрѣшеніе тусклой и стѣсненной земной жизни въ свѣтѣ и красотѣ единственно должнаго и праведнаго бытія“.

димъ что между ними прямое противорѣчіе: одинъ утверждаетъ что за гробомъ *нѣтъ* жизни, а другой что жизнь *есть* и при томъ жизнь полная и совершенная. Какъ объяснить это противорѣчіе?

Всякій разъ, когда, повидимому, объ одномъ и томъ же высказываются противорѣчивыя и взаимоисключающія другъ друга сужденія мы уже заранѣе должны предполагать что въ сущности сужденія говорятъ не объ одномъ и томъ же. Такъ, именно, обстоитъ дѣло и въ данномъ случаѣ, и въ данномъ по преимуществу.

Начнемъ съ того что самые тексты буддійскихъ памятниковъ говорятъ о нирванѣ далеко не одинаково, и, такимъ образомъ, защитники каждаго изъ противоположныхъ толкованій легко могутъ подыскать въ нихъ для себя оправданіе. Затѣмъ, даже одни и тѣ же тексты вслѣдствіе присущей имъ шаткости въ постановкѣ обыкновенно допускаютъ различныя толкованія. Напримѣръ, текстъ говоритъ: „какъ пламя затушенное порывомъ вѣтра не существуетъ уже болѣе, такъ и мудрецъ освобожденный отъ тѣла исчезаетъ и *нельзя сказать чтобы тотъ мудрецъ все еще былъ гдѣ-то*" [10]). Очевидно что этотъ текстъ можно толковать и въ смыслѣ *совершеннаго посмертнаго уничтоженія* мудреца, и въ смыслѣ его *перехода въ обители внѣпространственныя*. Можно сказать что по смыслу текста мудрецъ *вообще не будетъ уже существовать* гдѣ бы то ни было: ни въ раю, ни въ аду, ни въ какомъ-либо потустороннемъ мірѣ. Но можно сказать также что, по смыслу текста, мудрецъ лишь *выступитъ изъ условій пространственно-временнаго существованія* чтобы перейти въ другіе міры и существовать какъ чистый духъ. Все зависитъ отъ того какой смыслъ мы заранѣе будемъ влагать въ шаткую и растяжимую формулу. Такъ и въ другихъ случаяхъ. Но какой именно смыслъ мы будемъ влагать въ термины текстовъ, это зависитъ отъ того какъ предъ нами опредѣлился общій характеръ буддійскаго религіознаго міросозерцанія, въ чемъ мы будемъ видѣть его идею и основной смыслъ. Этимъ именно дѣйствительно, въ концѣ-концовъ, и опредѣляется различіе въ современныхъ толкованіяхъ буддійской нирваны европейскими учеными.

Попытаемся съ самаго начала встать у источника открывающихся здѣсь трудностей.

Буддизмъ можно разсматривать, во-первыхъ, какъ доведеніе до крайности (reductio ad absurdum) началъ браманизма. Браманизмъ есть *акосмизмъ:* для него міръ есть лишь призракъ и, въ сущности, ничто, реально же лишь одно пантеистическое идеальное или Брама.

---

10) *Сутта-Нипата*, сборникъ бесѣдъ и поученій, перев. съ англійскаго Н. И. *Герасимова*, М. 1899. Кн. V, Сутта VII, ст. 6 (1073), стр. 147.

Буддизмъ въ отличіе отъ браманизма есть не только акосмизмъ, но и *атеизмъ:* для него не только міръ, бытіе посюстороннее, но и бытіе потустороннее, пантеистическое идеальное, Брама, божество есть лишь призракъ ставимый нашею ложно направленною волей и погруженною въ илюзіи мыслью, въ сущности же своей ничто какъ ничто и міръ. Буддизмъ оказывается, такимъ образомъ, *абсолютнымъ илюзіонизмомъ.* Разрушить призракъ реальнаго міра и божества, въ явленіи и источникахъ, то-есть, ложной волѣ и ложной мысли, погрузиться въ нирвану это и значитъ, при такомъ пониманіи общаго характера буддизма, перейти въ область небытія. Такимъ образомъ, *нирвана, съ этой точки зрѣнія, есть ничто абсолютное* [11]).

Но возможно и другое пониманіе буддизма въ цѣломъ. Его можно разсматривать какъ *тотъ же, въ сущности, браманизмъ*, лишь въ иной формѣ. И для него, слѣдовательно какъ для браманизма, лишь міръ есть призракъ и ничто, а божество есть реальность. Въ такомъ случаѣ угаснуть въ нирванѣ значитъ для него просто уйти изъ *этого* міра въ *тотъ.* Когда умирающій говоритъ: „я угасну, а міръ будетъ существовать", то для буддиста какъ и для браманиста это значитъ: „міръ угаснетъ, а я буду существовать". Такимъ образомъ, нирвана, съ этой точки зрѣнія, есть лишь *ничто относительное.* Она есть уничтоженіе, ничто лишь въ томъ смыслѣ что ни одного предиката, ни одной черты съ этого міра, съ этой жизни (которая вѣдь есть призракъ и подлинное ничто) мы не можемъ перенести на тотъ міръ и ту жизнь. Слѣдовательно, въ сущности нирвана вовсе не есть ничто, но наоборотъ, есть совершенно реальное нѣчто, хотя теперь для насъ непостижимое и въ терминахъ земнаго сознанія неизреченное [12]).

---

11) Такъ именно понимаетъ буддійскую нирвану Эдуардъ *Гартманнъ* (Das religiöse Bewusstsein der Menschheit. Berlin. 1882). Wenn der Brahmanismus, пишетъ онъ (S. 322—3), gesagt hatte: das Absolute ist das reine ungetheilte. unwandelbare, bestimmungslose Sein, so sagt der Buddhismus: das Absolute ist das reine Nichts; wenn ersterer das Heil in der Seligkeit der Vereinigung mit Brahma und der Theilnahme an seiner Seligkeit gesucht hat, so begnügt sich letzterer damit, das Heil in die Negation des Unheils der Existenz zusetzen, die Seligkeit der Erlösung als blossen Kontrast mit der Unseligkeit des Lebens, als blosses Aufhören oder Erlöschen (Nirvana) der Qual hinzustellen

12) Такъ именно понималъ нирвану Шопенгауэръ. Wenn *Nirwana,* пишетъ онъ (по изд. Grisebach'a, II, s. 716). als das Nichts definirt wird, so will dies nur sagen, dass der *Sansara* kein einziges Element enthält, welches zur Definition oder Konstruction des Nirwana dienen könnte... Посему нирвана для буддистовъ есть лишь *ein relatives Nichts* (V, 114). Was ihm (то-есть, человѣку жаждущему погруженія въ нирвану или угашенія) statt dessen (то-есть, въ замѣнъ настоящаго существованія) wird, ist in unsern Augen *nichts,* weil unser Daseyn, auf jenes bezogen, nichts ist (II, 598).

Вотъ въ чемъ, такимъ образомъ, заключается глубочайшая причина противорѣчивыхъ сужденій о нирванѣ, раздѣляющихъ индологовъ и ученыхъ историковъ буддизма. Она заключается въ ихъ *философскихъ предположеніяхъ* относительно общей природы буддизма. Одни говорятъ чѣмъ нирвана *должна быть* для буддизма, *если* буддизмъ, по своимъ основнымъ началамъ, отличенъ отъ браманизма. Другіе, напротивъ, говорятъ о томъ, чѣмъ *должна быть* нирвана *если* буддизмъ, въ сущности, тожественъ съ браманизмомъ. Тексты подыскиваются и истолковываются сообразно этимъ общимъ предположеніямъ.

Обращаясь теперь къ исторіи буддизма мы находимъ что, не смотря на свою взаимопротиворѣчивость, оба приведенныя нами толкованія нирваны находятъ въ ней свои основанія и, слѣдовательно, до нѣкоторой степени могутъ быть оправдываемы. Дѣло въ томъ что въ своей исторіи буддизмъ не остается себѣ равнымъ. Буддизмъ *хотѣлъ быть* не тѣмъ чѣмъ былъ браманизмъ, но фактически постепенно сближался съ нимъ по многимъ существеннымъ пунктамъ, между прочимъ, и по вопросамъ соприкасающимся съ ученіемъ о нирванѣ. Между первоначальнымъ буддизмомъ и буддизмомъ позднѣйшимъ, между буддизмомъ основателя и буддизмомъ массъ, буддизмомъ эсотерическимъ и эксотерическимъ, вслѣдствіе этого существуетъ громадная разница. Отсюда и открывается возможность толковать *повидимому* (но не на самомъ дѣлѣ) одно и то же буддійское ученіе о нирванѣ различно: то отрицательно, то положительно, то въ смыслѣ совершеннаго уничтоженія, то въ смыслѣ перехода къ вѣчному блаженству.

Конечно, мы уже и заранѣе не должны ожидать въ буддійскихъ текстахъ тѣхъ строгихъ формулъ нирваны какія находимъ у современныхъ европейскихъ ученыхъ и философовъ (ничто „абсолютное“ и „относительное“ и т. д.). Но зато мы найдемъ приближеніе къ нимъ, къ первой формулѣ въ раннѣйшемъ буддизмѣ и ко второй въ позднѣйшемъ, своеобразное отраженіе въ сознаніи буддистовъ той идейной сущности какая вмѣщена современными европейскими учеными въ ихъ формулы.

II.

Ученіе первоначальнаго буддизма о нирванѣ.

Буддизмъ въ своихъ коренныхъ особенностяхъ есть продуктъ не колективнаго, но личнаго религіознаго творчества. Поэтому когда мы говоримъ о первоначальномъ буддизмѣ, мы должны разумѣть именно

идеи его основателя, Готамы-Будды. Какъ же самъ онъ училъ о нирванѣ? На этотъ вопросъ отвѣтить не трудно, но подлинной мысли Готамы о нирванѣ изъ его ученія о ней мы все же не узнаемъ. Дѣло въ томъ что *Готама-Будда всегда послѣдовательно и очень рѣшительно отклонялъ отъ себя вопросъ о подлинномъ смыслѣ нирваны.*

Текстовъ подтверждающихъ только-что формулованное положеніе сравнительно немного. Но между ними есть рѣшительные, вполнѣ ясно очерчивающіе, такъ сказать, принципіальное отношеніе Готамы къ вопросу о нирванѣ.

Таковъ прежде всего весьма характерный разговоръ его съ однимъ изъ учениковъ, достопочтеннымъ Малункьяпуттой (Malunkyaputta). Въ ряду другихъ вопросовъ (о вѣчности и временности міра, его безконечности и ограниченности и т. д.) ученика особенно интересуетъ одинъ: „будетъ ли совершенный жить по смерти или нѣтъ“? Съ наивнымъ простосердечіемъ Малункьяпутта выражаетъ удивленіе что эти вопросы, наиболѣе интересные изъ всѣхъ, обыкновенно оставляются учителемъ безъ отвѣта. Но вотъ именно поэтому-то, добавляетъ онъ, я и хотѣлъ бы теперь получить на нихъ рѣшительный отвѣтъ. Пусть же учитель отвѣтитъ если онъ „прямой“ человѣкъ! Ибо вѣдь прямой человѣкъ когда онъ чего-либо не знаетъ или не понимаетъ, такъ прямо и говоритъ: „этого я и не знаю и не понимаю“. Прелестію наивной откровенности дышатъ эти слова довѣрчиваго ученика апелирующаго къ „прямотѣ“ учителя. Но что же учитель? Онъ отвѣчаетъ съ не меньшею искренностію и, если угодно, „прямотою“... И однако, его отвѣтъ равняется совершенному отказу отъ отвѣта. „Какъ я раньше говорилъ тебѣ, Малункьяпутта“, спрашиваетъ его вмѣсто отвѣта на вопросы учитель, „говорилъ ли я тебѣ: приди, будь моимъ ученикомъ и я буду учить тебя, вѣченъ ли міръ или не вѣченъ, ограниченъ, или безграниченъ, будетъ жить по смерти совершенный или нѣтъ“? Ученикъ смущенъ: „нѣтъ, учитель ничего подобнаго не обѣщалъ ему“... Вопросы продолжаются дальше. Но любознательность Малункьяпутты такъ и остается неудовлетворенною: „пусть“, говоритъ въ заключеніе учитель, „останется не открытымъ то что мною не открыто“ [13]).

Здѣсь отношеніе къ предмету со стороны Будды совершенно ясное: онъ *отклоняетъ вопросъ* самымъ рѣшительнымъ и категоричнымъ образомъ.

Подлинная точка зрѣнія на занимающій насъ вопросъ ясно обрисовывается предъ нами и въ другомъ аналогичномъ случаѣ въ разговорѣ учителя съ однимъ странствующимъ монахомъ, Вакхаготтой.

---

[13]) *Ольденбергъ*, op. cit., стр. 215–217.

Существуетъ *я*, какъ пребывающая реальность, или нѣтъ? Вотъ смыслъ вопроса, на который хотѣлъ бы получить отвѣтъ монахъ. Но Будда опять-таки не даетъ никакого отвѣта. Почему? Потому, какъ разъясняетъ онъ, по удаленіи Вакхаготты, одному изъ своихъ наперсниковъ (Анандѣ), потому что если сказать: „да, *я* существуетъ", тогда монахъ могъ бы утвердиться въ ученіи, будто я вѣчно. Если же, наоборотъ, сказать ему: „нѣтъ, *я* не существуетъ", тогда „изъ одного заблужденія онъ попалъ бы въ другое, бо̀льшее". Итакъ ни то и ни другое: и мысль о вѣчности я „заблужденіе", и мысль о его призрачности тоже заблужденіе (даже „бо̀льшее"). Такимъ образомъ подлинной думы учителя не выражаетъ ни ученіе о вѣчности *я* (какъ оно передавалось въ популярныхъ школахъ саманъ и брамановъ), ни противоположный тезисъ о преходящемъ будто бы характерѣ призрачнаго *я*. Мы чувствуемъ здѣсь въ „учителѣ" буддизма какую-то нерѣшительность мысли, остановку предъ категорическимъ утвержденіемъ по вопросамъ съ тонкими оттѣнками мысли. Нельзя разъяснить ихъ: лучше поэтому совсѣмъ ничего не отвѣчать. Точка зрѣнія, какъ видимъ, въ существенномъ та же что̀ и въ случаѣ съ Малункьяпуттой [14]).

Еще одна историческая справка прежде чѣмъ перейти къ заключительнымъ соображеніямъ объ отношеніи Будды къ занимающему насъ предмету.

Когда Готама-Будда умеръ, царь Козалы, Пазенади, спросилъ знаменитую его ученицу, мудрую монахиню Кхему, существуетъ ли по смерти совершенный? Она однако не отвѣтила ему ни да, ни нѣтъ: „совершенный не открылъ этого". Почему? Потому что есть вопросы на которые нельзя отвѣчать. Сколько песчинокъ въ Гангѣ или сколько капель въ морѣ? Какой счетчикъ могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ? Такъ и о совершенномъ. Его природа неуловима и не подлежитъ яснымъ опредѣленіямъ, какъ неизмѣримъ со стороны своей вмѣстимости океанъ. Поэтому-то и нельзя сказать что совершенный по смерти существуетъ точно такъ же какъ нельзя сказать и того что онъ не существуетъ. И опять здѣсь общая схема отвѣта та же: ни да, ни нѣтъ, *вопросъ отклоненъ* рѣшительно и по существу [15]).

Итакъ повсюду въ первоначальномъ буддизмѣ, и у его основателя, и у ближайшихъ учениковъ, по вопросу о нирванѣ мысль движется, такъ сказать, въ одной и той же колеѣ: „нельзя сказать о нирванѣ что-нибудь опредѣленное". Уваженіе къ учителю, стремленіе первоначальной буддійской общины быть во всемъ великомъ и маломъ ему вѣрною повели къ тому что между другими и мысль о томъ что „нирвана

[14]) Ibid., 213—214.
[15]) Ibid., 218—219.

есть нѣчто непостижимое и неизреченное", такъ сказать, отвердѣла, какъ бы кристализовалась въ религіозномъ сознаніи первыхъ послѣдователей Будды, отлилась, какъ это обыкновенно бываетъ, въ форму догмата. Этотъ догматъ былъ даже формально опредѣленъ и провозглашенъ на третьемъ буддійскомъ соборѣ который, изложивъ устами предсѣдательствующаго ученіе о „непостижимости и неизреченности" нирваны, пояснилъ въ доказателство этой „непостижимости и неизреченности" что „никто не можетъ образовать о нирванѣ правильнаго представленія, пока самъ не вступилъ въ нее". Поэтому, добавилъ соборъ, „всякій кто рѣшится высказывать и учить о ней опредѣленнымъ образомъ долженъ быть признанъ еретикомъ" [16]).

Дѣло, какъ видимъ, совершенно ясное и остается лишь отыскать мотивы которые заставили основателя буддизма (ибо какъ мы сказали, религіозная мысль первыхъ буддистовъ развивалась повинуясь данному имъ толчку) одѣть ученіе о нирванѣ покровомъ тайны исключающей возможность говорить о ней что-либо опредѣленное. Здѣсь по вопросу объ этихъ мотивахъ мы находимъ въ литературѣ о буддизмѣ рядъ догадокъ болѣе или менѣе остроумныхъ и вѣроятныхъ. Едва ли можно отдать рѣшительное предпочтеніе какой-либо изъ этихъ догадокъ въ отдѣльности, такъ какъ ни одна изъ нихъ не даетъ исчерпывающаго объясненія. Но въ совокупности онѣ, быть-можетъ, выражаютъ лишь различныя стороны или, какъ говорятъ, моменты одной и той же сложной причины изучаемаго нами явленія.

„Мы думаемъ," таково одно мнѣніе въ его выраженіи авторитетнымъ современнымъ историкомъ индійскихъ религій, „мы думаемъ что въ отказѣ Будды отъ отвѣта на столь жизненный вопросъ (то-есть, на вопросъ о томъ, есть ли нирвана совершенное угашеніе бытія, или продолженіе жизни за гробомъ) заключается прямое и очевидное доказательство того что самъ онъ понималъ „угашеніе" какъ *совершенное уничтоженіе, переходъ въ небытіе.* Вѣдь еслибы въ самомъ дѣлѣ онъ думалъ иначе, то конечно онъ безъ колебанія сказалъ бы объ этомъ, такъ какъ это усилило бы его вліяніе среди тѣхъ, для кого мысль о совершенномъ уничтоженіи не была особенно пріятною" [17]).

„Намъ кажется", таково другое, болѣе эластичное и потому гораздо менѣе опредѣленное объясненіе, „намъ кажется что исключительная духовность воззрѣнія мудреца Готамы была причиной того что идея нирваны не получила никакого изобразительнаго выраженія въ текстахъ. Чувственная природа въ человѣкѣ имѣетъ тенденцію отражаться и въ образахъ высшаго бытія созданныхъ человѣческою вѣрой, мудростью и мечтою; чистая духовность свѣтится только

[16]) *Koeppen,* op. cit., S. 305.
[17]) *Hopkins:* The Religions of India. London, 1896. P. 321.

чистыми духовными сознаніями. Ученіе Готамы отбрасывающее чувственное начало во всѣхъ его формахъ какъ во внѣшней, такъ и во внутренней жизни человѣка естественно могло идти только во второмъ направленіи, не въ созиданіяхъ проникнутыхъ чувственными представленіями образовъ высшаго бытія, но въ чистомъ сознаніи о немъ, упоеніи счастьемъ этого сознанія" [18]).

Потому, говорятъ еще (таково третье, наиболѣе распространенное, объясненіе), потому Будда уклонялся отъ опредѣленнаго отвѣта на вопросъ о нирванѣ что этотъ отвѣтъ не могъ бы служить прямой цѣли какую ставилъ себѣ основатель буддизма, то-есть, устроенію жизни: однихъ онъ вовлекъ бы въ пустые и ненужные споры, другихъ, пожалуй, лишилъ бы бодрости и жизненной энергіи. Ибо вѣдь, въ концѣ-концовъ, предъ послѣдовательнымъ буддистомъ который способенъ продумать до конца слѣдствія вытекающія изъ его началъ (въ частности изъ отрицательнаго отношенія къ вопросу о реальности души), всеже вырисовывались бы чисто отрицательныя перспективы. Зачѣмъ же мудрому учителю было смущать ими своихъ учениковъ? Зачѣмъ говорить „слабому человѣку суровую истину?" Не слѣдовало, конечно, и обманывать. Но „можно было прикрыть спасительной завѣсой изображеніе истины, отъ взгляда на которую могъ ослѣпнуть не приготовленный глазъ"... Будда именно это, говорятъ, и сдѣлалъ [19]).

Таковы три различныхъ объясненія загадочнаго историческаго факта. Мы сказали уже что, въ сущности, быть-можетъ, они совсѣмъ не исключаютъ другъ друга, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. И это, по нашему мнѣнію, дѣйствительно такъ. При извѣстномъ освѣщеніи эти три гипотезы дополняя другъ друга обрисовываютъ предъ нами одно и то же въ высокой степени интересное психологическое явленіе, характеризующее душевную жизнь далеко не одного только основателя буддизма, хотя у него и проявившееся, сообразно размѣрамъ его силъ, съ особенною яркостію. Съ одной стороны, проницательный умъ этого выдающагося человѣка, всматриваясь въ логически-неизбѣжныя слѣдствія положенныхъ имъ самимъ въ основу своей религіозной системы началъ, безъ сомнѣнія, видѣлъ *слишкомъ много* для того чтобы не смутиться и не остановиться, по крайней мѣрѣ, предъ окончательною и рѣшительною формуловкой тезисовъ *нигилистической эсхатологіи* [20]). Съ

[18]) Н. И. *Герасимовъ*: Лунный свѣтъ, стр. 43.

[19]) *Ольденбергъ*, op. cit., стр. 215.

[20]) Тотъ историкъ буддизма который съ особенною, можно сказать, исключительною настойчивостію развиваетъ тезисъ о нирванѣ какъ *совершенномъ уничтоженіи*, въ обстоятельной спеціальной статьѣ предпосланной

другой стороны, какъ умъ критическій и скептическій Будда хотя и слышалъ въ своей душѣ, когда прислушивался къ ея непосредственнымъ общечеловѣческимъ внушеніямъ (постулатамъ), требованія положительнаго безсмертія, однако видѣлъ *слишкомъ мало* и слишкомъ неясно, въ чертахъ слишкомъ тусклыхъ и смутныхъ для того чтобы опредѣленно выразить *положительный идеалъ* проэктируемый „человѣческою вѣрой, мудростію и мечтой" и чтобы, такимъ образомъ, идея нирваны получила „изобразительное выраженіе" сначала въ его словахъ, а потомъ и въ текстахъ памятниковъ [21]). И совершенно

новому (2-му) изданію своей исторіи буддизма (Le Bouddha et sa religion), доказываетъ что именно самъ Будда, поскольку онъ сознавалъ свое обособленіе отъ браманизма, *долженъ былъ* учить о нирванѣ какъ о *совершенномъ и полномъ уничтоженіи.* Вотъ краткое resumé его содержательной аргументаціи. 1) Буддизмъ есть реформа браманизма, слѣдовательно, его ученіе о концѣ и цѣли жизни *не могло быть* тѣмъ же чтó въ браманизмѣ: это не угасаніе *въ Брамѣ*, но нѣчто иное (pp. III—V). 2) Не могла быть буддійская нирвана „угасаніемъ" въ Богѣ (=Брамѣ) и потому что Будда совсѣмъ не вѣрилъ въ Бога, абсолютно и ни въ какомъ смыслѣ (p. V). 3) Не могъ Будда учить о нирванѣ какъ посмертной жизни души, ибо совсѣмъ и не признавалъ души какъ отличной отъ тѣла (p. VI—VII). 4) Буддизмъ, несомнѣнно, вышелъ изъ атеистической *Санкьи;* но ея основатель, Капила, также ничего не говорилъ ни о Богѣ, ни о душѣ (VII—VIII). 5) Въ *Суттахъ*, единственно надежномъ источникѣ, нирвана понимается какъ свобода отъ страданій и возрожденій, *par l'anéantissement de tous les principes, dont l'homme est formé* (IX). 6) Есть, конечно, непослѣдовательности въ *позднѣйшемъ* буддизмѣ (напримѣръ, вѣчно блаженные бодисатвы). Но, при опредѣленіи подлиннаго смысла нирваны, очевидно, нужно имѣть въ виду буддизмъ порвоначальный, основанный самимъ Буддою, утвержденный тремя соборами, хранимый въ канонической трипитакѣ. И вотъ этотъ-то первоначальный и подлинный буддизмъ есть именно *буддизмъ уничтоженія*, le buddhisme de l'anéantissement (XI). 7) Браманисты укоризненно называютъ буддистовъ *людьми несущаго* (les gens du néant, nâstikas), очевидно отмѣчая самую существенную черту различія между собою и ими, причемъ буддисты съ своей стороны обыкновенно этого не только не отрицали, но даже этимъ гордились. И дѣйствительно ихъ ученіе есть *vacuité absolue* (пустота) не только de toute existence, но и de toure notion. Это *скептицизмъ* болѣе радикальный чѣмъ античный или эпохи возрожденія. Это *радикальный нигилизмъ* (ср. *Burnouf:* Introduction à l'histoire du bouddhisme indien, p. 483, pp. XIII — XV). 8) Итакъ *Le Nirvâna n'est que l'anéantissement* (XV). 9) Мисіонеры всѣхъ странъ единогласно (?) свидѣтельствуютъ что Nirvâna n'est que le néant (XVII). 10) Поэтому, косвенное соображеніе, въ атеистическомъ Китаѣ буддизмъ палъ на подготовленную почву, чѣмъ и объясняется его широкое тамъ распространеніе.

[21]) Одна изъ заслугъ Ольденберга заключается въ томъ что именно эту подробность онъ поставилъ въ полосу яркаго свѣта. *„За покровомъ тайны"*, пишетъ онъ, между прочимъ, (221), *„скрывается желаніе спасти отъ мышленія надежду на вѣчное бытіе* которое выше всякаго пониманія". Къ этому присоединялись также и мотивы, такъ сказать, педагогическіе. Вмѣстѣ съ Ольденбергомъ

естественно, конечно, что эта двойная „*апорія мысли*", это неизбѣжное для идущаго ощупью ума reservatio mentalis на практикѣ въ отношеніи къ другимъ проявилась въ формѣ систематическаго уклоненія отъ рѣшительнаго отвѣта, въ формѣ ἐποχὴ слова. У самаго Готамы-Будды это, повидимому, было дѣломъ вполнѣ искреннимъ. Но въ искренности его ближайшихъ послѣдователей современные ученые справедливо сомнѣваются [22]): у нихъ эта сдержанность есть, повидимому, не что иное какъ *pia fraus*.

Такимъ образомъ, на своемъ мѣстѣ каждая изъ приведенныхъ нами выше гипотезъ получаетъ свою долю значенія. Если послѣдовательно и систематически проводимый основателемъ буддизма и его ближайшими учениками отказъ отъ опредѣленнаго отвѣта на вопросъ о сущности нирваны мы должны признать (и въ этомъ относительная правда послѣдней изъ трехъ приведенныхъ нами гипотезъ) цѣлесообразнымъ педагогическимъ пріемомъ, то, съ другой стороны, самую эту педагогическую мудрость Будды мы должны разсматривать (и въ этомъ относительная правда двухъ первыхъ гипотезъ) лишь какъ слѣдствіе, необходимое и невольное, той апоріи мысли которая создавалась постановкой сложной эсхатологической проблемы въ невозможныхъ условіяхъ рѣшенія (колебаніе между теоретическимъ нигилизмомъ, съ одной стороны, и практическими постулатами, съ другой).

(Окончаніе слѣдуетъ).

Проф. Алексѣй Введенскій.

такъ думаютъ и другіе. Такъ, *Кернъ* (Der Budhismus etc. S. 464) видитъ въ уклоненіи Будды отъ прямаго отвѣта на вопросъ о нирванѣ eine Massregel zur Bewahrung der Eintracht unter den Brüdern.

[22]) Для *Керна* при этомъ искренность если не самого Будды, то во всякомъ случаѣ первоначальныхъ буддистовъ подлежитъ очень большому сомнѣнію. Es ist nicht unwahrscheinlich, пишетъ онъ (466), dass schon von Aufang an der metaphysische Begriff sich für den Eingeweihten deckte mit dem Tode sans phrase und bildlich mit dem Lebendtotsein des ruhigen unerschütterlichen Weisen, dass aber der Begriff in einen metathysischen Nebel gehüllt ist, wegen des sittlichen Einflusses den er ausüben sollte. Ausserdem spielt das Wort eine so grosse Rolle in der Legende dass es besonders eindringlich klingen musste und schon deshalb verdiente, in Ehren gehalten zu werden. Unter solchen Umständen kann es nicht verwundern, dass die Doctoren und Heiligen der Kirche in salbungsvollem Tone über das Nirvâna zu sprechen pflegen und sich bestrebt haben, es in einen geheimnilssvolen Schleier zu hüllen. Da man nichts dabei argwöhnte, konnte man leicht glauben, dass hinter dieser seligen Ruhe wunders wie viel stecke, aber wenn man genau zusieht, findet man dass es nichts ist...

ПСИХОЛОГІЯ НАРОДОВЪ

I.

„Психологія народовъ“ *) является въ нѣкоторомъ смыслѣ дополненіемъ къ обыкновенной, „индивидуальной“ психологіи: она ставитъ своей задачей изслѣдованіе именно тѣхъ явленій которыя не подлежатъ вѣдѣнію этой послѣдней, явленій обусловленныхъ *совмѣстной* жизнью людей. Такъ какъ окружающая духовная среда неизбѣжно оказываетъ вліяніе на сознаніе и чувство каждаго отдѣльнаго лица, то, очевидно, для яснаго пониманія нѣкоторыхъ фактовъ индивидуальной психологіи необходимо знакомство съ „психологіей народовъ“; тѣмъ не менѣе эта послѣдняя остается областью болѣе спеціальною, въ существенныхъ отношеніяхъ зависящею отъ первой, такъ какъ явленія которыя она разсматриваетъ въ концѣ концовъ могутъ быть объяснены лишь на основаніи общихъ психическихъ законовъ дѣйствующихъ на самыхъ раннихъ ступеняхъ развитія индивидуальнаго сознанія. Очевидно также что то или другое явленіе духовной жизни можетъ возникнуть въ обществѣ людей лишь при томъ условіи, когда отдѣльные его члены обладаютъ необходимыми для того задатками.

Понятно что для „психологіи народовъ“ наибольшій интересъ представляютъ душевныя состоянія не культурныхъ, а первобытныхъ народовъ, живущихъ главнымъ образомъ жизнію непосредственныхъ влеченій и инстинктовъ. Но „психологія народовъ“ все-же не есть исключительно психологія „первобытныхъ“ народовъ: первобытное состояніе не что̀ иное какъ зачаточное состояніе культурности; нѣкогда всѣ, даже наиболѣе культурные въ настоящее время народы, находились въ томъ состояніи, въ какомъ теперь находятся первобытные, и ихъ языкъ, миѳологія и нравы повсюду восходятъ къ этому отдаленному періоду ихъ существованія, или, по крайней мѣрѣ, хранятъ въ себѣ его преданія. Поэтому культурные народы

*) Völkerpsychologie, von Wilhelm Wundt.

точно также представляютъ важное явленіе для „психологіи народовъ“, такъ какъ на нихъ всего яснѣе можно видѣть результаты продолжительнаго развитія основныхъ душевныхъ способностей.

Изслѣдованіе законовъ развитія языка, миѳологіи и нравовъ, вотъ тѣ три самостоятельныхъ задачи которыя выпадаютъ на долю „психологіи народовъ“; онѣ не встрѣчаются ни въ какой другой области науки и по самому существу своему требуютъ психологическаго изслѣдованія. При этомъ въ составъ миѳологіи входятъ начатки религіи, къ нравамъ примыкаютъ зародыши и общее развитіе культуры. Между этими тремя областями существуетъ самая тѣсная связь: первое между ними мѣсто принадлежитъ языку какъ необходимому вспомогательному средству для возникновенія общественной мысли; второе мѣсто занимаетъ миѳологія какъ *внутренняя* форма, въ которую отливается общественная мысль и, наконецъ, слѣдуетъ *внѣшнее* воплощеніе этой мысли, приведеніе ея въ дѣйствіе, то-есть, нравы. Это соотношеніе между тремя задачами психологіи народовъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ отношенію къ извѣстнымъ основнымъ фактамъ индивидуальнаго сознанія: въ языкѣ отражается главнымъ образомъ міръ идей человѣка; миѳъ обусловливаетъ затѣмъ содержаніе этихъ идей, такъ какъ при первобытномъ состояніи народнаго сознанія онъ заключаетъ въ себѣ общее міросозерцаніе въ его нераздѣльномъ единствѣ, причемъ на возникновеніе отдѣльныхъ частей миѳа оказываетъ сильное вліяніе направленіе чувствъ; наконецъ нравы обнимаютъ собою всѣ проявленія общественной воли которая пріобрѣтаетъ господство надъ индивидуальными привычками. Такимъ образомъ языкъ соотвѣтствуетъ области идей, миѳологія области чувствъ, нравы области воли въ индивидуальной жизни человѣческой души, и эти три области исчерпываютъ собою основныя направленія, по которымъ движется жизнь души собирательной, народной.

Итакъ, первымъ предметомъ изслѣдованія является языкъ.

Языкъ есть особая, своеобразно развитая форма въ ряду тѣхъ душевно-тѣлесныхъ явленій которыя служатъ для обнаруженія внутреннихъ ощущеній и чувствъ. Особымъ свойствомъ языка отличающимъ его отъ другихъ способовъ выраженія нашего душевнаго состоянія привыкли считать то что, выражая идеи, онъ можетъ служить для обмѣна мыслей. Но это не даетъ языку никакого особаго положенія ужь по одному тому что и другіе способы выраженія нерѣдко сопровождаются идейными симптомами, и, наоборотъ, языкъ можетъ быть также и выразителемъ чувствъ. Кромѣ того, въ словесную форму можетъ облекаться и уединенное размышленіе, при которомъ, очевидно, исключается всякое намѣреніе и возможность общенія. *Звуковая* форма выраженія, вопреки довольно распростра-

ненному мнѣнію, также не можетъ служить критеріемъ языка, такъ какъ съ одной стороны звуки встрѣчаются и между такими внѣшними проявленіями чувствъ которыя мы не причисляемъ къ языку, съ другой стороны мимика состоитъ изъ нѣмыхъ движеній, а между тѣмъ обладаетъ всѣми существенными свойствами истиннаго языка.

Таковы затрудненія возникающія при опредѣленіи понятія „языкъ". Они зависятъ главнымъ образомъ отъ того что говоря о внѣшнихъ движеніяхъ, какъ способахъ обнаруженія внутреннихъ ощущеній и чувствъ, не стараются дать себѣ отчетъ въ физіологической и психологической природѣ этихъ движеній и такимъ образомъ низводятъ ихъ на степень простыхъ симптомовъ. Въ дѣйствительности всѣ движенія производимыя посредствомъ дѣятельности мускуловъ дѣлятся на три разряда: 1) на автоматическія, 2) на движенія обусловленныя внутреннимъ побужденіемъ и 3) на преднамѣренныя. Первыя движенія безсознательны и непроизвольны; вторыя возникаютъ подъ вліяніемъ одного возбуждающаго чувство мотива не безъ участія воли; послѣднимъ предшествуетъ борьба нѣсколькихъ мотивовъ. Внѣшніе симптомы чувствъ могутъ принадлежать къ любому изъ этихъ трехъ классовъ, нерѣдко также представляютъ сочетаніе двухъ и даже всѣхъ трехъ формъ движеній или же, такъ какъ эти движенія могутъ переходить одно въ другое, смотря по обстоятельствамъ мѣняютъ свое значеніе. Такъ, напримѣръ, мимическія движенія являющіяся у новорожденнаго ребенка вслѣдствіе раздраженія чувства вкуса суть, безъ сомнѣнія, движенія автоматическія; съ другой стороны характеристическія движенія испугавшагося человѣка частію автоматичны (вздрагиваніе), частію обусловлены внутреннимъ побужденіемъ (невольное стремленіе къ оборонѣ, къ бѣгству).

Ходъ развитія внѣшнихъ симптомовъ слѣдуетъ, повидимому, общимъ законамъ развитія животныхъ движеній. Но неправильно существующее при этомъ мнѣніе, будто преднамѣренныя движенія образуются мало-по-малу изъ автоматическихъ; вѣрнѣе будетъ признать что первообразныя движенія тѣ которыя исходятъ изъ внутренняго побужденія, изъ нихъ съ одной стороны, при условіи умноженія мотивовъ, развиваются преднамѣренныя движенія, съ другой, благодаря частому ихъ употребленію, механическія, автоматичныя. Разъ развившіяся преднамѣренныя дѣйствія могутъ въ свою очередь постепенно вновь превращаться сначала въ движенія втораго разряда, а затѣмъ и въ безсознательныя. Впрочемъ, все вышесказанное справедливо лишь съ общей точки зрѣнія развитія внѣшнихъ симптомовъ; въ каждомъ частномъ организмѣ являющемся въ свѣтъ со множествомъ унаслѣдованныхъ способностей, съ самаго начала одно-

временно встрѣчаются движенія и втораго и перваго разряда. Такъ, мимическіе мускулы ребенка тотчасъ по его рожденіи, какъ сказано было выше, дѣйствуютъ автоматично при раздраженіи вкуса; точно также хотя у большинства животныхъ первоначальныя движенія несомнѣнно вызваны внутреннимъ стремленіемъ, тѣмъ не менѣе съ ними бываетъ соединено много и автоматическихъ дѣйствій, чему могутъ служить примѣромъ хотя бы движенія только-что вылупившагося изъ яйца цыпленка.

Въ пользу того мнѣнія что автоматическія движенія не суть движенія первообразныя и не идутъ впереди произвольныхъ можно найти не мало доказательствъ. Такъ, если разсматривать самыя раннія жизненныя проявленія у цѣлаго ряда существъ, то легко убѣдиться въ томъ что автоматическія движенія тѣмъ болѣе отходятъ на задній планъ чѣмъ ниже ступень занимаемая даннымъ животнымъ въ системѣ душевно-тѣлесныхъ организацій. Во-вторыхъ, считать автоматическія движенія за первообразныя значитъ отказываться признать за внѣшними дѣйствіями какую-либо цѣлесообразность, а между тѣмъ эта цѣлесообразность явствуетъ сама собой изъ природы произвольныхъ дѣйствій которыя всегда порождаются опредѣленными, направленными къ извѣстной цѣли побужденіями. Въ-третьихъ, мы видимъ что въ индивидуальной жизни произвольныя движенія благодаря частому ихъ употребленію постоянно переходятъ въ автоматическія, такъ что начало дѣйствія нерѣдко съ механической точностію влечетъ за собою все его дальнѣйшее развитіе; стоитъ только распространить этотъ законъ съ индивидуальнаго явленія на общее чтобы понять чѣмъ обусловлена цѣлесообразность безсознательныхъ движеній, тогда какъ принимая автоматическія движенія за первообразныя приходится считать ихъ цѣлесообразность или своего рода чудомъ, или слѣдствіемъ сцѣпленія различныхъ случайностей, что̀ также противоестественно.

Итакъ, разъ первообразныя движенія у животныхъ и людей являются слѣдствіемъ душевныхъ стремленій, то существенныя свойства этихъ движеній, ихъ различіе и разнообразіе ихъ формъ должны, очевидно, стоять въ зависимости отъ природы этихъ стремленій.

Каждое произвольное движеніе помимо идейныхъ элементовъ носитъ въ себѣ также и элементы чувствъ. Анализъ показываетъ что всякое простое (то-есть, не разлагаемое болѣе на составныя части) чувство принадлежитъ къ одной изъ трехъ главныхъ группъ: 1) къ ощущеніямъ удовольствія или неудовольствія, 2) къ состоянію возбужденія или удрученности, подавленности и 3) къ состоянію напряженности или разслабленія. Разслѣдовать, къ которой именно изъ этихъ группъ принадлежитъ данное чувство, бываетъ довольно трудно, такъ какъ

чувство почти невозможно удержать въ одномъ и томъ же состояніи: оно или слишкомъ быстро исчезаетъ, или переходитъ въ афектъ. При экспериментальномъ изслѣдованіи принято за правило для возбужденія чувства употреблять *умѣренныя* средства, такъ какъ болѣе сильныя вызываютъ и болѣе интенсивныя чувства, а эти послѣднія всегда обращаются въ афекты. Хорошимъ пособіемъ для распознаванія чувствъ служатъ также сопровождающія ихъ физическія явленія; но при очень слабыхъ чувствахъ видимые, внѣшніе симптомы могутъ и не проявляться; неизбѣжны бываютъ лишь нервическія измѣненія въ сердцѣ, въ кровеносныхъ сосудахъ и дыхательныхъ мышцахъ. Пульсъ при однихъ душевныхъ состояніяхъ усиливается, при другихъ ослабѣваетъ, иногда его біеніе ускоряется, иногда замедляется, причемъ при противоположныхъ другъ другу чувствахъ и эти физическія явленія бываютъ противоположны. Всѣ пульсовые симптомы равно какъ и измѣненія кровеносныхъ сосудовъ и дыхательныхъ мышцъ слабы и скоропреходящи при простыхъ чувствахъ и, напротивъ, значительно усиливаются при переходѣ чувства въ афектъ; при этомъ происходитъ и смѣшеніе различныхъ симптомовъ, что̀ осложняетъ явленія.

Такъ какъ ни одно чувство, какъ выше было сказано, не можетъ долго оставаться въ одномъ и томъ же состояніи, то чувства „въ чистомъ видѣ“ суть лишь продукты отвлеченнаго мышленія. Всѣ же дѣйствительно существующія чувства являются какъ бы „составными частями въ непрерывномъ движеніи афекта“. Если смотрѣть на чувства съ этой точки зрѣнія, то не остается никакого сомнѣнія въ томъ что изъ самаго афекта никогда не зарождаются новые элементы чувствъ, а также рушится и то предположеніе что всѣ проявляющіяся въ афектахъ чувства исходятъ изъ ощущенія удовольствія или неудовольствія: такое мнѣніе неправдоподобно, потому что другія чувства вовсе не родственны съ этими двумя и даже не находятся съ ними въ какомъ-либо постоянномъ отношеніи. Приходится признать что и въ афектахъ дѣйствуютъ все тѣ же три группы чувствъ, причемъ каждое изъ шести наименованій есть понятіе *родовое*, подъ которымъ можетъ подразумѣваться множество отдѣльныхъ конкретныхъ чувствъ подобно тому какъ, напримѣръ, подъ понятіемъ „синій“ разумѣется множество различныхъ оттѣнковъ этого цвѣта. Самыя разнообразныя конкретныя чувства являются слѣдствіемъ измѣненій или сочетаній этихъ шести душевныхъ состояній.

При подробномъ анализѣ афектовъ легко убѣдиться что для общаго ихъ тона главное значеніе имѣютъ двѣ послѣднія группы чувствъ, тогда какъ удовольствіе и неудовольствіе выражаютъ только ихъ качественное содержаніе. Давнишнее подраздѣленіе афектовъ на

стеническіе и астеническіе ясно указываетъ на преобладаніе въ нихъ чувства возбужденія и угнетенности; должно при этомъ замѣтить что только попытка научнаго подраздѣленія афектовъ привела къ тому что на первомъ мѣстѣ была поставлена форма происходящаго въ нихъ движенія, тогда какъ различіе афектовъ въ обычномъ сознаніи, поскольку оно выразилось въ словесномъ опредѣленіи, сводится къ дѣленію на чувства пріятныя и непріятныя: такія выраженія какъ „стеническій" и „астеническій" принадлежатъ исключительно психологической теоріи, обыкновенный языкъ различаетъ лишь радость, скорбь, надежду, опасенія и т. д. На ряду съ чувствами возбужденія и подавленности важными элементами при нѣкоторыхъ афектахъ являются также чувства напряженности и ослабленія (напримѣръ, при ожиданіяхъ, надеждахъ, заботахъ...), но и здѣсь въ въ разговорномъ языкѣ нашли себѣ выраженіе главнымъ образомъ *удовольствіе* и *неудовольствіе*. Рѣшающее значеніе имѣютъ эти элементы при преднамѣренныхъ дѣйствіяхъ которыя въ сущности представляютъ лишь особый разрядъ афектовъ отличающійся отъ другихъ *внезапностію своей развязки*.

На основаніи всѣхъ этихъ свойствъ афекта получаютъ свое психологическое значеніе сопровождающія его физическія движенія. Въ концѣ-концовъ они всѣ направлены къ тому чтобы способствовать разрѣшенію афекта (таковы, напримѣръ, движенія человѣка радующагося, гнѣвающагося и т. д.). Если внѣшніе симптомы и кажутся намъ иногда безцѣльными, то лишь потому что они не всегда достигаютъ вполнѣ своей цѣли, не влекутъ за собою развязки афекта, а лишь содѣйствуютъ его ослабленію. Нерѣдко движенія переходятъ въ произвольныя дѣйствія. Въ такомъ случаѣ все явленіе до извѣстнаго пункта обыкновенно называютъ афектомъ, а съ этого момента волевымъ актомъ. Такое дѣленіе, однако, неправильно, такъ какъ самъ афектъ есть подготовленіе къ волевому дѣйствію, и лишь разница въ полнотѣ этого процеса зависящая отъ внѣшнихъ обстоятельствъ составляетъ различіе между афектомъ и произвольнымъ дѣйствіемъ. Такимъ образомъ афектъ стоитъ посрединѣ между отдѣльнымъ чувствомъ и произвольнымъ дѣйствіемъ; если смотрѣть съ физіологической точки зрѣнія, то всякое отдѣльное чувство опредѣляется какъ такое состояніе духа которое сопровождается физіологическими явленіями: нервическими измѣненіями сердца, кровеносныхъ сосудовъ и дыхательныхъ мышцъ; при афектахъ къ этому присоединяется также измѣненіе моторныхъ нервовъ; накопецъ, при волевыхъ явленіяхъ всѣ вообще мускульныя измѣненія производятъ преднамѣренныя, цѣлесообразныя движенія которыя или непосредственно разрѣшаютъ афектъ, или, по крайней мѣрѣ, направлены къ его разрѣшенію.

Симптомы чувствъ принадлежатъ къ явленіямъ душевно-тѣлеснымъ, хотя между душою и тѣломъ здѣсь проявляется лишь извѣстнаго рода правильное отношеніе, но нѣтъ никакой причинной связи. Между свойствами афекта и свойствами его симптомовъ существуетъ аналогія. Нельзя, разумѣется, ожидать что основныя свойства чувствъ можно найти въ сопровождающихъ ихъ физіологическихъ явленіяхъ, существуетъ лишь соотношеніе, въ силу котораго простому качественному различію въ чувствахъ отвѣчаетъ очень сложное, но тѣмъ не менѣе характерное различіе мускульныхъ и нервическихъ явленій: такъ, напримѣръ, при пріятныхъ ощущеніяхъ углы рта приподымаются, при непріятныхъ опускаются; при возбужденіи мимическія и пантомимныя движенія становятся оживленнѣе, при подавленномъ настроеніи мимическіе мускулы какъ бы засыпаютъ и т. п.

Какъ сердце, такъ и внѣшніе мускулы нашего тѣла находятся постоянно въ нѣкоторомъ нервномъ возбужденіи, степень котораго мѣняется смотря по мѣстоположенію членовъ тѣла; при этомъ относительная сила нервнаго раздраженія зависитъ, повидимому, и отъ положенія членовъ, то-есть, разницу составляетъ то, сидимъ ли мы, стоимъ или лежимъ. Нервные процесы лежащіе въ основѣ движеній очень сложны. Примѣромъ тому можетъ служить мимика: ея изслѣдованіе показываетъ что нѣтъ ни одной формы выраженія, при которой бы равномѣрно участвовали всѣ мускулы лица со всѣми своими нитями; по большей части измѣненіе въ очень ограниченномъ числѣ мускульныхъ волоконъ обусловливаетъ характеристическіе признаки даннаго выраженія.

Между симптомами и чувствами наблюдается еще особое соотношеніе, въ силу котораго внѣшнія движенія могутъ вызывать, зараждать чувство. Такъ, напримѣръ, непріятное ощущеніе горечи, равно какъ и всякое чувство неудовольствія родственное по своему характеру съ этимъ ощущеніемъ выражается посредствомъ извѣстнаго рода мимическихъ движеній. Если произвольно, хотя бы при помощи дѣйствія электрическаго тока на соотвѣтствующіе мускулы, вызвать точно такое же мимическое выраженіе какое бываетъ при ощущеніи чего-либо горькаго, то вмѣстѣ съ тѣмъ появится и соотвѣтственное душевное настроеніе, вначалѣ слабое, но при частомъ повтореніи движеній оно можетъ замѣтно усилиться. Этимъ объясняется то извѣстное явленіе что для усиленія афектовъ и страстей нѣтъ лучше средства какъ безпрепятственное ихъ проявленіе во внѣшнихъ движеніяхъ.

Разсматривая принципы на которыхъ основаны симптомы афектовъ приходимъ къ заключенію что ни чисто физіологическая, ни чисто психологическая теорія способовъ обнаруженія чувствъ не можетъ быть истинна: физіологическая потому, что афектъ какъ

нѣчто непосредственно переживаемое не можетъ быть замѣнонъ никакимъ физіологическимъ сопровождающимъ его явленіемъ; психологическая потому, что симптомы чувствъ — физіологическія функціи, и слѣдовательно, ихъ значеніе для психической стороны явлений можетъ быть оцѣнено по достоинству лишь въ связи съ физическою природой человѣка. Въ сущности афектъ и его симптомы составляютъ вмѣстѣ одно душевно-тѣлесное явленіе которое мы дѣлимъ на двѣ составныя части только на основаніи требуемаго опытомъ анализа и отвлеченныхъ соображеній. Главный нашъ интересъ при этомъ сосредоточивается на психологической сторонѣ какъ самого афекта. такъ и его симптомовъ, такъ какъ все значеніе внѣшнихъ движеній въ томъ и состоитъ что они спутники душевныхъ настроеній. Понятно что болѣе близкій анализъ симптомовъ долженъ стоять въ тѣсной связи съ анализомъ соотвѣтственныхъ афектовъ. Такъ какъ всякому самому простому чувству всегда присущи три основныхъ свойства: интенсивность, качество и связь съ идеями (что̀ составляетъ какъ бы *идейное* содержаніе ихъ), то и явленія служащія для обнаруженія афектовъ дѣлятся на три разряда: интенсивныя, качественныя и идейныя.

Главное, всеобщее свойство интенсивныхъ симптомовъ есть то что они колеблются между возбужденіемъ и прекращеніемъ мускульной дѣятельности, причемъ это послѣднее не есть только окончаніе возбужденія, но вполнѣ самостоятельное явленіе. Въ самомъ чистомъ видѣ являются интенсивные симптомы при сильныхъ афектахъ, такъ какъ здѣсь вслѣдствіе усиленнаго дѣйствія возбужденія и прекращенія всѣ остальныя явленія стушевываются. Противоположность между возбужденіемъ и остановкой дѣятельности всегда находится въ связи со степенью афектовъ, такъ что симптомы въ свою очередь могутъ быть раздѣлены на проявленія *сильныхъ* и *самыхъ сильныхъ* афектовъ; при первыхъ возбужденіе достигаетъ своей наибольшей напряженности, при вторыхъ болѣе или менѣе распространено ослабленіе дѣйствія. Грань гдѣ первая степень переходитъ во вторую измѣняется смотря по обстоятельствамъ, но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ она бываетъ достаточно опредѣленна, и нерѣдко высшее возбужденіе внезапно смѣняется полною пріостановкой движенія. Всего яснѣе можно прослѣдить это явленіе при дѣятельности сердца, біеніе котораго при сильныхъ афектахъ, какъ испугъ, страхъ, ярость, сначала можетъ усилиться, вслѣдъ затѣмъ быстро наступаетъ паденіе пульса и прекращеніе сердечной дѣятельности. Сильные афекты радости, гнѣва и т. п. выражаются въ быстрыхъ и измѣнчивыхъ движеніяхъ; смѣна ощущеній и идей при этомъ происходитъ иногда такъ быстро что для непосредственнаго переживанія афекта необ-

ходимъ бываетъ внезапный перерывъ, остановка, при состояніи близкомъ къ безсознательности или даже просто безсознательномъ. Въ такихъ случаяхъ мускулы не только мгновенно ослабѣваютъ, но это состояніе ихъ разслабленія продолжается довольно значительное время смотря по силѣ афекта, и затѣмъ не вдругъ, но лишь мало-по-малу возвращаются они вновь къ нормальному состоянію.

Въ вышеуказанныхъ симптомахъ возбужденія и прекращенія движенія далеко не всѣ мускулы принимаютъ одинаковое участіе. Кромѣ *внутреннихъ* органовъ (сердца, кровеносныхъ сосудовъ, *дыхательныхъ* мышцъ) интенсивные афекты выражаются также въ дѣятельности *внѣшнихъ* мускуловъ нашего тѣла, изъ которыхъ на первый планъ выступаютъ три группы: мимическіе мускулы лица, пантомимные мускулы обусловливающіе движеніе рукъ и, наконецъ, мускулы ногъ, орудій ходьбы. При этомъ мимическія движенія служатъ прежде всего *качественными* признаками чувствъ и лишь на ряду съ качествомъ могутъ обозначать *степень* афекта; движенія рукъ нѣсколько болѣе являются выразителями силы афектовъ, а мускулы ногъ принимаются вообще въ разчетъ только при самыхъ сильныхъ афектахъ. При очень сильныхъ афектахъ и остальные мускулы освобождаются отъ зависимости отъ *качества* душевныхъ настроеній; при слабыхъ душевныхъ движеніяхъ, наоборотъ, мимика часто представляетъ соединеніе разнообразныхъ и даже противоположныхъ симптомовъ. Дѣло въ томъ что мускульныя группы расположенныя около различныхъ органовъ чувствъ (особенно около рта и глазъ) могутъ испытывать сильную степень нервнаго раздраженія независимо другъ отъ друга, и нерѣдко даже симетрически расположенные мускулы на обѣихъ сторонахъ лица представляютъ различныя, даже противоположныя явленія.

На ряду съ интенсивными симптомами существуютъ, какъ уже сказано выше, также и такіе, въ которыхъ отражается *качество* афектовъ. Такъ какъ это качество всецѣло обусловлено характеромъ чувства, то главные качественные симптомы дѣлятся сообразно основнымъ формамъ чувствъ, при этомъ главное значеніе имѣютъ два направленія: удовольствіе и неудовольствіе, напряженіе и ослабленіе. Качественные симптомы всецѣло ограничиваются дѣятельностію мускуловъ лица, причемъ глаза и ротъ вслѣдствіе богатаго развитія своей мускулатуры допускаютъ наибольшее разнообразіе характеристическихъ движеній. Мускулы внѣшняго органа слуха у человѣка повреждены и потому они не принимаютъ никакого участія въ мимическихъ движеніяхъ; когда впечатлѣніе получаемое отъ звуковъ требуетъ какого-либо внѣшняго проявленія, то движенія исходятъ изъ общей мускулатуры головы и въ такомъ случаѣ они принадле-

жать къ числу идейныхъ симптомовъ. Болѣе видную роль играетъ носъ, хотя и эту роль можно назвать лишь второстепенною, такъ какъ движеніе носовыхъ мускуловъ (расширеніе и суженіе ноздрей, подниманіе и опусканіе носовыхъ крыльевъ) соединяется съ соотвѣтственными движеніями рта. У рта и носа типичное расположеніе прилегающихъ мускуловъ по существу своему аналогично, только мускулатура рта богаче и тоньше развита.

Пріятныя и непріятныя ощущенія обнаруживаются главнымъ образомъ посредствомъ мускуловъ рта. Удобопонятность этой мимической игры обусловлена тѣмъ что основной характеръ мимики рта есть не что иное, какъ передача движеній проявляющихся при пріятныхъ и непріятныхъ раздраженіяхъ вкуса. Такія движенія являются непроизвольно и трудно бываетъ ихъ подавить. Нѣтъ сомнѣнія что они первоначально были обусловлены внутреннимъ влеченіемъ, которое вызывалось ощущеніями соотвѣтствовавшими чувству удовольствія и неудовольствія. Такое предположеніе подтверждается тѣмъ что на кончикѣ языка находятся главнымъ образомъ элементы способные испытывать ощущенія *сладкаго*, вдоль краевъ языка тѣ которые всего легче поддаются ощущеніямъ *кислоты*, *горькій и соленый* вкусъ лучше всего ощущается поверхностію задней части языка. Мимическія движенія удовольствія и недовольства находятся въ явномъ отношеніи къ этимъ тремъ областямъ, затрогивая, смотря по характеру выражаемыхъ ими чувствъ, сосѣднюю съ ними мускулатуру. На ряду съ этимъ нельзя отрицать что конечная причина этихъ движеній состоитъ въ связи съ раздраженіями вкуса. Это основано на томъ что сладкое вызываетъ вообще пріятное возбужденіе, горькое—непріятное, а соленое и кислое—болѣе безразличное, хотя все же при повышенной интенсивности скорѣе непріятное. Разумѣется, нельзя допустить чтобы эти движенія первоначально явились или вообще когда-либо исходили изъ зрѣлаго размышленія; но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ цѣлесообразность не можетъ быть также и результатомъ сцѣпленія простыхъ случайностей. По всей вѣроятности они упрочились и усовершенствовались изъ тѣхъ произвольныхъ дѣйствій которыя при впечатлѣніяхъ возбуждающихъ удовольствіе способствовали усиленію возбужденія, при непріятныхъ ощущеніяхъ благопріятствовали ихъ устраненію, и такимъ образомъ мало-по-малу перешли въ механическіе рефлексы. Эти рефлексы вкуса получили значеніе мимическихъ движеній потому что они выступаютъ при всякихъ пріятныхъ и непріятныхъ ощущеніяхъ, хотя бы они вовсе и не были связаны съ раздраженіями вкуса, а также при переживаемыхъ внутреннихъ настроеніяхъ того же характера. Такъ „сладкое“ выраженіе рта означаетъ всякое радостное душевное состояніе, „горь-

кое“ сопровождаетъ всякаго рода непріятныя чувства. Не такъ определенно значеніе „кислаго“ выраженія лица, какъ можно видѣть изъ того что при тѣхъ и другихъ симптомахъ удовольствія и недовольства, при движеніяхъ смѣха и плача, происходитъ одинаковое расширеніе отверстія рта, подобно тому какъ это бываетъ при ощущеніяхъ кислоты. Плачущее и смѣющееся лица получаютъ свои отличительные признаки лишь благодаря мимическимъ движеніямъ носа и глазъ, дополняющимъ въ этихъ случаяхъ мимику рта.

Чувства напряженности и ослабленія обнаруживаются главнымъ образомъ мускулами щекъ, также въ связи съ мимическими движеніями рта, участіе остальныхъ мускуловъ можетъ быть при этомъ очень незначительно. Напряженность и противоположное ей состояніе могутъ появляться и внезапно, и постепенно. Согласно психологической природѣ этихъ чувствъ, равно какъ и характеру соотвѣтственныхъ физическихъ проявленій здѣсь принимаются во вниманіе не столько скоро-преходящіе афекты, сколько прочныя настроенія. Такъ, напримѣръ, напряженность мускуловъ щекъ служитъ вѣрнымъ признакомъ продолжительнаго чувства удовлетворенности, особенно когда къ ней присоединяется еще слабое тоническое возбужденіе мускуловъ глазъ и рта. Значеніе этого выраженія лица совершенно измѣняется, если тоническое напряженіе всѣхъ вышеозначенныхъ мускульныхъ группъ слегка усилится: большая напряженность щекъ, плотнѣе сжатыя губы, болѣе неподвижно устремленный взглядъ выражаютъ то настроеніе которое бываетъ связано съ чувствомъ собственнаго достоинства; при дальнѣйшемъ усиленіи напряженія тѣхъ же самыхъ мускуловъ мимическія движенія переходятъ въ симптомы надменности. Если это же выраженіе лица соединяется еще съ пониженіемъ уголка рта, то оно означаетъ презрѣніе; при этомъ взглядъ бываетъ направленъ въ ту сторону, гдѣ находится предметъ возбуждающій чувство презрѣнія, хотя и не останавливается на самомъ предметѣ. Симптомы противоположные вышеуказаннымъ симптомамъ напряженности являются также въ различныхъ видахъ смотря по тому, сопровождаютъ ли они продолжительныя душевныя настроенія или выступаютъ при внезапныхъ афектахъ; въ послѣднемъ случаѣ они обыкновенно способствуютъ прекращенію непосредственно предшествовавшаго напряженнаго состоянія страха, ожиданія и т. п. Какъ проявленіе сравнительно прочнаго настроенія, симптомы эти состоятъ въ обвисшихъ щекахъ, во взорѣ устремленномъ въ какое-то неопредѣленное пространство, что̀ можетъ означать и тупое безучастіе, и мечтательную углубленность, и всякое тому подобное *пасивное* душевное состояніе. Совсѣмъ другое явленіе замѣчается при внезапно наступающихъ афектахъ: хотя щеки также вытягива-

ются, но ротъ раскрывается, глаза смотрятъ вдаль и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ отверстія судорожно расширяются, обнаруживая этимъ присутствіе сильнаго внутренняго возбужденія. Такое соединеніе противоположныхъ симптомовъ, полное отсутствіе напряженности во всѣхъ мускулахъ лица, исключая мускуловъ глазъ, нерѣдко встрѣчается и при долговременныхъ душевныхъ настроеніяхъ, напримѣръ, при страхѣ, печали и т. д. При страхѣ бываютъ еще и побочные симптомы; пріостановка біеній сердца и сокращеніе мелкихъ артерій, отчего появляется блѣдность въ лицѣ и иногда дыбомъ становятся волосы.

Мимическія движенія какъ и другія наружныя проявленія афектовъ могутъ сами по себѣ вызывать соотвѣтственныя ощущенія, хотя пробужденныя такимъ образомъ душевныя явленія бываютъ слабы и неопредѣленны. Поэтому при словахъ „сладкій", „горькій", „кислый" въ нашемъ сознаніи появляется какъ бы впечатлѣніе этого вкуса; потому также выраженія „сладкая радость", „горькая скорбь" и т. п. имѣютъ не метафорическое значеніе, а соотвѣтствуютъ истинному характеру испытываемыхъ нами ощущеній. Такого рода соотношеніе бываетъ при мимическихъ движеніяхъ обусловленныхъ не только вкусомъ, но и зрѣніемъ и обоняніемъ. Вспомогательныя мимическія средства при двухъ послѣднихъ чувствахъ болѣе ограничены, симптомы болѣе однообразны, такъ какъ они не выражаютъ тонкихъ оттѣнковъ чувствъ, указывая лишь на противоположность между тѣми ощущеніями къ которымъ стремятся или которыхъ избѣгаютъ органы чувствъ. Точно также и душевныя настроенія вызываемыя посредствомъ этихъ мимическихъ симптомовъ очень неопредѣленнаго характера, но тѣмъ яснѣе выступаютъ въ нихъ ощущенія удовольствія и недовольства, и эти ощущенія усиливаются вслѣдствіе вліянія мимическихъ движеній на теченіе афекта. Такъ, напримѣръ, хмуреніе лба вызываетъ грустное настроеніе которому мы не въ силахъ противостать: кто будетъ стараться при скорбномъ выраженіи лица пробудить въ головѣ веселыя мысли, тотъ скоро убѣдится что ему или не удастся ихъ вызвать, или что лицо благодаря своего рода механическому принужденію приметъ иное выраженіе болѣе отвѣчающее настроенію.

Содержаніе каждаго афекта, помимо чувствъ, составляютъ также и идеи; въ сущности идеи и чувства суть лишь двѣ стороны одного и того же жизненнаго явленія, причемъ то та, то другая выступаетъ для насъ на первый планъ смотря по обстоятельствамъ. Когда какой-либо предметъ возбуждаетъ въ насъ удовольствіе или раздраженіе, то мы обыкновенно считаемъ этотъ предметъ основною причиной вызвавшей наше чувство; когда же мы находимся въ возбужденномъ или угнетенномъ состояніи духа и передъ нами рисуются здѣсь

веселыя, тамъ печальныя картины будущаго, то мы бываемъ склонны признать обратный порядокъ отношеній. Но въ дѣйствительности ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ нѣтъ никакого основанія для подобныхъ дѣленій: въ тотъ моментъ когда у насъ является какое-либо представленіе о предметѣ, зарождается и извѣстное душевное настроеніе соотвѣтствующее этому представленію, точно такъ, какъ нѣтъ ни одного чувства которое не было бы соединено съ какимъ-нибудь объективнымъ содержаніемъ. Вслѣдствіе такого соотношенія афекты могутъ обнаруживаться какъ черезъ посредство симптомовъ чувствъ, такъ и при помощи „идейныхъ" симптомовъ. „Идейные" симптомы также ограничиваются извѣстными мускульными группами; здѣсь на первый планъ выступаютъ пантомимные мускулы, то-есть, въ строгомъ смыслѣ слова только тѣ. которые обусловливаютъ движенія рукъ; дѣятельность мускульной системы головы, ногъ и туловища можетъ проявляться лишь какъ вспомогательное средство.

Въ основѣ первоначальныхъ научныхъ изслѣдованій пантомимики лежала не психологическая, а скорѣе практико-эстетическая точка зрѣнія, и потому они состояли не столько въ попыткѣ дать генетическое объясненіе, сколько въ тщательномъ описаніи отдѣльныхъ пантомимныхъ движеній; при этомъ мимическія движенія не отдѣлялись отъ пантомимныхъ, различались только тѣ симптомы, въ основѣ которыхъ лежали въ собственномъ смыслѣ чувства, и тѣ которые выражали мысли и слова. Въ новѣйшее время интересъ къ изслѣдованіямъ пантомимики пробудился подъ вліяніемъ вопросовъ объ обученіи глухонѣмыхъ, и вниманіе изслѣдователей неизбѣжно должно было направиться на естественный мимическій языкъ этихъ несчастныхъ. При этомъ мимика служащая для „обмѣна мыслей" была выдѣлена въ самостоятельный разрядъ движеній. По аналогіи съ обыкновеннымъ языкомъ стали предъявлять различныя этимологическія требованія и къ мимическому языку, нерѣдко перенося на этотъ послѣдній категоріи заимствованныя у перваго, хотя такія граматическія подраздѣленія не могли имѣть для мимики никакого смысла. Всего цѣлесообразнѣе дѣлить пантомимныя движенія на *указательныя* и *подражательныя*; не слѣдуетъ упускать также изъ вида что тѣ и другія никоимъ образомъ не служатъ только для замѣны формъ обыкновеннаго языка, но составляютъ самостоятельныя части въ общей совокупности способовъ выраженія.

Между пантомимными движеніями самыя распространенныя интенсивныя, два другіе разряда симптомовъ, качественные и идейные, представляютъ лишь развитіе первыхъ.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе отношеніе пантомимныхъ движеній къ предметамъ окружающаго насъ внѣшняго міра,

изъ котораго мы заимствуемъ всѣ наши понятія. Если принять натуралистическую теорію происхожденія человѣка, то окажется что руки съ самой ранней стадіи развитія человѣческаго организма дѣйствуютъ какъ органы которыми человѣкъ осязаетъ и беретъ предметы. Первоначальное назначеніе рукъ какъ органовъ *взятія* обусловливаетъ первую форму пантомимныхъ движеній, мимику *указательную*. Если смотрѣть на нее съ генетической точки зрѣнія, то она есть не что иное какъ „движеніе взятія ослабленное до указанія". Этотъ переходъ движеній изъ одного въ другое мы можемъ прослѣдить въ дѣйствіяхъ ребенка. Ребенокъ тянется даже къ такимъ предметамъ которые по причинѣ ихъ отдаленности онъ не можетъ схватить, и дѣйствіе направленное ко взятію непосредственно переходитъ въ указательное. Послѣ цѣлаго ряда подобныхъ неудачныхъ попытокъ указательныя движенія пріобрѣтаютъ уже самостоятельное значеніе: ребенокъ начинаетъ указывать на всѣ предметы которыми онъ хочетъ обладать, а затѣмъ и на тѣ къ которымъ желаетъ привлечь вниманіе своихъ окружающихъ. Въ этой степени своего развитія пантомимныя движенія свойственны только человѣку: они не доступны ни для одного животнаго, даже и для обезьяны которая такъ близко подходитъ къ человѣку по развитію своихъ рукъ.

Къ первоначальной формѣ пантомимныхъ движеній, указательной, гораздо позже присоединилась вторая, *подражательная*. Зачатки этой позднѣйшей мимики также сказываются въ явленіяхъ широко распространенныхъ въ животномъ царствѣ. Какъ у высшихъ, такъ и у низшихъ породъ животныхъ подражательныя движенія суть слѣдствія совмѣстной жизни, и они играютъ большую роль между инстинктивными движеніями всѣхъ живыхъ существъ живущихъ душевною жизнію: такъ, напримѣръ, они ярко выступаютъ въ единодушной работѣ муравьевъ и пчелъ трудящихся надъ созданіемъ себѣ жилища или надъ добываніемъ пищи. Въ области такихъ колективныхъ явленій подражательность обусловливается тѣмъ же чѣмъ обусловлено вліяніе мимическихъ и пантомимныхъ движеній у человѣка. Мимика смѣющагося или плачущаго лица, вслѣдствіе тѣсной связи существующей между афектами и ихъ симптомами, вызываетъ въ зрителѣ соотвѣтственное настроеніе, а это послѣднее, въ свою очередь, точно такое же мимическое выраженіе. У взрослаго культурнаго человѣка вслѣдствіе задерживающаго вліянія воли на обнаруживаніе афектовъ такія явленія выражаются лишь въ слабомъ внутреннемъ возбужденіи; у дѣтей пробужденное аналогичное ощущеніе еще свободно находитъ себѣ выходъ во внѣшнихъ симптомахъ которые затѣмъ по такому же закону асоціацій дѣйствуютъ усиливающимъ образомъ на

настроеніе. У низшей породы животныхъ подражательность проявляется въ физическихъ движеніяхъ приспособленныхъ главнымъ образомъ къ выполненію какихъ-либо работъ, а у человѣкоподобныхъ обезьянъ и у человѣка въ мимикѣ. Но и у обезьянъ мимическія и пантомимныя подражательныя движенія ограничиваются подражаніемъ подобнымъ имъ существамъ, напримѣръ, другимъ обезьянамъ, или человѣку, рѣдко другимъ животнымъ которыя болѣе разнятся отъ нихъ своимъ физическимъ строеніемъ. Поэтому эти подражательныя движенія, совершенно безцѣльны, какъ безсмысленно бываетъ повтореніе чужихъ словъ въ устахъ идіотовъ. Перенесеніе такой чисто симпатической подражательности въ область идей есть продуктъ дальнѣйшаго развитія и встрѣчается только у человѣка. Поводомъ къ нему послужило, вѣроятно, желаніе сдѣлать понятнымъ для другаго мимическій языкъ. Въ настоящее время подражательныя движенія въ качествѣ простыхъ симптомовъ афекта служатъ для изображенія *дѣйствій* и сопровождаютъ при этомъ или какой-нибудь оживленный разказъ о происшедшемъ событіи, или соединенное съ афектомъ требованіе, увѣщаніе, просьбу и т. п.

Нерѣдко случается наблюдать и такія движенія которыя стоятъ какъ бы по срединѣ между указательной и подражательной мимикой, или могутъ быть причислены и къ той и къ другой. Такія явленія осложняются еще тѣмъ что мимическія выраженія чувствъ, соединяясь съ пантомимными, могутъ въ то же время становиться и идейными симптомами. Напримѣръ, когда кто въ порывѣ гнѣва на какой-либо объектъ находящійся налицо или только воображаемый сжимаетъ кулаки, скрежещетъ зубами и при этомъ всѣмъ своимъ тѣломъ производитъ движенія обнаруживающія желаніе напасть на противника, то въ каждомъ изъ этихъ дѣйствій заключается и та и другая форма мимики, такъ какъ на ряду съ чувствами здѣсь выступаютъ также и представленія. Сжиманіе кулаковъ при этомъ должно быть отнесено и къ указательнымъ, и къ подражательнымъ движеніямъ: къ указательнымъ потому что весь его смыслъ заключается въ томъ что оно направлено на извѣстный предметъ, къ подражательнымъ же потому что оно есть не что иное какъ слабая форма другаго дѣйствія, нападенія на врага.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. М.

МАКБЕТЪ.

Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ.

сочиненіе **В. Шекспира.**

Переводъ съ англійскаго.

Дѣйствіе III *).

Сцена 1-я.

Форесъ. Покой во дворцѣ.

(*Входитъ* **Банко.**)

Банко. Все что̀ тебѣ тѣ вѣдьмы предсказали
Сбылось: король, Кавдоръ, Гламисъ. Боюсь
Что ты не чисто велъ игру; а все же
Власть не твоимъ предсказана потомкамъ.
Родоначальникомъ и корнемъ древа
Я долженъ быть, коль можно вѣрить имъ,
(А по Макбету судя вѣрить можно),
Такъ отчего жь пророчество на мнѣ
Не сбудется? Надеждъ не оправдаетъ
Моихъ, какъ и его? Довольно, тише.

(*Трубы. Входятъ* **Макбетъ и леди Макбетъ** *въ королевскихъ одеждахъ.* **Ленонсъ, Россъ, лорды и свита.**)

Макбетъ. Вотъ главный гость.
Леди Макбетъ. Да, безъ него
Все пусто было бы на нашемъ пирѣ
И все казалось бы не такъ, какъ надо.
Макбетъ. Сегодня, сэръ, у насъ парадный ужинъ,
Мы просимъ васъ прибыть.
Банко. Повиноваться
Я вашему величеству всегда
Готовъ. Мой долгъ велитъ служить вамъ вѣчно.
Макбетъ. Теперь вы ѣдете?

*) Продолженіе. См. *Русскій Вѣстникъ*, іюнь, 1901 г.

Банко. Да, государь.
Макбетъ. А я хотѣлъ просить у васъ совѣта,
(Онъ былъ всегда разуменъ и удаченъ),
Сегодня совѣщанье; но до завтра
Отложимъ мы. Вы ѣдете далеко?
Банко. Придется, государь, я думаю проѣздить
До ужина. А если не скакать,
Пожалуй захвачу немного ночи,
Часъ или два.
Макбетъ. Не опоздайте къ намъ.
Банко. О, нѣтъ.
Макбетъ. Мы слышали что Дональбенъ и Малькольмъ
Въ Ирландію и въ Англію прибывъ,
Не сознаваясь, разумѣется, въ злодѣйствѣ,
Тамъ странные распространяютъ слухи...
Но завтра мы потолкуемъ о дѣлахъ,
Собравшись всѣ; ступайте же скорѣй.
До вечера. А Флинсъ поѣдетъ съ вами?
Банко. Да, государь, и намъ пора ужь ѣхать.
Макбетъ. Надѣюсь, бѣгъ хорошъ у вашихъ лошадей,
А ноги тверды. Имъ довѣрю васъ.
Прощайте. (**Банко** *уходитъ*).
Пусть каждый временемъ располагаетъ,
Какъ хочетъ, до семи часовъ, потомъ
Еще пріятнѣй будетъ вмѣстѣ. А мы
До ужина одни останемся. Прощайте.

(**Леди Макбетъ, Леноксъ, Россъ, лорды и свита** *уходятъ*).

Эй ты, теперь тебѣ скажу два слова.
Тѣ двое ждутъ?
Слуга. Они, милордъ, тамъ у воротъ дворцовыхъ.
Макбетъ. Такъ позови ихъ. (**Слуга** *уходитъ*) Что мнѣ королевство,
Когда покоя нѣтъ? Страхъ предъ Банко
Во мнѣ глубокъ; въ его природѣ что-то
Есть царское, внушающее страхъ;
При смѣлости его неукротимой
Среди опасности спокоенъ разумъ
И руководитъ имъ. Да, только онъ
Меня страшитъ и передъ нимъ однимъ
Слабѣетъ геній мой, какъ говорятъ,
Предъ Цезаремъ Антоній. А когда
Мнѣ сестры вѣщія сулили царство,
Онъ самъ вопросъ имъ задалъ, и онѣ
Его назвали предкомъ королей.
Безплодна на челѣ моемъ корона
И отъ меня мой скипетръ одинокій
Навѣкъ въ чужія руки перейдетъ,
А не моимъ сынамъ. Но если такъ,
Я для потомковъ Банко совѣсть запятналъ.
Для нихъ убилъ я добраго Дункана,
Сосудъ души моей наполнилъ злобой,

Утративъ миръ. И вѣчный мой покой
Лишь ради нихъ врагу людскому предалъ.
Имъ царство подарить? Потомкамъ Банко?
Нѣтъ, лучше вызову на поединокъ
Судьбу чтобъ биться до конца. Кто тамъ?

(Возвращается слуга *съ двумя убійцами).*

Ступай къ дверямъ и жди, я позову. (Слуга *уходитъ).*
Мы не вчера ли толковали съ вами?

1-й Убійца. Да, государь.

Макбетъ. И что же вы теперь
Размыслили о томъ что̀ я сказалъ вамъ?
Вѣдь онъ подъ гнетомъ васъ держалъ такъ долго,
Хотя на насъ за это вы роптали.
Я разъяснить успѣлъ вамъ въ прошлый разъ
Какъ вы обмануты, оскорблены.
И если спросятъ васъ: кто сдѣлалъ это?
Скажите: Банко.

1-й Убійца. Вы намъ говорили.

Макбетъ. Да, говорилъ. Теперь скажу еще
Зачѣмъ призвалъ я васъ. Скажите сами,
Вы такъ ли терпѣливы отъ природы
Что снесть готовы все? И такъ ли святы
Что будете молиться за того,
Чья тяжкая рука пригнула васъ къ могилѣ
И по міру пустила ваши семьи?

1-й Убійца. Мы люди, государь.

Макбетъ. По имени
За нихъ сойдете. Такъ же какъ собаки
Бываютъ гончія, борзыя, сетера,
Дворняшки, пудели и водолазы;
Но каждая свою имѣетъ цѣну,
Смотря по скорости и по чутью;
Одна охотится, другая сторожъ,
У каждой качества природой даны,
И потому всѣ межъ собой различны,
Хоть всѣ онѣ собаки; такъ и люди.
Поэтому и вы, коль мѣсто только
У васъ найдется между ними.
Скажите мнѣ, и я такое дѣло
Вамъ поручу что̀ отъ врага спасетъ
И узами любви ко мнѣ привяжетъ.
Пока онъ живъ, намъ жить не безопасно,
А смерть его для насъ была бы стражей.

2-й Убійца. Я, государь, отъ свѣта принялъ столько
Пиньковъ и оскорбленій что готовъ
На зло ему все сдѣлать, что̀ угодно.

1-й Убійца. А я такъ загнанъ, утомленъ судьбою,
Что жизнь сейчасъ бы радъ въ закладъ поставить
Чтобъ отдохнуть иль съ нею развязаться.

Макбетъ. Вы оба знаете что врагъ вашъ Банко.

2-й Убійца. Такъ точно, государь.
Макбетъ. Онъ врагъ мой также
И каждый мигъ его существованья
Грозитъ и мнѣ; положимъ, я бы властенъ
И самъ его открыто уничтожить;
Но тронуть не могу изъ-за друзей,
Которые намъ преданы обоимъ
И чьей любовью дорожу. Итакъ
О гибели его я плакать долженъ,
Хоть самъ ее рѣшилъ, вотъ почему
Я къ вамъ теперь за этимъ обратился,
Отъ постороннихъ глазъ скрывая дѣло
По вѣскимъ основанѣямъ.
1-й Убійца. Государь,
Исполнимъ все.
2-й Убійца. И еслибъ наша жизнь...
Макбетъ. Въ васъ смѣлый духъ сквозитъ. Я черезъ часъ,
А можетъ быть и раньше извѣщу
Гдѣ мѣсто вамъ занять и выбрать время
Вѣрнѣй. Сегодня это кончить надо.
Не слишкомъ близко ко дворцу; смотрите же,
Нужна при этомъ чистая работа,
(Не оставляйте пятенъ и заплатокъ),
Съ нимъ будетъ также Флинсъ; покончить съ сыномъ
Мнѣ такъ же важно, какъ съ его отцомъ,
И имъ судьба одна. Сейчасъ вернусь,
Подумайте, рѣшайтесь.
Убійцы. Мы готовы. *(Они уходятъ).*
Макбетъ. Такъ, Банко. Рѣшено, и если въ рай
Идешь ты, скоро будешь тамъ. Прощай. *(Уходитъ).*

Сцена 2-я.

Тамъ же. Другой покой.

(Входятъ **леди Макбетъ** *и* **слуга.)**

Леди Макбетъ. Уѣхалъ Банко со двора?
Слуга. Да, точно такъ; но къ ночи онъ вернется.
Леди Макбетъ. Ты скажешь королю что я прошу
Его на пару словъ.
Слуга. Сейчасъ.
Леди Макбетъ. Коль мы грустны, мы только проиграли,
Хотя бы все сбылось чего желали,
И лучше быть предметомъ разрушенья,
Чѣмъ разрушая сохранять сомнѣнья. *(Входитъ* **Макбетъ).**
Ну, что̀, милордъ? Зачѣмъ вы все одни
Погружены въ пучину тяжкихъ думъ?

Онѣ должны бъ исчезнуть вмѣстѣ съ тѣмъ,
Кто вызвалъ ихъ. Что̀ пользы тосковать?
Что̀ сдѣлано, того нельзя вернуть.
Макбетъ. Змѣю мы ранили, а не убили,
Она оправится и надо будетъ
Ея зубовъ страшиться какъ и прежде.
Пусть все разрушится и міръ погибнѐтъ,
Но въ страхѣ хлѣбъ нашъ ѣсть и спать
Подъ гнетомъ этихъ сновъ ужасныхъ
Я не могу. Нѣтъ, лучше умереть
Чѣмъ въ этой вѣчной пыткѣ находиться
Какъ безъ ума. Дункань теперь въ могилѣ,
Тревога кончена, онъ мирно спитъ.
Измѣны больше нѣтъ; ни сталь, ни ядъ,
Ни бунтъ своихъ, ни врагъ извнѣ, ничто
Ему теперь не страшно.
Леди Макбетъ. Милый другъ,
Пойдемъ, и постарайся быть не мрачнымъ,
Привѣтливъ, ласковъ будь съ гостями.
Макбетъ. Конечно, милая, тебя о томъ же
Прошу, особенно смотри за Банко
И льсти ему и рѣчью, и глазами;
Пока мы все еще не безопасны,
Намъ надо честь омыть въ потокѣ лести,
А наши лица сдѣлать маской сердца,
Скрывая то что̀ въ немъ.
Леди Макбетъ. Оставьте это.
Макбетъ. О, милая, душа полна отравой.
Ты знаешь, живы оба: Флинсъ и Банко.
Леди Макбетъ. Но смертны всѣ, такъ и они не вѣчны.
Макбетъ. Да, способъ есть, и съ ними можно сладить.
Такъ радуйся. Подъ сводомъ нетопырь
Не пролетитъ, и гулкіе жуки
На зовъ Гекаты мрачной не проснутся
Глухимъ жужжаньемъ оглашая ночь,
Какъ разнесется вѣсть о страшномъ дѣлѣ.
Леди Макбетъ. Что̀ хочешь сдѣлать ты?
Макбетъ. О, будь пока невинна, дорогая,
Не вѣдая чему ты будешь рада.
Ночь, приходи, смежая свѣту очи
Кровавою, невидимой рукою,
Сотри и разорви тотъ договоръ
Что́ страшенъ мнѣ. Ужь меркнетъ день, грачи
Взмахнувши крыльями несутся къ рощѣ,
Все доброе готовится къ покою,
А силы тьмы ужь крадутся тайкомъ
Къ добычѣ. Стой, не спорь со мною,
Что̀ дурно начато, то крѣпнетъ зломъ,
Молчи. Съ тобою вмѣстѣ мы идемъ.

Сцена 3-я.

Тамъ же. Паркъ; дорога ведущая ко дворцу.

(*Входятъ три* **Убійца**).

1-й Убійца. А кто тебѣ велѣлъ быть съ нами?
3-й Убійца. Макбетъ.
2-й Убійца. Ему нельзя не довѣрять, онъ вѣрно
Намъ указанья передалъ: что̀ дѣлать
И гдѣ стоять.
1-й Убійца. Такъ стань же вмѣстѣ съ нами.
Закатъ блеститъ послѣдними лучами,
И путникъ запоздалый шпоритъ лошадь
Чтобъ поскорѣй вернуться. Близокъ тотъ,
Кого мы сторожимъ.
3-й Убійца. Чу! Слышишь топотъ?
Банко (*за сценой*). Огня сюда.
2-й Убійца. Да, это онъ, другіе
Всѣ приглашенные ужь во дворцѣ,
Всѣ собрались.
1-й Убійца. А лошади въ объѣздъ.
3-й Убійца. Почти на милю; но обыкновенно
Онъ, какъ и всѣ, отсюда до воротъ
Идетъ пѣшкомъ.
(*Входятъ* **Банко** и **Флинсъ** *съ факеломъ*).
2-й Убійца. Огонь, огонь.
3-й Убійца. Да, это онъ.
1-й Убійца. Теперь держись.
Банко. А быть дождю сегодня.
1-й Убійца. Такъ пусть идетъ. (*Нападаютъ на* **Банко**).
Банко. Измѣна! Флинсъ, бѣги! Бѣги, бѣги!
Ты можешь отомстить. Предатель!
(*Умираетъ.* **Флинсъ** *убѣгаетъ*).
3-й Убійца. Кто погасилъ огонь?
1-й Убійца. А что́, напрасно?
3-й Убійца. Одинъ убитъ. А сынъ успѣлъ бѣжать.
2-й Убійца. Мы половину дѣла потеряли.
1-й Убійца. Идемъ, про то что̀ сдѣлано разкажемъ.
(*Уходятъ*).

Сцена 4-я.

Парадная зала во дворцѣ.

(*Приготовленъ ужинъ. Входятъ* **Макбетъ, леди Макбетъ, Россъ,**

Леноксъ, лорды и свита).

Макбетъ. Мѣста свои вы знаете; всѣмъ шлю
Сердечный мой привѣтъ.
Лорды. Благодаримъ.
Макбетъ. Мы сами съ обществомъ хотимъ смѣшаться
И угощать васъ какъ хозяинъ скромный.
Хозяйка наша, какъ прилично сану,
Привѣтствовать сама всѣхъ будетъ лично.
Леди Макбетъ. Скажите за меня что всѣмъ друзьямъ
Сюда прибывшимъ я сердечно рада.
(**1-й Убійца** *показывается въ дверяхъ*).
Макбетъ. Смотри какъ всѣ благодарятъ глубоко,
Такъ хорошо; я сяду посрединѣ,
И не стѣсняйтесь; я сейчасъ вернусь,
Мы выпьемъ круговую. Ты въ крови.
Убійца. Кровь Банко.
Макбетъ. Лучше на тебѣ, пожалуй,
Чѣмъ въ жилахъ у него; но онъ спроваженъ?
Убійца. Милордъ, ему я горло перерѣзалъ.
Макбетъ. Ты, значитъ, лучшій изъ головорѣзовъ;
Хорошъ и тотъ кто то же сдѣлалъ съ Флинсомъ,
А если ты, тогда тебѣ нѣтъ равныхъ.
Убійца. Великій государь, Флинсъ убѣжать успѣлъ.
Макбетъ. Опять тревога, еслибы не это,
Я былъ бы твердъ какъ мраморъ, какъ скала,
Ничѣмъ не связанъ, какъ надъ нами воздухъ.
Теперь же я стѣсненъ, закованъ, загнанъ
Въ сомнѣнія и страхъ. Но Банко конченъ?
Убійца. Да, государь, поконченъ и во рву лежитъ;
На головѣ зіяютъ двадцать ранъ.
Смертельна меньшая изъ нихъ.
Макбетъ. Спасибо.
Змѣя раздавлена; бѣжалъ ея дѣтенышъ,
Со временемъ онъ тоже будетъ ядовитъ,
Покуда нѣтъ зубовъ. Ступай, а завтра
Опять поговоримъ. (**1-й Убійца** *уходитъ*).
Леди Макбетъ. О, государь,
Веселья вы не придасте пиру,
А гдѣ хозяинъ дома непривѣтливъ,
Къ чему ѣда и вина? Лучше дома
Поужинать, чѣмъ тамъ гдѣ нѣтъ приправы
Любезной рѣчи.

Макбетъ. Милая, спасибо,
Что мнѣ напомнила. Пора садиться.
Всѣмъ добрый аппетитъ.
Леноксъ. Угодно ль сѣсть?
(*Входитъ призракъ* **Банко** и *садится на мѣсто* **Макбета**).
Макбетъ. Все доблестное въ краѣ было бъ здѣсь
У насъ, когда бы тутъ былъ славный Банко;
Но лучше пусть онъ будетъ не любезенъ,
Чѣмъ что-нибудь съ нимъ приключится.
Россъ. Онъ, не явившись, слово нарушаетъ.
Но, государь, вы съ нами не садитесь?
Макбетъ. Все занято.
Россъ. Тамъ приготовлено вамъ мѣсто.
Макбетъ. Но гдѣ?
Леноксъ. Здѣсь, государь. Чтó васъ тревожитъ?
Макбетъ. Кто сдѣлалъ это?
Лорды. Чтò, нашъ повелитель?
Макбетъ. Не можешь ты сказать что я. Не смѣй
Глядѣть такъ на меня кровавымъ взоромъ.
Россъ. Король, какъ будто нездоровъ, уйдемте.
Леди Макбетъ. Сидите, господа, бываетъ это,
Онъ съ юности такой, прошу останьтесь,
Припадокъ мимолетный. Лишь мгновенье,
И онъ придетъ въ себя. Но не смотрите:
Отъ этого онъ хуже раздражится;
Прошу васъ, кушайте. Мущина вы?
Макбетъ. И смѣлый, если я гляжу
На то, предъ чѣмъ и черти поблѣднѣютъ.
Леди Макбетъ. Все пустяки. Лишь страха отраженье,
Кинжалъ воздушный чтó когда-то велъ васъ
Къ Дункану. Глупый, лживый ужасъ,
Подобье страха. Женщинѣ пристало
Пугаться вымысловъ и сидя у камина
Дрожать подъ старческія сказки.
Стыдитесь, вы блѣдны. Лишь мигъ пройдетъ,
Вы стулъ увидите.
Макбетъ. Нѣтъ, посмотри сюда. Сюда. Ну, чтò?
Я не боюсь. Киваешь ты, такъ говори.
Но если намъ могилы и гробницы
Назадъ шлютъ тѣхъ, кого похоронили,
Такъ будетъ воронъ лучшею могилой. (*Призракъ исчезаетъ*).
Леди Макбетъ. О, малодушный.
Макбетъ. Онъ былъ здѣсь, какъ я.
Леди Макбетъ. Стыдись.
Макбетъ. И прежде кровь лилась, давно,
Когда законовъ люди не знавали,
И позже были страшныя убійства,
Но человѣкъ, когда разбитъ былъ черепъ,
Самъ умиралъ, и былъ всему конецъ;
Теперь не то, и двадцать ранъ смертельныхъ

Имъ не мѣшаютъ вставъ столкнуть насъ съ мѣста.
Страннѣй убійства это.

Леди Макбетъ. Посмотрите,
Друзья васъ ожидаютъ.

Макбетъ. Я забылъ,
Но не дивитесь мнѣ, друзья мои,
Есть странный у меня недугъ. Не важный
Для тѣхъ, кто знаетъ это; но идемъ.
Любовь и счастье всѣмъ. Сейчасъ я сяду.
Вина налейте мнѣ полнѣй. За здравье
Всѣхъ тѣхъ кто здѣсь и дорогаго Банко.
О, еслибъ тутъ онъ былъ! Я пью за всѣхъ
И за него во-первыхъ.

Лорды. Всѣ пьемъ. (*Призракъ возвращается*).

Макбетъ. Исчезни! Сгинь! И подъ землею скройся!
Безсильны члены; кровь твоя застыла,
Глаза твои не видятъ ничего,
Хоть и сверкаютъ грозно.

Леди Макбетъ. Не тревожьтесь;
Не рѣдкость это съ нимъ, оно пройдетъ,
Хотя и портитъ намъ веселье наше.

Макбетъ. Чтò люди смѣютъ, все посмѣю.
Свирѣпымъ русскимъ ты приди медвѣдемъ,
Единорогомъ, иль гирканскимъ тигромъ,
Въ какомъ угодно видѣ, лишь не въ этомъ,
Я не вздрогну. Иль оживи опять,
Сразиться вызови меня въ пустыню,
И если не пойду, зови меня
Дѣвченки куклою. Исчезни, тѣнь!
Насмѣшка, призракъ, прочь! (*Призракъ исчезаетъ*).
Такъ. Онъ ушелъ.
Опять я мужъ. Прошу, садитесь.

Леди Макбетъ. Спугнувъ веселье дружескаго пира
Вы удивили всѣхъ.

Макбетъ. Непостижимо.
Оно какъ туча лѣтомъ набѣгаетъ
На насъ и самому мнѣ непонятно,
Чтò въ этотъ мигъ становится со мной.
А я на васъ гляжу, и не пугаетъ
Васъ этотъ видъ, и на щекахъ румянецъ.
Во мнѣ же стынетъ кровь.

Лорды. Чей видъ, милордъ?

Леди Макбетъ. Не говорите съ нимъ, ему все хуже,
Его вопросы сердятъ. До свиданья!
И очередь прошу не соблюдать.
Идите разомъ всѣ.

Леноксъ. Покойной ночи,
Его величеству здоровья.

Леди Макбетъ. Всѣмъ того же.

(**Лорды и свита** *уходятъ*)

Макбетъ. Тутъ кровь нужна. Кровь вопіетъ о крови.
Да камни и деревья говорили,
Когда-то и авгуры въ старину
По птичьему полету узнавали
Убійства тайныя. Который часъ?
Леди Макбетъ. Проходитъ ночь, свѣтать ужь начинаетъ.
Макбетъ. Что скажешь ты? Вѣдь не явился Макдуфъ
На приглашенье.
Леди Макбетъ. Вы къ нему послали?
Макбетъ. Нѣтъ, слышалъ стороной; но я пошлю.
Такого дома нѣтъ, гдѣ бъ не держалъ
И я наемниковъ своихъ. Но завтра
Чѣмъ свѣтъ я отправляюсь къ вѣщимъ сестрамъ,
Онѣ должны сказать мнѣ больше; надо
Мнѣ худшее узнать во что бъ ни стало.
Не разбирая средствъ, я защищаться долженъ.
Я въ кровь вошелъ, нельзя остановиться,
Труднѣй вернуться чѣмъ дойти до цѣли.
Рѣшенья странныя въ душѣ роятся,
Но думать некогда, пора рѣшаться.
Леди Макбетъ. Вамъ нуженъ сонъ, нужно отдохновенье.
Макбетъ. Идемъ же спать, а привидѣнье
Плодъ страха моего и непривычки:
Мы только новички въ такихъ дѣлахъ. (*Уходятъ*).

Сцена 5-я.

Пустынная мѣстность.

(*Громъ. Входятъ* **три вѣдьмы** *встрѣчая* **Гекату**.)

1-я Вѣдьма. Геката, что ты смотришь такъ сердито?
Геката. Еще бъ, негодныя старухи!
Вы такъ дерзки, какъ будто глухи.
Макбета смѣли соблазнять
Загадками, къ убійству звать,
А я, царица заклинаній,
Источникъ бѣдъ и всѣхъ страданій,
Совсѣмъ не вѣдала о томъ,
Не приняла участья въ немъ.
Но все, что вы наколдовали,
Для васъ пошло бы впрокъ едва ли;
Онъ гордъ, гнѣвливъ, свирѣпъ подчасъ;
Но любитъ онъ себя, не васъ.
Спѣшите же поправить дѣло
И чтобъ сегодня все поспѣло.
Летите къ Ахерону ждать,
Туда придетъ онъ вопрошать:

Свою судьбу узнать у ада.
Съ собой берите все что надо.
Скорѣй. Спѣшите мнѣ помочь,
Я жь на верху пробуду ночь.
Великое и роковое дѣло
Сегодня подготовить я успѣла,
Сегодня на краю луны пристала
Росинка; прежде чѣмъ упала
На землю, надо подобрать,
Къ волшебнымъ сокамъ примѣшать,
Поможетъ ихъ очарованье
Намъ вызвать лживыя созданья,
Въ немъ силу духа ослѣпить
И тѣмъ вѣрнѣе погубить.
Онъ будетъ торопить рѣшенье
Судьбы, прогонитъ страхъ, сомнѣнья,
А кто не видитъ гдѣ бѣда,
Навстрѣчу ей идетъ всегда.
(*Пѣніе за сценой: „Приходи, приходи“ и т. д.*)
Чу! Тамъ зоветъ мой миленькій дружокъ.
Онъ тамъ на облакѣ свился въ клубокъ. (*Уходитъ*).
1-я Вѣдьма. Спѣшимъ, спѣшимъ: она вернется скоро. (*Уходятъ*).

Сцена 6-я.

Форесъ. Покой во дворцѣ.

(*Входятъ* **Леноксъ** *и другой* **лордъ.**)

Леноксъ. Васъ навести на мысль хотѣлъ я только,
Я говорю, то странно вышло все;
О добромъ Дунканѣ скорбѣлъ Макбетъ
Когда тотъ умеръ, Банко ѣхалъ поздно,
И можно думать Флинсъ его зарѣзалъ,
Вѣдь онъ бѣжалъ. Не надо ѣздить поздно.
А всетаки чудовищная мысль
Что сыновья Малькольмъ и Дональбенъ
Отца убили. Страшное злодѣйство!
И какъ Макбетъ былъ пораженъ. Тотчасъ
Охваченный благочестивымъ гнѣвомъ
Онъ слугъ убилъ. Они лежали пьяны,
Подавлены преступнымъ, крѣпкимъ сномъ.
Онъ благородно сдѣлалъ и умно,
Неправда ль, каждый былъ бы возмущенъ,
Когда бъ они вдругъ стали отпираться?
Итакъ онъ поступилъ прекрасно. Полагаю
Что еслибы Дункана сыновей
Онъ могъ схватить (чего избави Боже),

Они бы поплатились за убійство;
Флинсъ также. Но довольно. Макдуфъ
Попалъ уже въ немилость, какъ я слышалъ,
За то что онъ на ужинъ не явился
И слишкомъ вольно говорилъ. А вы
Не знаете гдѣ онъ?

Лордъ. Дункана сынъ,
Чье достоянье тиранъ похитилъ,
При англійскомъ дворѣ теперь живетъ;
Благочестивымъ Эдуардомъ принятъ
Такъ благосклонно что судьбы удары
Его почета не уменьшили. Макдуфъ
Туда отправился чтобъ короля
Просить о помощи, поднять Нотумберланда,
Чтобъ вмѣстѣ всѣ, на небо уповая,
Могли мы подвигъ совершить и снова
Обѣдать у себя и мирно спать
Безъ тѣхъ пировъ, гдѣ близокъ ножъ кровавый;
И службу вѣрную безъ рабской лести
Могли нести. Король узналъ объ этомъ,
И вотъ пришелъ теперь въ такую ярость
Что на войну готовъ.

Леноксъ. Онъ звалъ Макдуфа?

Лордъ. Да, звалъ; но тотъ отвѣтилъ: „никогда".
И посланный угрюмо отвернулся,
Какъ будто проворчавъ: „ты пожалѣешь
Что далъ такой отвѣтъ".

Леноксъ. Что жь, это вѣрно.
Заставитъ Макдуфа быть осторожнѣй,
Спѣшить подальше. Еслибъ ангелъ свѣтлый
Скорѣе въ Англіи предупредилъ
О немъ и намъ послалъ бы избавленье,
Освободивъ несчастный этотъ край
Изъ рукъ проклятыхъ!

Лордъ. Я молюсь объ этомъ. (*Уходятъ*).

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Князь Д. Цертелевъ.

СМѢСЬ.

Подводныя лодки. Въ послѣднее время всѣ морскія державы обратили особенное вниманіе на постройку подводныхъ лодокъ которыя, несомнѣнно, будутъ играть большую роль въ будущихъ морскихъ сраженіяхъ, а также при оборонѣ береговъ отъ непріятельскаго флота.

Устройство этихъ судовъ новаго типа держится обыкновенно въ секретѣ и потому свѣдѣнія о нихъ неполны, но даже и по этимъ скуднымъ свѣдѣніямъ можно судить о ихъ пользѣ для морскаго дѣла. Первая подводноя лодка была построена въ Америкѣ и названа *Holland*. Теперь она пріобрѣтена англійскимъ правительствомъ которое не дождавшись собственнаго изобрѣтателя поспѣшило купить уже готовое судно чтобы въ этомъ отношеніи не отстать отъ другихъ морскихъ державъ.

Относительно построекъ подводныхъ лодокъ Франція опередила всѣ державы. Опыты съ такого рода судами начались производиться тамъ съ 1885 года, когда была построена первая подводная лодка *Goubet*. Эта лодка изъ мѣдныхъ листовъ, движимая посредствомъ электричества со скоростью 4—5 узловъ въ часъ и можетъ пройти не поднимаясь на поверхность около тридцати морскихъ миль. Лодка эта очень мала. Вслѣдъ за нею Густавъ Зеде въ 1888 году построилъ лодку уже большихъ размѣровъ, назвавную имъ *Gumnote*. Водоизмѣщеніе ея 30 тоннъ, движется она такъ же какъ и первая лодка посредствомъ электричества, но моторъ силою въ 50 лошадей развиваетъ уже большую скорость, а именно 8 узловъ въ часъ. Самыми большими подводными лодками и притомъ наиболѣе удачными считаются теперь также французскія Morse и Narvol.

Обѣ лодки могутъ погружаться въ воду по желанію и вмѣстѣ съ тѣмъ плавать какъ миноноски на поверхности воды. Первая обладаетъ новоизобрѣтеннымъ приборомъ, перископомъ который служитъ для управленія судномъ. Командиръ лодки можетъ при его помощи обозрѣвать безпрепятственно горизонтъ и руководить ходомъ. Къ типу этихъ лодокъ принадлежитъ также и *Густавъ Зеде*, подводное судно о которомъ очень много писали въ послѣднее время. Послѣднія французскія подводныя лодки обладаютъ уже болѣе внушительными размѣрами и большей скоростію достигающей 15 узловъ въ часъ при водоизмѣщеніи въ 200 тоннъ.

Вслѣдъ за Франціей которая въ самомъ недалекомъ будущемъ будетъ обладать 37 подводными лодками спѣшитъ строить эти суда

и Италія. На дняхъ самъ король Викторъ-Эммануилъ III совершилъ довольно продолжительное подводное плаваніе на лодкѣ *Pullino*, построенной въ 1893 году и впослѣдствіи усовершенствованной изобрѣтателемъ. Результатомъ его поѣздки явилось распоряженіе итальянскаго министерства о постройкѣ двадцати подводныхъ лодокъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Особенно большими размѣрами отличается шведская подводная лодка построенная инженеромъ Норденфельдомъ въ 1890 году. Она отличается отъ лодокъ существующихъ системъ главнымъ образомъ тѣмъ что движется при помощи отработаннаго пара. Погруженіе ея въ воду совершается при помощи горизонтальнаго руля и винта особаго устройства. Водоизмѣщеніе ея 200 тоннъ, длина 30 метровъ, движется она со скоростію 11 узловъ въ часъ и можетъ пройти разстояніе около 150 морскихъ миль.

Подводныя лодки особенно важны въ томъ отношеніи что непріятельскій флотъ не можетъ принять никакихъ мѣръ противъ нихъ и лишенъ возможности оборониться отъ ихъ нападенія. Естественно что остается непріятельской эскадрѣ, когда она узнаетъ о присутствіи непріятельскихъ подводныхъ лодокъ, бѣжать чтобы спасти отъ гибели дорого стоющіе броненосцы.

Лабиринтъ царя Миноса. Относительно царя Миноса существовало множество версій. Гуманисты эпохи Возрожденія въ ихъ любви ко всему античному вѣрили во всѣ сказанія древнихъ, и Миносъ пользовался у нихъ громадною популярностію. Они были того мнѣнія что не подлежитъ никакому сомнѣнію что въ продолженіе своей жизни онъ былъ могущественнымъ царемъ Крита, а послѣ смерти совмѣстно съ Эакомъ и Родамантомъ низошелъ въ адъ судить людей. Вслѣдъ за этимъ періодомъ относительно легендъ о царѣ Миносѣ послѣдовалъ другой періодъ, скептическій, и вотъ царя Миноса уже считаютъ не дѣйствительнымъ лицомъ, а миѳическимъ. Однако, вскорѣ мнѣнія историковъ и археологовъ снова раздѣлились и царь Миносъ опять былъ возстановленъ. Дальнѣйшій толчекъ миѳу или сказанію объ этомъ царѣ данъ теперь Англичаниномъ Эвансомъ который, какъ онъ доказываетъ, открылъ въ долинѣ Гноссосъ, у подножія горы критской Ида, подлинный дворецъ царя Миноса, его тронъ, бани, погреба для съѣстныхъ припасовъ и проч.

Съ давнихъ поръ было извѣстно что небольшой холмъ недалеко отъ Гноссоса изобиловалъ всевозможными такъ называемыми микенскими древностями. Эта земля принадлежала нѣкоему Калокориносу, мѣстному обывателю, который неоднократно выкапывалъ изъ земли разные древніе предметы въ большомъ количествѣ. Между прочимъ однажды ему посчастливилось найти два великолѣпные кувшина, въ настоящее время находящіеся въ Луврскомъ музеѣ. За недостаткомъ средствъ онъ не имѣлъ возможности предпринять раскопки въ обширныхъ размѣрахъ, а турецкое правительство не давало разрѣшенія на эксплоатацію иностраннымъ ученымъ предлагавшимъ ему приступить къ работамъ на свой счетъ.

Англійскій археологъ Эвансъ изъ Оксфорда особенно интересующійся критскими древностями прибылъ на островъ какъ только на

немъ установилось настоящее положеніе дѣлъ. Онъ пріобрѣлъ въ собственность всю землю на которой Калокоринос производилъ раскопки разорившія его и немедленно нанялъ двѣсти рабочихъ и принялся за земляныя работы, вполнѣ увѣренный что труды его на столь благодатной почвѣ не пропадутъ даромъ.

Мѣстность гдѣ предположено было начать раскопки на самомъ дѣлѣ заставляла думать что въ очень отдаленныя времена на этомъ мѣстѣ существовали обширныя постройки. Это доказывали не одни только обломки и мусоръ, но и самое положеніе холма. Въ первыя времена цивилизаціи начальники любили находиться вблизи моря и гавани которыя не дальше мили отъ этого мѣста: это разстояніе обезпечивало ихъ отъ внезапнаго нападенія на ихъ жилище. Въ своихъ предположеніяхъ относительно мѣста нахожденія резиденціи царя Миноса Эвансъ руководствовался еще тѣмъ что согласно древнимъ легендамъ лабиринтъ находился именно вблизи Гноссоса.

Итакъ, полный надеждъ, Эвансъ принялся за раскопки и не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ систематическихъ работъ, какъ ему уже удалось обнаружить фундаментъ обширнаго дворца со службами, нѣсколько хорошо сохранившихся украшеній и даже многіе обстановочные предметы, по которымъ лишь можно судить о томъ что̀ принято обозначать именемъ микенскаго искусства. Повидимому, ясно что еще во времена доисторическія, въ пятнадцатомъ или двѣнадцатомъ столѣтіяхъ до Р. Х., на островахъ Эгейскаго моря и по берегамъ Греціи существовала выдающаяся цивилизація. Отголоски о ней сохранились въ Гомерическихъ поэмахъ, впослѣдствіи же существованіе этой цивилизаціи было удостовѣрено знаменитыми раскопками Шлимана въ Микенахъ, гдѣ этому неутомимому археологу удалось открыть такія сокровища какъ кладъ Агамемнона и пр. Раскопки производимыя въ настоящее время также подтверждаютъ существованіе этой цивилизаціи. Несомнѣнно, въ ней отражается много восточнаго и на нее имѣли существенное вліяніе Халдеи и Египтяне.

Въ Гноссосѣ планъ дворца отрытаго Эвансомъ совершенно халдейскій. На западной части расположенъ обширный дворъ съ портикомъ впереди: здѣсь царь принималъ приходившихъ къ нему и поставщики приносили туда съѣстные припасы, и это мѣсто имѣетъ непосредственную связь съ погребами и кладовыми которыя представляютъ длинныя, узкія кельи. Главный ходъ находился въ южной части, тамъ еще видны слѣды пороговъ и дверныхъ колодъ. Коридоръ велъ въ пріемные покои, ванныя комнаты, а на сѣверной сторонѣ защищенной отъ палящихъ лучей солнца находились помѣщенія царя и женское отдѣленіе.

Открытія Эванса представляютъ особенный интересъ въ томъ отношеніи что независимо отъ остатковъ дворцовыхъ построекъ открыто множество остатковъ фресокъ, меблировки и самыхъ разнообразныхъ орнаментовъ. Въ пріемной залѣ почти въ полной неприкосновенности у стѣны находится каменный тронъ, въ видѣ высокаго кресла со спинкой. Напротивъ трона нѣсколько каменныхъ скамеекъ и писцина въ которую можно войти по уцѣлѣвшимъ каменнымъ же ступенямъ. Потолокъ залы, очевидно, поддерживался колонами изъ кипариснаго дерева, нѣсколько окаменѣлыхъ кусковъ котораго найдено тамъ же,

а также найдено нѣсколько свѣтильниковъ изъ фіолетоваго камня съ изображеніями цвѣтовъ лотоса, которыми освѣщались покои. Убранство залы дополняли фрески изображавшія, судя по остаткамъ ихъ, деревья, растенія, пейзажи и облака.

Фрески этой залы самыя интересныя изо всѣхъ открытыхъ Эвансомъ. Фигуры изображенныя на нѣкоторыхъ напоминаютъ египетскія и переносятъ мысленно въ обстановку сѣдой древности. Женскія лица очень бѣлы. Критскія дамы изображены сидящими и оживленно бесѣдующими, какъ ихъ изображали на египетскихъ барельефахъ. Прическа ихъ очень сложная: большія букли изъ волнъ ниспадаютъ на спину, на щеки, на лобъ. Губы ярко-карминнаго цвѣта, глаза голубые, одежда женщинъ на фрескахъ также замысловатая: рукава съ буфами и большія складки матеріи на спинѣ въ видѣ крыльевъ бабочки. На фрескахъ изображены не однѣ только женщины, иногда вмѣстѣ находятся и мущины. Послѣдніе потрясаютъ копьями, поднимаютъ руки, а первыя видимо слѣдятъ съ интересомъ за ихъ дѣйствіями. Въ числѣ открытыхъ орнаментовъ обнаружены два большіе безкрылые сфинкса съ птичьей головой украшенной пучкомъ павлиньихъ перьевъ и цѣлая серія декоративныхъ орнаментовъ придававшихъ особенно роскошный видъ этому дворцу въ эпоху такой глубокой древности. Также найдено большое количество разныхъ предметовъ изъ того же фіолетоваго камня изъ котораго высѣчены свѣтильники пріемной залы. Всѣ найденныя вещи указываютъ на замѣчательное искусство высѣкать изъ камня которымъ обладали жители древняго Крита. Но всего лучше можно судить о степени цивилизаціи достигнутой ими по найденной головѣ пѣвицы изъ алебастра которая во многомъ превосходитъ знаменитый ассирійскій барельефъ хранящійся въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ.

Эвансъ продолжаетъ утверждать что открытый имъ дворецъ принадлежалъ именно царю Миносу, а не кому другому. Насколько онъ правъ покажутъ дальнѣйшія раскопки, когда будетъ открыто все мѣсто занимаемое развалинами, или когда будутъ разобраны таблички изъ обожженной глины которыхъ найдено при раскопкахъ болѣе тысячи штукъ. Къ несчастію, разобрать ихъ будетъ очень трудно, потому что языкъ древнихъ Критянъ совершенно неизвѣстенъ. Письмена на табличкахъ имѣютъ большое сходство съ египетскими гіероглифами. На нѣкоторыхъ, какъ полагаютъ, находится опись имущества царя, если текстъ ихъ подходитъ къ документамъ найденнымъ во дворцахъ халдейскихъ и библіотекѣ фараона Аменофиса IV въ Тель-эль-Амарнѣ.

Впрочемъ, возможно допустить что дѣйствительно это дворецъ легендарнаго царя Миноса, такъ какъ дворецъ его, согласно преданіямъ, находился въ Гноссосѣ и стиль его не могъ быть другимъ кромѣ микенскаго. Что во дворцѣ жилъ могущественный государь, доказываютъ его сношенія съ Египтомъ и Халдеей, о которыхъ можно судить не только по стилю постройки, но еще по двумъ найденнымъ въ развалинахъ статуэткамъ. Одна изъ нихъ изображаетъ фараона XII династіи, а другая, очень маленькая, женщину въ халдейскомъ костюмѣ. Король Крита поддерживающій сношенія съ двумя великими монархіями древняго міра очевидно поразилъ воображеніе современниковъ и такимъ образомъ имя Миноса дошло до насъ.

Что касается лабиринта, Эвансъ полагаетъ что большое количество маленькихъ, узкихъ комнатъ и кладовыхъ теперь на половину разрушенныхъ могло поразить современниковъ, и память о нихъ сохранялась въ потомствѣ въ видѣ чего-то легендарнаго.

Папская швейцарская гвардія. Римскія газеты сообщаютъ много интереснаго о швейцарской гвардіи папы, по поводу назначенія новаго начальника этого параднаго войска римскихъ первосвященниковъ.

Начальникъ папской швейцарской гвардіи графъ Куртенъ которому недавно исполнилось восемьдесятъ лѣтъ просилъ папу уволить его отъ занимаемой имъ уже давно должности. Левъ XIII снизошелъ на просьбу маститаго старца, наградилъ его высшимъ папскимъ орденомъ за военныя заслуги и назначилъ на его мѣсто барона Леопольда Мейера фонъ-Шауэнзе который съ 1872 года состоялъ въ чинѣ подполковника швейцарской гвардіи. Баронъ Мейеръ принадлежитъ къ одной изъ самыхъ старинныхъ люцернскихъ фамилій которой въ 1273 году германскій императоръ Рудольфъ Габсбургскій пожаловалъ замокъ Шауэнзе на озерѣ Четырехъ Кантоновъ. Многіе изъ его предковъ извѣстны какъ боевые генералы въ разныхъ европейскихъ арміяхъ, а дѣдъ его также одно время командовалъ папской швейцарской гвардіей. Назначеніе барона полковникомъ этого почетнаго войска произошло по собственному почину Льва XIII, такъ какъ папа убѣдился въ его ревности къ исполненію возложенныхъ на него обязанностей.

Учрежденіе папской швейцарской гвардіи относится къ пятнадцатому столѣтію. Въ 1505 году папа Юлій II по настояніямъ швейцарскаго кардинала Шиннера заключилъ контрактъ съ кантонами Цюрихъ и Люцернъ согласно которому оба кантона обязывались выставлять для охраны особы римскаго первосвященника роту въ 250 человѣкъ. Съ тѣхъ поръ швейцарская гвардія папы постоянно пополняется изъ вышеупомянутыхъ кантоновъ и на тѣхъ же основаніяхъ существуетъ до настоящаго времени.

Теперь эта швейцарская почетная стража состоитъ изъ 117 человѣкъ. Командиръ ея въ чинѣ полковника, поручикъ въ чинѣ подполковника, подпоручикъ въ чинѣ майора, четыре офицера для исполненія административныхъ обязанностей въ чинѣ поручиковъ, пять субалтернъ-офицеровъ, девять капраловъ, два барабанщика и 94 алебардиста. Послѣдніе всѣ въ чинѣ сержантовъ.

Чтобъ быть принятымъ въ это избранное войско на службу необходимо происходить изъ католическаго населенія кантоновъ Цюрихъ и Люцернъ, быть холостымъ, не старше двадцати пяти лѣтъ, очень высокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія и обладать хорошимъ здоровьемъ. Жалованіе получаемое швейцарскими гвардейцами папы не велико, но служба легкая, преимущественно парадная, и многіе поступаютъ охотно. Когда солдатъ достигнетъ тридцатилѣтняго возраста, его увольняютъ въ отставку и назначаютъ небольшую пенсію.

Среди швейцарскихъ гражданъ добивающихся чести поступить въ гвардію папы встрѣчаются молодые люди очень хорошихъ фамилій, которые кромѣ своей такъ-называемой военной службы занимаются живописью, скульптурой и вообще художествами. Они пользуются

своимъ пребываніемъ въ Римѣ и сравнительно легкой службой не отнимающей много времени чтобы слушать лекціи въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Служба ихъ собственно состоитъ въ охранѣ особы самого папы, наблюденіяхъ за апостолическими дворцами и торжественныхъ парадныхъ шествованіяхъ во всѣхъ случаяхъ, когда римскій первосвященникъ показывается народу окруженный своимъ пышнымъ дворомъ.

Турецкая свадьба. Семейная жизнь мусульманъ въ гаремѣ еще досихъ поръ покрыта непроницаемымъ таинственнымъ покровомъ для европейцевъ. Одной нѣмецкой дамѣ удалось побывать въ этомъ году на турецкой свадьбѣ, о которой она отзывается слѣдующимъ образомъ.

Во время моего шестинедѣльнаго пребыванія въ этомъ году въ Константинополѣ я получила приглашеніе отъ супруги Сеченьи-паши присутствовать на знатной турецкой свадьбѣ. Всякій прибывающій въ Константинополь европеецъ высшаго круга непремѣнно знакомится съ Сеченьи-пашей и его гостепріимнымъ домомъ въ которомъ царитъ его вторая жена Гречанка. Кромѣ своего природнаго языка эта дама прекрасно говоритъ по-французски и по-турецки. Она поддерживаетъ хорошія отношенія съ знатными турецкими фамиліями, вслѣдствіе чего на свадьбу были также приглашены дочь одного высокопоставленнаго лица и сынъ другаго. Въ прежнее время не посылали особыхъ приглашеній въ подобныхъ случаяхъ, но теперь все стало иначе и на свадьбахъ присутствуютъ лишь люди получившіе пригласительные билеты. Въ билетахъ значилось что мы приглашены къ 9 часамъ, по турецкому времени, которое считается отъ восхода солнца.

Около двухъ часовъ дня, по нашему времени, мы подъѣхали къ дворцу отца невѣсты, въ ближайшемъ кварталѣ къ Ильдіозъ-кіоску. Передъ входомъ стоялъ человѣкъ геркулесовскаго сложенія съ желѣзнымъ молоткомъ которымъ онъ три раза ударилъ въ дверной косякъ какъ только мы вышли изъ экипажа. Двери тогда открылись передъ нами и мы, супруга Сеченьи-паши, италіянская дама, моя спутница и я вошли во дворецъ. Съ понятнымъ волненіемъ вступили мы въ пріемную комнату въ которой находилось множество женщинъ, Турчанокъ, Гречанокъ, Негритянокъ, среди которыхъ мы оказались единственными западными гостьями. Воздухъ былъ пропитанъ духами, мы дышали настоящей атмосферой Востока. Женщины разговаривали между собою, смѣялись, шутили; невольницы падали передъ ними на колѣна, поднимались, словомъ, нашимъ глазамъ представилась очень пестрая и оригинальная картина.

Конечно, прежде всего мы обратили вниманіе на Турчанокъ. Всѣ онѣ были очень роскошно одѣты. На нѣкоторыхъ мы замѣтили платья изъ очень дорогихъ матерій и кокетливо надѣтыя красныя фески. Руки и ногти у нихъ были подкрашены. Сдѣлавъ церемоніальный поклонъ всему обществу которое намъ отвѣтило тѣмъ же, мы остановили взглядъ на отдѣльно стоящей группѣ, дамы которой были всѣ въ орденскихъ лентахъ. Это, оказалось, были дамы принадлежащія ко дворцовому штату падишаха.

Когда мы немного огляделись, изъ пріемной насъ пригласили въ другія, смежныя съ ней комнаты осмотрѣть выставленное въ нихъ приданое невѣсты. Передъ нами открылся тамъ настоящій базаръ. Множество всевозможныхъ туалетовъ, утреннія платья, матинэ, платья для обѣденнаго времени, вечернія платья, для каждой недѣли всего года отдѣльныя отдѣлки всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Въ углу обширной комнаты была выставлена брачная постель вся изъ розоваго атласа затканнаго серебромъ, замѣчательно роскошная. На постели лежала сорочка невѣсты изъ атласа, также съ серебрянымъ шитьемъ чудной работы Кромѣ того, на столахъ находилось безчисленное количество разныхъ подарковъ со стороны родныхъ невѣсты, часы, вазы, сервизы и разныя дорогія бездѣлушки.

Гдѣ же сама невѣста? Насъ это очень интересовало. Наконецъ, насъ пригласили въ нижній этажъ дома. Тутъ мы увидали четырнадцатилѣтнюю дѣвушку, брюнетку съ блѣднымъ цвѣтомъ лица, почти ребенка, это и была невѣста. Видно было что она находилась въ сильномъ волненіи, такъ какъ, по разказу ея подругъ, передъ тѣмъ провела безсонную ночь. Она была въ снѣжно бѣломъ платьѣ и положительно увѣшана драгоцѣнностями. Громадные бриліанты въ ушахъ дѣвушки сверкали ослѣпительно. Волосы ея были завиты и причесаны самымъ фантастическимъ образомъ. Въ общемъ весь туалетъ невѣсты былъ полуевропейскій, полувосточный. Наши турецкія спутницы объяснили намъ что волненіе невѣсты вполнѣ понятно, такъ какъ она никогда не разговаривала со своимъ женихомъ, согласно гаремнымъ правиламъ, и видѣла его только одинъ разъ, да и то издали. Онъ же даже и совсѣмъ не видѣлъ своей будущей жены. Браки въ Турціи въ богатомъ классѣ всегда заключаются подобнымъ образомъ. Всѣ условія брака опредѣляются заранѣе особымъ лицомъ которое называется Бекильсъ, и женихъ и невѣста лишь тогда увидятъ другъ друга когда они уже считаются по закону мужемъ и женой.

Наконецъ приближается время брачной церемоніи. Мы переходимъ въ пріемную залу и слышимъ издали возгласы и крики знаменующіе прибытіе жениха. При появленіи мущины-жениха всѣ Турчанки опускаютъ свои чадры и дѣлаются безмолвны, такъ какъ по закону лицо ихъ можетъ видѣть только мужъ. Женихъ быстро входитъ въ пріемную залу, туда передъ его прибытіемъ уже была введена подъ густымъ вуалемъ невѣста, и вмѣстѣ съ ней отправляется въ первый этажъ въ большую залу гдѣ воздвигнуто нѣчто въ родѣ трона утопающаго въ цвѣтахъ и зелени. Онъ поднимаетъ невѣсту на воздухъ и сажаетъ ее на этотъ тронъ, а затѣмъ садится рядомъ съ ней, снимаетъ съ нея покрывало, и съ этого момента она уже считается его законною женой. Когда этотъ обрядъ совершенъ, женихъ поднимается съ трона и бросаетъ въ присутствующихъ пригоршню золотыхъ монетъ. Оказывается что эти монеты получены имъ въ подарокъ отъ султана пожелавшаго выказать ему особое благоволеніе по случаю его бракосочетанія. Послѣ этой церемоніи женихъ также поспѣшно удалился изъ дома отца невѣсты какъ прибылъ въ него. Согласно турецкимъ обычаямъ онъ можетъ возвратиться къ

своей женѣ только вечеромъ, послѣ захода солнца, причемъ долженъ войти въ домъ незамѣтнымъ образомъ.

Послѣ акта заключенія брака начались самыя празднества обѣдомъ сервированнымъ въ трехъ помѣщеніяхъ. Въ первомъ сѣли за столъ придворныя дамы, во второмъ жены турецкихъ сановниковъ, а въ третьемъ дамы преклонныхъ лѣтъ и молодыя дѣвушки. Въ послѣднемъ помѣщеніи кушали по древне-турецкому обычаю не прибѣгая къ помощи ножей и вилокъ: ихъ замѣняли собственные пальцы. Столы были обильно уставлены всевозможными яствами: цѣлыя горы самыхъ разнообразныхъ печеній и фруктовъ занимали первое мѣсто среди безчисленныхъ блюдъ турецкой кухни. Сервировка всѣхъ столовъ была европейская. Невѣста не принимала участія въ обѣдѣ. Она продолжала сидѣть на брачномъ тронѣ, окруженная ближайшими подругами, обязанность которыхъ состояла въ томъ чтобы развлекать ее во время трапезы.

Насъ также приглашали принять участіе въ обѣдѣ, однако, пока Турчанки кушали, мы предпочли прогуляться по обширнымъ помѣщеніямъ и осмотрѣть подробно расположеніе гарема. Когда свадебный обѣдъ окончился, дамы снова появились въ залахъ гдѣ имъ былъ предложенъ черный кофе и неизбѣжныя турецкія сласти. Онѣ закурили папиросы и предались оживленному разговору. Немного спустя жена одного турецкаго морскаго офицера сѣла за рояль и сыграла нѣсколько піесъ, встрѣченныхъ шумными возгласами присутствующихъ.

Изъ посѣщенія этой оригинальной для насъ свадьбы мы вынесли много совершенно новыхъ для насъ впечатлѣній и очень рады были знакомиться съ жизнію въ гаремѣ, о которой мало кто знаетъ. Изъ разговора съ нѣсколькими образованными Турчанками мы могли заключить что въ настоящее время многоженство постепенно выводится, и нерѣдкость встрѣтить мужей которые всю жизнь не берутъ себѣ иной жены кромѣ первой.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Старина и Новизна.

Старина и Новизна. Историческій сборникъ издаваемый при Обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. Книга четвертая. СПБ. 1901.

Четвертая книга историческаго сборника почти цѣликомъ занята перепечаткой документовъ по политической и литературной нашей исторіи и содержитъ въ себѣ лишь одну статью повѣствовательнаго характера принадлежащую перу графа С. Д. Шереметева и посвященную дорогимъ для каждаго Русскаго воспоминаніямъ объ императорѣ Александрѣ III еще въ бытность его наслѣдникомъ цесаревичемъ, когда онъ въ 1875 году ѣздилъ въ Варшаву вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ II и оттуда въ Вѣну на погребеніе австрійскаго императора Фердинанда. Къ этой же меморіальной такъ сказать части книги относится еще письмо Е. Н. Карамзиной къ графу С. Д. Шереметеву по поводу воцаренія императора Александра III.

Въ началѣ книги напечатаны письма къ князю П. А. Вяземскому трехъ знаменитыхъ москвичей средины прошлаго вѣка: Погодина, Шевырева и Максимовича. Письма эти по содержанію своему представляютъ выдающійся интересъ весьма понятный хотя бы только по однимъ именамъ адресата и кореспондентовъ. Князь Вяземскій, доблестный представитель блестящей поры въ исторіи нашей литературы и самъ вѣрный хранитель наилучшихъ ея завѣтовъ, стоялъ одно время у кормила просвѣщенія Россіи. Три его кореспондента, Погодинъ, Шевыревъ и Максимовичъ, бывшіе знаменитыми професорами Московскаго (послѣдній потомъ Кіевскаго) университета, сами были выдающимися представителями нашей литературы въ серединѣ прошлаго вѣка какъ по своимъ собственнымъ литературнымъ твореніямъ, такъ и по тѣмъ литературнымъ сборникамъ и журналамъ

которые выходили въ свѣтъ изъ-подъ ихъ рукъ и съ ихъ именами. Естественно что въ перепискѣ ихъ главнымъ образомъ отразилась смѣна литературныхъ интересовъ и интересовъ народнаго просвѣщенія которому всѣ они вѣрой и правдой служили всю свою жизнь. Всѣ они свято хранили литературныя преданія и свое литературное родословіе вели отъ Ломоносова. Князь Вяземскій служилъ звеномъ соединявшимъ пушкинское поколѣніе нашихъ писателей съ тѣмъ поколѣніемъ къ которому принадлежали Карамзинъ и Дмитріевъ. По замѣчанію Погодина, Карамзинъ и Дмитріевъ были современниками Державина, Капниста, Хемницера, Львова, Кострова, а старшіе ихъ современники Херасковъ, Петровъ, Богдановичъ, Фонвизинъ застали Сумарокова спорившаго съ Ломоносовымъ. Принадлежа къ семьѣ нашихъ знаменитыхъ писателей и будучи руководителями къ служенію наивысшимъ задачамъ литературы, Погодинъ, Шевыревъ и Максимовичъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ не принадлежали всецѣло ни къ одной изъ образовавшихся при нихъ партій, ни къ славянофиламъ, ни къ западникамъ, а стояли, по счастливому выраженію Погодина, какъ и сама Россія между Востокомъ и Западомъ съ большимъ склоненіемъ къ Востоку. Понятно само собою какъ тяжело было всѣмъ имъ пережить начавшуюся при нихъ смѣну литературныхъ вкусовъ, забвеніе наилучшихъ завѣтовъ нашей литературы, традицій Карамзина, Пушкина, и замѣну дорогихъ именъ именами ничего не говорящими образованному читателю, послѣдствіемъ чего явились запустѣніе въ нашей литературѣ и одичаніе литературныхъ вкусовъ въ обществѣ: „утрата за утратой въ литературѣ, писалъ въ 1847 году Шевыревъ, а полынь ростетъ и процвѣтаетъ“. Появленіе писателей этого новаго направленія поражало ветерановъ нашей литературы. Шевыревъ особенно ярко выразилъ свои наблюденія и свои чувства по этому поводу.

Какую разницу я замѣтилъ между прежнимъ поколѣніемъ писателей которое оканчивается Гоголемъ и новымъ, писалъ онъ князю Вяземскому въ 1860 году. Въ прежнемъ чѣмъ болѣе развивается писатель и крѣпнетъ, тѣмъ сильнѣе и выше пробивается святое зерно заложенное въ каждомъ нашею древнею жизнію, зерно сердечнаго сознанія откровенной истины. Карамзинъ, Жуковскій, Вы, Пушкинъ, Гоголь это доказали. Теперь совершенно наоборотъ. Въ первыхъ проявленіяхъ слова и жизни очень сильно замѣтенъ слѣдъ семейнаго религіознаго вліянія: далѣе весь процесъ жизни и развитія литературнаго состоитъ въ томъ чтобъ это зерно совершенно вырвать и обезплодить жизнь. Возьмите біографію Станкевича написанную Анненковымъ. Это образчикъ всѣхъ. Возьмите Бѣлинскаго, его первыя критики и послѣднія. Теперь всѣ стремленія обращены туда. Прежнія поколѣнія всѣ возвращались къ связи съ кореннымъ началомъ русскимъ; новыя всѣ устремляются туда чтобы эту связь до тла уничтожить.

А какою болью въ сердцахъ этихъ ветерановъ отзывалось открытое пренебреженіе самыми дорогими именами и самыми дорогими литературными твореніями! По одному изъ писемъ Погодина легко представить себѣ человѣка оскорбленнаго въ самыхъ святыхъ своихъ чувствахъ.

Въ газетахъ, писалъ онъ въ 1857 году, имѣющихъ 15 тысячъ читателей пишутъ съ сожалѣніемъ: „вѣдь у насъ еще много людей которые пробавляются исторіей Карамзина, а наука ушла далеко впередъ". Сукины вы дѣти! Да если бъ вы пробавлялись исторіей Карамзина, такъ не были бы такими невѣжами, скотами и подлецами, какими вы есте въ вашемъ далекомъ уходѣ который есть только заблужденіе, замѣшательство, путаница... Истинно мы ходимъ въ сѣни смертной, и облегаетъ насъ тьма, и одна надежда на столбъ огненный, если русскій Богъ ниспошлетъ его на спасеніе блуждающихъ...

Весьма понятно что послѣдствія литературной распущенности сказались скоро въ извращеніи вкусовъ общества, обнаружившемся въ невниманіи къ произведеніямъ дѣйствительной литературы и падкости къ разнообразной литературной „полыни".

Сердитъ я очень на нашу публику, писалъ Шевыревъ еще въ 1849 году. Она изъ рукъ вонъ. Представьте что до сихъ поръ въ Москвѣ разошлось только 80 экземпляровъ новыхъ стихотвореній Жуковскаго (въ конторѣ *Москвитянина*). Петербургскіе журналы достигаютъ цѣли. Они образовали и настроили вкусъ публики такъ что „Одиссея" Жуковскаго ей не можетъ нравиться. Нечего сказать: съ такою литературой какъ литература *Отечественныхъ Записокъ* и *Современника* съ *Сѣверною Пчелою* въ придачу мы далеко уйдемъ во вкусѣ и въ образованіи. Работали, трудились со временъ Петра Великаго и дошли до того что Краевскіе, Булгарины, Некрасовы и Панаевы сдѣлались образователями современнаго русскаго человѣчества. При такихъ двигателяхъ образованія какъ быть Жуковскому со своею „Одиссеею" и со своимъ „Рустемомъ"? Будутъ ли его слушать? Это и грустно и больно. Мнѣ утѣшительно одно только что въ числѣ первыхъ и главныхъ покупателей „Одиссеи" было много студентовъ университета и студентовъ бѣдныхъ которые трудовыя деньги отдавали за „Одиссею". Къ ея выходу кстати мнѣ пришлось говорить о Гомерѣ. Я посвятилъ „Одиссеѣ" нѣсколько лекцій и моя аудиторія наполнялась студентами изъ другихъ факультетовъ. Вотъ что̀ утѣшаетъ меня нѣсколько за невѣжественную публику которую достойно себя воспитали петербургскіе журналы.

Послѣдующія событія могли бы убѣдить Шевырева что онъ постоянное явленіе, повторяющееся неизмѣнно при самыхъ даже неблагопріятныхъ условіяхъ, принялъ за благое предзнаменованіе и утѣшался понапрасну. Въ нашемъ просвѣщеніи въ половинѣ прошлаго вѣка дѣйствительно наступилъ переломъ, и съ этого времени оно пошло быстрыми шагами подъ гору. Гибельныя послѣдствія

этого отрицательнаго движенія даютъ знать о себѣ и въ настоящее время и даже, пожалуй, въ настоящее время больше чѣмъ когда-либо раньше.

Конечно, было бы несправедливымъ винить во всемъ этомъ одну литературу: все наше просвѣщеніе страдало крупнѣйшими недостатками, выпускало невѣждъ съ громкою кличкой образованныхъ людей и тѣмъ давало полный просторъ господству нелѣпостей всякаго рода какъ въ умахъ полуобразованнаго общества, такъ и въ общественной жизни.

Вотъ бѣда, писалъ Шевыревъ въ 1860 году, что духъ ученія гаснетъ и что ученіе идетъ дурно въ гимназіяхъ и въ университетахъ. Шесть мѣсяцевъ гимназисты ничего не дѣлаютъ. Професора въ университетахъ бываютъ по три, по семи разъ на лекціяхъ и только. Безграмотность между студентами растетъ съ каждымъ годомъ. Это общій голосъ который слышится вездѣ и раздается даже между студентами.

Точно вчера написаны эти строки: такъ мало мы подвинулись впередъ за цѣлое полустолѣтіе, если и нынче какъ тогда жалуются на тоже самое отсутствіе ученія! Погодинъ въ 1856 году писалъ князю Вяземскому то же самое и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ:

Вообще въ университетѣ ученіе идетъ очень плохо, между тѣмъ какъ первая нужда намъ, професорамъ и студентамъ, учиться, учиться и учиться. Ваши министерскіе осмотры ничего не значатъ: Евреямъ соблазнъ, а Эллинамъ безуміе, ибо вы не знаете и не можете знать настоящихъ пунктовъ нападенія... Грустно мнѣ и подъ старость видѣть это запустѣніе на мѣстѣ святѣ. Учености много, знанія много, но жизни нѣтъ и нѣтъ ученія. А Московскій университетъ лучшій. Въ прочихъ ужасы, не смотря на достоинства професоровъ. Что̀ прикажете дѣлать: русскому человѣку необходимо разумное побужденіе и надзираніе извнѣ.

Эти постоянныя жалобы, непрерывавшіяся въ теченіе всего послѣдняго полустолѣтія, при всякихъ системахъ образованія и уставахъ, и особенно усилившіяся въ наши дни явленіе знаменательное. Оно убѣдительно свидѣтельствуетъ о крайнемъ паденіи у насъ не только самого образованія, но даже и потребности въ немъ. Быть-можетъ, отсюда вытекала бы первая забота не о преобразованіяхъ въ школьныхъ системахъ, а о возбужденіи въ населеніи самой потребности въ школахъ повыше тѣхъ которыя обучаютъ начальной грамотѣ. Работа періодической печати понизившей духовные вкусы общества, на что̀ такъ жаловались кореспонденты князя Вяземскаго, не имѣла бы такого губительнаго значенія, еслибы сама жизнь постоянно напоминала о необходимости учиться и о потребностяхъ во всевозможныхъ знаніяхъ. И жизнь, и печать въ данномъ случаѣ, быть-можетъ,

не безъ посторонняго обдуманнаго вліянія, шли согласно понижая культурность Россіи во всѣхъ отношеніяхъ.

Всѣ предчувствія князя Вяземскаго и его литературныхъ друзей оправдались, и нашему времени снова приходится возиться съ тѣми же самыми вопросами, надъ рѣшеніемъ которыхъ тщетно трудились они. Не удивительно ли, напримѣръ, то отстоятельство что и въ наши дни, спустя пятьдесятъ лѣтъ, усиленно жалуются повсемѣстно на отсутствіе проѣздныхъ дорогъ, когда еще Шевыревъ писалъ князю Вяземскому:

Разслабленный исполинъ наша Россія. Не страдаетъ ли она отсутствіемъ связи въ частяхъ своихъ? Члены ея огромны; но бываетъ что уста требуютъ пищи, въ рукѣ много хлѣба, а нѣтъ сообщенія между рукою и устами. Впрочемъ, необходимость внѣшнихъ связей и сообщеній уже признана теперь, и когда разслабленный членами исполинъ свяжетъ внутренними мышцами и связками въ одно великій организмъ свой, тогда процвѣтетъ здоровьемъ и крѣпость его будетъ несокрушима.

Въ голодный годъ оправдались вѣщія слова Шевырева о переполненной хлѣбомъ рукѣ и голодныхъ устахъ.

Во второй половинѣ книги напечатаны историческіе документы, касающіеся исторіи XVII и XVIII вв. Сюда относятся: письма графа П. В. Завадовскаго къ фельдмаршалу графу П. А. Румянцову, Дневникъ звѣрскаго избіенія московскихъ бояръ въ столицѣ въ 1682 году и избранія двухъ царей Петра и Іоанна и Пріѣздъ въ Москву посланника Геліаша Пелгримовскаго съ извѣстіемъ о посылкѣ судей для размѣна плѣнныхъ.

Обиліе историческихъ матеріаловъ, ихъ высокій интересъ и умѣлый подборъ и на этотъ разъ служатъ прекрасными достоинствами изданія Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III.

Путешествіе патріарха Макарія.

Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка описанное его сыномъ архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса. Выпускъ пятый. М. 1900.

Мы только что получили послѣдній выпускъ русскаго перевода описанія путешествія антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію. Два года тому назадъ (см. *Русскій Вѣстникъ*, мартъ, 1899 г.) мы уже отмѣчали важное значеніе для русской науки замѣчательнаго

труда антіохійскаго архидіакона по поводу выхода въ свѣтъ предыдущихъ выпусковъ его описанія и поэтому въ настоящій разъ останавливаться не будемъ на значеніи его.

Содержаніемъ настоящаго выпуска служитъ описаніе обратнаго пути патріарха Макарія изъ Россіи въ Сирію. Начало выпуска застаетъ путешественниковъ уже на переправѣ ихъ черезъ Днѣстръ, при самомъ выѣздѣ ихъ изъ Россіи и при встрѣчѣ ихъ особымъ посольствомъ привѣтствовавшимъ патріарха отъ лица Молдавскаго господаря и Молдавскаго правительства при самомъ вступленіи его на Молдавскую землю. Пребываніе патріарха въ Молдавіи, а потомъ въ Валахіи, сопровождалось какъ и въ Россіи торжественными службами, пріемами и празднествами у владѣтельныхъ и знатныхъ особъ, поѣздками по богатымъ церквамъ и монастырямъ, а также осмотромъ мѣстъ достопримѣчательныхъ въ историческомъ, торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ. Всѣ подобные случаи давали архидіакону Павлу богатый матеріалъ для его дневника, и онъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ записывалъ все видѣнное и слышанное и оставилъ въ этихъ записяхъ драгоцѣнныя данныя для исторіи придунайскихъ княжествъ, какъ раньше онъ то же самое сдѣлалъ и для исторіи Россіи.

Къ этому надо еще прибавить что время пребыванія патріарха Макарія въ княжествахъ было неспокойнымъ въ ихъ политической жизни: смѣна господаря въ Валахіи и война съ Венграми являлись событіями выдающейся важности, значительно потрясли все населеніе и едва не причинили самому патріарху большихъ непріятностей и убытковъ вслѣдствіе угрожавшей ему опасности потерять во время войны всю свою кладь, всѣ дары и все собранное у благочестиваго населенія Россіи. Событія эти тщательно описанныя архидіакономъ Павломъ вводятъ насъ въ область политической жизни княжествъ и ихъ отношеній къ сосѣдямъ, при чемъ разказы архидіакона превосходно разъясняютъ и служатъ значительнымъ дополненіемъ къ фактической сторонѣ исторіи княжествъ. Между прочимъ и для церковныхъ историковъ и литургистовъ заслуживаетъ особаго вниманія описаніе коронаціи новаго господаря Валахіи, Михаила, совершенной патріархомъ Макаріемъ. Обрядъ коронованія при этомъ случаѣ былъ точнымъ воспроизведеніемъ епископской хиротоніи, и даже читалась при этомъ обычная совершительная молитва произносимая при совершеніи таинства священства: „Божественная благодать, во всякое время исцѣляющая недужныхъ и несовершенныхъ довершающая, возводитъ Христолюбиваго князя Михаила, сына Родулы воеводы, на степень государя; помолимся нынѣ о немъ, да снизойдетъ на него благодать Святаго Духа“.

Покинувъ Валахію, путешественники въ Галацѣ сѣли на суда и Чернымъ моремъ отправились въ Малую Азію. Изъ Синопа ихъ путь снова лежалъ по сухой землѣ, пока, наконецъ, они не добрались до Алеппо и потомъ до Дамаска, гдѣ съ особою торжественностью населеніе встрѣтило ихъ, такъ какъ почти семилѣтняя отлучка ихъ изъ родной страны сильно безпокоила населеніе даже за ихъ жизнь. Вернувшись на родину патріархъ со своими сподвижниками занялся приведеніемъ въ порядокъ разстроенныхъ церковныхъ дѣлъ, а также благоустройствомъ патріархіи и храмовъ, что̀ оказалось вполнѣ возможнымъ благодаря изрядному количеству денежныхъ жертвъ собранныхъ патріархомъ въ посѣщенныхъ имъ православныхъ земляхъ.

Въ приложеніяхъ къ настоящему выпуску заслуживаютъ вниманія исторія и описаніе рукописи содержащей повѣствованіе о путешествіи патріарха Макарія. Этотъ любопытный и весьма важный для нашей исторіи памятникъ арабской письменности XVII вѣка до настоящаго изданія не былъ во всей полнотѣ извѣстенъ въ Россіи, несмотря на то что въ мѣстѣ его написанія его знали, читали и распространяли во множествѣ списковъ. Въ началѣ прошлаго вѣка одинъ изъ такихъ списковъ былъ вывезенъ съ Востока въ Англію графомъ Гильфордомъ и изданъ въ англійскомъ переводѣ Бельфура въ 1829—1836 гг. Англійскій переводъ труда Павла Алеппскаго былъ извѣстенъ нашимъ ученымъ. Въ половинѣ прошлаго XIX вѣка появились въ Россіи почти одновременно три арабскихъ списка этого труда списанныхъ повидимому съ одной и той же дамасской рукописи. Списокъ съ котораго сдѣланъ настоящій переводъ принадлежитъ Главному Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, другой учебному отдѣленію того же Министерства и третій, Порфиріевскій, Императорской Публичной Библіотекѣ. Сличеніе арабскихъ списковъ путешествія патріарха Макарія съ англійскимъ переводомъ Бельфура убѣдило въ недостаточности и неудовлетворительности послѣдняго. Кромѣ отдѣльныхъ ошибокъ явившихся вслѣдствіе незнакомства переводчика съ живымъ арабскимъ языкомъ, Бельфуръ выпустилъ рядъ литургическихъ описаній и описаній церквей, какъ подробностей мало интересныхъ и утомительныхъ для англійскаго читателя, а между тѣмъ драгоцѣнныхъ для русской археологіи и исторіи быта. Сюда относятся, напримѣръ, описаніе великой церкви Кіевской лавры, единственное предшествующее пожару 1718 года и представляющее храмъ такимъ какимъ онъ былъ при Петрѣ Могилѣ; описаніе московскихъ кремлевскихъ соборовъ, колокольни, описанія большаго колокола и т. п. Впрочемъ арабскій подлинникъ перевода Бельфура имѣетъ нѣкоторыя преимущества передъ нашими арабскими списками: въ немъ есть важныя дополненія сравнительно съ нашими рукопи-

сями, напримѣръ, въ немъ подробно изложено обратное путешествіе патріарха Макарія служащее предметомъ содержанія настоящаго выпуска, тогда какъ въ нашихъ спискахъ оно кратко изложено въ нѣсколькихъ строкахъ, равно какъ въ нашихъ нѣтъ и подробнаго описанія путешествія патріарха Макарія изъ Алеппо по Малой Азіи до Константинополя, пребыванія его въ этомъ городѣ и дальнѣйшаго пути моремъ до Молдавіи.

Настоящій переводъ путешествія патріарха Макарія представляетъ собою полное и подробное описаніе, сводное изъ всѣхъ списковъ какими могъ располагать переводчикъ, дополняя недостающее въ нашихъ спискахъ по англійскому переводу Бельфура. Нельзя, впрочемъ, не пожалѣть что дополненія сдѣланы именно по англійскому переводу, а не по подлинному арабскому списку съ котораго онъ сдѣланъ. Упрекать однако за это переводчика было бы несправедливо, такъ какъ шаги къ ознакомленію съ этимъ спискомъ были сдѣланы, но отъ Королевскаго Азіятскаго Общества въ Лондонѣ полученъ былъ странный отвѣтъ, что за прекращеніемъ рода графовъ Гильфордъ Обществу неизвѣстно въ чьемъ владѣніи находится теперь принадлежавшая графу Фредерику рукопись. Извѣстно между тѣмъ что нынѣ эта рукопись хранится въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ.

Законченный теперь трудъ русскаго переводчика исполненный съ выдающими достоинствами, о которыхъ мы говорили уже два года тому назадъ, заслуживаетъ особой признательности со стороны представителей русской науки.

„Бурный геній“.

М. Н. Розановъ. Поэтъ періода „бурныхъ стремленій“ Якобъ Ленцъ, его жизнь и произведенія. Критическое изслѣдованіе. Съ приложеніемъ неизданныхъ матеріаловъ. Москва, 1901 г.

Магистерская диссертація г. Розанова представляетъ собой солидный вкладъ въ нашу научную литературу, весьма небогатую самостоятельными трудами въ области исторіи западно-европейской культуры. Нельзя не признать весьма удачнымъ самый выборъ темы сдѣланный авторомъ, такъ какъ для насъ, Русскихъ, личность и творчество Ленца представляютъ особенный интересъ, потому что онъ родился и провелъ свое дѣтство и отрочество въ Россіи, Лифляндіи, и послѣдніе годы своей безпокойной жизни прожилъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ гдѣ онъ вошелъ въ ближайшее соприкосновеніе съ русскими литературными кругами и гдѣ онъ и умеръ въ 1792 г.

Якобъ Ленцъ является однимъ изъ главнѣйшихъ представителей эпохи „бурныхъ стремленій“ (Sturm und Drang), эпохи, еще до сихъ поръ не изученной вполнѣ въ ея цѣломъ. Впрочемъ, такое изученіе станетъ возможнымъ лишь тогда, когда будетъ обстоятельно разработанъ въ отдѣльныхъ монографіяхъ обширный историко-литературный матеріалъ относящійся къ этой эпохѣ, и когда будутъ детально изучены жизнь и творчество всѣхъ виднѣйшихъ представителей литературнаго движенія этой эпохи. Съ этой точки зрѣнія трудъ г. Розанова представитъ большую цѣнность для будущаго историка эпохи „бурныхъ стремленій“, благодаря обилію собраннаго и критически разсмотрѣннаго матеріала весьма важнаго для общей характеристики литературнаго направленія, къ которому принадлежалъ герой его монографіи.

Во введеніи къ своему труду авторъ рисуетъ въ общихъ чертахъ картину литературнаго движенія извѣстнаго подъ именемъ „бури и натиска.“ Онъ совершенно справедливо видитъ въ немъ лишь одинъ изъ эпизодовъ той литературной революціи которая около середины XVIII вѣка совершалась во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ и указываетъ въ литературной жизни Англіи и Франціи явленія аналогичныя нѣмецкому Sturm und Drang. Характеризуя это обще-европейское культурное движеніе онъ находитъ въ немъ три главныхъ элемента отличающихъ его отъ характерныхъ особенностей предшествующей эпохи; эти три элемента суть, во-первыхъ, культъ личности, затѣмъ культъ чувства и, наконецъ, культъ природы. Культъ личности сказался въ чрезвычайномъ развитіи индивидуализма, въ то время какъ культъ чувства представлявшій собой естественную реакцію противъ одностороннихъ раціоналистическихъ тенденцій предшествующей эпохи выразился въ болѣзненномъ сентиментализмѣ наложившемъ печать на цѣлое поколѣніе писателей. Что касается до любви къ природѣ, то она также является характерной чертой для всего направленія, такъ же какъ и для позднѣйшихъ романтиковъ. На почвѣ индивидуализма выросло и ученіе о свободѣ „генія“, о свободѣ художественнаго творчества ото всякихъ „правилъ“ которыми такъ злоупотребляли теоретики ложно-классицизма. Раньше чѣмъ въ другихъ странахъ литературная революція началась въ Англіи, но благодаря національному характеру Англичанъ переворотъ этотъ совершался здѣсь медленно и постепенно, безъ ожесточенной борьбы враждующихъ партій. Крупнѣйшими представителями новаго направленія въ Англіи были Ричардсонъ, Фильдингъ,試Стернъ и Юнгъ, при чемъ послѣдній выступилъ и въ качествѣ теоретика. Авторъ показываетъ въ творчествѣ названныхъ писателей присутствіе тѣхъ трехъ элементовъ: сентиментализма, индивидуализма и любви къ природѣ,

которые онъ считаетъ существенными признаками новой школы. Эти же элементы сказываются и въ творчествѣ нѣкоторыхъ французскихъ писателей: Русо, Дидро, Мерсье и др., оказавшихъ сильное вліяніе на дѣятельность представителей эпохи „бурныхъ стремленій“ въ Германіи. Но у французскихъ сторонниковъ новаго литературнаго направленія замѣчаются и соціально-политическія тенденціи которыхъ нѣтъ у англійскихъ авторовъ. Во главѣ съ Русо они ведутъ ожесточенную борьбу противъ „стараго порядка“ не только въ литературѣ, но и въ общественной жизни. Борьба эта разрѣшается, наконецъ, великою революціонною трагедіей уносящей въ могилу всю старую историческую Францію. Но менѣе удачна была для новой школы чисто литературная борьба: „старый порядокъ“ въ области литературы удержался дольше чѣмъ въ политической жизни, авторитетъ Расина и Буало оказался крѣпче и устойчивѣй историческихъ традицій французской монархіи, такъ что французскимъ романтикамъ XIX вѣка пришлось начинать сызнова борьбу противъ ложно-класическаго ига. Тѣмъ не менѣе вліяніе Русо было чрезвычайно велико и простиралось оно далеко за предѣлы Франціи. Особенно сильное вліяніе оказалъ Русо на нѣмецкую литературу эпохи „бурныхъ стремленій“, такъ что и Ленцъ во многомъ испыталъ на себѣ обаяніе его парадоксальнаго ума и его могучаго, страшнаго краснорѣчія.

Якобъ Ленцъ родился 12 января 1751 г. въ мѣстечкѣ Зесвегенѣ, Валкскаго уѣзда, Лифляндской губерніи. Отецъ его бывшій здѣсь пасторомъ возвысился впослѣдствіи до званія лифляндскаго суперъиндендента. Въ семьѣ царствовалъ строго религіозный духъ съ наклонностію къ піэтизму занесенному изъ Германіи сектой гернгутеровъ. Поэтому не удивительно что первыя стихотворенія Ленца, въ которыхъ очень рано обнаружилась поэтическая жилка, носятъ религіозный характеръ и написаны, очевидно, подъ сильнымъ вліяніемъ религіозной поэзіи Клопштока. Когда въ 1764 г. императрица Екатерина II посѣтила Дерптъ, то Ленцъ-отецъ переведенный сюда оберъ-пасторомъ держалъ передъ ней привѣтственную рѣчь, а 13-лѣтній сынъ его прочелъ небольшое стихотвореніе въ честь государыни. Впечатлѣніе произведенное „царственною женой“ на юнаго поэта было столь сильное что онъ въ теченіе всей своей жизни благоговѣлъ передъ ея именемъ, писалъ ей хвалебныя оды и посвятилъ ей свое первое печатное произведеніе. Это преклоненіе передъ Екатериной происходило, по остроумному предположенію г. Розанова, отъ того что Ленцъ видѣлъ въ ней воплощеніе того типа „сильной женщины“ (Kraftweib) который пользовался большимъ уваженіемъ среди „бурныхъ геніевъ.“ Дерптскаго университета въ прошломъ вѣкѣ еще не существовало; поэтому Ленцъ въ 1768 году отправился для завер-

шенія своего образованія въ Кэнигсбергъ гдѣ онъ согласно желанію своего отца поступилъ на богословскій факультетъ. Въ Кэнигсбергѣ онъ слушалъ лекціи знаменитаго Канта, но занятія богословіемъ мало привлекали его отчасти потому что въ университетѣ не было достаточно талантливыхъ професоровъ-теологовъ. Вмѣсто этого Ленцъ съ увлеченіемъ предавался занятіямъ литературой. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ „Ночныхъ размышленій" Юнга онъ написалъ довольно большую поэму „Die Landplagen" изданную въ 1769 г. и посвященную имъ Екатеринѣ II. Этою поэмой, нелишенною поэтическихъ достоинствъ, не смотря на свою полную несамостоятельность, молодой поэтъ вступилъ на поприще литературы.

Въ 1771 г. Ленцъ отправился въ качествѣ ментора двухъ молодыхъ лифляндскихъ дворянъ, бароновъ Клейстъ, въ Страсбургъ гдѣ въ это время жилъ и Гёте съ которымъ онъ вскорѣ познакомился и сдружился. Пребываніе въ Страсбургѣ имѣло громадное вліяніе на Ленца, такъ какъ здѣсь окончательно опредѣлились его литературные и философскіе взгляды и симпатіи, сложилось все его міросозерцаніе благодаря тѣсному общенію съ кругомъ талантливыхъ и образованныхъ людей ґрупировавшихся вокругъ литератора Зальцмана. Здѣсь же Ленцъ познакомился съ Гердеромъ и Лафатеромъ. Въ кружкѣ друзей Ленца особенно процвѣталъ культъ Шекспира котораго они противополагали французскимъ трагикамъ. Въ немъ они цѣнили его полную свободу ото всякихъ произвольныхъ „правилъ", его близость къ настоящей, неподкрашенной природѣ, его могучую индивидуальность. Особеннымъ почетомъ пользовались его историческія хроники, по образцу которыхъ Гёте создалъ своего Геца фонъ-Берлихингена. Наряду съ Шекспиромъ „бурные геніи" очень интересовались народной поэзіей, Гомеромъ и Оссіаномъ. Культъ чувства порождалъ среди нихъ болѣзненную экзальтацію отражающуюся и на письмахъ Ленца изъ этой эпохи. Культъ личности отражался на ихъ отношеніяхъ къ прежнимъ авторитетамъ, на ихъ крайнемъ субъективизмѣ и на ихъ преувеличенномъ мнѣніи о собственной геніальности. Что же касается до ихъ стремленія приблизиться къ природѣ, то оно сказывалось въ ихъ произведеніяхъ склонностію къ реализму.

Всѣ эти черты времени отразились и въ творчествѣ Ленца. Ближайшее вліяніе имѣлъ на него въ эту эпоху французскій драматургъ Мерсье которому г. Розановъ посвятилъ отдѣльную, очень интересную главу. Мерсье былъ представителемъ такъ называемой „буржуазной драмы", въ которой онъ старался соединить элементы трагическаго и комическаго. Произведенія его (*Дезертиръ*, *Наталія*, *Тачка уксусника* и др.) пользовались на сценѣ громаднымъ успѣхомъ не только во Франціи, но и за границей, многія изъ нихъ были пе-

реведены и на русскій языкъ и шли на столичныхъ театрахъ. Но Мерсье выступалъ и въ роли теоретика новаго направленія. Девизомъ его было: elargissez l'art!, а цѣлію борьбы ниспроверженіе французской класической трагедіи которую онъ упрекалъ въ подражательности, неестественности и аристократичности. Его взгляды на искусство, по замѣчанію г. Розанова, нѣсколько напоминаютъ взгляды графа Л. Толстаго: онъ также настаивалъ на соціальномъ значеніи искусства и считалъ его конечной цѣлію сближеніе между людьми на почвѣ взаимной любви и симпатіи; поэтому задачей автора, по мнѣнію Мерсье, было „заражать" читателей и зрителей добрыми чувствами, внушать имъ стремленіе къ нравственному совершенствованію. Но не смотря на эту моральную задачу искусства художникъ въ своемъ творчествѣ долженъ быть совершенно свободенъ. Идеалъ этой свободы Мерсье видѣлъ въ Шекспирѣ привлекавшемъ его также и своимъ реализмомъ. Въ 1773 году Мерсье издалъ сочиненіе: „Nouvel essai sur l'art dramatique", въ которомъ онъ изложилъ свои теоретическіе взгляды на искусство. Сочиненіе это въ томъ же году было переведено на нѣмецкій языкъ однимъ изъ членовъ кружка „бурныхъ геніевъ", Леопольдомъ Вагнеромъ, а Гёте снабдилъ переводъ своимъ предисловіемъ. Въ слѣдующемъ году и Ленцъ выпустилъ брошюру: „Замѣтки о театрѣ", написанную подъ сильнымъ вліяніемъ Мерсье. Здѣсь Ленцъ выступаетъ критикомъ аристотелевской теоріи драмы и французскаго ложно-класическаго театра. Нѣкоторыя изъ высказанныхъ имъ замѣчаній чрезвычайно мѣтки и остроумны: противополагая греческую трагедію новой онъ видитъ коренное ихъ различіе въ томъ что первая изъ нихъ была трагедіей *фабулы*, между тѣмъ какъ новая является трагедіей *характеровъ*; различіе это зависитъ, по его мнѣнію, отъ того что античная трагедія носила, согласно своему происхожденію, религіозный отпечатокъ и была основана на идеѣ рока (fatum), между тѣмъ какъ новая драма отличается совершенно свѣтскимъ характеромъ и основана на признаніи за дѣйствующими лицами свободы воли. Источникомъ всякой поэзіи, по мнѣнію Ленца, является природа: поэтому поэтъ долженъ только заботиться о томъ чтобы быть вѣрнымъ дѣйствительности, а не руководствоваться въ своемъ творчествѣ какими-либо отвлеченными правилами. „Геній самъ создаетъ правила", говоритъ Ленцъ. Такимъ самобытнымъ геніемъ былъ, напримѣръ, Шекспиръ: его драмы суть настоящія „созданія природы". Особенно привлекаетъ Ленца въ произведеніи англійскаго драматурга совмѣщеніе трагическаго съ комическимъ; такое совмѣщеніе Ленцъ считаетъ необходимымъ условіемъ настоящей драмы и въ своихъ собственныхъ произведеніяхъ старается, хотя не всегда достаточно удачно, осуществить на дѣлѣ свою теорію.

Брошюра Ленца была встрѣчена чрезвычайно сочувственно въ кругу его единомышленниковъ. Она положила основанiе литературной извѣстности автора, такъ какъ на нее обратили вниманiе и враги новаго направленiя, увидѣвшiе въ ней настоящiй манифестъ „бурныхъ генiевъ". Въ 1774 году Ленцъ выступилъ въ качествѣ самостоятельнаго драматурга издавъ въ свѣтъ двѣ пiесы: „Гофмейстеръ" и „Новый Меноза". Первая изъ нихъ отличается несомнѣнно крупными художественными достоинствами. Центральнымъ лицомъ является „гофмейстеръ", то-есть, домашнiй учитель живущiй въ качествѣ воспитателя въ зажиточной дворянской семьѣ Восточной Пруссiи. Съ большимъ реализмомъ изображена Ленцемъ соцiальная среда въ которой происходитъ дѣйствiе: г. Розановъ сравниваетъ въ этомъ отношенiи пiесу Ленца съ комедiями Фонвизина, причемъ указываетъ на значительное сходство русской помѣщичьей жизни XVIII вѣка съ бытомъ прусскаго дворянства той же эпохи. Такъ, напримѣръ, хозяинъ помѣстья, старый майоръ, въ пiесѣ Ленца очень напоминаетъ фонвизинскаго „Бригадира", жена его, „Frau Majorin", модница и жеманница бредящая Парижемъ и пересыпающая свою рѣчь французскими фразами, могла бы послужить и русскому сатирику достойной моделью для его „совѣтницы", а сынъ ихъ Леопольдъ мало въ чемъ уступитъ нашему Митрофанушкѣ. Весьма реально изображена и жизнь нѣмецкаго студенчества. Несмотря на недостатки композицiи, уже эта первая драма Ленца обнаружила въ немъ крупный драматическiй талантъ, а нѣкоторыя сцены ея производятъ даже при чтенiи чрезвычайно сильное впечатлѣнiе.

Менѣе удачна вторая пiеса Ленца: „Новый Меноза", въ которой авторъ далъ полную волю своей фантазiи. Въ центрѣ дѣйствiя стоитъ принцъ какой-то фантастической страны; мѣсто дѣйствiя постоянно мѣняется: этимъ Ленцъ хотѣлъ протестовать противъ класическаго ученiя о трехъ единствахъ; нѣкоторыя сцены состоятъ всего изъ нѣсколькихъ словъ, что̀ дѣлаетъ постановку пiесы почти невозможной. Характеры большинства выведенныхъ лицъ отличаются неестественностiю и ходульностiю: таковъ, напримѣръ, характеръ донны Дiаны, въ лицѣ которой Ленцъ хотѣлъ изобразить женщину съ сильными, необузданными страстями. Но всетаки пiеса Ленца не лишена нѣкоторыхъ достоинствъ. Преслѣдуя въ ней отчасти сатирическiя цѣли, Ленцъ вывелъ въ ней нѣсколько живыхъ типовъ выхваченныхъ изъ современной нѣмецкой дѣйствительности: таковъ, напримѣръ, бакалавръ Цирау, представитель партiи „просвѣтителей", во главѣ которой стоялъ Виландъ, глубоко ненавистный для сторонниковъ новой школы; съ нимъ рядомъ стоитъ магистръ Безо, въ качествѣ представителя пiэтизма также весьма распространеннаго въ Германiи.

Пребываніе въ Страсбургѣ было весьма важною эпохой и въ личной жизни Ленца. Чрезвычайно влюбчивый отъ природы онъ пережилъ здѣсь цѣлый рядъ болѣе или менѣе печальныхъ романовъ, оставившихъ слѣды въ его литературныхъ произведеніяхъ. Первымъ предметомъ его любви была извѣстная Фридерика Бріонъ, дочь пастора въ Зессенхеймъ, въ которую нѣкогда былъ влюбленъ и Гёте. Отъ этой романтической исторіи дошелъ до насъ, въ качествѣ поэтическаго свидѣтельства, такъ называемый „Зессенхеймскій пѣсенникъ", въ составъ котораго вошли стихотворенія Гёте и Ленца посвященныя Фридерикѣ. Такъ какъ стихотворенія не подписаны, то критика долго спорила относительно принадлежности того или другаго изъ нихъ обоимъ поэтамъ. Г. Розановъ на основаніи нѣкоторыхъ признаковъ приписываетъ Ленцу только четыре изъ числа одиннадцати стихотвореній вошедшихъ въ составъ пѣсенника: остальныя же онъ относитъ къ Гёте. Другимъ предметомъ страсти Ленца была красавица Клеофа Фибихъ, невѣста старшаго изъ братьевъ Клейстъ. Эта любовь отразилась въ его „Дневникѣ" представляющемъ собой набросокъ неоконченнаго литературнаго произведенія, основаннаго на личныхъ переживаніяхъ. Наконецъ въ концѣ своего пребыванія въ Страсбургѣ онъ познакомился съ талантливою и образованною баронесой Вальднеръ. Всѣ эти романы оканчивались для Ленца полной неудачей. Но зато всѣ они находили отзвукъ въ его поэзіи, такъ какъ Ленцъ принадлежалъ къ числу наиболѣе субъективныхъ писателей и все лично пережитое вносилъ въ свое творчество. Такимъ образомъ произведенія его являются лучшимъ коментаріемъ для его біографіи. Впрочемъ, этотъ субъективизмъ былъ вполнѣ въ духѣ эпохи, такъ какъ и другіе современники Ленца не стѣснялись всенародно раскрывать свою интимную жизнь, приносить чистосердечную исповѣдь въ своихъ дѣлахъ и помышленіяхъ, иногда даже не принимая въ разчетъ насколько такая откровенность удобна и пріятна для заинтересованныхъ лицъ: стоитъ вспомнить, напримѣръ, Гёте изобразившаго въ „Вертерѣ" свою страсть къ невѣстѣ своего друга Кестнера.

Между тѣмъ родители Ленца крайне недовольные литературными занятіями сына и принятымъ имъ направленіемъ требовали его возвращенія на родину. Такимъ образомъ обнаруживался въ жизни Ленца тяжелый семейный разладъ. Къ тому же онъ поссорился съ братьями Клейстъ и лишился такимъ образомъ всякой матеріальной поддержки. Но литературная его слава стояла въ эту эпоху чрезвычайно высоко. Онъ былъ однимъ изъ застрѣльщиковъ новаго направленія которому онъ отдался со всѣмъ пыломъ своей увлекающейся натуры. Г. Розановъ называетъ его „бурнымъ геніемъ par

excellence". И дѣйствительно, быть-можетъ, никто изъ современниковъ и друзей Ленца не отдавался такъ беззавѣтно новому теченію какъ онъ. Во имя новыхъ идей литературной реформы онъ велъ ожесточенную борьбу противъ старыхъ авторитетовъ вызывая и съ ихъ стороны постоянныя нападки. Главнымъ объектомъ своей полемики Ленцъ избралъ Виланда котораго онъ не безъ основанія считалъ самымъ талантливымъ и вліятельнымъ представителемъ партіи „просвѣтителей" пересаживавшей на нѣмецкую почву идеи и вкусы французской школы XVII—XVIII вѣковъ. Гёте написалъ противъ Виланда шутливую сатиру: „Боги, герои и Виландъ". Ленцъ тотчасъ присоединился къ своему другу и въ цѣломъ рядѣ сатирическихъ произведеній обрушился на Виланда: „Меналкъ и Мопсъ", „Облака", и наконецъ „Pandaemonium Germanicum". Въ послѣднемъ изъ названныхъ произведеній, на ряду съ Виландомъ, подвергаются осмѣянію и другіе сторонники и авторитеты старой школы: Геллертъ, Вейссе, Якоби и др. Имъ противопоставляются Клопштокъ, Лессингъ, сами „бурные геніи" съ Гёте во главѣ. Эта сатира Ленца, помимо своего историческаго интереса, до сихъ поръ сохраняетъ и свое художественное значеніе и является, по мнѣнію г. Розанова, однимъ изъ самыхъ важныхъ вкладовъ Ленца въ нѣмецкую литературу.

Но Ленцъ увлеченный полемикой не оставлялъ и своей драматической дѣятельности. Къ концу его пребыванія въ Страсбургѣ относятся его драмы „Солдаты" и „Два странника". Первая изъ нихъ написана подъ сильнымъ вліяніемъ Мерсье и поэтому носитъ на себѣ яркую политическую окраску. Цѣлію Ленца было показать тѣ печальныя послѣдствія которыя вноситъ царствующая въ военной средѣ легкость нравовъ въ жизнь мирной буржуазіи. Единственнымъ выходомъ изъ этого положенія Ленцъ считаетъ учрежденіе особаго института „солдатскихъ женъ" (Pflanzschule von Soldatenweiber) и влагаетъ проектъ этого своеобразнаго учрежденія въ уста... старой графини. Нѣсколько позднѣе самъ Ленцъ обращался съ этимъ проектомъ, которымъ онъ, повидимому, серіозно дорожилъ, къ веймарскому герцогу, хотя и безуспѣшно. Что касается до второй піесы Ленца, то она представляетъ особенный интересъ, потому что въ основу ея положенъ тотъ же самый сюжетъ который обезсмертилъ Шиллеръ въ своихъ „Разбойникахъ".

Пребываніе въ Страсбургѣ было наиболѣе счастливою и плодотворною эпохой въ жизни Ленца. За это время написаны имъ лучшія его произведенія создавшія ему репутацію крупнаго таланта. Имя его поминалось современниками на ряду съ именемъ Гёте. Но Ленцу не суждено было долго удержаться на высотѣ. Послѣ отъѣзда

изъ Страсбурга наступаетъ для него эпоха постепеннаго упадка. Весной 1776 года онъ пріѣзжаетъ въ Веймаръ гдѣ Гёте уже успѣлъ прочно основаться. Но Ленцъ не сумѣлъ сообразовать своего поведенія съ новыми условіями жизни при дворѣ, не желая и въ придворной средѣ оставить свои замашки „бурнаго генія". Не смотря на царствовавшую въ Веймарѣ непринужденность онъ почувствовалъ себя не въ своей сферѣ и поссорившись съ Гёте принужденъ былъ въ декабрѣ того же года уѣхать изъ Веймара. Плодомъ его пребыванія въ этомъ городѣ остался неоконченный романъ „Отшельникъ" имѣющій автобіографическое значеніе, такъ какъ въ немъ Ленцъ вывелъ самого себя подъ именемъ Герца, а подъ именемъ Роте онъ изобразилъ въ довольно непривлекательныхъ чертахъ Гёте рисуя его въ качествѣ откровеннаго эпикурейца и искуснаго пловца по человѣческому морю, умѣющаго всегда сообразовать свое поведеніе съ обстоятельствами.

Съ отъѣздомъ изъ Веймара наступаетъ для Ленца пора бездомнаго скитанія. Онъ разъѣзжаетъ по Германіи, посѣщаетъ Швейцарію, собирается сопровождать въ качествѣ компаніона одного нѣмецкаго барона въ Италію. Житейскія неудачи, ссора съ друзьями тяжело отзываются на его внутреннемъ состояніи. Онъ мучительно страдаетъ отъ душевнаго раздвоенія и жизненнаго разочарованія, и страданія эти находятъ себѣ откликъ въ его лирикѣ. Стихотворенія его дышатъ искренностію и глубиною чувства; Ленцъ, по замѣчанію г. Розанова, былъ природнымъ лирикомъ; сфера субъективныхъ чувствъ, личной душевной жизни, была истинной областію его таланта; поэтому всѣ его произведенія полны лирическихъ изліяній, такъ что даже за фигурами его драмы видится собственный его духовный обликъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторыхъ изъ его стихотвореній явственно звучитъ мистическая нотка.

Постоянныя страданія и внутренній разладъ привели, наконецъ, къ тому что Ленцъ подвергся душевной болѣзни, отъ которой съ трудомъ оправился. Окончательно разбитый духовно и физически онъ съ помощью своихъ прежнихъ друзей отправился на родину, въ Лифляндію, куда и прибылъ въ 1779 г. послѣ одиннадцатилѣтняго отсутствія. Но и здѣсь его ждали однѣ неудачи и разочарованія. Семья смотрѣла на него какъ на блуднаго сына, изъ котораго никогда не выйдетъ прока. Всѣ его старанія поступить на службу не удались, и ему пришлось довольствоваться разными случайными занятіями. Изъ Лифляндіи онъ отправился въ Петербургъ, но и здѣсь ничего не могъ достигнуть. Наконецъ въ 1781 г. Ленцъ пріѣзжаетъ въ Москву и поселяется здѣсь. Благодаря рекомендаціи историка Миллера онъ получаетъ уроки въ частныхъ домахъ и въ пансіонѣ

при воспитательномъ домѣ. Однако, повидимому, онъ нигдѣ не успѣлъ прочно основаться, благодаря своей неустойчивой и неуравновѣшанной натурѣ. Въ Москвѣ Ленцъ вошелъ въ сношенie съ русскими литературными кругами и живо заинтересовался Россiей. Онъ даже задумалъ написать драму изъ русской исторiи, изъ эпохи Смутнаго Времени, одинъ отрывокъ которой дошелъ и до насъ. Кромѣ того, онъ задумалъ цѣлый рядъ переводовъ сочиненiй о Россiи для того чтобы познакомить съ нею иностранцевъ. Имъ написано также нѣсколько проектовъ о воспитанiи русскаго юношества и нѣсколько статей о русской литературѣ, напримѣръ, о *Россiадѣ* Хераскова.

Изъ московскихъ литераторовъ Ленцъ особенно сблизился съ молодымъ Карамзинымъ который, быть-можетъ, черезъ него ознакомился съ новыми литературными теченiями въ Германiи. Такимъ образомъ Ленцъ, по замѣчанiю г. Розанова, внесъ нѣкоторую лепту въ образованiе литературныхъ симпатiй Карамзина. Авторъ пытается даже найти слѣды этихъ влiянiй въ первыхъ критическихъ статьяхъ и стихотворенiяхъ будущаго историографа. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ на то что Ленцъ могъ быть полезенъ Карамзину и тѣмъ что своими разказами знакомилъ его съ Германiей куда послѣднiй собирался ѣхать: по крайней мѣрѣ, самъ Карамзинъ неоднократно вспоминаетъ Ленца въ своихъ „Письмахъ русскаго путешественника“.

Но жизненныя условiя продолжали быть крайне неблагопрiятными. Внутреннiя и внѣшнiя страданiя преслѣдовали несчастнаго неудачника, пока на помощь ему не пришла избавительница, смерть. Въ ночь на 24 мая 1792 г. Ленцъ былъ найденъ мертвымъ на одной изъ московскихъ улицъ. Онъ былъ похороненъ на средства какого-то добраго человѣка, но мѣсто его успокоенiя осталось неизвѣстнымъ. Такъ печально окончилъ свою жизнь одинъ изъ „бурныхъ генiевъ“, имя котораго нѣкогда поминалось на ряду съ именемъ великаго Гёте.

Желтая опасность.

Желтая Россiя. Докладъ И. Левитова.

Съ дѣтства, со школьной скамьи привыкли мы думать что наше отечество состоитъ изъ трехъ крупныхъ частей: Великороссiи, Малороссiи и Бѣлоруссiи. Что же это такое Желтороссiя, о которой чуть ли ни на каждой страницѣ упоминается въ докладѣ г. Левитова? Желтороссiя это нашъ Прiамурскiй край, съ каждымъ годомъ все болѣе заливаемый потокомъ людей желтой рассы, кото-

рыхъ высылаютъ къ намъ сопредѣльныя страны Азіятскаго Востока. Этотъ притокъ весьма значительный уже и въ настоящее время грозитъ въ недалекомъ будущемъ окончательно затопить Пріамурье. До сихъ поръ мы видѣли въ этомъ величайшее зло для нашего Дальняго Востока, но г. Левитовъ смотритъ на дѣло иначе. По его мнѣнію, Китайцы приносятъ несомнѣнную пользу краю.

Я знаю, напримѣръ, говоритъ онъ, что въ деревняхъ Усурійскаго края, въ Цимухинской волости, въ деревнѣ Шкотовой и въ другихъ, когда у крестьянъ засоряются поля и когда они плохо начинаютъ родить, крестьяне отдаютъ эти земли Китайцамъ въ аренду на годъ или два съ обязательствомъ сѣять бобовыя растенія и получаютъ такимъ образомъ черезъ два года поля свои очищенными отъ сорныхъ травъ.

Когда въ 1897 году къ деревнѣ Гордѣевкѣ было прирѣзано селеніе Шкляево гдѣ Китайцы занимались земледѣліемъ давно, то Гордѣевцы на общемъ сходѣ рѣшили что выдворять оттуда Китайцевъ, какъ того желала администрація, не слѣдуетъ. Они нашли болѣе выгоднымъ оставить Китайцевъ на своихъ мѣстахъ, раздѣливъ только между собою всѣмъ обществомъ китайскія земли, и взимать съ Китайцевъ арендную плату за пользованіе землей. Крестьяне обложили ихъ оброкомъ въ 14 пудовъ пшеницы съ каждой десятины.

Все это факты которыхъ никто оспаривать не думаетъ. Пойдемъ даже дальше и скажемъ что крестьяне очень охотно отдаютъ свои земли въ аренду Китайцамъ не въ отдѣльныхъ селеніяхъ, а въ цѣлыхъ районахъ. Что такая аренда выгодна для крестьянъ, тоже никто спорить не будетъ. Но выгодна ли она для края?

И на этотъ вопросъ г. Левитовъ даетъ утвердительный отвѣтъ. Если Китаецъ охотно предлагаетъ свою работу и платитъ за одну аренду земли половину всего урожая, то этимъ они вреда странѣ не приносятъ. Вредъ можетъ заключаться только въ томъ что въ Усурійскомъ краѣ и Приморской области *образуется цѣлая масса мелкихъ помѣщиковъ вмѣсто прежнихъ крестьянъ*. Отчаиваться помоему вовсе не слѣдуетъ, такъ какъ Китайцы не являются собственниками земли. Собственники, вѣдь, это русскіе крестьяне.

Для заселенія Пріамурья правительство несло и продолжаетъ нести громадныя жертвы. Крестьяне переселяемые въ край освобождаются отъ воинской повинности, освобождаются отъ податей государственныхъ и повинностей земскихъ, имъ выдаются крупныя ссуды на домообзаводство, имъ оказываются десятки всевозможныхъ другихъ льготъ. Во имя чего же дѣлается все это? Чтобы создать помѣщиковъ-крестьянъ? Но вѣдь въ эпохи самыхъ усиленныхъ дворянскихъ вѣяній у насъ для настоящихъ помѣщиковъ не дѣлалось ничего подобнаго. Не лучше ли было бы правительству отдавать

землю въ аренду прямо Китайцамъ изъ половины урожая? Вѣдь тогда продовольствіе войскъ въ Пріамурскомъ краѣ не стоило бы намъ ни гроша. Почему же этого не дѣлаетъ правительство? Почему оно, напротивъ, старается выдворить этихъ „полезныхъ тружениковъ“ изъ края?

Политика эта, конечно, не случайная, а имѣющая въ своей основѣ глубокій смыслъ. Китаецъ чуждъ намъ по своимъ вѣрованіямъ, по своему языку, по своимъ взглядамъ, понятіямъ и привычкамъ, онъ никогда не сольется съ нами, онъ будетъ вѣчно враждебенъ намъ, онъ готовъ оказать содѣйствіе своему соплеменнику-хунхузу, онъ опасенъ для насъ, какъ показалъ опытъ минувшаго года, во время внѣшнихъ затрудненій. Въ довершеніе всего Китайцы обладаютъ строго-кагальной организаціей о которой самъ г. Левитовъ говоритъ что китайскія общины въ Усурійскомъ краѣ являются тѣсно сплоченными. „Старшина вѣдающій общественныя дѣла имѣетъ право наказывать до смертной казни включительно (это въ Россіи-то гдѣ смертная казнь давно отмѣнена!). Всѣ фанзовладѣльцы собираются разъ въ три года, когда и обсуждаютъ всѣ общественныя дѣла, устанавливаются цѣны на продукты, это своего рода биржа, постановленія которой, однако, свято исполняются всѣмъ обществомъ“. Это ли еще не государство въ государствѣ?

Китаецъ являются безсемейнымъ въ Пріамурскій край, а потому и вноситъ развратъ въ него, онъ заражаетъ населеніе привычками къ азартнымъ играмъ, къ куренію опіума и т. д. Даже въ экономическомъ отношеніи онъ вреденъ, а не полезенъ для края. Правда, онъ даетъ крестьянину 14 пудовъ пшеницы съ десятины въ видѣ оброчной платы, но онъ отучаетъ этимъ крестьянина отъ труда и пріучаетъ его жать тамъ гдѣ онъ не сѣялъ. Выгодно ли это для насъ? Полагаемъ что нѣтъ.

Далѣе г. Левитовъ указываетъ на то что Китайцы приносятъ къ намъ свой дешевый трудъ отъ котораго благоденствуетъ край. Такъ ли это? Дешевизна китайскаго труда мѣшаетъ Русскимъ соперничать съ нимъ, а новоселы не успѣвшіе еще устроиться прочно своимъ хозяйствомъ очень нуждаются въ подспорныхъ заработкахъ.

Еще хуже обстоитъ дѣло въ области промышленной дѣятельности. Вотъ что̀ говоритъ по этому поводу г. Левитовъ:

Въ 1890—91 году въ Хабаровскѣ было всего двѣ русскихъ кузницы. При мнѣ въ 1900 году было уже ихъ 13 и 8 китайскихъ кузницъ. Всѣ хозяева русскихъ кузницъ пользовались исключительно рабочими Китайцами какъ молотобойцами, такъ и кузнецами... Удалите всѣхъ Китайцевъ изъ Хабаровска, и тогда кузнечныя работы немыслимы тамъ.

А мыслимо ли русскимъ рабочимъ соперничать съ китайскими? У насъ каждый годъ остается въ Пріамурскомъ краѣ толпа запасныхъ воинскихъ чиновъ, людей безусловно необходимыхъ для окраины, а эти люди благодаря соперничеству Китайцевъ зачастую не находятъ себѣ работы. А что̀ будетъ тогда, когда закончится сооруженіе Восточно-Китайской желѣзной дороги и толпы русскихъ людей устремятся на Дальній Востокъ? Думается что ничего хорошаго.

Для рѣшенія желтаго вопроса г. Левитовъ предлагаетъ довольно оригинальный способъ: безпрепятственно впускать Китайцевъ въ Пріамурье вплоть до Байкала, но зато на Байкалѣ устроить строжайшую регистрацію, такъ же какъ и Французы устроили ее въ Сайгонѣ.

Выгоды отъ этого, по мнѣнію г. Левитова, произойдутъ крупныя: Часть расходовъ которые тратятся теперь зря по границамъ Манчжуріи понадобятся для того чтобы устроить на Байкалѣ самую строгую регистрацію съ антропологическими измѣреніями, какую устроили Французы въ Сайгонѣ. Амуръ и Усурійскій край превратятся въ русскую Индію. Богъ намъ далъ египетскихъ рабовъ которые такъ охотно предлагаютъ намъ свои услуги, такъ почему же намъ не воспользоваться ими. Я не вижу ни малѣйшей опасности отъ Китайцевъ, при условіи если только ни одинъ Китаецъ не будетъ пропущенъ черезъ Байкалъ.

Кажется, большаго сумбура и большей путаницы нельзя себѣ и представить. Если ни одинъ Китаецъ не будетъ пропускаться черезъ Байкалъ, то кого же регистровать? Кого же подвергать антропологическимъ измѣреніямъ? Это такъ и остается тайной. Но дѣло не въ этой тайнѣ, а въ томъ для чего нужна намъ *русская Индія?* Чтобы дрожать каждую минуту за потерю ея какъ дрожатъ Англичане? Чтобы содержать въ ней полумиліонную армію? Чтобы достигнуть разрушенія всего того, что̀ со страшнымъ трудомъ и великими жертвами сдѣлано въ Пріамурьѣ въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ?

А какъ выгодно это на случай политическихъ осложненій на Дальнемъ Востокѣ, конечно, не для насъ, а для нашихъ противниковъ. Горсть Китайцевъ въ Пріамурьѣ надѣлала намъ въ прошломъ году страшныхъ хлопотъ, а сколько хлопотъ надѣлаютъ Китайцы когда численность ихъ дойдетъ до сотенъ тысячъ и, можетъ-быть, превыситъ и миліонъ!

Г. Левитовъ, повидимому, совсѣмъ не понимаетъ что онъ рекомендуетъ возвращеніе къ пресловутому Нерчинскому трактату.

И это послѣ побѣдоноснаго занятія нашими войсками Манчжуріи!

Сберегательныя кассы.

Отчетъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ за 1899 годъ. С-Петербургъ.

Отчетъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ за 1899 годъ производитъ положительно отрадное впечатлѣніе. Число кассъ увеличивается изъ года въ годъ съ замѣтною быстротой. Еще въ 1895 году ихъ было только 3.876, а въ послѣдующее пятилѣтіе число ихъ увеличилось до 4.781. Вмѣстѣ съ тѣмъ шло и увеличеніе количества вкладчиковъ въ сберегательныхъ кассахъ. Общее число ихъ къ 1 января 1900 года достигло довольно внушительной цифры въ 3.145.100 человѣкъ. Такимъ образомъ одна книжка сберегательной кассы въ среднемъ приходилась на 42 жителя. Но по различнымъ районамъ цифра эта подвергалась весьма значительнымъ колебаніямъ. Такъ въ районѣ С.-Петербургскомъ одна книжка приходилась на 13 жителей, въ Прибалтійскомъ краѣ и въ центрально - промышленной области на 19 человѣкъ, а въ Средней Азіи на 189 жителей.

Вообще можно принять за общее правило что въ мѣстностяхъ гдѣ преобладаетъ фабрично-заводская промышленность сберегательныя кассы насчитываютъ гораздо большее количество кліентовъ чѣмъ мѣстности чисто земледѣльческія. Въ благодатной Малороссіи, напримѣръ, одна книжка сберегательной кассы приходится уже только на 57 человѣкъ. Это явленіе, впрочемъ, совершенно понятно: для крестьянина гораздо выгоднѣе купить или арендовать лишній кусокъ земли, пріобрѣсти лишнюю лошадь или корову чѣмъ класть деньги въ кассу: вѣдь всякое улучшеніе хозяйства дастъ несравненно бóльшій доходъ чѣмъ тотъ процентъ (3,6) который платитъ касса.

Этотъ фактъ чрезвычайно важенъ въ томъ отношеніи что онъ показываетъ что дѣятельность сберегательныхъ кассъ не можетъ до безконечности разрастаться въ ширь, что наступитъ время когда придется вести ее въ глубь. Хотя, конечно, пройдетъ еще нѣсколько времени пока и простое увеличеніе числа сберегательныхъ кассъ будетъ неизбѣжно сопровождаться увеличеніемъ количества вкладчиковъ и вкладовъ. Это понятно въ настоящее время: одна сберегательная касса обслуживаетъ районъ въ 4.033 квадратныхъ версты съ населеніемъ въ $27^1/_2$ тысячъ человѣкъ.

Сумма принадлежащихъ вкладчикамъ денежныхъ вкладовъ и процентныхъ бумагъ къ началу 1900 года составляла 679,9 миліоновъ рублей, что̀ въ среднемъ на одного вкладчика составляло 216 р. или 5 р. 16 к. на одну душу населенія.

Вотъ въ общихъ чертахъ цифровые результаты дѣятельности

сберегательныхъ кассъ за 1900 годъ и результаты, повторяемъ, весьма отрадные. Главная заслуга сберегательныхъ кассъ состоитъ въ томъ что онѣ воспитываютъ въ народѣ чувство бережливости, пріучаютъ его надѣяться на собственныя силы, а не искать помощи при первой жизненной неудачѣ въ общественной или частной благотворительности.

Само собою понятно что чѣмъ раньше начнетъ откладывать человѣкъ свои сбереженія, тѣмъ прочнѣе укрѣпятся въ немъ эти чувства. Это давно понято въ Западной Европѣ гдѣ школьныя сберегательныя кассы получили широкое распространеніе. У насъ, къ сожалѣнію, такихъ кассъ еще нѣтъ, хотя о необходимости ихъ и говорятъ довольно много. Впрочемъ, въ отчетѣ есть глава носящая названіе *вклады малолѣтнихъ вкадчиковъ*, изъ которой мы узнаемъ что на долю ихъ приходится 336 т. сберегательныхъ книжекъ, по которымъ внесено до 54 миліоновъ рублей. Но въ данномъ случаѣ управленіе сберегательныхъ кассъ просто отступаетъ отъ общепринятой терминологіи, называя несовершеннолѣтнихъ малолѣтними. Видѣть это можно уже изъ того что въ этой группѣ вкладчиковъ показаны „малолѣтніе“ состоящіе на гражданской и даже на военной службѣ. На первую, какъ извѣстно, не принимаются люди ранѣе достиженія 16-лѣтняго возраста, а на военную службу даже въ качествѣ вольноопредѣляющагося нельзя поступить ранѣе 17 лѣтъ. Какіе же это малолѣтніе? Очевидно, участіе такихъ малолѣтнихъ въ общихъ сберегательныхъ кассахъ нисколько не устраняетъ надобности въ кассахъ школьныхъ, и вопросъ объ ихъ устройствѣ давно уже слѣдовало бы поставить на ближайшую очередь.

Нисколько не умаляя воспитательнаго значенія сберегательныхъ кассъ для населенія, нельзя не признать въ то же время что ближайшая задача этихъ кассъ состоитъ въ томъ чтобы обезпечить вкладчиковъ отъ различныхъ случайностей неизбѣжныхъ въ жизни и притомъ не благотворительною помощію извнѣ, а ихъ же собственными взносами. Если извѣстное лицо состоитъ вкладчикомъ кассы болѣе или менѣе продолжительное время, то ему до извѣстной степени удается достигнуть намѣченной цѣли обезпечить свою семью. Но вѣдь смерть, увѣчье, неизлечимая болѣзнь могутъ постигнуть человѣка и раньше чѣмъ по его вкладу накопится сумма сколько-нибудь обезпечивающая его семью во время неожиданнаго бѣдствія. Развѣ сберегательныя кассы не могли бы быть полезными и въ такихъ случаяхъ избавляя людей отъ необходимости обращаться къ общественной и частной благотворительности?

Думаемъ что эта задача легко могла бы быть осуществлена введеніемъ въ кругъ дѣятельности сберегательныхъ кассъ простѣйшихъ

операцій по страхованію жизни. Тогда бы уже первый взносъ въ кассу въ опредѣленномъ размѣрѣ ставилъ человѣка въ болѣе обезпеченное положеніе. Можетъ-быть, въ нѣкоторыхъ кассахъ, напримѣръ, почтово-телеграфныхъ, при ограниченномъ количествѣ служащихъ введеніе такихъ операцій и представится затруднительнымъ, но въ другихъ кассахъ его нужно признать вполнѣ возможнымъ. Для этого нужны деньги. Правда. Но вѣдь онѣ и есть: по даннымъ отчета, чистая прибыль сберегательныхъ кассъ за 1899 годъ достигла 2.816.435 рублей, а запасный капиталъ ихъ уже превысилъ 21 миліонъ рублей! Съ этими деньгами можно взяться и за страховыя операціи.

Наконецъ, вовсе не нужно изъ этихъ операцій создавать какой-то новой казенной монополіи, на ряду со сберегательными кассами можетъ продолжать свою дѣятельность и нашъ страховой синдикатъ. Желательно было бы только чтобы мелкія страхованія сосредоточились въ сберегательныхъ кассахъ какъ учрежденіяхъ болѣе прочныхъ и дающихъ большее обезпеченіе страхователямъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще одну не совсѣмъ понятную странность въ дѣятельности нашихъ сберегательныхъ кассъ.

Въ этихъ кассахъ допускаются не только денежные вклады, но и вклады процентными бумагами которыя пріобрѣтаются за счетъ вкладчиковъ сберегательными кассами и ими же хранятся. Какія самыя любимыя бумаги у насъ? На этотъ вопросъ смѣло можно отвѣтить: выигрышные билеты пріобрѣтаемые обыкновенно съ разсрочкой платежа на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Этою одною операціей существуютъ очень многія банкирскія конторы практикующія всевозможныя злоупотребленія до продажи одного и того же билета десятку различныхъ лицъ включительно. Въ повременной печати не разъ уже являлись слухи что сберегательныя кассы намѣреваются заняться этой операціей какъ и страхованіемъ выигрышныхъ билетовъ. Къ сожалѣнію, эти слухи не подтвердились и до сихъ поръ. А вѣдь отъ этого и публика и сберегательныя кассы остались бы только въ выигрышѣ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, въ пріобрѣтеніи выигрышныхъ билетовъ видѣть какую-то страсть къ легкой наживѣ. Гдѣ, когда и кто слышалъ чтобы человѣкъ пріобрѣвшій такой билетъ складывалъ руки, бросалъ свои обычныя занятія и жилъ только одною надеждой на выигрышъ? Въ данномъ случаѣ мы уже черезчуръ щепетильны, а вмѣстѣ съ тѣмъ закрываемъ глаза на дѣйствительную страсть къ азартной игрѣ и легкой наживѣ которую развиваютъ въ насъ тотализаторы. Не фарисейство ли это?

Земельный кредитъ.

Комитетъ съѣздовъ представителей учрежденій русскаго земельнаго кредита. Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи. 1901 г. Выпускъ I. Подъ редакціей члена-производителя дѣлъ Комитета А. К. Голубева. Цѣна 1 р. С.-Петербургъ. 1901.

Грустную картину земельной задолженности раскрываетъ передъ нами разсматриваемый трудъ г. Голубева. Къ 1 января 1887 года государственными, частными и акціонерными кредитными учрежденіями ссудъ подъ земли было выдано на 573.901.532 рубля, а къ 1 января текущаго года эта цифра повысилась уже до 1.550.668.046 р., говоря проще въ теченіе 14 лѣтъ она почти утроилась.

Сама по себѣ земельная задолженность еще не составляетъ абсолютнаго зла, такъ какъ полученныя ссуды могутъ пойти на самыя разнообразныя надобности: на земельныя улучшенія и на удовлетвореніе текущихъ потребностей владѣльцевъ земли. Въ первомъ случаѣ ссуда не представляетъ ничего страшнаго, такъ какъ она ведетъ къ повышенію доходности, а слѣдоватольно, и къ увеличенію цѣнности земли; во второмъ она является положительнымъ бѣдствіемъ. На какія же надобности идутъ у насъ получаемыя ссуды подъ земли?

На этотъ вопросъ въ трудѣ г. Голубева отвѣта мы не найдемъ. Но не нужно особой проницательности чтобы найти искомое рѣшеніе. Еслибы миліардъ рублей полученный въ ссуду подъ земли съ 1887 по 1901 годъ пошелъ на сельскохозяйственныя улучшенія, то наше земледѣліе поднялось бы на недосягаемую высоту, а въ дѣйствительности мы видимъ что всѣ улучшенія въ этой области происходятъ крайне медленно. Нельзя допустить этого предположенія и по другимъ соображеніямъ: еслибы земельныя ссуды пошли на сельскохозяйственныя улучшенія, то доходность земель значительно возрасла бы, первымъ послѣдствіемъ чего была бы большая исправность платежей по залоговымъ обязательствамъ, чего однако мы также не видимъ въ дѣйствительности, какъ не видимъ и того что цѣны на земли возросли пропорціонально ихъ задолженности. Изо всего этого слѣдуетъ прямой выводъ что полуторамиліардная ссуда подъ земли пошла главнымъ образомъ на внѣхозяйственныя надобности. А при такихъ условіяхъ наша земельная задолженность принимаетъ весьма тревожный характеръ.

Въ Западной Европѣ, гдѣ кредитъ значительно легче, создалась обширная литература предлагающая тѣ или иные способы для выхода изъ этого положенія. Тамъ не разъ возникали уже вопросы объ установленіи законодательнымъ путемъ предѣльности для зало-

женности имѣній, создавались проекты залога земель съ одновременнымъ страхованіемъ жизни землевладѣльца, такъ чтобы при смерти его страховая премія покрывала сумму ипотечнаго долга и имущество уже освобожденнымъ отъ залога переходило бы къ законнымъ наслѣдникамъ. Далѣе, тамъ не разъ предлагалось замѣнить принудительную продажу земель за долги принудительнымъ устройствомъ администраціи надъ имѣніемъ впавшимъ въ неоплатные долги.

Многія изъ этихъ мѣръ имѣютъ тотъ весьма существенный недостатокъ что, облегчая положеніе задолжавшаго землевладѣльца, онѣ создаютъ необезпеченность для кредиторовъ которые въ свою очередь или вовсе отказываются давать деньги, или же даютъ ихъ на чрезвычайно обременительныхъ условіяхъ. Но несомнѣнно можно найти и такіе пути идя по которымъ можно облегчить положеніе заемщиковъ и въ то же время не подрывать кредита. Прежде всего намъ нужно позаботиться объ удешевленіи его. Вѣдь землевладѣлецъ получившій ссуду въ 50.000 рублей изъ 6% годовыхъ и землевладѣлецъ получившій ссуду въ 100.000 рублей изъ 3% принуждены будутъ уплачивать одинаковую цифру, что̀ далеко неравномѣрно отзовется на ихъ благосостояніи.

Возможно ли однако удешевленіе у насъ земельнаго кредита? На таковую возможность прежде всего указываетъ непомѣрно высокая стоимость акцій земельныхъ банковъ на петербургской биржѣ въ 1900 году. Изъ данныхъ сообщаемыхъ г. Голубевымъ видно что акціи полтавскаго земельнаго банка при номинальной цѣнѣ въ 200 рублей поднимались до 610 рублей. И это далеко не единственный примѣръ. Изо всѣхъ акцій земельныхъ банковъ только акціи харьковскаго (при низшихъ цѣнахъ) и с.-петербургско-тульскаго банковъ котировались ниже ихъ двойной цѣны, всѣ же остальныя стояли значительно выше ея. Уже это одно служитъ несомнѣнно вѣрнымъ показателемъ черезмѣрной доходности нашихъ земельныхъ акціонерныхъ банковъ. Не плохо было бы позаботиться намъ объ устройствѣ взаимнаго земельнаго кредита, на первое время хотя бы краткосрочнаго. Потребность въ такомъ кредитѣ несомнѣнно существуетъ и, между тѣмъ, удовлетворяется она только въ очень слабой степени, что̀ наглядно можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ: долгосрочная задолженность земельныхъ имуществъ въ Россіи за послѣднія 14 лѣтъ возрасла, какъ мы уже видѣли, на миліардъ рублей, а между тѣмъ за тотъ же промежутокъ времени краткосрочныя ссуды возрасли только на 8.829.000 рублей, то-есть, въ совершенно ничтожномъ размѣрѣ. Вообще вопросъ о правильной постановкѣ ипотечнаго кредита съ каждымъ днемъ все настоятельнѣе требуетъ своего разрѣшенія.

Россія и Индія.

Л. Н. Соболевъ. Возможенъ ли походъ Русскихъ въ Индію? Москва. 1901

Россія никогда сознательно не стремилась къ обширнымъ завоеваніямъ въ Средней Азіи, она старалась только охранить свои предѣлы отъ разбойничьихъ нападеній азіятскихъ кочевниковъ и водворить міръ въ своихъ юго-восточныхъ владѣніяхъ. Этимъ исчерпывалась вся ея задача. Но самая сила вещей неудержимо толкала ее на новыя завоеванія и присоединенія, безъ которыхъ охрана границъ становилась невозможной. Медленно, но неуклонно, шагъ за шагомъ въ теченіе многихъ лѣтъ шло поступательное движеніе русскихъ войскъ въ глубь Средней Азіи. Подъ грозными ударами Россіи смирились непокорные раньше Киргизы, пали Ташкентъ и Самаркандъ, независимое Кокандское ханство обратилось въ русскую Ферганскую область, Бухара и Хива утратили свою политическую самостоятельность, Туркменамъ былъ нанесенъ жестокій ударъ, послѣдствіемъ котораго было то что дорогой для Англичанъ Мервъ добровольно сдался намъ, наконецъ, русскія войска появились на высотахъ Памира. Теперь русскія средне-азіятскія владѣнія отъ Англійской Индіи отдѣляетъ только узкая полоса земли.

Наше поступательное движеніе въ Среднюю Азію не было лихимъ наѣздомъ, не оставляющимъ послѣ себя глубокихъ послѣдствій. Напротивъ, подвигаясь медленно, мы твердо укрѣпляли пройденный путь. Въ Средней Азіи водворилась русская гражданственность, безводныя степи прорѣзалъ рельсовый путь, одно изъ развѣтвленій котораго дошло уже до Афганской границы. Теперь сооружается новая желѣзная дорога, долженствующая связать Среднюю Азію съ общею рельсовою сѣтью Европейской Россіи. Такимъ образомъ мы стоимъ на границѣ Афганистана готовые бросить въ любую минуту армію въ сотни тысячъ штыковъ.

Повидимому, такое положеніе должно было бы создать для насъ особыя нравственныя преимущества, должно было бы предостеречь Великобританію отъ враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи. Но что же мы видимъ въ дѣйствительности? Козни Великобританіи противъ насъ не только не прекращаются, а, напротивъ, каждый день ростутъ во всѣхъ концахъ міра, принимая все болѣе злостный характеръ. Не мудрено что при такихъ условіяхъ у насъ часто начинаетъ возникать вопросъ: возможенъ ли походъ Русскихъ въ Индію? Можно ли отъ молчаливой угрозы перейти къ дѣлу? Вопросъ этотъ породилъ уже довольно обширную литературу которая въ самое послѣднее время обогатилась трудомъ генерала Л. Н. Соболева.

Какъ же рѣшаетъ онъ вопросъ о возможности этого похода? Исторія, говоритъ онъ, поучаетъ насъ что бо́льшая часть предпріятій направленныхъ къ покоренію Индіи вѣнчалась успѣхомъ. Изъ той же исторіи видно что народъ который прочно владѣлъ Средней Азіей, имѣлъ хорошо устроенныя войска и во главѣ котораго стоялъ монархъ обладающій волею и рѣшительностью, выходилъ побѣдителемъ въ борьбѣ съ Индіей.

Киръ, Дарій, Александръ Македонскій, Угузъ-ханъ, Аршакъ, Нуширванъ, Махмудъ Газнійскій, Магометъ Гури, Чингисъ-ханъ, Тимуръ-Бекъ, Баберъ, Надиръ-шахъ, вотъ имена тѣхъ полководцевъ которые съ успѣхомъ воспользовались стратегическимъ положеніемъ Средней Азіи и не остановились передъ мыслью перебраться черезъ Афганистанъ и горные хребты ограждающіе Индію съ сѣверо-запада и запада. Походы этихъ завоевателей, а также нашествія Скифовъ и Монголовъ, показываютъ намъ что Гинду-Кушъ и Сулеймановъ хребетъ имѣютъ значительное число проходовъ, по которымъ возможно слѣдованіе большихъ массъ пѣхоты, кавалеріи и даже артиллеріи.

Правда, горные проходы не были тогда такъ укрѣплены какъ они укрѣплены теперь, но зато и силы нападающихъ были тоже не тѣ съ которыми теперь пришлось бы считаться Индіи. Относительно современнаго похода генералъ Соболевъ высказываетъ слѣдующій взглядъ:

Если спокойно разчитать всѣ разстоянія отдѣляющія долину Инда отъ центровъ расположенія русской арміи и время необходимое для прохожденія русскихъ войскъ черезъ Афганистанъ, то любой стратегъ и политикъ признаетъ что походъ въ Индію не только возможенъ, но и не представляетъ особыхъ затрудненій.

Походъ этотъ облегчается еще тѣмъ что теперь

пути изслѣдованы: театръ военныхъ дѣйствій изученъ; настроеніе индійскаго населенія извѣстно; истинное положеніе англійскаго владычества выяснено; наступающая армія будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи желѣзную дорогу, пароходы, телеграфъ и все то что намъ доставило въ послѣднее время высокое развитіе техники.

Гораздо интереснѣе тѣ послѣдствія къ которымъ могъ бы привести этотъ походъ. Результатомъ его, по мнѣнію генерала Соболева, могутъ быть четыре событія: 1) уничтоженіе власти Англичанъ на полуостровѣ и образованіе въ бо́льшей части Индіи ряда независимыхъ государствъ; 2) покореніе Индіи и основаніе въ ней русско-индійской имперіи; 3) уничтоженіе власти Англичанъ и основаніе на полуостровѣ союза государствъ который былъ бы поставленъ подъ по-

кровительство Россіи, и 4) сохраненіе власти Англичанъ при условіи тѣснаго, обоюдо-выгоднаго, союза Россіи съ Великобританіей. Первый исходъ представлялъ бы ту невыгоду что между отдѣльными мелкими государствами легко могли бы начаться распри и раздоры которые невыгодно отозвались бы на русской торговлѣ и промышленности. Третій исходъ тоже имѣетъ крупныя невыгоды, такъ какъ онъ создаетъ сильное государство съ которымъ не всегда и не во всѣхъ случаяхъ легко было бы справиться.

И такъ, по мнѣнію генерала Соболева, возможенъ только второй или послѣдній исходъ.

Покореніе Индіи Русскими и основаніе русско-индійской (почему не просто Россійской?) имперіи, это такое грандіозное предпріятіе, говоритъ авторъ, которое нельзя даже заранѣе обдумать. Если подобное событіе случится, то слава Россіи подымется высоко и русскій монархъ будетъ имѣть болѣе 450.000 000 подданныхъ; Россія, связавъ индійскую желѣзнодорожную сѣть со своею, дастъ гигантскій толчекъ своей промышленности и торговлѣ; русскій народъ разбогатѣетъ и станетъ по силѣ и богатству первымъ народомъ міра. Все это, вѣроятно, и произойдетъ, если въ Индію будетъ двинута достаточно сильная армія; но это такой великій, по своему существу, вопросъ который мы сами не можемъ рѣшить: его рѣшитъ, если онъ только долженъ быть рѣшенъ, сила историческихъ судебъ.

До сихъ поръ мысль автора развивалась логически и за нею легко было слѣдить. Но дойдя до послѣдняго пункта, онъ вдругъ совершенно неожиданно заявляетъ что „сохраненіе власти Англичанъ, при условіи тѣснаго обоюдо-выгоднаго соглашенія Великобританіи съ Россіей, было бы самымъ выгоднымъ послѣдствіемъ русскаго похода въ Индію“. Почему это?

Великобританія, конечно, согласилась бы тогда на всѣ требованія Россіи, но выгодно ли было бы мѣнять намъ имѣющуюся въ рукахъ дорогую синицу на призрачнаго журавля? Да и что̀ могла бы дать она намъ? Открыть намъ выходъ изъ Чернаго моря? Но вѣдь мы бы уже имѣли совершенно открытый выходъ въ Индійскій океанъ. Помочь намъ на Дальнемъ Востокѣ? Да развѣ подобную услугу можно считать равноцѣнной? Это была бы простая мѣна кукушки на ястреба. Нѣтъ, для такого исхода рѣшительно не стоило бы проливать русской крови, не стоило бы тратить русскихъ денегъ. Вступая въ открытую борьбу съ Россіей Великобританія должна знать что̀ она можетъ потерять. Это сознаніе скорѣе всего и вѣрнѣе всего можетъ удержать ее отъ враждебныхъ дѣйствій по отношенію къ намъ. Тогда и походъ въ Индію останется только заманчивою мечтою, такъ какъ овладѣть ею, во что бы то ни стало, мы не стремились и не стремимся. Намъ нужно только быть готовыми ко всѣмъ возможнымъ случайностямъ.

Экспедиція въ Китай.

Центральная Азія. Сѣверный Китай и Нань-шань. Отчетъ о путешествіи, совершенномъ по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ 1892—94 годахъ, горнаго инженера В. А. Обручева, дѣйств. члена И. Р. Г. О., члена-кореспондента Общества Землевѣдѣнія въ Берлинѣ. Томъ II. Путевые дневники касающіеся центральной Монголіи, Джунгаріи и горныхъ системъ Бей-шаня, Нань-шаня, Восточнаго и Цзинь-линь-шаня. Съ 6 маршрутными картами, 40 фототипіями и геліогравюрами, 2 таблицами профилей и 93 фигурами въ текстѣ. С.-Петербургъ. 1901.

Имя г. Обручева пользуется довольно широкою извѣстностью въ научныхъ кругахъ, онъ много поработалъ для изученія Сибири, Туркестанскаго края, Китая и Центральной Азіи; труды его награждены высшею наградою русскихъ географовъ, Константиновскою медалью. Все это заставляетъ съ глубокимъ интересомъ отнестись къ обширному тому путевыхъ дневниковъ г. Обручева занимающихъ цѣлыхъ 700 страницъ in 4°, да къ тому же веденныхъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ всякое сдѣланное наблюденіе является уже открытіемъ.

Но едва мы возьмемъ въ руки обширный трудъ г. Обручева, какъ испытываемъ какое-то недоумѣніе, испытываемъ полную неудовлетворенность. Въ своихъ дневникахъ г. Обручевъ, по его собственнымъ словамъ, ограничивается „фактической стороной", то-есть, „сухимъ изложеніемъ наблюденій надъ характеромъ мѣстности и надъ встрѣченными горными породами". Но вѣдь путешествовалъ два года г. Обручевъ не по мертвой безлюдной пустынѣ, гдѣ кромѣ горныхъ породъ ничего нѣтъ. Здѣсь есть люди различныхъ племенъ, у нихъ существуютъ извѣстныя вѣрованія, убѣжденія, взгляды, понятія, отношенія къ Россіи и Русскимъ. Ни о чемъ этомъ г. Обручевъ не говоритъ. На его длинномъ пути встрѣчались разные города во многихъ отношеніяхъ интересные для насъ, но въ дневникахъ упоминаются лишь ихъ названія, да подробно говорится о геологическомъ строеніи мѣстности на которой они расположены. На Китай мы всегда смотрѣли и смотримъ какъ на обширный рынокъ, гдѣ произведенія русской обработывающей промышленности могутъ найти себѣ болѣе или менѣе значительный сбытъ. Однако, и о торговлѣ и промыслахъ посѣщенныхъ мѣстностей г. Обручевъ не сообщаетъ рѣшительно ничего. Дневники не разнообразятся путевыми впечатлѣніями, личность автора остается въ тѣни, горныя породы заслонили видъ рѣшительно на все. Быть-можетъ, это слѣдуетъ объяснить тѣмъ что г. Обручевъ вошелъ однимъ изъ членовъ въ экспедицію г. Потанина и на его обязанности не лежало производить наблю-

денія на недостатокъ которыхъ мы только-что указали? Но и этимъ объяснить ничего нельзя, такъ какъ г. Обручевъ имѣлъ *самостоятельный маршрутъ*, а стало-быть возможность видѣть и слышать то, чего не видали и не слыхали другіе спутники г. Потанина.

Въ концѣ концовъ получилось то что два обширные тома путевыхъ дневниковъ г. Обручева, объемомъ въ 1500 страницъ, представляютъ интересъ лишь для небольшой группы ученыхъ и при томъ исключительно русскихъ, такъ какъ ученымъ западно-европейскимъ трудъ г. Обручева останется недоступнымъ по незнанію ими русскаго языка. А при такихъ условіяхъ путевыхъ дневниковъ можно было бы и вовсе не печатать, начавъ изданіе прямо съ третьяго тома въ которомъ авторъ обѣщаетъ дать обобщенія и выводы своихъ наблюденій и сопоставить ихъ съ наблюденіями другихъ путешественниковъ.

По внѣшности изданіе не оставляетъ ничего желать: прекрасная бумага, отчетливый, ясный шрифтъ, превосходно исполненные рисунки и карты. Но, повторяемъ, зачѣмъ все это, когда трудомъ г. Обручева воспользуются не многочисленные читатели, а только немногіе спеціалисты?

Хорваты.

Славянскіе народы. Хорваты. Очеркъ А. Л. Липовскаго. Изд. СПБ. Славянскаго благотворительнаго общества. 1900 г.

Судя по названію труда означеннаго въ заголовкѣ, авторъ его или издатель, Славянское общество, обѣщаютъ намъ рядъ такихъ очерковъ посвященныхъ и остальнымъ славянскимъ народамъ. Отъ души привѣтствуемъ полезное и благовременное предпріятіе. Желая ему успѣха мы остановились на почтенной книжкѣ „Хорваты“ съ цѣлію указать на тѣ ея недостатки которыхъ слѣдуетъ избѣгать въ будущихъ славянскихъ очеркахъ. Недостатки эти не внутренніе, а больше внѣшніе, случайные, значитъ, легко устранимые. У составителя видны и усердная любовь къ предмету, и сознаніе его важности, но выполненіе не совсѣмъ соотвѣтствуетъ цѣли, а это досадно.

Въ предисловіи сказано что очеркъ назначается для „широкой публики“, что ему „приданъ объективный, преимущественно фактическій характеръ, и только мѣстами высказаны пожеланія“. Тѣмъ не менѣе, даже терпѣливому представителю „широкой публики“ трудно осилить книжку; она первыми же страницами утомляетъ читателя который въ заключеніе не выноситъ изъ нея яснаго, цѣльнаго представленія о Хорватіи. Причина этого въ неискусномъ нагроможденіи

„фактовъ“ и въ забвеніи цѣли выраженной въ предисловіи: книжка производитъ впечатлѣніе не общедоступнаго, популярнаго очерка, а скорѣе носитъ характеръ добросовѣстнаго, но тяжелаго, необработаннаго, не вылежавшагося въ столѣ научнаго труда съ цитатами, ссылками и обширною библіографіею, то-есть, въ ней, къ сожалѣнію, выставлено на показъ то что̀ обыкновенно запугиваетъ „широкую публику“, а ее нужно не пугать, а привлекать.

Въ очеркѣ пять главъ, и первая посвящена географіи и этнографіи Хорватіи и Славоніи. Тутъ мы на первыхъ страницахъ (1—6) находимъ то что̀ помѣщается обыкновенно въ географическихъ учебникахъ: градусы, минуты и секунды, широты и долготы, границы, перечень рѣкъ, горъ и т. д. Читатель хочетъ облегчить себя, обращается къ приложенной картѣ, но она очень блѣдна, на ней трудно прослѣдить направленіе рѣкъ, ясно видны только толстыя желѣзныя дороги, а „границы и географическія имена не вездѣ точны“, какъ сказано въ коректурномъ листкѣ. Первая досада!

На 8-й страницѣ о флорѣ и фаунѣ мы читаемъ буквально слѣдующее: „Флора Хорватіи столь же разнообразна (6.400 видовъ) насколько и оригинальна. Она можетъ быть отнесена къ четыремъ областямъ, а именно: къ средиземноморской, балтійской, черноморской и альпійской. Изъ оригинальныхъ видовъ хорватской флоры извѣстны: Senecio croaticus, Primula Viscosa...“ и т. д. (четыре строки ботаническихъ латинскихъ названій). „Изъ животныхъ (17.000 видовъ) мы встрѣчаемъ въ Хорватіи и Славоніи: волка, лисицу, рѣдко медвѣдя, куницу, выдру, хорька, бобра, зайца, дикую свинью, оленя, серну, мышей (до 10 видовъ) и др. Изъ птицъ: орла, ястреба, сокола (16 видовъ), совъ (10 видовъ), болотныхъ, пѣвчихъ (laniidae, turdidae...), пеликана и др. Много змѣй. Рыбы много... Изъ морскихъ рыбъ: Labrax lupus, Dentex vulgaris, Sparas aurata...“ Опять четыре строки латинскихъ названій. Умѣстно ли это въ очеркѣ для „широкой публики“? Да и не важно сообщеніе что въ Хорватіи есть волки... мыши... совы..., а также болотныя и пѣвчія птицы.

Съ 9-й страницы начинается этнографія. Этотъ отдѣлъ долженъ быть самымъ интереснымъ въ книгѣ; таковъ онъ и есть, хотя изложеніе бѣглое, поверхностное. Но и тутъ есть опять ученыя, невразумительныя мѣста. Примѣръ: „Отличіе нынѣшняго литературнаго языка сербскаго и хорватскаго очень незначительно: у Сербовъ преобладаетъ правописаніе фонетическое, у Хорватовъ этимологическое; ѣ у Сербовъ передается черезъ je, uje, у Хорватовъ je, ie; въ родительномъ падежѣ множественнаго числа Хорваты пишутъ h отбрасываемое Сербами; въ дательномъ, творительномъ падежахъ множественнаго числа Хорваты удерживаютъ еще древнія формы, тогда

какъ у Сербовъ употребляется общее окончаніе ма“ (стр. 9). Для чего и для кого это написано? Для филолога этого мало, а „широкая публика“ тутъ вовсе ничего не пойметъ...

Въ слѣдующихъ четырехъ главахъ авторъ касается исторіи Хорватіи (II), общественнаго быта (III), церкви (IV), литературы и науки (V). Тутъ мы хотимъ указать на важный недостатокъ въ книгѣ, рѣзко бросающійся въ глаза особенно въ послѣднихъ трехъ главахъ. Именно, мы подразумѣваемъ подавляющее преобладаніе историческихъ фактовъ и сравнительную скудость свѣдѣній о современной жизни Хорватовъ.

Во второй главѣ вкратцѣ (на 40 страницахъ) изложена исторія Хорватіи, Славоніи, Далмаціи съ древнѣйшихъ поръ. Этотъ отдѣлъ представляетъ всетаки нѣчто цѣльное, однородное, хотя и тутъ попадаются „ученыя мѣста“; приводятся изъ актовъ латинскія цитаты безъ перевода (напр., см. стр. 57—59). Но въ главахъ объ общественномъ бытѣ, церкви и литературѣ историческій элементъ прямо заслоняетъ собою современность. По нашему мнѣнію, нужно было поступить наоборотъ: сжать историческія свѣдѣнія и предложить болѣе подробную, цѣльную, ясную картину политической, общественной и религіозной жизни и ея отраженіе въ литературѣ. Читателю, напримѣръ, неясно, угнетаютъ ли Мадьяры Хорватовъ, или послѣдніе сами идутъ навстрѣчу къ первымъ; откуда у нихъ это горделивое самодовольство, этотъ аристократизмъ, презрительное отношеніе не только къ православнымъ собратьямъ, но даже къ единовѣрцамъ, напримѣръ, Чехамъ. Далѣе; русской „широкой публикѣ“ извѣстно имя епископа Штросмайера, ей хотѣлось бы точнѣе и подробнѣе знать о его церковной дѣятельности, о его планахъ; но любознательный читатель не найдетъ въ книжкѣ отвѣтовъ на свои вопросы. Сказано глухо о враждѣ католиковъ-Хорватовъ къ православнымъ Сербамъ, но какъ, чѣмъ она проявляется въ жизни личной и общественной?

Въ послѣдней главѣ много мѣста отведено глаголитской письменности, достаточно дубровницкому и илларскому періоду, но новѣйшей литературѣ посвящено ровно двѣ страницы (изъ 30) на которыхъ приведены имена писателей, иногда съ указаніемъ двухъ, трехъ сочиненій, а чаще безъ этого. Но каково содержаніе этой новѣйшей литературы, какія области жизни она изображаетъ (народный ли бытъ, чиновничество, историческія ли эпохи и т. п.), кто теперь любимые авторы, читатель этого не найдетъ въ предложенномъ не очеркѣ, а перечнѣ. Правда, кое-гдѣ мы встрѣчаемъ оцѣнку писателя выраженную очень кратко, нѣсколькими словами, притомъ, повидимому, партійную, не провѣренную путемъ личнаго ознакомленія съ его сочиненіями. Такъ, по нашему мнѣнію, несправедливо умаленъ, даже под-

вергнуть упреку Люд. Гай, этотъ дѣятельный пробудитель національнаго сознанія въ онѣмеченномъ и омадьяренномъ тогда (1835 г.) образованномъ хорватскомъ обществѣ, что, помимо исторіи литературы, засвидѣтельствовано въ маленькой поэтической картинкѣ К. Дальскаго изображающей первый апостольскій шагъ Гая на именинахъ въ одномъ аристократическомъ домѣ (см. Male pripoviesti, „Gaj“).

Затѣмъ, развѣ это надлежащая оцѣнка К. Шандора-Дальскаго: „подражаетъ образцамъ французскимъ и русскимъ, *не всегда умѣя отличить натурализмъ отъ реализма*; содержаніе разнообразное, изъ разныхъ слоевъ эпохъ“. Тутъ не разберешь: будто и хвалятъ писателя (конецъ тирады), и въ то же время рѣшительно принижаютъ не признавая въ немъ никакого достоинства, низводя его въ разрядъ неумѣлыхъ, непонимающихъ писакъ. А между тѣмъ К. Дальскій, поклонникъ и отчасти ученикъ нашего Тургенева, очень почтенный писатель, представитель художественной школы съ романтическимъ оттѣнкомъ; имъ недовольны, правда, задорные молодые натуралисты и декаденты, но вообще къ нему относятся съ уваженіемъ какъ къ литературному патріарху.

Еще разъ повторяемъ, жаль что А. Л. Липовскій отвелъ въ своемъ очеркѣ сравнительно мало мѣста *современной* жизни Хорватовъ. Впрочемъ, это можно сказать про все русское славяновѣдѣніе: наши слависты лучше знаютъ прошлое славянскихъ народовъ чѣмъ настоящее; тоже мы видимъ и въ написанныхъ ими книгахъ. И пока мы добросовѣстно изучаемъ исторію, уходя въ глубь вѣковъ, невѣдомая для насъ современность подноситъ намъ неожиданные сюрпризы: тамъ за Карпатами одновременно съ ликованіями Мадьяровъ по поводу тысячелѣтія ихъ королевства раздался похоронный звонъ по цѣломъ племени Словаковъ (2.500.000); подобная же судьба грозитъ въ скоромъ будущемъ Словинцамъ, можетъ-быть, и Чехамъ... А мы все разработываемъ древнюю, средневѣковую и новую славянскую исторію, еще не дошли до новѣйшей, мы такъ мало знаемъ про этихъ погибшихъ или погибающихъ на нашихъ глазахъ Словаковъ, Словинцевъ... Дайте русскому обществу побольше живыхъ и дѣловыхъ этнографическихъ и общественныхъ очерковъ современныхъ Славянъ!

Англичане, Буры и Русскіе.

Великобританія и ея южно-африканская политика. Магистра международнаго права А. Н. Штиглица. С.-Петербургъ. 1901.

О южно-африканской войнѣ написано много брошюръ, ей посвящена цѣлая куча газетныхъ и журнальныхъ статей въ которыхъ тысячи разъ говорилось о вѣроломствѣ Великобританіи, о беззавѣтной храбрости Буровъ, о ихъ геройскихъ подвигахъ. Но въ этой обширной литературѣ былъ одинъ довольно крупный пробѣлъ, не разсматривался вовсе вопросъ: какое значеніе имѣетъ для насъ эта война и какъ должны мы относиться къ ней съ точки зрѣнія своихъ чисто русскихъ интересовъ? Этотъ пробѣлъ до извѣстной степени восполняютъ заключительныя страницы труда г. Штиглица, а потому мы и остановимся на нихъ.

Англія во время войны Россіи съ Турціей въ 1877—78 гг. не стѣснялась помогать нашимъ врагамъ всевозможными способами не только предосудительными, но даже явно преступными. Съ тѣхъ поръ прошла почти четверть вѣка, но политика Англіи по отношенію къ Россіи измѣнилась очень мало, и Великобританія до сихъ поръ не перестаетъ создавать намъ всевозможныя затрудненія на Ближнемъ и на Дальнемъ Востокѣ. Въ виду этого и намъ, по мнѣнію г. Штиглица, слѣдовало бы:

смотрѣть сквозь пальцы на добровольческія вербовки въ бурскіе ряды, вообще помогать Бурамъ въ офиціозной формѣ, какъ это было въ 1876 году, во время сербско-турецкой войны, въ періодъ предшествующій русскому ультиматуму, это слѣдовало сдѣлать, это было въ русскихъ интересахъ. Надо было насколько возможно содѣйствовать сохраненію политической независимости обѣихъ африканскихъ республикъ. Полная побѣда Буровъ не была бы въ нашихъ (?) интересахъ. Если бы капскіе африкандеры соединились съ Бурами и, изгнавъ Англичанъ изъ Южной Африки, образовали Южно-Африканскіе Соединенные штаты, то это обширное бурское государство не имѣло бы достаточно силъ чтобы жить вполнѣ независимою политическою жизнію. Оно фактически поддалось бы вліянію Германіи (?), этого злѣйшаго врага Россіи и славянства, а это слишкомъ усилило бы имперію Вильгельма.

Между тѣмъ сохраненіе независимости южно-африканскихъ республикъ вызывало бы соперничество между Англіей и Германіей, порождало бы раздоры между ними и мѣшало бы ихъ тѣсному сближенію между собою.

Во всякомъ случаѣ самымъ невыгоднымъ является полное пораженіе Буровъ и присоединеніе южно-африканскихъ республикъ

къ Великобританіи. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему поведетъ оно? Да только къ тому что въ Африкѣ создастся обширная англійская колонія простирающаяся отъ мыса Доброй Надежды до береговъ Средиземнаго моря. Эта громадная колонія, по совершенно справедливому замѣчанію г. Штиглица, будетъ второю Индіей, а тогда Англія не будетъ уже такъ трепетать за первую, что̀ лишитъ насъ возможности влiять надлежащимъ образомъ на Англію.

Есть въ созданіи Англо-Африканской имперіи и другія неудобства для насъ. Эта имперія подчинитъ своему вліянію Абисинію, съ которой насъ связываютъ духовныя узы и общіе интересы. „Абисинія могла бы, по словамъ г. Штиглица, служить прекраснымъ орудіемъ русской политики для оттягиванія части англійскихъ военныхъ силъ и для воспрепятствованія установленію сплошной африканской Великобританіи отъ Египта до Капской колоніи."

При чемъ Абисиніи не понадобилось бы уступать намъ часть своей територіи, или признавать надъ собой русскій протекторатъ, или же представлять намъ какія-нибудь разорительныя для себя концесіи. При такихъ условіяхъ дружба можетъ быть прочна, взаимное соглашеніе и пониманіе можетъ остаться ненарушеннымъ при всѣхъ превратностяхъ міровой политики.

Въ небольшомъ по объему, но далеко не бѣдномъ по содержанію трудѣ г. Штиглица читатели найдутъ много интересныхъ данныхъ относящихся къ англо-бурской войнѣ и условіямъ породившимъ ее, наконецъ, имъ довольно подробно освѣщены нѣкоторые спорные вопросы международнаго права, которые невольно возникаютъ въ умѣ читателя при знакомствѣ со всѣми перипетіями этой неравной борьбы маленькаго народа противъ міровыхъ притѣснителей.

Какъ укрѣпить общественную нравственность?

Д-ръ Ф. Фейгинъ. Труды досуга. С.-Петербургъ. 1901.

Кажется, въ цѣломъ мірѣ не найдется людей съ бо̀льшими претензіями чѣмъ иные врачи. Съ легкимъ сердцемъ берутъ они на себя рѣшеніе вопросовъ религіи, права, педагогики, общественной нравственности, о тѣлесныхъ наказаніяхъ, словомъ, о чемъ вамъ угодно. И рѣшаютъ они всѣ эти запутанные и сложные вопросы исключительно съ точки зрѣнія далеко неокрѣпшей еще медицинской науки, рѣшаютъ сплеча, безъ серіозной вдумчивости въ дѣло, безъ необходимой для этого подготовки. Къ категоріи подобныхъ людей принадлежитъ и докторъ Фейгинъ.

Оказался у него свободный досугъ, и принялся онъ за рѣшеніе вопросовъ общественной нравственности, за укрѣпленіе нашей расшатанной этики. Прежде всего вниманіе г. Фейгина привлекаютъ вопросы брачные, семейные и наслѣдственные, за рѣшеніе которыхъ онъ и принимается.

Бракъ есть безспорно великое таинство, говоритъ онъ, но только въ смыслѣ благодатной почвы на которой изъ добраго сѣмени родится человѣкъ. И великая задача церкви должна заключаться въ томъ чтобы зорко выбирать эту почву и охранять ее отъ плевелъ. Какъ пастуху оберегающему свое стадо отъ паршивой овцы, такъ пастырю церкви на глазахъ котораго родятся, живутъ и умираютъ пасомые имъ, подобаетъ знать кому изъ нихъ можетъ быть дано благословеніе на вступленіе въ бракъ и кому не можетъ быть дано право на это таинство.

Г. Фейгинъ упускаетъ изъ вида что предлагаемая имъ мѣра не только открываетъ широкій путь къ ужаснымъ злоупотребленіямъ, но, что̀ хуже всего, не даетъ никакихъ гарантій даже съ точки зрѣнія д-ра Фейгина. Жизнь теперь значительно измѣнилась и усложнилась, для очень многихъ приняла она кочевой характеръ при которомъ приходскому священнику совершенно нѣтъ возможности знать настолько близко большинство своихъ прихожанъ чтобы рѣшать вопросъ объ ихъ правоспособности для вступленія въ бракъ.

Отъ вопросовъ брачныхъ д-ръ Фейгинъ переходитъ къ вопросамъ о дѣтяхъ, которые рѣшаются съ еще бо̀льшею легкостью, при чемъ онъ требуетъ „равноправность дѣтей какъ въ бракѣ, такъ и внѣ брака рожденныхъ", говоря проще, полное разрушеніе семьи. До какой же нужно дойти беззастѣнчивости чтобы въ этихъ мѣрахъ видѣть „поднятіе уровня общественной нравственности!"

Съ подобными проектами намъ, впрочемъ, приходилось знакомиться и раньше, такъ что оригинальнаго въ нихъ мало. Зато нельзя отказать доктору Фейгину въ неподдѣльной самобытности съ которою онъ рѣшаетъ вопросъ о мѣрахъ борьбы съ постоянно растущею преступностью. Мѣра одна, но самаго радикальнаго характера: кастрація преступниковъ лишающая ихъ возможности имѣть потомство которое, въ свою очередь, можетъ впасть въ тяжкія уголовныя преступленія.

Но все это цвѣточки, ягодки же впереди!

...Такъ какъ, продолжаетъ д-ръ Фейгинъ, пьянство настолько представляетъ собою великое зло что съ нимъ едва ли можетъ сравниться сумма всѣхъ другихъ золъ обуревающихъ человѣчество, ибо отъ пьяницъ-родителей порождаемое ими потомство является главнымъ „контингентомъ" какъ преступниковъ-звѣрей, такъ и идіотовъ, то въ виду безплодности всѣхъ другихъ мѣръ въ борьбѣ съ этимъ

бѣдствіемъ было бы вполнѣ цѣлесообразнымъ для воспрепятствованія пьяницамъ портить человѣческую культуру и въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніяхъ подвергать ихъ, такъ же какъ и убійцъ, оскопленію.

Радикально, даже слишкомъ радикально! Но авторъ забываетъ старинную русскую пословицу: пьяница проспится, а авторъ подобныхъ проектовъ никогда. Такъ не съ прожектеровъ ли и начать примѣненіе рекомендуемой мѣры?

Изъ духовныхъ журналовъ.

Православіе на Востокѣ.—Борьба Грековъ и Арабовъ.—Эллинизація іерархіи въ Палестинѣ и Сиріи. — Духовенство и паства.—Заслуги Православнаго Палестинскаго Общества.—Духовная цензура.—Ея организація и недостатки.—Происхожденіе цензуры.—Духовное просвѣщеніе и духовное сословіе.—Въ защиту духовенства. — Отчеты о повѣрочныхъ испытаніяхъ въ академіяхъ. — Богословскія науки въ семинаріяхъ. — Преподаваніе философіи и общеобразовательныхъ предметовъ.—Упадокъ знанія языковъ.—Случайность и произволъ.—Священное Писаніе и Московская Духовная Академія.

Професоръ А. П. Лебедевъ напечаталъ свое изслѣдованіе о внутреннемъ состояніи православныхъ восточныхъ церквей Александріи, Антіохіи и Іерусалима за время отъ паденія Константинополя въ 1453 году до нашихъ дней (*Богословскій Вѣстникъ*, февраль, мартъ и апрѣль: „Краткія свѣдѣнія о патріархатахъ Александрійскомъ, Антіохійскомъ и Іерусалимскомъ“). Свѣдѣнія о грековосточной церкви въ этотъ періодъ весьма недостаточны въ нашей исторической литературѣ и потому трудъ г. Лебедева получаетъ большую цѣнность и значеніе.

Характеризуя общее теченіе жизни православныхъ церквей г. Лебедевъ считаетъ недостаточнымъ сказать что „борьба и раздѣленіе между двумя противоположными элементами, греческимъ господствующимъ и негреческимъ подчиненнымъ, составляютъ основу церковной жизни на всемъ церковномъ Востокѣ“. По его мнѣнію, будетъ болѣе правильнымъ сказать что борьба греческаго элемента *противъ* негреческаго составляетъ указанную основу. Кромѣ Константинопольскаго патріархата это особенно ясно видно въ исторіи патріархата Іерусалимскаго, гдѣ во все время не прекращалась борьба Грековъ съ туземнымъ арабскимъ населеніемъ. Можно сказать что исторія внутренняго церковнаго управленія въ этомъ патріархатѣ только и вращается вокругъ этой борьбы.

Во времена владычества Мамелюковъ въ Палестинѣ православные

патріархи и епископы избирались здѣсь изъ туземныхъ Арабовъ. Арабы изъ опасенія чтобы Греки не завладѣли исключительно святыми мѣстами воспользовались тѣмъ неблагопріятнымъ положеніемъ въ которомъ находились Греки предъ паденіемъ и вскорѣ послѣ паденія Константинополя, поставили правиломъ чтобы никто изъ Грековъ не былъ посвящаемъ не только въ патріархи, но и въ епископы въ Палестинѣ. Если даже извѣстію о такомъ строгомъ постановленіи не придавать полной вѣры, то всетаки несомнѣнно что было время, когда у Арабовъ была туземная своя, а не чуждая имъ высшая церковная іерархія. Но это естественное явленіе съ теченіемъ времени въ разсматриваемый періодъ измѣнилось, и не только патріархъ въ Палестинѣ, но и вся высшая іерархія изъ арабской превратилась въ греческую. Превращеніе это совершилось не сразу, конечно, но постепенно и исподволь. О первомъ же патріархѣ изъ Грековъ Германѣ разказываютъ что онъ постепенно началъ посвящать Грековъ во епископы въ патріархатѣ. А такъ какъ его управленіе было продолжительнымъ, то со смертію послѣдняго члена іерусалимскаго синода изъ Арабовъ, онъ постановилъ правило чтобы и впредь не смѣли посвящать въ мѣстные епископы никого изъ Арабовъ. Окончательная элинизація палестинской іерархіи совершилась уже много позже, при патріархѣ Паисіи, въ самой срединѣ XVII вѣка. О Паисіи есть извѣстія что онъ назначалъ монаховъ въ Іерусалимѣ исключительно изъ Грековъ, отстранивъ совершенно мѣстныхъ жителей пасомыхъ Іерусалимской церкви, и этимъ „создалъ неслыханную дотолѣ въ церкви систему ксенократіи". Въ рукахъ Грековъ находилось управленіе патріаршимъ престоломъ, изъ Грековъ выбирались архіереи, Греки же входили въ составъ синода. Этотъ же патріархъ создалъ такъ называемое греческое святогробское братство. Съ тѣхъ поръ и по настоящее время вся высшая іерархія въ патріархатѣ выбирается изъ Грековъ. Выборъ новыхъ архіереевъ долгое время оставался въ рукахъ патріарха, пока послѣдній проживалъ въ Константинополѣ, или же его намѣстника который былъ облеченъ отъ него всякимъ полномочіемъ по управленію патріархіею. Іерусалимскій синодъ въ это время былъ совершенно безгласенъ. Его значеніе снова возрасло когда патріархъ вернулся изъ Константинополя для жительства въ Святомъ Градѣ. Но вслѣдъ за синодомъ съ этого же времени усилилось въ Іерусалимѣ и значеніе святогробскаго братства состоящаго и теперь лишь изъ однихъ Грековъ. По словамъ г. Лебедева

стали встрѣчаться слѣдующія явленія: если патріархъ обнаруживаетъ бо́льшую или меньшую наклонность къ самостоятельности въ дѣйствованіи, то святогробское братство идетъ противъ

него, ратуя въ подобныхъ случаяхъ очень единодушно. Плодами такого единодушія было низложеніе съ патріаршей каѳедры патріарховъ Кирилла (въ 1872 г.), Прокопія (въ 1875 г.) и отчасти Никодима (въ 1892 г.). Отсюда святогробцы уразумѣли что при содѣйствіи мѣстнаго синода они могутъ возводить и низлагать патріарховъ. Примѣръ частыхъ смѣнъ константинопольскихъ патріарховъ перенесенъ въ Іерусалимъ съ тою разницею что вѣсъ голоса Цареградской Порты замѣнялся въ Іерусалимѣ лишь губернаторомъ, а потому здѣсь избраніе и низложеніе патріарха оказывались внезапно въ рукахъ одного святогробскаго братства, (конечно, въ союзѣ съ синодомъ) и стоило этому братству сойтись съ іерусалимскимъ пашею или константинопольскимъ патріархомъ, чтобы смѣстить стараго патріарха и обезпечить выборъ новаго. Въ подобныхъ случаяхъ братство дѣйствуетъ сообща и единодушно. Въ остальныхъ же каждый ведетъ борьбу противъ всѣхъ съ цѣлію получить болѣе доходное мѣсто, а если представится возможность, и патріаршій санъ.

Казалось бы что Греки, захвативъ господствующее положеніе въ іерархіи Іерусалимской церкви, воспользуются такимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ чтобы начать элинизацію туземнаго арабскаго православнаго населенія. Но этого не случилось. Причину такого непонятнаго на первый взглядъ явленія г. Лебедевъ видитъ въ томъ что у греческихъ архіереевъ нѣтъ терпѣнія и самоотверженности необходимыхъ для достиженія такой цѣли. По его словамъ, „они додумались только до того что отдѣлили себя рѣзкою чертою отъ туземнаго православнаго народа и замкнулись въ своемъ кружкѣ; они считали себя какими-то аристократами, а мѣстныхъ Арабовъ третировали какъ какихъ-то плебеевъ“. Греческіе архіереи не знаютъ и не желаютъ изучать языкъ на которомъ говоритъ ихъ палестинская паства. При такомъ отношеніи къ православнымъ Арабамъ они хотя и ставятъ въ арабскіе города и села туземныхъ священниковъ, но смотрятъ на это лишь какъ на неизбѣжное зло. Бѣлое духовенство въ Палестинѣ исключительно состоящее изъ Арабовъ, по словамъ Кирилла епископа Мелитопольскаго, бывшаго настоятелемъ при русской миссіи въ Іерусалимѣ, „находится въ положеніи худшемъ послѣдняго прислужника греческаго монастыря“. Архіереи, по свидѣтельству преосвященнаго Порфирія, не принимали къ себѣ въ домъ арабскихъ священниковъ и не желали имѣть съ ними разговора, хотя бы при посредствѣ драгомана. Архіереи вовсе не интересовались вопросомъ о томъ кого они рукополагаютъ въ пастыри арабскимъ христіанамъ. Между рукополагаемыми во священники встрѣчались прямо нищіе, или же люди крайне невѣжественные, такіе „которые только за два мѣсяца до посвященія начали учиться грамотѣ и выучились только читать псалтирь“. Архіереи вовсе не заботились о томъ, есть ли при извѣстной городской или сельской

церкви священникъ у православныхъ Арабовъ, и потому небольшія арабскія селенія часто остаются безъ священника.

Не лучше были и отношенія высшей іерархіи къ паствѣ. Архіереи именовали своихъ арабскихъ пасомыхъ „злодѣями", „варварами" и людьми не имѣющими никакой вѣры, которыхъ предавали даже проклятію въ храмахъ. Объ устройствѣ и благолѣпіи храмовъ для арабскихъ христіанъ никто не думалъ. Даже самое имущество такихъ христіанъ не оставалось въ безопасности, и нерѣдко по указанію Грековъ Турки сажали въ тюрьму зажиточныхъ Арабовъ, а имущество переходило въ пользу патріархіи. Преосвященный Порфирій, увидѣвъ собственными глазами то, какъ обращались въ Палестинѣ съ православными туземцами ихъ же собратія, православные Греки, восклицалъ объ Арабахъ: „Это народъ-мученикъ!"

Въ антіохійскомъ патріархатѣ происходила тоже борьба между пришлыми Греками и туземными Арабами, но здѣсь она далеко не достигала такихъ размѣровъ въ какихъ существовала въ Палестинѣ. Полной элинизаціи высшаго антіохійскаго духовенства Греки не достигли, хотя и водворились на антіохійской патріаршей каѳедрѣ еще въ XVIII вѣкѣ. Главнымъ желаніемъ ихъ съ того времени стала элинизація высшей іерархіи, приведеніе ея къ такому же состоянію какое отличало духовенство патріархата іерусалимскаго. И однако же архіереи изъ туземныхъ Арабовъ никогда не переводились въ антіохійскомъ патріархатѣ, а въ самое послѣднее время оказались даже въ большинствѣ, и въ настоящее время снова на антіохійской патріаршей каѳедрѣ возсѣлъ природный Арабъ. Одною изъ причинъ неудачи здѣсь элинизаціи было то что власть антіохійскаго патріарха была всегда не такъ безгранична какъ іерусалимскаго. Извѣстный писатель по исторіи Востока, Базили, пишетъ: „Назначеніе епископовъ въ епархіи, игуменовъ въ монастыри и священниковъ въ приходы менѣе зависитъ отъ патріарха и архіереевъ чѣмъ отъ народнаго выбора". Значитъ, по вѣрному замѣчанію г. Лебедева, сама паства спасла себя отъ іерархической ксенократіи. Правда, Греки и здѣсь нисколько не заботились ни о достоинствахъ, ни объ образованіи мѣстнаго духовенства, ни о возможной помощи ему въ дѣлѣ борьбы съ иновѣрной пропагандой и съ турецкими притѣсненіями. Однако, несомнѣнною заслугою мѣстнаго духовенства нельзя не признать ту близость и родство, въ какихъ оно всегда состояло со своею паствою, слѣдствіемъ чего были взаимныя заботы о благосостояніи другъ друга и всегдашнія сердечныя и довѣрчивыя отношенія между паствою и туземнымъ духовенствомъ.

Надо надѣяться что и въ іерусалимскомъ патріархатѣ положеніе дѣла измѣнится къ лучшему, и въ этомъ случаѣ значеніе благодѣ-

теля мѣстнаго населенія падетъ по справедливости на Православное Палэстинское Общество которое уже заявило себя полезною дѣятельностію и которому еще много дѣла предстоитъ въ будущемъ.

* * *

Професоръ Т. В. Барсовъ предпринялъ новое изслѣдованіе объ одномъ изъ важныхъ органовъ синодальнаго управленія, именно, о духовной цензурѣ въ Россіи (*Христіанское Чтеніе*, май). Предметъ этотъ съ одной стороны совершенно необслѣдованъ въ нашей литературѣ, а съ другой такъ близко касается почти всей просвѣщенной Россіи, затрогиваетъ такъ много лицъ что ему ни въ интересѣ, ни въ важности отказать нельзя, тѣмъ болѣе что учрежденія духовной цензуры и разнообразны и сложны. Первое мѣсто между ними зазанимаютъ такъ называемые „Духовные цензурные комитеты“ дѣйствующіе въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, имѣющіе особое устройство, представляющіе въ собственномъ смыслѣ центральные органы для дѣйствій духовной цензуры. Они разсматриваютъ всѣ предназначенныя для изданія духовныя произведенія и разрѣшаютъ ихъ къ печати собственною властію, или въ особыхъ случаяхъ, смотря по характеру и предмету сочиненія, съ одобренія Святѣйшаго Синода. При всѣхъ православныхъ духовныхъ академіяхъ, на основаніи ихъ устава, имѣется своя цензура для разсмотрѣнія сочиненій представляемыхъ на ученыя степени и вообще для разсмотрѣнія ученыхъ и другихъ собственно академическихъ изданій. Кромѣ того, при духовныхъ академіяхъ въ Кіевѣ и въ Казани дѣйствуютъ свои какъ бы особые комитеты въ лицѣ временно назначенныхъ изъ состава академическихъ преподавателей цензоровъ. Комитеты эти пользуются ограниченнымъ кругомъ вѣдѣнія: кіевскій разсматриваетъ сочиненія представляемыя лицами подвѣдомственными Кіевской духовной академіи и преимущественно служащими въ академіи наставниками, а казанскій принимаетъ къ разсмотрѣнію сочиненія поступающія отъ лицъ собственнаго его училищнаго вѣдомства, а также можетъ съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода разсматривать выходящія въ его вѣдомствѣ періодическія изданія. Кромѣ того, по епархіямъ имѣются свои мѣстные цензоры для просмотра мелкихъ произведеній и по преимуществу для цензуры повременныхъ изданій въ епархіяхъ. При этомъ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ съ инородческимъ населеніемъ существуютъ комисіи для цѣлей цензуры, каковыя комисіи имѣются при нѣкоторыхъ мисіонерскихъ обществахъ и братствахъ. При всемъ томъ, при дѣйствіи поименованныхъ органовъ многое поступаетъ въ

печать и выходитъ въ свѣтъ непосредственно съ дозволенія и разрѣшенія высшей духовной власти.

Такое разнообразіе органовъ духовной цензуры естественно вызываетъ необходимость общаго обозрѣнія ихъ, выясненія руководственныхъ началъ ихъ дѣятельности и той постепенности и послѣдовательности какія, безъ сомнѣнія, существуютъ въ развитіи ихъ дѣятельности. При такомъ освѣщеніи учрежденія сами собою выяснятся и тѣ слабыя стороны которыя безъ сомнѣнія существуютъ и въ организаціи духовной цензуры какъ и во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ. Професоръ Барсовъ уже намѣчаетъ ихъ на основаніи своего изслѣдованія, прежде всего, въ самомъ положеніи о нашихъ духовныхъ цензурныхъ комитетахъ которое не чуждо неопредѣленностей, въ порядкѣ избранія духовныхъ цензоровъ которое иной разъ имѣетъ характеръ случайнаго назначенія, въ разрозненной и разобщенной дѣятельности духовныхъ цензоровъ, что̀, конечно, мѣшаетъ однообразному, твердому и согласному дѣйствованію духовной цензуры въ видахъ желательнаго вліянія на направленіе богословствующей мысли и, наконецъ, въ тѣхъ случайныхъ опредѣленіяхъ цензуры которыя зависятъ отъ „привходящихъ моментовъ". Понятно само собою что выясненіе всѣхъ слабыхъ сторонъ духовной цензуры облегчитъ путь къ ихъ устраненію и тѣмъ сослужитъ огромную службу на пользу того дѣла для котораго существуетъ цензура.

Принявъ на себя задачу отвѣтить по всѣмъ только-что указаннымъ вопросамъ и притомъ отвѣтить на основаніи исторіи и имѣющихся документовъ, професоръ Барсовъ тѣмъ самымъ уже обезпечилъ полный успѣхъ своему труду. Задача обширная и благодарная, предметъ совершенно необслѣдованный и потому будетъ стоить изслѣдователю большихъ усилій и трудовъ. Но професоръ еще болѣе осложняетъ задачу и увеличиваетъ свой трудъ поставивъ необходимою для себя установку общаго взгляда на цензуру. Собственно въ его цѣли могло и не входить выясненіе, напримѣръ, общаго вопроса о происхожденіи цензурныхъ комитетовъ, именно: дѣло ли они рукъ человѣческихъ, или историческими основами коренятся въ учрежденіяхъ Богомъ установленныхъ? Но професоръ всесторонне освѣщаетъ свой предметъ и потому предварительно историческаго обзора духовной цензуры въ Россіи сыскиваетъ „руководственныя указанія для дѣйствій цензуры въ посланіяхъ и примѣрѣ св. апостоловъ" и находитъ „опыты цензурнаго дѣйствованія въ древней вселенской церкви". Такимъ образомъ професоръ цензурные комитеты, повидимому, ставитъ подъ покровъ Св. Писанія и вселенской церкви. Насколько успѣваетъ въ этомъ професоръ, предоставляемъ судить на основаніи его собственныхъ словъ:

Они, то-есть, апостолы имѣя передъ глазами примѣръ Самого Христа Спасителя (вотъ, стало-быть, откуда начинается цензура) оберегавшаго слушателей Его ученія отъ ложныхъ и гибельныхъ заблужденій тогдашнихъ іудейскихъ совопросниковъ, книжниковъ и фарисеевъ, предупреждали, увѣщевали и убѣждали вѣрующихъ принявшихъ евангельское ученіе твердо держаться онаго и неизмѣнно пребывать въ немъ.

Трудно, конечно, усмотрѣть что-нибудь общее между цензурой и проповѣдникомъ, между дѣйствіями цензурнаго комитета и проповѣдію священника предостерегающаго прихожанъ отъ сектантскихъ заблужденій, между *Мисіонерскимъ Обозрѣніемъ* и журналами цензурныхъ комитетовъ. Впрочемъ, професору все это виднѣе. Непонятно только то, какая надобность, а тѣмъ болѣе необходимость каждое учрежденіе синодальнаго или духовнаго вѣдомства осѣнять ореоломъ богоучрежденности, какъ непонятно въ государственной жизни желаніе каждаго чиновника укрыться за неприкосновенность самодержавія. По крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ провинціальныхъ чиновниковъ это желаніе несомнѣнно существуетъ, по свидѣтельству нашихъ писателей, и если о комъ-нибудь изъ нихъ сказать что онъ взяточникъ, то онъ сейчасъ же начнетъ жаловаться на потрясеніе основъ и взывать о святости государственнаго строя. То же самое въ послѣднее время стало замѣчаться у нѣкоторыхъ провинціальныхъ учителей. Если имъ укажутъ ихъ собственные недостатки или критически отнесутся къ ихъ печатнымъ трудамъ, они тотчасъ же завопятъ о неприкосновенности и начнутъ жаловаться на колебаніе ихъ авторитета въ глазахъ учащихся, на опасность для государства въ такого рода критикахъ и разоблаченіяхъ, чуть ли не на подстрекательства учениковъ къ бунту противъ учителя, хотя бы отзывы эти представляли собою справедливую оцѣнку неудачныхъ произведеній учителя. Конечно, поощрять подобныя притязанія безцеремонныхъ представителей чиновничества не можетъ входить въ задачу ученыхъ изслѣдованій нашихъ професоровъ, а тѣмъ болѣе богослововъ.

Какъ бы то ни было, примѣры цензурнаго дѣйствованія въ Россіи г. Барсовъ видитъ въ самомъ началѣ нашей исторіи, при самомъ возникновеніи у насъ письменности, хотя организація цензурнаго вѣдомства, разумѣется, могла осуществиться лишь гораздо позже.

* * *

Текущій годъ, первый въ новомъ столѣтіи, можно назвать годомъ школьныхъ преобразованій если не in re, то по крайней мѣрѣ in spe.

Преобразованіе свѣтской школы начатое и продолжаемое съ такою спѣшностію и съ такою энергіей, надо думать, по сходству идей вызвало на свѣтъ и вопросъ о современномъ состояніи школы духовнаго вѣдомства. Повременная печать, особенно петербургскія газеты за послѣдніе два, три мѣсяца, удѣляютъ значительное вниманіе этому вопросу и тянутъ за собою мѣстные органы духовной печати которые, какъ бы вызываемые статьями своихъ свѣтскихъ собратій, не скупятся отводить свои столбцы выясненію вопроса объ образованіи въ духовномъ вѣдомствѣ.

Единодушіе между тѣми и другими органами печати достигнуто лишь въ признаніи неудовлетворительности современнаго духовнаго образованія, крайняго упадка въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ преподаванія какъ спеціальныхъ богословскихъ предметовъ, такъ и общеобразовательныхъ и пониженіи общаго уровня образованности въ нашемъ духовенствѣ. Разумѣется, въ темныхъ краскахъ недостатка нѣтъ, ими густо покрыта вся картина, и даже случайные и единичные примѣры обобщены на степень показателя сословной необразованности и невѣжества. Но затѣмъ уже идетъ полная разноголосица въ установленіи способовъ, какъ поправить дѣло. Одни авторы по примѣру преобразователей свѣтской школы виною печальнаго положенія считаютъ уставъ и въ его передѣлкѣ видятъ якорь спасенія. Другіе причиною неустройства признаютъ общее фальшивое будто бы положеніе духовно-учебныхъ заведеній въ ряду другихъ просвѣтительныхъ учрежденій въ государствѣ, отсутствіе надлежащей организаціи въ самомъ духовенствѣ, привязанность послѣдняго къ матеріальнымъ благамъ и т. п., и сообразно съ этими сужденіями видятъ выходъ изъ невыгоднаго положенія въ общемъ подъемѣ быта духовенства, въ улучшеніи матеріальныхъ условій его жизни, въ болѣе строгомъ выборѣ кандидатовъ священства и въ сословной организаціи всего духовенства. Третьи во всемъ винятъ монашествующихъ якобы не по призванію и не по достоинству стоящихъ во главѣ администраціи и учебнаго дѣла духовенства, и съ бо́льшимъ просторомъ для лицъ бѣлаго духовенства и для свѣтскихъ богослововъ въ преподаваніи и управленіи духовными школами надѣются на исцѣленіе по крайней мѣрѣ коренныхъ недуговъ гнѣздящихся въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ, и т. д. Словомъ, въ этой области нѣтъ недостатка въ разнообразіи мнѣній, но, какъ ни странно, всѣ эти мнѣнія объединяются однимъ общимъ имъ почти всѣмъ свойствомъ перенесенія центра тяжести изъ разсматриваемой и оцѣниваемой ими области школы въ другую, совершенно непричастную школѣ область быта нашего духовенства, его управленія, жизни, обычаевъ, его положенія въ государствѣ и отношеній къ дру-

гимъ сословіямъ и общественнымъ группамъ. На этомъ сбиваются почти всѣ авторы статей о духовномъ образованіи и, начавъ съ правильнаго признанія его неудовлетворительности, спѣшатъ перейти на избитую почву необезпеченности и приниженности духовенства, что̀ по справедливости заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія, иной оцѣнки и инаго вниманія къ себѣ не однихъ писателей, но и власти, ибо гласность въ этой области еще болѣе вредитъ духовенству и ухудшаетъ его положеніе, если не влечетъ за собою немедленныхъ мѣръ къ исправленію замѣченныхъ недостатковъ, къ дѣйствительному улучшенію быта духовенства, а не мнимому, въ родѣ, напримѣръ, распоряженія опускать плату за таинства въ кружку, а не въ руку священника. Много, очень много обо всемъ этомъ написано статей и даже цѣлыхъ книгъ, но дѣло отъ всего этого не только не подвинулось впередъ, но наоборотъ, если вѣрить этимъ статьямъ, все ухудшается и положеніе духовенства становится тягостнѣе и безвыходнѣе. При такихъ условіяхъ всякая новая попытка говорить на старую тему способна скорѣе привести къ убѣжденію что духовенству не пропускаютъ ни одного частнаго случая, чтобы не напомнить объ его бѣдности, приниженности, недостаткахъ, точно состоитъ оно подъ какимъ-то негласнымъ надзоромъ, чтобы ставить ему „всякое лыко въ строку", и точно положеніе беззащитнаго застраховано отъ злорадства каждаго читателя.

Кажется, пора бросить эту манеру барахтаться въ грязи и плакаться на незавидное положеніе. Цѣлесообразнѣе было бы говорить о каждомъ предметѣ въ своемъ мѣстѣ, серіозно разобраться въ затрогиваемомъ вопросѣ и, указавъ дѣйствительные пробѣлы въ извѣстномъ положеніи, предлагать уже сообразныя мѣры къ ихъ исправленію. Разумѣется, все это такія общія мѣста и прописныя истины что о нихъ можно бы и не говорить, еслибы дѣйствительность не убѣждала въ забвеніи ихъ. Къ сожалѣнію, это досадное забвеніе очевидно. Мы такъ и не имѣли до сихъ поръ спокойнаго и трезваго обсужденія недочетовъ духовнаго образованія. Много было указано случаевъ невѣжества, а откуда оно идетъ, чего именно недостаетъ духовной школѣ, въ чемъ именно ея погрѣшности принижающія духовное образованіе, объ этомъ разные писатели не говорили, быть-можетъ, не обладая достаточнымъ опытомъ для необходимыхъ обобщеній.

Между тѣмъ богатый матеріалъ для сужденій несомнѣнно всегда существовалъ, по крайней мѣрѣ, въ распоряженіи духовно-учебнаго управленія въ формѣ донесеній и отчетовъ гг. наставниковъ и комисій производившихъ повѣрочныя испытанія воспитанниковъ семинарій при поступленіи ихъ въ академіи. Такіе отчеты и донесенія о результатахъ повѣрочныхъ испытаній въ С.-Петербургской и Москов-

ской академіяхъ въ 1900 году напечатаны въ журналахъ издающихся этими академіями (*Христіанское Чтеніе*, мартъ: „Журналы собраній Совѣта Спб. духовной академіи за 1900—1901 годъ“ и *Богословскій Вѣстникъ*, январь: „Изъ академической жизни“).

Кому же лучше знать о современномъ состояніи духовнаго просвѣщенія какъ не духовнымъ академіямъ? Къ нимъ ежегодно пріѣзжаетъ лучшая часть духовнаго юношества наиболѣе подготовленная общимъ образованіемъ, развитая, богатая богословскими знаніями. Каждая семинарія высылаетъ одного, двухъ, много трехъ изъ наилучшихъ своихъ воспитанниковъ, и подборъ такихъ соискателей на повѣрочномъ испытаніи безспорно является превосходнымъ матеріаломъ для наблюденія надъ общимъ уровнемъ образованности нашего духовенства, надъ его подготовленностью къ высшему богословскому образованію и надъ современнымъ положеніемъ духовныхъ семинарій въ учебномъ и воспитательномъ отношеніи. Надо думать что наши академіи производятъ испытанія весьма строго вслѣдствіе большаго количества желающихъ поступить въ академію (въ Петербургскую желало поступить въ 1900 году 85 человѣкъ и въ Московскую 67) и ограниченности штатныхъ мѣстъ въ академіи, кажется, не больше 50. Академіи такимъ образомъ приходится выбирать достойнѣйшихъ изъ наилучшихъ. Понятно поэтому какъ драгоцѣнны ея сужденія о повѣрочныхъ испытаніяхъ.

Задачею этихъ испытаній является провѣрка знаній воспитанниковъ по нѣкоторымъ (по выбору совѣта академіи) предметамъ семинарскаго преподаванія и подготовленности ихъ къ слушанію высшихъ наукъ, но непремѣнно и исключительно въ объемѣ курсовъ указанныхъ семинарскими програмами. Кромѣ общаго требованія послѣднее обстоятельство при соискательствѣ обусловливается требованіями справедливости, какъ это превосходно выяснила комисія повѣрочнаго испытанія по догматическому богословію въ Петербургской академіи. „При производствѣ испытаній, говоритъ она въ своемъ донесеніи, комисія руководствовалась требованіями семинарской програмы. Но такъ какъ на нѣкоторые пункты програмы отвѣтовъ въ учебникѣ не дается, и одни изъ воспитанниковъ, какъ оказалось, могли давать на эти пункты отвѣты достаточно удовлетворительные, а другіе слишкомъ слабые, при чемъ трудно было опредѣлить отъ чего зависитъ неудовлетворительность отвѣтовъ: отъ недостатка ли собственнаго усердія въ отвѣчавшемъ, или отъ того что данный вопросъ не былъ разъясненъ семинарскимъ наставникомъ, то въ качествѣ общей мѣрки для оцѣнки отвѣтовъ комисіей было принято знаніе воспитанниками семинарскаго учебника; „сверхдолжныя“ познанія вліяли лишь на установку незначительныхъ различій въ баллахъ“.

Такимъ образомъ, по совершенно вѣрному взгляду комисіи, чѣмъ строже провѣрка знаній по семинарской програмѣ, тѣмъ вѣрнѣе оцѣнка и безобиднѣе соискательство. Обстоятельство это весьма важно, ибо безъ общей мѣрки успѣхъ испытаній зависѣлъ бы или отъ счастливой случайности, или отъ произвола испытателя.

Кромѣ устныхъ испытаній повѣрка производится по письменному изложенію воспитанниками отвѣтовъ на предложенные вопросы. Эти „сочиненія", безъ сомнѣнія, играютъ значительную роль въ установкѣ сужденія о подготовленности семинаристовъ къ прохожденію высшихъ курсовъ и объ умѣніи ихъ логически мыслить и литературно излагать свои мысли. И опять требованіе сообразоваться съ семинарскими програмами выступаетъ со всею силою. Вотъ почему професоръ философіи въ Петербургской академіи, предложивъ для письменнаго испытанія тему: „Какое значеніе можетъ имѣть философія для образованія характера человѣка", въ донесеніи своемъ объясняетъ тѣ основанія какія онъ имѣлъ для предложенія такой темы: „если имѣть въ виду програму философіи въ духовныхъ семинаріяхъ, говоритъ онъ, семинарскіе воспитанники владѣли не скуднымъ матеріаломъ для рѣшенія предложеннаго вопроса: о характерѣ трактуется въ „Опытной психологіи", а о философіи можно получить разностороннее представленіе изъ „Введенія въ философію", изъ „Начальныхъ основаній философіи" и изъ „Краткой исторіи философіи". Все такимъ образомъ зависѣло отъ того какъ былъ усвоенъ этотъ матеріалъ и какъ онъ будетъ въ настоящемъ случаѣ использованъ".

Понятно само собою что общіе выводы къ какимъ приходятъ академическіе професора по поводу повѣрочныхъ испытаній являются въ своемъ родѣ судебными приговорами въ вопросѣ о духовномъ образованіи: они безпристрастно, точно устанавливаютъ степень образованности семинаристовъ и вѣрно выражаютъ ихъ достоинства и недостатки.

Эти выводы рисуютъ дѣйствительно печальную картину просвѣщенія въ нашихъ духовноучебныхъ заведеніяхъ. Они такъ выразительны что не требуютъ объясненій.

Професоръ Петербургской академіи читавшій сочиненія по Обличительному богословію сообщаетъ совѣту академіи:

Въ качествѣ общей характеристики письменныхъ работъ нужно сказать что прямаго и правильнаго отвѣта на вопросъ не дано. Очень многіе совершенно не поняли темы... Другіе замѣтивъ вопросъ старались его только обойти... И только весьма немногіе поставили вопросъ, какъ слѣдуетъ, и попытались на него отвѣтить, хотя и эти попытки не отличались удачей: скользнувъ по настоящей почвѣ пишущій спѣшилъ перейти вслѣдъ за своими товарищами къ избитымъ доказательствамъ или къ уловкамъ. Замѣтно опасеніе и непривычка

ходить безъ помочей учебника. Необходимо, во вторыхъ, упомянуть еще особенность письменныхъ работъ объясняемую самой постановкой, повидимому, семинарскаго преподаванія: это стремленіе не разъяснять, а доказывать, хотя бы отъ этого доказательства сущность дѣла оставалась по-прежнему непонятной... Возможность такого непониманія темы и при пониманіи такого легкаго къ ней отношенія побуждаетъ пожелать чтобы преподаваніе богословскихъ наукъ въ семинаріяхъ за доказательствами истинъ вѣры не забывало раскрывать внутренній смыслъ этихъ истинъ, чтобы оно пріучало воспитанниковъ не только доказывать, но и мыслить.

Професоръ Московской академіи читавшій сочиненія по нравственному богословію приблизительно вынесъ то же самое впечатлѣніе о способности испытуемыхъ пользоваться пріобрѣтенными свѣдѣніями. Онъ сообщаетъ о письменныхъ отвѣтахъ на вопросъ о значеніи наградъ и наказаній въ дѣлѣ нравственнаго поведенія человѣка:

Въ общемъ, сочиненія на эту тему написаны посредственно. Въ ряду представленныхъ сочиненій не было почти ни одного которое бы оставило вопросъ безъ отвѣта, но съ другой стороны и очень мало было такихъ которыя давали бы вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ. Бо̀льшая часть писавшихъ предлагала очень поверхностное рѣшеніе вопроса... Лишь немногіе изъ писавшихъ сдѣлали попытки представить ученіе о наградахъ и наказаніяхъ въ качествѣ необходимаго элемента морали связаннаго съ самимъ ея существомъ и нисколько не противорѣчащаго ея чистотѣ и безкорыстію. Но и изъ этихъ студентовъ ни одинъ не далъ отвѣта проведеннаго со строгою послѣдовательностію и безукоризненно аргументированнаго. Поэтому комисія не нашла возможнымъ ни одно сочиненіе отмѣтить высшимъ балломъ.

Такимъ образомъ письменные отвѣты по богословію не удовлетворили академическихъ професоровъ. Не лучше были и устные отвѣты по богословскимъ предметамъ. Въ Петербургской академіи устное испытаніе производилось по Священному Писанію Ветхаго, а въ Московской Новаго Завѣта, то-есть, по такому предмету который составляетъ основу и центръ всякаго, не только богословскаго образованія. И, увы! отвѣты и по этому наиважнѣйшему предмету не удовлетворили испытателей. Петербургская комисія сообщаетъ:

Общій недостатокъ отвѣтовъ большинства подвергавшихся повѣрочному испытанію тотъ же какой былъ неоднократно отмѣченъ и ранѣе: неумѣніе правильно перевести славянскій текстъ, даже какая-то боязнь перевода: прочитавъ славянскую фразу отвѣчавшіе спѣшили перейти къ ея толкованію, къ указанію ея „общаго смысла“, всячески уклоняясь отъ перевода ея на русскій языкъ; очевидно, учебники предлагающіе въ излишнемъ обиліи „изложеніе содержанія“ библейскихъ книгъ по главамъ, отдѣламъ и стихамъ, сослужили въ данномъ случаѣ плохую службу, пріучивъ воспитанниковъ отыски-

вать „общій смыслъ“ прежде уразумѣнія частнаго... Кромѣ этого обычнаго недостатка замѣчательно обнаруженное многими плохое знаніе Священной исторіи. Судя по нѣкоторымъ отвѣтамъ можно было подумать что это знаніе не увеличивалось и углублялось съ изученіемъ въ семинаріи множества богословскихъ предметовъ, а, напротивъ, послѣ училища шло на убыль.

Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ, какъ и при испытаніи по Обличительному богословію, не было замѣтно полезнаго вліянія семинарскаго курса на прошедшихъ его. „Качество отвѣтовъ, по свидѣтельству той же комисіи, всецѣло зависѣло отъ степени самостоятельной подготовки къ экзамену отвѣчавшихъ: вліянія семинарскаго преподаванія закончившагося для каждаго изъ нихъ по меньшей мѣрѣ два года тому назадъ не было замѣтно. Въ этомъ отношеніи характерно то что и нѣкоторые изъ гимназистовъ не проходившихъ Св. Писанія въ качествѣ учебнаго предмета отвѣчали такъ же хорошо какъ и семинаристы“.

Въ Московской академіи при испытаніи по Св. Писанію Новаго Занѣта замѣченъ былъ недостатокъ въ отвѣтахъ „общій и главный, заслуживающій указанія особаго, какъ и за всѣ прошлые годы, въ слабомъ знаніи какъ подлиннаго греческаго новозавѣтнаго текста, такъ и греческой граматики, безъ чего, конечно, невозможенъ научный и вполнѣ сознательный экзегесъ“.

Едва ли можно признать лучшими и отвѣты по философскимъ и общеобразовательнымъ предметамъ. Професоръ Петербургской академіи читавшій сочиненія по философіи обращаетъ вниманіе на „отрѣшенное отъ жизни“ изученіе въ семинаріяхъ разныхъ отдѣловъ философіи „даже и близко соприкосновенныхъ съ жизнью“. „Во многихъ сочиненіяхъ, говоритъ онъ, просвѣчиваетъ взглядъ на философію какъ на предметъ чисто теоретическаго изученія: очевидно, передъ авторами ихъ никогда не стоялъ вопросъ о жизненномъ значеніи тѣхъ или другихъ философскихъ проблемъ“. Впрочемъ, и въ данномъ случаѣ плохую услугу оказала воспитанникамъ постановка семинарскаго изученія философіи.

Семинарская постановка преподаванія философіи, говоритъ тотъ же професоръ, сама по себѣ не отрѣшаетъ этого предмета отъ внутренняго міра учащихся, скорѣе наоборотъ. Если же философія, тѣмъ не менѣе, остается въ большинствѣ случаевъ предметомъ только объективнаго изученія, то, какъ уже и раньше приходилось констатировать, главную причину этого обстоятельства нужно видѣть въ несоотвѣтствіи между количествомъ учебнаго матеріала и числомъ уроковъ назначенныхъ для его усвоенія; спѣша выполнить програму преподаватель невольно долженъ жертвовать собственно развивающею стороною преподаванія философіи.

Заслуживаетъ особаго вниманія донесеніе професора исторіи русской литературы о письменномъ испытаніи въ Петербургской академіи на тему: „Пушкинъ какъ народный поэтъ“. Професоръ не нашелъ работъ особенно выдающихся въ какомъ-нибудь отношеніи и объ отдѣльныхъ изъ нихъ далъ слѣдующій отзывъ:

Прошлогодній Пушкинскій юбилей не много далъ нашимъ авторамъ. По вычисленіямъ одного воспитанника С.-Петербургской семинаріи, уроженца Псковской губерніи, оказывается даже что „годъ тому назадъ русскій народъ праздновалъ 60-тилѣтіе со дня кончины своего великаго поэта“... Архангельскій воспитанникъ считаетъ Пушкина „самымъ талантливымъ и однимъ изъ первыхъ представителей“ того литературнаго направленія которое создалъ Гоголь... Черниговскій приходитъ къ заключенію что „Пушкинъ является народнымъ поэтомъ прежде всего по языку своихъ произведеній, потомъ по ихъ духу и только отчасти по содержанію“. Волынскій приписываетъ Пушкину поэму „Полтавская битва“, а Воронежскій называетъ нянюшку поэта „Еремѣевной“... Обычный недостатокъ разнаго рода стилистическія погрѣшности: неясности, неточности, провинціализмы, излишняя искусственность, повтореніе. Напримѣръ: „это первое произведеніе (имѣется въ виду „Русланъ и Людмила“) въ которомъ Пушкинъ явился пѣвцомъ древняго русскаго эпоса нашедшаго свое выраженіе въ сказкахъ“; „русскій народъ нашелъ своего пѣвца въ лицѣ Пушкина положившаго начало народному творчеству“; „Пушкинъ есть не только творецъ поэтическаго и художественнаго искусства, онъ въ то же время поэтъ народный“; „Пушкинъ былъ, дѣйствительно, душою русскаго народа, истинно русскимъ человѣкомъ“... „произведенія вылившіяся изъ народнаго духа народнымъ поэтомъ Пушкинымъ“... Не рѣдкость и граматическія ошибки.

Такимъ образомъ положеніе общеобразовательныхъ предметовъ въ нашихъ семинаріяхъ несомнѣнно идетъ на убыль.

Но что̀ вызываетъ положительную и безнадеждую грусть, это упадокъ знанія языковъ древнихъ и новыхъ которымъ всегда такъ справедливо гордились прежде наши духовно-учебныя заведенія и которое богословамъ также необходимо какъ глаза. Комисія испытанія по греческому языку въ Петербургской академіи пишетъ въ своемъ донесеніи:

Экзаменъ можно считать удовлетворительнымъ, такъ какъ недостаточныхъ отвѣтовъ, разумѣемъ здѣсь баллъ $2^3/_4$, было всего 23, то-есть, немного болѣе $^1/_3$ (помилуйте, страшно много!) всего количества экзаменовавшихся. Но дѣло имѣетъ, къ сожалѣнію, другую непріятную сторону. Оцѣнка отвѣтовъ была произведена снисходительно, такъ что съ балломъ $3^1/_2$, 3 отходили отъ экзаменаціоннаго стола такіе воспитанники которые не могли оріентироваться въ такой простой фразѣ какъ: οὐχ ἀντρωποφυέας ἐνόμισαν τοὺς θεοὺς κατά περ οἱ Ἕλληνες εἶναι (надо сказать что на экзаменѣ переводили простѣйшаго Геродота). Видно было что у многихъ лучшихъ

воспитанниковъ граматическій матеріалъ достаточно усвоенъ, но нѣтъ умѣнія приложить его къ дѣлу. И это печальное явленіе зависитъ не столько отъ отсутствія практики, сколько отъ мертвенности семинарскаго преподованія... Этотъ недочетъ семинарскій—тормазъ для академическихъ занятій, потому что приходится здѣсь учиться переводу, что уже поздно, а главное не къ лицу академіи, гдѣ должны быть другія, высшія цѣли.

Въ Московской академіи испытаніе производилось по латинскому языку, и вотъ отчетъ комисіи:

По латинскому языку экзаменовавшимся сначала предлагалось перевести съ русскаго языка на латинскій одну или двѣ фразы. Вмѣстѣ съ тѣмъ были предлагаемы и вопросы изъ синтаксиса, граматики. Нѣкоторымъ давались примѣры для перевода съ русскаго на латинскій. Отвѣты нѣкоторыхъ изъ экзаменовавшихся были довольно слабы. Замѣчался недостатокъ навыка въ чтеніи латинскихъ текстовъ, недостаточное знакомство съ латинскими класиками и ихъ особенностями, недостаточное знаніе правилъ латинской граматики, малое знаніе латинскихъ словъ.

Общее заключеніе комисіи той же Московской академіи о знаніи семинаристами древнихъ и новыхъ языковъ весьма неутѣшительно.

Относительно познаній экзаменующихся въ области новыхъ языковъ, пишетъ она, нужно съ глубокимъ прискорбіемъ сказать что они очень слабы и, кажется, постепенно съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе падаютъ. Прежде нѣкоторые изъ экзаменовавшихся отлично владѣли тремя новыми языками: нѣмецкимъ, французскимъ и англійскимъ. Теперь все это отошло уже въ область преданія. А между прочимъ это весьма важное явленіе. Не знающій хорошо ни одного языка, но поступившій въ академію, тратитъ массу времени чтобы ознакомиться хотя бы только отчасти съ тѣмъ или другимъ изъ новыхъ языковъ, потому что безъ нихъ ему здѣсь иногда нельзя шагу ступить. Сколько же, спрашивается, тратится дорогаго времени студентомъ на изученіе языка? И сколько бы онъ успѣлъ сдѣлать, еслибы при своихъ ученыхъ занятіяхъ прямо садился за иностранный источникъ, когда онъ ему необходимъ. Упали и древніе языки, а между тѣмъ отъ работающаго серіозно потребуются весьма солидныя познанія въ томъ и другомъ языкѣ.

Такимъ образомъ общее заключеніе какое можно вывести на основаніи вышеизложенныхъ донесеній совершенно безотрадно. Семинарское преподаваніе во многихъ случаяхъ не удовлетворяетъ даже требованіямъ програмъ которыми оно ограничено, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ не только не расширяетъ знанія воспитанниковъ и не движетъ ихъ впередъ, къ обладанію бóльшими, но завѣдомо отодвигаетъ въ этомъ отношеніи назадъ, заставляя забывать свѣдѣнія уже имѣвшіяся у воспитанниковъ изъ болѣе ранняго періода ихъ ученія. Упало преподаваніе не только общеобразовательныхъ предметовъ, но

даже спеціальныхъ богословскихъ, ради которыхъ и существуютъ семинаріи какъ особыя учрежденія и безъ знанія которыхъ семинарія не исполняетъ прямаго своего назначенія служить разсадникомъ образованныхъ священниковъ. Какое же это образованіе, когда семинаристы не могутъ перевести славянской Библіи на русскій языкъ! Теперь очень жалуются что многіе семинарскіе воспитанники уходятъ изъ духовнаго званія. И пусть! Развѣ возможны священники въ нашихъ селахъ усвоившіе какой-то „смыслъ“ Святаго Писанія и не знающіе его священнаго текста? Нѣтъ, о такихъ богословахъ жалѣть не слѣдуетъ. Правда что среди нихъ уходятъ и достойные. А о такихъ надо сожалѣть и къ удержанію ихъ надо принять всѣ мѣры.

Обычно указываютъ что лучшія духовныя силы оставляютъ свое званіе не перенося того произвола который царитъ во всемъ духовномъ вѣдомствѣ, начиная съ іерарховъ и кончая самыми мелкими консисторскими чиновниками.

Къ сожалѣнію, можно усмотрѣть произволъ и въ академіяхъ духовныхъ и даже при такомъ отвѣтственномъ и тревожномъ дѣлѣ, какъ повѣрочныя испытанія желающихъ поступить въ академію. Такъ, въ Московской духовной академіи для одного изъ письменныхъ испытаній предложена была тема по исторіи и разбору западныхъ исповѣданій, именно: „Чтò вы знаете и думаете о папѣ Львѣ XIII?“

Во-первыхъ, въ курсѣ преподаваемыхъ предметовъ въ семинаріи такого предмета совсѣмъ нѣтъ; каѳедра исторіи и разбора западныхъ исповѣданій существуетъ только въ академіи. Какимъ же образомъ допущено было чтобы пытали воспитанниковъ семинаріи по такому предмету, какого они не изучали, да и изучать не могли за полнымъ отсутствіемъ его въ семинарской програмѣ? Правда, можно предположить что на испытаніи дадутъ тему хотя и изъ предмета новаго для испытуемыхъ, но самая тема такого характера и содержанія что развитіе ея не представитъ для нихъ затрудненія по знакомству съ нею изъ области другихъ наукъ уже усвоенныхъ испытуемыми.

Во-вторыхъ, въ данномъ случаѣ изъ академическаго предмета предложенъ былъ вопросъ на который отвѣтить семинаристъ при всемъ своемъ желаніи ничего не можетъ, такъ какъ по этому вопросу въ теченіе десятилѣтняго своего предварительнаго ученія онъ ничего не слыхалъ, да и слышать не могъ отъ своихъ преподавателей: вопросъ этотъ стоитъ внѣ програмъ многочисленныхъ предметовъ усвоенныхъ имъ въ духовномъ училищѣ и въ духовной семинаріи. О папѣ Львѣ XIII не говоритъ ни одинъ предметъ не только семинарскаго курса, но и всякаго въ предѣлахъ програмы средняго учебнаго заведенія. При чемъ, безъ сомнѣнія,

говорить съ дѣтьми о текущихъ событіяхъ не касающихся нашей церкви и государства наставникъ и не можетъ, такъ какъ за подобную трату времени (въ лучшемъ случаѣ) его никто не похвалитъ, равно какъ никто изъ благоразумныхъ родителей и воспитателей не станетъ поощрять самостоятельное чтеніе юношами газетъ и журналовъ, ибо ученыхъ произведеній о живыхъ людяхъ и текущихъ событіяхъ не пишутъ и въ Московской академіи.

Чѣмъ же объясняется предложеніе такой темы да еще на повѣрочномъ испытаніи? Отвѣтъ находимъ въ *Богословскомъ Вѣстникѣ*, органѣ Московской академіи. Изволите ли видѣть, кому-то изъ власть имѣющихъ въ академіи захотѣлось узнать, „насколько питомцы духовной школы готовящіеся быть пастырями и дать отвѣтъ о своемъ упованіи всякому вопрошающему (I Петр. III, 15) интересуются жизнію современнаго Запада и употребляютъ ли хотя часть своего досуга на ознакомленіе съ какими-либо духовными журналами и вѣдомостями“.

Не угодно ли?! Основаніе для постановки вопроса взято изъ самого Священнаго Писанія. Ужь не думаютъ ли професора духовной академіи ссылаться на откровенное происхожденіе темъ, да еще такихъ которыхъ никакими человѣческими соображеніями оправдать нельзя?! Духовная академія обязана руководиться во всей своей жизни даннымъ ей уставомъ, а чтобы она не выходила изъ рамокъ устава, для наблюденія за этимъ каждой академіи данъ ректоръ, въ настоящее время во всѣхъ академіяхъ даже въ санѣ епископа. Ректоръ обязанъ не только собственнымъ примѣромъ быть образцомъ исполненія по крайней мѣрѣ писаннаго закона, но и наблюдать чтобы никто изъ служащихъ въ академіи и учащихся отнюдь не нарушалъ прямыхъ требованій закона и инструкцій.

Допустимъ что професоръ на досугѣ могъ придумать и не такую тему для пріемнаго испытанія. Куда же смотрѣлъ ректоръ разрѣшая предложить эту тему испытуемымъ и требовать отъ нихъ отвѣта? Допустимъ что для времяпрепровожденія професора и ректора испытуемые написали бы что-нибудь и поинтереснѣе чѣмъ о папѣ. Но представьте себѣ весь ужасъ положенія, когда отъ отвѣта на неизвѣстный вопросъ зависитъ ваша судьба! И отвѣты семинаристовъ были приняты Московскою академіей въ серіозъ и служили для нея матеріаломъ для сужденія о достоинствѣ и недостаткахъ испытуемыхъ, для рѣшенія вопроса, кого принять въ академію, кому отказать. При чемъ лучшимъ отвѣтомъ, искреннимъ и правдивымъ признавался совсѣмъ не за тѣмъ авторомъ который чистосердечно отказывался писать на предложенную тему. Вотъ свидѣтельство самого отчета:

Изъ 62 экзаменовавшихся только двое встрѣтили данную имъ тему съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Одинъ изъ нихъ началъ съ заявленія что „для знакомства съ текущими событіями въ жизни западной церкви“ у него „не было подходящихъ и доступныхъ источниковъ“, „такъ какъ въ семинарской библіотекѣ настоящихъ и текущихъ изданій не имѣется“ и то же „отсутствіе источниковъ ограничивало“ у него будто бы „и въ каникулярное время стремленія иногда зарождавшагося къ этому предмету интереса“. Другой ссылался на то что по происхожденію онъ не изъ духовнаго сословія, а потому будто бы „не имѣлъ возможности пользоваться церковными вѣдомостями“. За все время пребыванія въ семинаріи ему не пришлось ознакомиться съ ними. Всѣ же остальные питомцы семинарій, очевидно, считали предъявленное къ нимъ такое требованіе вполнѣ естественнымъ и потому добросовѣстно старались, припомнивъ все когда-либо и гдѣ-либо читанное или слышанное о нынѣшнемъ папѣ, составить изо всего этого матеріала нѣчто цѣльное.

Прибавьте къ этому свидѣтельство другой комисіи Московской академіи по другому испытанію что „нѣкоторые даже изъ присланныхъ, то-есть, изъ самыхъ лучшихъ учениковъ семинаріи, не могли назвать ни одного журнала изъ числа издаваемыхъ академіями. По ихъ объясненіямъ, журналовъ этихъ совершенно и не было въ ученическихъ библіотекахъ“.

Трудно представить худшую расправу съ беззащитными и безмолвными духовными юношами! Поистинѣ, враги человѣку домашніе его. Необходимо напомнить Московской духовной академіи что она обязана исполнять законъ и данныя ей инструкціи, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководиться ихъ требованіями и отнюдь не прибѣгать къ кощуннымъ уловкамъ для оправданія своеволія.

Новости иностранной литературы.

Назначеніе поэзіи въ жизни.

De la place que la poésie doit avoir dans la vie. Par Paul Stapfer (*Revue* [*ancienne Revue des Revues*], 1 Juin 1901).

Основнымъ положеніемъ которое старается доказать авторъ настоящей статьи является то что въ жизни всякаго человѣческаго существа поэтическій элементъ является не только роскошью, какъ не рѣдко принято думать, но и элементомъ первой необходимости. Доводы приводимые авторомъ въ подтвержденіе его теоріи сводятся къ слѣдующему.

Чувство прекраснаго должно быть прежде всего безкорыстно, только при этомъ условіи оно благодѣтельно. Поклоненіе красотѣ отнюдь

не питаетъ нашего эгоизма, а наоборотъ, безконечно возвышаетъ насъ надъ тѣмъ что̀ есть низменнаго въ нашей природѣ. Въ этомъ именно состоятъ неоцѣнимые плоды художественной литературной культуры. Дѣйствіе ея чисто нравственное и состоитъ въ томъ чтобы пробуждать и поддерживать въ душѣ человѣка высокія чувства и стремленія. „Admire, c'est ainsi qu'on vole au firmament", сказалъ одинъ великій поэтъ. Тотъ кто дѣйствительно поклоняется прекрасному, чуждъ всякой зависти: охотно допуская чтобы многое и многіе стояли выше его онъ въ самомъ сознаніи своихъ недостатковъ находитъ побужденіе къ своему совершенствованію, онъ любуется всѣмъ тѣмъ что̀ есть прекраснаго въ природѣ и людяхъ отнюдь не жалѣя о томъ что это прекрасное не составляетъ его собственности. Восхищеніе ведетъ къ поклоненію; есть своего рода культъ въ возвышенномъ чувствѣ внушаемомъ намъ геніемъ, красотою, силой. Эстетическій смыслъ и религіозное чувство близко соприкасаются между собою и большею частію поддерживаютъ другъ друга. Религія и искусство имѣютъ между собою то общее что они заставляютъ насъ желать, искать нѣчто лучшее того что̀ представляется дѣйствительностію, и мѣшаютъ намъ погрузиться въ лѣнивое самодовольство. Это высшее и лучшее и есть то что̀ принято называть идеаломъ. Способность поклоненія красотѣ чуждая зависти, эгоизма и утилитарныхъ цѣлей по преимуществу отличаетъ человѣка отъ животнаго и борется въ немъ самомъ съ животною стороной его природы.

Часто и до извѣстной степени справедливо утверждаютъ будто животныя или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ кромѣ инстинкта также извѣстное пониманіе окружающихъ явленій. Но то что̀ класическіе философы называютъ разумомъ, то-есть, способность постигать общія идеи, безусловно имъ чуждо. Также чуждо животнымъ и художественное чутье которое пытались однако приписать имъ. По этому поводу не лишнее вспомнить отвѣтъ данный однимъ старымъ професоромъ-теологомъ на заявленіе одного изъ его учениковъ, будто собаки имѣютъ художественное чутье. „Представьте себѣ", говорилъ професоръ, „собаку которой предоставленъ выборъ между картиной Рафаэля и мозговою костью, что̀ она сдѣлаетъ? Конечно, набросится на кость". Иногда животнымъ приписываютъ художественное чутье на основаніи ихъ способности выводить стройныя сооруженія по опредѣленному плану. Но муравьи и пчелы устраиваютъ свои жилища совершенно по тому же плану какъ дѣлали это тысячелѣтія тому назадъ. Тутъ нѣтъ никакого усовершенствованія, никакого стремленія къ улучшенію, словомъ, никакого идеала, и это одно свидѣтельствуетъ о томъ что при такой работѣ животнымъ руководитъ удивительный природный инстинктъ, но о

художественномъ чутьѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи. У нѣкоторыхъ породъ животныхъ самецъ красивѣе самки и гордится своею красотой, но въ этомъ чувствѣ эстетика ни при чемъ, потому что оно основано всецѣло на стремленіи понравиться самкѣ и оказаться побѣдителемъ надъ соперниками. Въ этомъ случаѣ проявляется самый безпощадный, безпредѣльный эгоизмъ. Только одному человѣку дано испытывать во всей чистотѣ чувство прекраснаго, а это чувство можетъ быть чистымъ только въ томъ случаѣ, если къ нему не примѣшивается никакой заботы о личной выгодѣ.

Во французскомъ языкѣ названіе humanité присвоено тѣмъ предметамъ учебной програмы которые имѣютъ цѣлію развить и усовершенствовать въ человѣкѣ художественный и литературный вкусъ. Обученіе направленное исключительно къ утилитарной цѣли недостаточно для того чтобы вывести человѣка изъ животнаго состоянія и цивилизовать его. Между культурой ума и обученіемъ существуетъ большая разница. Обучить человѣка значитъ снабдить его свѣдѣніями необходимыми ему въ борьбѣ за существованіе. Но культура ума предполагаетъ обработку его подобную той какую предпринимаетъ умѣлый садовникъ, когда хочетъ безплодный дикій пустырь обратить въ цвѣтущій садъ. Воспитаніе должно имѣть двоякую сторону: развитіе ума ребенка и сообщеніе ему научныхъ и практическихъ свѣдѣній. Исключительное преобладаніе перваго элемента воспитанія имѣетъ свои неудобства: оно способно сдѣлать человѣка непригоднымъ къ жизни въ практическомъ смыслѣ, мечтателемъ и дилетантомъ; но эта опасность меньше чѣмъ та которая грозитъ въ случаѣ исключительнаго преобладанія втораго элемента. Односторонняя сообщенія научныхъ свѣдѣній не будучи скрашены культурой способны оставить человѣка въ варварскомъ состояніи или даже хуже того, сдѣлать изъ него ученаго дикаря. Science sans conscience n'est que ruine de l'âme, сказалъ Раблэ.

Каковы орудія для выработки художественнаго чутья и пониманія поэзіи? Прежде всего таковыми должно считаться изученіе класической литературы на которую такъ неразумно нападаютъ теперь. Но изученіе класическихъ языковъ представляетъ собою при теперешнихъ условіяхъ роскошь недоступную массѣ. Для этихъ послѣднихъ нужно искать поэтому другой путь къ умственной культурѣ. Такимъ путемъ можетъ явиться изученіе поэтовъ хотя бы современныхъ. Выборъ въ данномъ случаѣ свободенъ и зависитъ отъ вкуса каждаго отдѣльнаго лица; здѣсь не можетъ быть системы, а долженъ быть только искренній, безкорыстный интересъ къ художественнымъ произведеніямъ. Человѣкъ равнодушный къ искусствамъ представляетъ собою аномалію или во всякомъ случаѣ печальное явленіе. Не

даромъ Шекспиръ сказалъ устами Лоренцо въ *Венеціанскомъ купцѣ*:

...Тотъ человѣкъ въ чьемъ сердцѣ
Нѣтъ музыки, кому небесный звукъ
Согласныхъ струнъ не движетъ нѣгой душу,
Тотъ полонъ лжи, коварства, злыхъ страстей,
И духъ его чернѣе адской ночи,
Такимъ не вѣрь ни въ чемъ...

Но кромѣ книжной поэзіи существуетъ также поэзія жизни, гдѣ всякій изъ насъ можетъ быть поэтомъ. Изъ этого, конечно, отнюдь не слѣдуетъ что всѣ мы должны приняться писать стихи, наоборотъ, было бы лучше еслибы писалось поменьше. Нѣтъ, вся наша жизнь сама по себѣ должна быть поэмой въ которой гармонировали бы красота и добро, чутье изящнаго можетъ въ данномъ случаѣ успѣшно руководить человѣкомъ въ практической жизни, такъ какъ проявленія нравственныхъ качествъ всегда имѣетъ эстетическій характеръ.

Чтобы сдѣлать изъ жизни поэму нужна прежде всего толковая и энергическая дѣятельность. Чѣмъ больше человѣкъ вложитъ своего въ окружающей его жизни, тѣмъ поэтичнѣе самый его образъ. На ряду со стараніемъ о нравственномъ совершенствѣ надо любить всю ту красоту которая насъ окружаетъ въ жизни. При этомъ условіи жизнь будетъ настоящей поэмой, какъ бы ни были скромны и ограничены ея рамки.

Чтеніе современной молодежи.

Reading for the young. By. H. V. Weisse. (*Contemporary Review*, Iune, 1901).

Существуетъ распространенное мнѣніе будто англійская литература богата произведеніями подходящими для чтенія подростковъ и молодежи. Въ дѣйствительности такъ и было лѣтъ двадцать пять, двадцать тому назадъ. Но въ настоящее время, по признанію самихъ Англичанъ, белетристическая литература ихъ далеко стала не такова чтобы можно было признать ее за хотя бы безвредную, не только полезную пищу молодаго ума. Въ этомъ отношеніи представляетъ любопытныя данныя статья Вэйсэ появившаяся въ іюньской книжкѣ *Contemporary Review*.

По мнѣнію автора, общая масса новѣйшихъ доступныхъ и популярныхъ изданій совершенно безполезны для умственнаго развитія и скорѣе вредятъ ему. Въ тѣхъ случахъ когда жалуются на недобро-

качественность современной литературы принято возражать что тотъ кругъ, который ею пользуется, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ ничего не читалъ. Но еще вопросъ что̀ лучше для молодежи: ничего не читать, или читать вещи безполезныя для умственнаго или нравственнаго развитія? Несомнѣнно одно что пустое чтеніе извращаетъ вкусъ и дѣлаетъ человѣка неспособнымъ понимать художественную красоту истинно прекраснаго произведенія. Кромѣ того, человѣкъ привыкшій читать книгу машинально и только въ видѣ времяпрепровожденія отвыкаетъ отъ умственнаго усилія необходимаго для сколько-нибудь серіознаго чтенія. Къ развитію именно этихъ недостатковъ направлена современная литература. Вмѣсто того чтобы расширять знакомство съ жизнію и людьми она въ болѣе или менѣе пикантной формѣ знакомитъ насъ съ различными видами людскихъ недостатковъ и пороковъ. Говорятъ будто въ иныхъ случаяхъ такія книги могутъ быть полезны чтобы вселить отвращеніе къ пороку. Но въ этомъ случаѣ ихъ можно приравнять лишь къ сильно дѣйствующимъ ядовитымъ медицинскимъ средствамъ примѣняемымъ лишь въ крайности. Даже сравнительно безобидное чтеніе, если оно безполезно, дѣйствуетъ на умъ наркотически и вліяніе его немногимъ лучше вліянія вина и табака. Для взрослыхъ людей употребленіе этихъ послѣднихъ можетъ быть сравнительно безвреднымъ, но на молодой организмъ они дѣйствуютъ разрушительно. Въ настоящее время въ Англіи существуетъ правильно организованная борьба противъ употребленія вина и табака подростками и юношами. Слѣдующею за ней задачей будетъ вѣроятно борьба противъ чтенія вреднаго или безполезнаго для молодежи. Задача эта выдвинулась только за послѣдніе годы. Всего одно поколѣніе тому назадъ печаталось очень ограниченное количество книгъ. Люди выступали на литературномъ поприщѣ только въ томъ случаѣ когда чувствовали что имъ есть что̀ сказать. Издатели были людьми образованными и нерѣдко учеными. Книги были дороги и покупатели требовали за свои деньги такихъ произведеній, какія можно было бы прочесть не одинъ разъ. Даже журналы и тѣ отличались серіозными качествами своего содержанія. Въ виду сравнительной рѣдкости новыхъ книгъ основнымъ матеріаломъ для чтенія молодежи во всякомъ домѣ служила родительская фундаментальная библіотека, обыкновенно составленная изъ лучшихъ произведеній англійской класической литературы. Тогда рѣдкостью было найти въ среднемъ кругу человѣка который бы не имѣлъ основательнаго знакомства съ произведеніями Вальтеръ Скота, Тэкерея, Дикенса, Шекспира и Джорджа Эліота. Въ настоящее же время часто приходится слышать мнѣнія что эти писатели скучны, безцвѣтны и устарѣли. Публика предпочитаетъ болѣе легкое чтеніе, и соотвѣт-

ственно этому требованію количество белетристическихъ произведеній растетъ съ каждымъ годомъ въ ущербъ ихъ качеству. Въ 1899 году появилось въ Англіи 2750 новыхъ романовъ въ которыхъ интересъ дѣйствія почти исключительно сосредоточивается на развязкѣ до крайности запутанной фабулы.

Наиболѣе полезнымъ чтеніемъ для подростковъ принято считать историческіе романы, потому что такимъ путемъ будто бы легко пріобрѣтаются историческія свѣдѣнія, развивается духъ патріотизма и т. п. Справедливо ли однако такое мнѣніе? На самомъ дѣлѣ въ большинствѣ случаевъ подобныя книги имѣютъ исключительно анекдотическій характеръ. Онѣ только тѣшатъ воображеніе и, возбуждая любопытство описаніемъ самыхъ невѣроятныхъ приключеній, дѣлаютъ молодой умъ неспособнымъ живо заинтересоваться серіознымъ изученіемъ исторіи.

Но какъ бы то ни было, къ самому низшему разряду англійской литературы принадлежитъ періодическая печать, то-есть, популярные журналы и газеты. Появляясь во множествѣ они наводнили всѣ библіотеки и читальни общественныя и частныя и прямо-таки отучили современное поколѣніе отъ серіозной, хорошей книги. Они воспитываютъ слабость воли, нездоровое любопытство и умственную лѣнь. И чѣмъ хуже такое изданіе, тѣмъ больше на него спросъ. По этому поводу невольно вспоминаются слова вложенныя Чарльзомъ Ридомъ въ уста отца Эразма и обращенныя къ владѣльцу перваго печатнаго станка: „дѣти мои, въ нашихъ рукахъ теперь крылья знанія, смотрите же никогда не употребляйте во зло эту великую силу. Не печатайте дурныхъ книгъ, онѣ могутъ разлетѣться по міру какъ рой насѣкомыхъ и погубить души людей".

Къ сожалѣнію, этимъ мудрымъ правиломъ никто теперь не руководится. Не говоря уже о книгопродавцахъ которымъ безразлично качество имѣющагося у нихъ товара, лишь бы онъ расходился, но даже родители, чья прямая обязанность была бы положить границы безпорядочному чтенію ихъ дѣтей, равнодушно относятся къ этому злу. Наоборотъ, зачастую книга какова бы она ни была считается за самое лучшее средство обезпечить спокойствіе дома и удержать молодежь отъ дороже стоящихъ развлеченій. Въ настоящее время, однако, сознаніе вреда отъ безпорядочнаго чтенія начинаетъ проникать въ общество и, быть-можетъ, въ недалекомъ будущемъ найдется возможность упорядочить этотъ вопросъ. Это одна изъ первыхъ педагогическихъ задачъ стоящая одинаково на очереди у семьи и школы.

Экономическій упадокъ Англіи.

British pessimism. By Andrew Carnegie. (*Nineteenth Century*, June, 1901). The economic decay of Great Britain. By the author of „Drifting“ (*Contemporary Review*, June, 1901).

Американскій миліонеръ, Эндрю Карнеджи, помѣстилъ въ журналѣ *Nineteenth Century* статью посвященную оцѣнкѣ нынѣшняго экономическаго положенія Англіи. Хотя эта статья по мысли автора должна быть направлена къ утѣшенію Англичанъ въ ихъ финансовыхъ затрудненіяхъ, въ ней на самомъ дѣлѣ мало данныхъ чтобы достичь этой цѣли. По мнѣнію Карнеджи, единственный путь спасенія для Англіи это признаніе себя побѣжденной въ борьбѣ за расширеніе владѣній и скромное довольство тѣмъ чтó у нея уцѣлѣло до настоящей минуты. Мѣриться силами съ Америкой для Англіи уже потому недоступно что оба государства какъ по пространству територіи каждаго изъ нихъ, такъ по количеству ихъ населенія, представляютъ собою величины несоизмѣримыя. Англія имѣетъ населеніе въ сорокъ одинъ миліонъ жителей при територіи въ 127.000 квадратныхъ миль, тогда какъ Соединенные Штаты имѣютъ семьдесятъ семь миліоновъ жителей при територіи въ три съ половиной миліона квадратныхъ миль. Разумѣется, будущность вся за американскимъ народомъ. Но кромѣ Америки Англія имѣетъ много другихъ счастливыхъ соперницъ на поприщѣ мануфактурной промышленности, торговли и кораблестроенія. Англія во всемъ утратила свое первенство. По количеству судовъ ея торговый флотъ стоитъ впереди флотовъ другихъ державъ, но количество перевозимаго товара лишь слабо увеличивается за послѣдніе годы. За пять лѣтъ 1895—1899 гг. оно возрасло всего на сорокъ шесть тысячъ тоннъ. По величинѣ и совершенству конструкціи своихъ крупныхъ военныхъ судовъ Германія уже теперь имѣетъ значительный перевѣсъ надъ Англіей. Количество обработываемаго желѣза возросло въ Германіи съ полутора миліона до семи миліоновъ тоннъ въ годъ, тогда какъ Англія давно установила высшую норму производства въ девять съ половиной миліоновъ тоннъ въ годъ. Соединенные Штаты за послѣдній годъ переработали тринадцать миліоновъ тоннъ и этому количеству суждено увеличиться въ текущемъ году. Производство Соединенными Штатами стальныхъ издѣлій выразилось въ прошломъ году цифрою около одиннадцати миліоновъ тоннъ и въ нынѣшнемъ году эта цифра во всякомъ случаѣ не уменьшится, а скорѣе увеличится, тогда какъ Англія не достигнетъ въ нынѣшнемъ году обычной нормы въ пять миліоновъ тоннъ. Значительная убыль замѣчается также въ вывозѣ

тканей. Финансовыя операціи лондонской биржи не такъ значительны какъ прежде и она уступила свое мѣсто нью-йоркской биржѣ. Соединенные Штаты такъ долго бывъ должниками Англіи теперь стали ея кредиторами. Англія не смотря на чрезвычайную высоту налоговъ которыми обложенъ народъ имѣетъ въ нынѣшнемъ году одиннадцать миліоновъ фунтовъ стерлинговъ дефицита, тогда какъ Соединенные Штаты нашли возможнымъ сбавить общую сумму налоговъ на одиннадцать миліоновъ. Всего печальнѣе то что упадокъ англійской промышленности происходитъ отъ общаго ухудшенія въ финансовомъ положеніи вызваннаго неразумною политикой захватовъ. Только при томъ условіи, если англійское правительство и народъ откажутся отъ этого роковаго увлеченія, Англіи удастся избѣгнуть гибели которая иначе неминуемо грозитъ ей.

Тому же предмету посвящена другая статья помѣщенная въ іюньской книжкѣ *Comtemporary Review* и принадлежащая перу анонимнаго автора раньше высказавшаго много дѣльныхъ замѣчаній въ другой своей статьѣ о банкротствѣ Англіи. Основнымъ его положеніемъ является то что Англія быстро идетъ къ экономическому и политическому банкротству. Въ основѣ этого печальнаго явленія могутъ лежать три различнаго рода причины: 1) неустранимыя естественныя условія, 2) устранимыя естественныя условія, 3) искусственныя препятствія. Существованіе причинъ первыхъ двухъ категорій онъ рѣшительно отрицаетъ говоря что Англія не бѣднѣе природными богатствами нежели въ прежніе годы и обладаетъ достаточнымъ количествомъ рукъ чтобы ихъ обработывать. Зато искусственныхъ препятствій своему собственному процвѣтанію она, по мнѣнію автора, успѣла создать довольно много. Англійская система таможенныхъ пошлинъ никуда не годится и вся направлена къ невыгодѣ страны. Затѣмъ, какъ ни страннымъ можетъ показаться это съ перваго взгляда, развитіе желѣзнодорожнаго дѣла въ Англіи нанесло ей трудно исправимый ущербъ. Не говоря уже о томъ что желѣзныя дороги стоили Англіи вдвое дороже нежели онѣ стоили Франціи, Германіи или Бельгіи, и что эксплоатація ихъ ведется самымъ хищническимъ путемъ, англійскіе желѣзнодорожные тарифы представляютъ собою настоящій источникъ разоренія для мѣстной промышленности. Перевозка грузовъ въ Англіи въ $12^1/_2$ разъ дороже нежели въ Америкѣ. Къ тому же тарифы будучи диференціальными предоставляютъ всѣ выгоды и преимущества для ввоза иностранныхъ товаровъ и сбиваютъ цѣны на свои. Въ Лондонѣ, напримѣръ, процвѣтаетъ торговля яблоками вывезенными изъ Америки и Тасманіи, тогда какъ садоводы прилежащихъ къ столицѣ мѣстностей не имѣютъ сбыта для своего товара вслѣдствіе того что перевозка его за

нѣсколько десятковъ миль стоитъ черезчуръ дорого. Та же система диференціальныхъ тарифовъ господствуетъ и въ торговомъ флотѣ давая такіе же результаты. Измѣнить это Англичанамъ не позволяетъ присущая имъ рутина и нелюбовь къ какой бы то ни было ломкѣ. Тѣми же свойствами самой британской расы объясняется, по мнѣнію автора, возможность существованія до сихъ поръ совершенно устарѣлаго законодательства, никуда негодной системы выдачи патентовъ и законоположеній объ основаніи акціонерныхъ обществъ и правилъ для биржевыхъ операцій. До тѣхъ поръ пока Англія будетъ держаться прежней косности во всѣхъ областяхъ народнаго хозяйства, финансовое положеніе ея будетъ падать и экономическій кризисъ будетъ грозить ей постоянно новыми опасностями.

Начало литературной карьеры Зола.

Les débuts inconnus d'Emile Zola. Par Henri d'Almeras (*Revue et Revue des Revues,* 15 Juin, 1901).

Авторъ этой статьи знакомитъ читателей съ началомъ литературной карьеры Зола. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1859 г. Эмиль Зола которому тогда было девятнадцать лѣтъ вторично провалился на экзаменѣ на бакалавра, причемъ основаніемъ лишить его диплома были выставлены недостаточные успѣхи его во французскомъ языкѣ. Юноша лишенный средствъ къ существованію ухватился сперва за первое представившееся ему мѣсто съ жалованіемъ въ шестьдесятъ франковъ. Но нанемъ онъ пробылъ недолго и рѣшилъ попытать счастія на литературномъ поприщѣ. Въ ту пору у него имѣлись уже наготовѣ историческій романъ изъ временъ крестовыхъ походовъ и комедія въ тысячу слишкомъ стиховъ. Кромѣ того, онъ готовилъ большую поэму „обнимающую собою человѣка и природу". Но прежде чѣмъ обнять человѣка и природу, надо было имѣть средства къ существованію, а ихъ то и не было. Произведенія Зола не принятыя въ редакціяхъ возвращались обратно къ автору которому зачастую нечего былъ ѣсть и нечѣмъ заплатить за квартиру. Въ 1861 году ему удалось пристроиться къ маленькому еженедѣльному изданію *Travail*. „*Travail* выходитъ когда имѣетъ къ тому возможность", значилось въ объявленіи этого оригинальнаго журнала. Главнымъ редакторомъ былъ Жермэнъ Кассъ, однимъ изъ наиболѣе видныхъ сотрудниковъ Жоржъ Клемансо завѣдывавшій отдѣломъ литературной и театральной критики. Въ *Travail* появилась большая поэма Зола озаглавленная *Сомнѣніе* и являющаяся слѣпымъ подражаніемъ Ла-

мартину и Мюсэ. Въ томъ же нумерѣ появилась статья молодаго студента-юриста, Мелина, объ Эдгарѣ Кинэ. Вскорѣ послѣ того *Travail* закончилъ свое существованіе вслѣдствіе ареста трехъ главныхъ сотрудниковъ своихъ: Карэ, Клемансо и Толя. Въ матеріальномъ отношеніи, впрочемъ, эта катастрофа мало отозвалась на Зола вслѣдствіе того что *Travail* подобно всѣмъ передовымъ французскимъ журналамъ того времени хотя и печаталъ охотно, но не платилъ сотрудникамъ. Въ то же время Зола удалось найти себѣ заработокъ некрупный, но зато прочный. Старый другъ его семьи, нѣкто Будэ, досталъ ему въ книжномъ магазинѣ Hachette мѣсто въ сто франковъ въ мѣсяцъ. Избавленный отъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ юноша съ новымъ жаромъ принялся за работу. Онъ написалъ рядъ сказокъ для дѣтей и попробовалъ помѣстить ихъ въ дѣтскомъ журналѣ издававшемся фирмою Hachette, но ихъ не приняли. Уколы его самолюбію не могли, однако, заставить его отказаться отъ мечты о литературномъ поприщѣ. Къ тому же онъ въ противоположность большинству неудачниковъ былъ очень скромнаго мнѣнія о себѣ. „Имя мое не имѣетъ никакой цѣны на литературномъ рынкѣ, оно совершенно неизвѣстно“, писалъ онъ редактору одного журнала посылая ему свою повѣсть „Поцѣлуй любви“. Одною изъ главныхъ причинъ неудачъ Зола было его упорство писать стихами. 6-го февраля 1863 года онъ посылая редактору *Revue Comtemporaine* піесу озаглавленную „Пьеретъ“, пишетъ ему: „Она въ стихахъ, это, конечно, большой недостатокъ который трудно заставить себѣ простить, но во всякомъ случаѣ я рѣшилъ, даже въ случаѣ отказа, не падать духомъ. Если для того чтобы попасть въ сотрудники вашего изданія нужно создать шедэвръ, я его создамъ“. Эта увѣренность въ себѣ которая въ другомъ менѣе даровитомъ человѣкѣ могла явиться самомнѣніемъ свидѣтельствуетъ въ данномъ случаѣ лишь о сознаніи собственной силы. Въ томъ же году Зола написалъ поэму Amoureuse comédie и предложилъ ее фирмѣ Hachette, но получилъ отказъ. Въ 1864 году къ издателю Альбэру Лакроа очень покровительствовавшему молодымъ писателямъ явился молодой человѣкъ очень конфузливый и нѣсколько картавый. Въ рукахъ у него была рукопись перевязанная голубою лентой. Просто и откровенно онъ объяснилъ что принесенный имъ сборникъ разказовъ побывалъ уже въ рукахъ нѣсколькихъ издателей, но что не нашлось охотниковъ его напечатать. Пораженный оригинальностію такого обращенія Альбэръ Лакроа взялся прочесть рукопись и по прочтеніи предвидя въ авторѣ человѣка талантливаго напечаталъ ее. Такимъ образомъ появилась первая книга Зола, Contes à Ninon. Она не имѣла большаго успѣха: распродалось ея отъ трехъ до четырехсотъ экземпляровъ. Послѣ этого

Зола сотрудничалъ въ *Petit Journal* и *Vie Parisienne*. Въ 1865 году были напечатаны имъ въ ліонскомъ *Salut Public* замѣчательные критическіе этюды которые появились вскорѣ отдѣльной книжкой подъ общимъ заглавіемъ Mes haines. Въ то же время была издана фирмой *Лакроа* отдѣльною же книжкой La confession de Claude, благосклонно встрѣченная критикой. Одинъ изъ тогдашнихъ писателей такъ отозвался объ этомъ произведеніи: „Вопреки частымъ вторженіямъ въ области реализма воображеніе автора имѣетъ чисто-поэтическій характеръ. Въ глубинѣ души Зола врагъ реальности, напрасно онъ избираетъ себѣ героями людей самыхъ грубыхъ и отвратительныхъ; онъ всетаки влагаетъ имъ въ уста медъ и цвѣты поэзіи". La confession de Claude шла въ продажѣ настолько успѣшно что Зола имѣлъ возможность отказаться отъ мѣста въ книжномъ магазинѣ и посвятить себя всецѣло литературнымъ занятіямъ. Въ слѣдующемъ году Вильмесанъ (основатель газеты *Фигаро*) ввелъ у себя отдѣлъ выписокъ изъ лучшихъ вновь появлявшихся произведеній. Зола пользуясь своими отношеніями къ фирмѣ Hachette доставлялъ много матеріала для этого отдѣла. Въ то же время онъ печаталъ подъ псевдонимомъ *Simplice* литературно-біографическіе очерки современниковъ подъ заглавіемъ Marbres et Plâtres которые приписывали Альфонсу Додэ. Тогда уже сказывались въ молодомъ писателѣ задоръ и страсть къ полемикѣ. Въ своихъ статьяхъ о Салонѣ 1866 года подписанныхъ псевдонимомъ *Claude* онъ навлекъ на себя похвалами Манэ столько нападокъ что Вильмесонъ предпочелъ избавиться отъ безпокойнаго сотрудника. Вскорѣ началъ появляться въ фельетонѣ *Evénement* его романъ Le voeux d'une morte. Печатаніе его было прервано на серединѣ вслѣдствіе протеста подписчиковъ. Болѣе смѣлыми оказались редакторы журнала *Artiste* который напечаталъ Thérèse Raquin, и редакторъ журнала *Corsaire* перепечаталъ, но уже подъ заглавіемъ Un duel social, фельетонъ Les mystères de Marseille первоначально появившійся въ *Messager de Provence*. Этотъ послѣдній романъ былъ даже передѣланъ въ драму въ Марселѣ. Но драма эта провалилась при оглушительномъ свистѣ публики. Thérèse Raquin появилась отдѣльнымъ изданіемъ у Лакроа и почти одновременно съ Madeleine Férat, первыя главы которой были напечатаны въ фельетонѣ газеты *Evènement*, но продолженіе которой было прервано въ виду того же протеста публики. Оба романа продавались сначала плохо до тѣхъ поръ, пока критикъ Луи Ульбашъ, другъ Зола, не разбранилъ ихъ въ пухъ и прахъ въ своей статьѣ въ *Фигаро*. Черезъ недѣлю пришлось выпустить второе изданіе.

Читающая публика мало еще знала Зола въ ту пору, но въ журнальномъ и газетномъ мірѣ онъ пользовался нѣкоторою, хотя и

довольно скандальною извѣстностію, какъ корифей возмущавшей тогда многихъ реалистической школы.

Въ 1869 тоду Зола передалъ на обсужденіе своему тогдашнему издателю проектъ серіи романовъ, числомъ двѣнадцать штукъ, мысль о которомъ дали ему труды доктора Лука о наслѣдственности. Вся эта серія должна была носить общее названіе: Rougon-Machard (sic). Histoire d'une famille sous le second Empire. Осуществленіе этого проекта привело Зола на путь той широкой извѣстности которою онъ пользуется теперь.

Импресіонизмъ въ скульптурѣ.

L'impressionisme en sculpture. Par Edmond Claris (*Nouvelle Revue*, 1 juin 1901).

До недавняго времени господствовало убѣжденіе что скульптура должна ограничиваться исключительно орнаментальною областію стремясь лишь къ отыскавію гармоническихъ, красивыхъ формъ и не заботясь о томъ чтобы сдѣлаться орудіемъ воспроизведенія дѣйствительной жизни. Взглядъ этотъ совершенно измѣнился подъ вліяніемъ двухъ мощныхъ талантовъ, Родэна и Медардо Россо. Имъ современная скульптура обязана новымъ направленіемъ, въ основу котораго положена идея что скульптура располагая наравнѣ съ живописью средствами для воспроизведенія дѣйствительности во вполнѣ реальныхъ образахъ должна идти также однимъ съ нею путемъ, и что скульпторъ можетъ быть такимъ же изобразителемъ современной ему эпохи какъ и жанристъ-художникъ. Это новое импресіонистское направленіе скульптуры наиболѣе ярко отразилось въ родэновскомъ *Бальзакѣ* и во мночисленныхъ произведеніяхъ Медардо Россо достаточно извѣстныхъ публикѣ по выставкамъ и снимкамъ въ илюстрированныхъ журналахъ. Что же касается взглядовъ самихъ художниковъ и ихъ послѣдователей на задачи художественнаго творчества, то они менѣе извѣстны, и потому особеннымъ интересомъ обладаетъ статья Эдмона Клари взявшаго на себя трудъ собрать мнѣнія по этому вопросу отъ самихъ художниковъ съ тѣмъ чтобы подѣлиться ими съ читающею публикой.

На сдѣланный ему запросъ Родэнъ далъ слѣдующій отвѣтъ:

Невѣрно было бы утверждать что случайное освѣщеніе можетъ заставить зрителя увидать красоту подъ другимъ видомъ нежели тотъ въ которомъ она представлялась художнику. Когда произведеніе хорошо, оно обладаетъ всѣми условіями необходимыми для передачи всего выраженія и движенія одухотворяющихъ сюжетъ. Въ этомъ

случаѣ невозможно ни при какомъ освѣщеніи найти такія условія которыхъ не предвидѣлъ бы художникъ.

Разумѣется, здѣсь идетъ рѣчь о скульптурѣ въ томъ видѣ какъ я ее понимаю. Къ сожалѣнію, вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ скульпторы избѣгаютъ брать себѣ за образецъ природу и вмѣсто того чтобы передавать свое личное впечатлѣніе отъ нея изображаютъ ее согласно представленіямъ тѣхъ или другихъ авторитетовъ, по тѣмъ или инымъ заранѣе опредѣленнымъ правиламъ. Въ этомъ и состоитъ условность.

Послѣ моей неудачи въ Ecole des Beaux Arts я энергично принялся за работу. Я изучилъ антики, средневѣковую скульптуру и вернулся къ здоровой и возстановляющей силы природѣ. Въ началѣ я колебался, но потомъ становился все смѣлѣе по мѣрѣ того какъ чувствовалъ что слѣдую настоящимъ завѣтамъ правды и свободы. Я оказываюсь вѣрнымъ традиціи. Ecole des Beaux Arts порвала съ ней связь вотъ уже восемьдесятъ лѣтъ; я же слѣдую традиціи древнихъ художниковъ Египта, Греціи и Рима: я просто старался подражать природѣ истолковывая ее въ томъ видѣ въ какомъ она представляется мнѣ въ зависимости отъ моего темперамента, моей чувствительности и согласно чувству вызываемому ею во мнѣ. Я не старался передѣлать ее въ своихъ произведеніяхъ по законамъ композиціи, а наблюдалъ и схватывалъ ее въ ея непринужденномъ видѣ, полнотѣ ея жизни и совершенной гармоніи. Природа самобытна. Въ моихъ глазахъ эта самобытность несравненно прекраснѣе нежели искусственная композиція построенная на произвольныхъ законахъ.

Оставить модели свободу ея собственныхъ естественныхъ движеній, таково мое правило. Вотъ въ чемъ жизнь и красота. Условныя позы которыя навязываются моделямъ въ школахъ являются причиной неподвижности академическихъ этюдовъ, потому что въ данномъ случаѣ нарушаются равновѣсіе, гармонія и естественность природной позы. Движеніемъ настоящимъ, живымъ и пригоднымъ для творчества является только то которое модель совершаетъ непринужденно побуждаемая одними законами природы.

Потому что я не останавливался на мелочахъ, не „вылизывалъ" своихъ произведеній, меня упрекаютъ въ томъ что я ихъ не заканчиваю и представляю ихъ на судъ публикѣ въ эскизахъ. Основныя черты въ нихъ отдѣланы, а останавливаться на полировкѣ пальцевъ или прядей волосъ я не считаю нужнымъ. Это подробности не имѣющія для меня интереса, онѣ помѣшали бы мнѣ въ выполненіи общей идеи моего произведенія, къ тому же еслибъ мнѣ пришлось отвѣчать на такіе упреки, я могъ бы упомянуть о томъ что подобная критика была направлена противъ Рембрандта какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ выяснилъ себѣ свое великое призваніе и создалъ свое лучшее произведеніе.

Перейдемъ теперь къ орнаментальной скульптурѣ. И тутъ стараются подражать цвѣтамъ которые древніе дѣлали съ натуры. У Египтянъ можно найти великолѣпные цвѣточные орнаменты которые теперь воспроизводятъ, передѣлываютъ, измѣняютъ и портятъ. Никто изъ современныхъ художниковъ не хочетъ выйти изъ ограни-

ченнаго круга подражанія прежнимъ копіямъ съ натуры, а между тѣмъ какое безконечное разнообразіе изящныхъ, красивыхъ живыхъ формъ можно найти въ засыхающихъ или сухихъ листьяхъ, свѣжихъ или увядшихъ цвѣтахъ и прямыхъ и извилистыхъ вѣтвяхъ которыя видишь въ деревнѣ во время прогулки.

Надо вернуться къ дѣйствительности, къ жизни, къ природѣ. Это одинаково необходимо для живописца и для скульптора. Искусство одно; живопись и скульптура сводятся къ одному: умѣнію рисовать. Природа даетъ поле наблюденія достаточно обширное и разнообразное чтобы всякій дѣйствительно сильный талантъ могъ изображать ее черезъ посредство того или другаго орудія: глины или красокъ. Не надо школъ, учитесь у природы, такова формула прогреса въ искусствѣ.

Густавъ Жофроа даетъ въ приведенномъ здѣсь же письмѣ понятіе о томъ, помощью какихъ пріемовъ Родэнъ на практикѣ примѣняетъ свою теорію. Прежде чѣмъ начать лѣпить онъ дѣлаетъ карандашомъ рядъ этюдовъ на ту тему которую онъ избралъ. Этюдовъ этихъ бываетъ порою нѣсколько сотъ; изъ нихъ скульпторъ откладываетъ въ сторону наиболѣе удачные и постепенно переработываетъ ихъ раскрашивая краской цвѣта теракоты въ такомъ видѣ чтобъ на нихъ какъ можно болѣе рѣзко выдавались переливы свѣта и тѣни. Эти эскизы и служатъ впослѣдствіи главнымъ руководствомъ при работѣ.

О личности, взглядахъ и пріемахъ другаго корифея импресіонистской скульптуры, Медардо Россо, даетъ интересныя подробности письмо Камиля де-Сантакроа (Camille de Sainte-Croix) прослѣдившаго шагъ за шагомъ успѣхи италіянскаго скульптора. По словамъ Санткроа пятнадцать лѣтъ тому назадъ появился въ Парижѣ красивый и оригинальный юноша, Медардо Россо, родомъ изъ Милана. Онъ даже не говорилъ по-французски, не имѣлъ связей, никакой рекомендаціи и никакихъ средствъ къ жизни кромѣ нѣсколькихъ лиръ въ карманѣ. Понятно что при этихъ условіяхъ существованіе его во французской столицѣ было на первыхъ порахъ очень тяжелое. Тѣмъ не менѣе, онъ работалъ усердно надъ тѣмъ что̀ должно было впослѣдствіи ниспровергнуть все ученіе французской національной школы искусствъ. Родившись въ странѣ гдѣ упадокъ искусства давалъ себя чувствовать еще живѣе нежели во Франціи Россо совсѣмъ неожиданно выяснилъ для себя свое призваніе во время литературнаго спора въ одномъ кружкѣ въ Миланѣ. Кто-то привелъ при немъ отзывъ французскаго поэта Бодлэра о скульптурѣ какъ объ искусствѣ низшемъ и навсегда осужденномъ оставаться позади живописи въ ряду простыхъ декоративныхъ искусствъ вслѣдствіе невозможности изобразить атмосферное пространство, движеніе, освѣщеніе и жизнь фигуры. Въ ту пору Медардо Россо занимался одинаково скульптурой и живописью не зная чему отдать предпочтеніе. Несправедли-

вость теоріи Бодлэра дала ему толчекъ въ выборѣ поприща, и онъ сдѣлался скульпторомъ.

Скульптура, по мнѣнію Медардо Россо, не только равна живописи по средствамъ которыми она располагаетъ, но имѣетъ всѣ данныя чтобы превзойти ее. Говорятъ будто у нея нѣтъ красокъ, какъ бы не такъ! Развѣ она не располагаетъ всѣмъ что̀ необходимо для изображенія переливовъ свѣта и тѣни? Она пользуется такимъ матеріаломъ въ которомъ можно по произволу дѣлать выпуклыя и углубленныя поверхности и такимъ образомъ получать не илюзію перспективы, какъ это дѣлается путемъ красокъ на главной поверхности, но самую перспективу съ ея дѣйствительными выпуклостями и углубленіями.

Теорія эта привилась во Франціи лишь съ той поры когда Родэнъ выставилъ своего *Бальзака*. Лѣтъ двадцать тому назадъ о ней не было еще рѣчи. Въ ту пору Медардо Россо выставилъ въ Вѣнѣ и Венеціи нѣкоторыя изъ сдѣлавшихся впослѣдствіи наиболѣе извѣстными своихъ произведеній, между прочими *Гаврошъ* и *Кармачникъ*. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ Россо, которому не было еще тридцати лѣтъ, выставилъ также въ Парижѣ *Больнаго въ госпиталѣ*, *Мать и Дитя*, *Внутренность омнибуса*, портретъ г. Руара, *Букмекера*, *Ребенка на солнцѣ*, *Даму съ фіалками*, *Больнаго ребенка* и портретъ госпожи Ноблэ. Всѣ эти произведенія служатъ живымъ доказательствомъ того что умѣлый и даровитый скульпторъ можетъ превзойти по силѣ выраженія самыхъ смѣлыхъ колористовъ. Однимъ изъ первыхъ привѣтствовавшихъ Россо былъ Родэнъ увидавшій въ немъ собрата по духу. Съ той поры они вмѣстѣ принялись за распространеніе дорогой имъ обоимъ теоріи искусства. Въ настоящее время къ нимъ примкнула уже цѣлая плеяда молодыхъ скульпторовъ и художниковъ, какъ Бартоломэ, Дебоа, князь Трубецкой, Бурдель, Карабэнъ, Шарпантье, госпожа Клодель, Мэнье, Рафаэлли и др., и импрессіонистская скульптура завоевала себѣ право гражданства также въ средѣ любителей искусства.

Успѣхи хирургіи за послѣднія десятилѣтія.

L'évolution de la chirurgie. Par Pierre Delbet (*Revue de Paris*, 15 Iuin, 1901).

Еще во времена Первой имперіи извѣстный въ ту пору хирургъ Боайе заявилъ что хирургія достигла высшей точки совершенства. Приводя это наивное утвержденіе авторъ настоящей статьи, тоже хирургъ, но только современный, заявляетъ что въ наше время, хотя хирургія за послѣднія двадцать лѣтъ сдѣлала больше успѣховъ не-

жели за двадцать столѣтій до появленія Боайе, никто не возьметъ на себя смѣлость повторить слова этого послѣдняго. Хирургіи, по мнѣнію автора, предстоитъ еще широкій путь усовершенствованій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отдать ей спреведливости въ томъ отношеніи что она идетъ гигантскими шагами впередъ. За послѣднее время хирургія подверглась существенному измѣненію подъ вліяніемъ трехъ крупныхъ открытій въ ея области: во-первыхъ, умѣнія дѣлать операціи безболѣзненными (*анастезія*); во-вторыхъ, уменьшенія и нерѣдко устраненія потери крови при операціи (*гемостазъ*) и, въ-третьихъ, обеззараживанія ранъ (*антисептика* и *асептика*). Изъ этихъ трехъ открытій наиболѣе важное, несомнѣнно, антисептика, послѣднее по времени. Предшествовавшія ей, анастезія и гемостазъ, измѣнили пріемы хирургіи, но мало повліяли на ея результаты, такъ какъ имъ не удалось сколько-нибудь уменьшить процентъ смертныхъ случаевъ при операціяхъ.

Разсмотримъ прежде всего чѣмъ эволюція хирургіи обязана анастезіи.

Трудно представить себѣ теперь какой драмой являлась для больнаго и окружающихъ его операція прежде чѣмъ научились дѣлать ее безболѣзненно. Въ большинствѣ случаевъ несчастнаго связывали словно для пытки или заставляли пять или шесть здоровыхъ помощниковъ держать по рукамъ и ногамъ. Нѣкоторые больные молча переносили пытку, другіе же боролись и кричали изо всѣхъ силъ, но въ томъ и другомъ случаѣ оператору приходилось играть роль истязателя и отъ многихъ операцій врачу приходилось отказываться вслѣдствіе того что онъ не имѣлъ духа мучить своего паціента. Съ давнихъ поръ врачи изыскивали средства уменьшить болѣзненность операцій. Особенно много попытокъ къ этому было сдѣлано въ XIV и затѣмъ въ XVII вѣкахъ, но всѣ изобрѣтавшіяся средства въ видѣ наркотическихъ декоктовъ и одуряющихъ куреній имѣли лишь слабое дѣйствіе. Первый открылъ анестезирующее дѣйствіе веселящаго газа Англичанинъ Тэмфри Дэви и въ 1844 году Горасъ Уэльсъ примѣнилъ это средство при выдергиваніи зубовъ. Главный недостатокъ веселящаго газа тотъ что при сколько-нибудь продолжительномъ употребленіи можетъ послѣдовать смерть путемъ удушенія. Поэтому имъ можно пользоваться только при очень кратковременныхъ операціяхъ. Два года спустя Чарлзъ Джаксонъ посовѣтовалъ Мортону замѣнить веселящій газъ сѣрнымъ эѳиромъ. Мортонъ послѣдовалъ этому совѣту и 30 сентября 1846 года состоялась первая операція при которой больной былъ совершенно анестезированъ этимъ новымъ средствомъ. Въ продолженіе цѣлаго года хирурги пользовались исключительно эѳиромъ, затѣмъ въ 1847 году Симпсонъ, первый примѣнив-

шій эѳиръ въ своей акушерской практикѣ, замѣнилъ его хлороформомъ.

Кромѣ этихъ сильно дѣйствующихъ на весь организмъ анестезирующихъ средствъ былъ найденъ цѣлый рядъ болѣе слабыхъ: замораживаніе больнаго мѣста смѣсью льда съ солью, или пульверизація эѳиромъ или хлористымъ этиломъ, вспрыскиваніе кокаиномъ въ больное мѣсто или въ область спиннаго мозга, причемъ въ послѣднемъ случаѣ анестезируется на болѣе или менѣе продолжительный срокъ нижняя половина тѣла.

Что хлороформъ и эѳиръ совершенно уничтожаютъ чувствительность боли, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Часто приходится слышать предположеніе будто хлороформъ отнимая способность движенія въ то же время не парализуетъ чувствительности къ боли. Это предположеніе хотя и не заключаетъ въ себѣ ничего безсмысленнаго, тѣмъ не менѣе не основательно. Ядъ съ подобнымъ дѣйствіемъ существуетъ, но это не хлороформъ, а кураре которымъ южно-американскіе дикари отравляютъ свои стрѣлы. Животное или человѣкъ раненые такою стрѣлой не утрачиваютъ чувствительности къ боли, но при этомъ лишены способности не только двигаться, но и выразить свои страданія хотя бы малѣйшимъ движеніемъ мускуловъ, потому что дѣйствіе кураре распространяется исключительно на двигающіе нервные центры. Хлороформъ имѣетъ дѣйствіе обратное дѣйствію кураре. Онъ парализуетъ прежде всего чувствительные центры. Такимъ образомъ есть фазисъ анестезіи когда хлороформированный субъектъ сохраняетъ еще способность движенія при полной утратѣ чувствительности организмомъ. Если его ущипнуть за ногу, онъ можетъ отдернуть ее, но дѣлаетъ это такъ же безсознательно какъ обезглавленная лягушка отдергиваетъ лапку при прикосновеніи раскаленнаго желѣза. Функціи головнаго мозга совершенно пріостановлены. Въ слѣдующемъ фазисѣ анестезіи, когда въ кровь проникаетъ большее количество паровъ хлороформа спинной мозгъ болѣе сопротивляющійся дѣйствію хлороформа, нежели головной, парализуется въ свою очередь и тогда исчезаетъ способность къ движенію. Хлороформированный субъектъ живетъ исключительно растительною жизнью. У него парализованы всѣ нервные центры, кромѣ того который управляетъ біеніемъ сердца и дыханіемъ. Это состояніе можно продолжить у нормальныхъ людей на любой срокъ требуемый для операціи.

Увѣренность въ томъ что операція не будетъ болѣзненна заставляетъ людей охотнѣе соглашаться на нее нежели въ прежнія времена. Это большое преимущество, потому что часто спасеніе больнаго зависитъ отъ своевременной помощи. Затѣмъ уничтожая боль избавляютъ также больнаго отъ истощенія которое она влечетъ за

собою и такимъ образомъ увеличиваютъ шансы на успѣхъ леченія. Къ тому же большинство современныхъ операцій таковы что о нихъ нельзя было бы и подумать не будь хлороформа. Еслибы даже нашлись больные у которыхъ хватило бы духа подвергнуться операціи въ области печени, желудка, почекъ, едва ли бы нашелся хирургъ который взялся бы за подобную операцію. Наконецъ анестезированіе больныхъ коренным образомъ измѣнило самые пріемы операціи. Въ былое время какою бы черствостію сердца не обладалъ врачъ, онъ не могъ не считаться съ мученіями больнаго, такъ какъ ему было невозможно уменьшить ихъ, онъ обязанъ былъ по крайней мѣрѣ сократить ихъ срокъ. Поэтому быстрота была однимъ изъ необходимыхъ качествъ оператора. Пироговъ разказываетъ что послѣ одного сраженія Лангенбекъ собирался вылущить плечо раненому солдату. Одинъ англійскій врачъ желая слѣдить за ходомъ операціи только-что собирался водрузить на своемъ носу очки, когда неожиданный ударъ брошеннаго кѣмъ-то тѣла сбилъ ихъ съ него, это тѣло было рука раненаго которую Лангенбекъ отбросилъ прочь извлекши ее въ одно мгновеніе. Въ настоящее время подобные фокусы являются безполезными. Иногда хорошо умѣть ими пользоваться, но въ общемъ обращеніе съ больными должно имѣть первымъ условіемъ осторожность.

Средства употребляемыя противъ потери крови при операціи крайне многочисленны и нѣтъ почти случая теперь когда бы причиною смерти оперируемаго больнаго было чрезмѣрное опорожненіе кровеносныхъ сосудовъ. Не взирая на анестезію и гемостазъ хирургія лѣтъ тридцать тому назадъ дошла до самаго плачевнаго состоянія. Въ XVII и XVIII вѣкахъ смѣлые хирурги рѣшались на очень трудныя операціи и нерѣдко имѣли успѣхъ, но дѣло пошло къ худшему съ тѣхъ поръ какъ мало-по-малу замѣнили въ качествѣ перевязочныхъ средствъ прежнія мази, бывшія до извѣстной степени антисептическими, спускомъ и пластыремъ представляющими собою самую лучшую среду для культуры микробовъ. Затѣмъ были устроены огромные госпитали куда больные складывались тысячами заражая другъ друга. Все это явилось благопріятными условіями для развитія инфекціонныхъ болѣзней, отъ которыхъ оперированные умирали неизбѣжно даже въ тѣхъ случаяхъ когда операція была легкая и сама была совершена благополучно. Лѣтъ тридцать тому назадъ парижскіе госпитали были настоящими морильнями, тогда какъ въ деревнѣ хирурги даже плохіе достигали хорошихъ результатовъ. Смертность отъ ампутаціи ноги достигала въ больницахъ 85 процентовъ. Въ старинномъ Hôtel-Dieu въ Парижѣ былъ такъ-называемый черный рядъ (кроватей) гдѣ никогда ни одинъ больной не выздоровѣлъ. Въ 1868 и 1869 годахъ у

двухъ изъ самыхъ знаменитыхъ и добросовѣстныхъ хирурговъ умирали въ госпиталяхъ всѣ паціенты до одного. Дѣло дошло до того что хирурги стали сами бояться хирургіи и начали избѣгать дѣлать операціи. Какъ разъ въ это время геніальное открытіе Пастэра, а именно его теорія микробовъ внесла въ хирургію новый свѣтъ. Благодаря опытамъ Пастэра и его учениковъ было мало-по-малу неопровержимо доказано что всевозможныя нагноенія ранъ имѣютъ источникомъ не самого больнаго или рану, а безчисленныхъ микробовъ кишащихъ въ больничныхъ палатахъ, переходящихъ съ одного больнаго на другаго съ пылью въ которой они носятся, а также черезъ посредство плохо содержимыхъ въ отношеніи чистоты инструментовъ, повязокъ и недостаточно вымытыхъ рукъ хирурга.

Чтобы помѣшать зараженію ранъ микробами Листеръ изобрѣлъ антисептику въ которой главную роль играла карболовая кислота. Система его теперь оставлена совсѣмъ, но на основѣ ея создалась асептика представляющая собою новый успѣхъ въ наукѣ. Въ первый періодъ примѣненія антисептической теоріи приписывалась особенная сила микробамъ носящимся въ воздухѣ и осѣдающимъ на рану во время самой операціи и при перевязкѣ. Поэтому старались всячески обеззараживать рану поливаніемъ ея дезинфицирующими средствами. Дошло до того что нѣкоторые хирурги производили операцію не иначе какъ подъ цѣлыми потоками раствора сулемы или карболовой кислоты. Потомъ мало-по-малу пришли къ заключенію что носящіеся въ воздухѣ микробы сравнительно мало опасны и что къ тому же человѣческій организмъ заключаетъ въ себѣ извѣстные виды микроскопическихъ существъ гнѣздящихся въ тканяхъ и пожирающихъ враждебные пришлые элементы. Эта теорія фагоцитоза созданная Мечниковымъ. Всѣ антисептическія средства болѣе или менѣе измѣняютъ ткань съ которой они приходятъ въ соприкосновеніе. Они уменьшаютъ силу ея сопротивленія микробамъ, ея способность къ фагоцитозу и такимъ образомъ въ иныхъ случаяхъ способствуютъ зараженію вмѣсто того чтобы препятствовать ему. Вотъ почему хирурги избѣгаютъ теперь примѣнять антисептическія средства къ леченію ранъ, но за то обеззараживаютъ самымъ тщательнымъ образомъ все то что̀ служитъ при операціи: это и есть асептика.

Такимъ образомъ безопасность операціи въ настоящее время болѣе или менѣе обезпечена и у хирурговъ развязались руки для того чтобы предпринимать всевозможные виды операцій. Прежняя область хирургіи значительно расширилась и къ ней ирибавилась совершенно новая. Въ старину хирурги занимались исключительно наружными поврежденіями, причемъ ихъ дѣятельность исчерпывалась удаленіемъ поврежленнаго члена. Въ тѣхъ случаяхъ когда требовались такъ-

называемые разрѣзы, они не приводили ни къ чему кромѣ зараженія больнаго. Теперь ампутаціи представляютъ собою сравнительно рѣдкость въ хирургической практикѣ, въ больницѣ гдѣ дѣлаются въ день по двѣ, по три операціи насчитываются всего отъ восьми до десяти ампутацій въ годъ. Вмѣсто того чтобы лишить человѣка того или другаго члена прибѣгаютъ заблаговременно къ леченію его оперативнымъ путемъ, справедливо полагая что лучше произвести одну или нѣсколько операцій въ цѣляхъ сохраненія руки или ноги нежели допустить необходимость ампутаціи. Еще недавно, напримѣръ, поломъ руки или ноги съ нарушеніемъ наружныхъ покрововъ равнялся чуть ли не смертному приговору. Теперь же отъ такихъ несчастныхъ случаевъ выздоравливаютъ безслѣдно, при томъ условіи, конечно, что врачъ будетъ своевременно призванъ.

Антисептика открыла также обширную область операцій внутреннихъ органовъ, и въ этой области хирургія за послѣдніе годы сдѣлала огромные успѣхи. Найдена возможность разрѣзать, обрѣзать и даже вырѣзать всѣ тѣ изъ внутреннихъ органовъ которые не необходимы для жизни. Хирургія не знаетъ иныхъ границъ кромѣ тѣхъ которыя полагаетъ ей физіологія. Такъ, вырѣзаются всевозможныя внутреннія опухоли, части кишокъ въ размѣрѣ одного, двухъ метровъ; удаляютъ совершенно желудокъ, селезенку, часть печени, одну почку и т. д. Даже надъ легкими и сердцемъ допускаются извѣстныя операціи. Обширную область хирургіи представляетъ также прививка мяса и кожи. Такъ, можно сдѣлать носъ изъ кожи лица или руки. Операція эта даже не особенно сложна. Изъ руки вырѣзываютъ полосу кожи и не отрѣзая ее окончательно прикрѣпляютъ ее къ переносицѣ. Рука помощью повязки привязывается въ головѣ. Первое время вырѣзанный кусокъ кожи питается отъ руки, но затѣмъ когда онъ приростетъ къ новому мѣсту, питаніе начинается и отъ этого послѣдняго. Тогда кожу отрѣзаютъ окончательно отъ руки и образуютъ носъ. Точно также прививаются небольшіе куски кожи на обожженой поверхности, на краяхъ долго незакрывающихся ранъ неподдающихся никакому иному леченію.

Услуги оказываемыя хирургіей человѣчеству не исчислимы, но есть основаніе ожидать отъ нея еще большихъ, благодаря той помощи которую она оказываетъ терапевтикѣ облегчая ей знакомство съ болѣзнями внутреннихъ органовъ болѣе подробное и отчетливое нежели когда-либо.

Книги поступившія въ редакцію „Русскаго Вѣстника“ въ іюнѣ.

Склирена. Историческая повѣсть. *Алексѣя Смирнова.* Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1901.

Государство въ государствѣ. Къ исторіи еврейскаго вопроса въ Россіи и въ Западной Европѣ. Сборникъ статей *А. П. Пятковскаго.* Изд. редакціи *Наблюдателя.* Спб. 1901.

Государственное значеніе всероссійскихъ патріарховъ. *А. Миловидова.* Харьковъ. 1901.

Три докладныя записки бывш. архіепископа минскаго Антонія Зубко гр. М. Н. Муравьеву (1864). Вильна. 1901 г.

Два года изъ жизни А. С. Пушкина (1824—1826). Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ. Рѣчь орд. проф. *Е. В. Пѣтухова.* Юрьевъ. 1899.

Всесословная волость какъ судебно-административная и земская единица. *М. Н. Волынскаго.* Спб. 1901.

Краткій историческій очеркъ развитія водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній и торговыхъ портовъ въ Россіи. Спб. 1900.

Краткій историческій очеркъ учебныхъ заведеній вѣдомства Путей Сообщенія. Спб. 1900.

1900 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ полученнымъ отъ хозяевъ. Выпускъ VI. М. З и Г. И. Отдѣлъ сельской экономіи и сельскохозяйственной статистики. Спб. 1901.

Отчетъ состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны благотворительнаго общества судебнаго вѣдомства за 1900 г. Приложеніе къ № 6 „Журнала Министерства Юстиціи“ (іюнь, 1901 г.). Спб. 1901.

Отчетъ о дѣятельности и суммахъ Тульскаго Епархіальнаго Братства во имя св. Іоанна Предтечи за 1900 годъ. Тула. 1901.

Отчетъ комитета общества для пособія нуждающимся студентамъ Императорскаго Юрьевскаго Университета за 1900 годъ. Юрьевъ. 1901.

Отчетъ общества приморскихъ санаторій для хронически-больныхъ дѣтей за 1900 годъ. Спб. 1901.

Календарь Императорскаго Человѣколюбиваго Общества на 1901 г. Спб. 1901.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Глазговская выставка.

Письмо изъ Лондона.

I.

Пора отдохнуть отъ политики.

Предполагаю что она также надоѣла моимъ благосклоннымъ и неблагосклоннымъ читателямъ, какъ и мнѣ самому, и поэтому рѣшаюсь посвятить это письмо великому торжищу открытому въ шотландскомъ городѣ Глазго или Глазговъ, какъ упорно пишутъ присяжные руссификаторы иностранныхъ названій и прозвищъ.

Ради отдыха отъ Чемберлэновскихъ козней, pro-бурской агитаціи, обличеній русскаго коварства и превознесеній англійской доблести отправился я изъ шумнаго и закопченаго Лондона въ гористую Шотландію, чьи таинственные замки, темныя ущелья, юбочки замѣняющія горцамъ традиціонныя невыразимыя и шляпы съ соколиными перьями знакомы всякому русскому „интелигентному" подростку по переводамъ Вальтеръ-Скота, а въ рѣдкихъ случаяхъ и по подлинникамъ. Кстати въ добромъ старомъ городѣ Глазго должны были состояться одновременно два торжества: празднованіе четырехсотъ-пятидесяти-лѣтняго юбилея университета и открытіе близкаго моему русскому сердцу русскаго отдѣла мѣстной международной выставки. Къ сожалѣнію, добрый старый городъ въ которомъ мостовыя каменныя, а не деревянныя какъ въ Лондонѣ, оказался много шумнѣе столицы Великобританіи и по меньшей мѣрѣ столь же закопченымъ, а что̀ еще ужаснѣе, мнѣ пришлось опять окунуться въ бездну политическихъ разсужденій о превосходствѣ Шотландіи надъ Англіей, во-первыхъ, и на тему англо-русской маниловщины, во-вторыхъ.

Ужасные сепаратисты эти гг. Шотландцы, хотя бы нашимъ Малороссамъ впору! Чувствительны и обидчивы до невѣроятія и не дай Богъ назвать Шотландца Англичаниномъ; если онъ не полѣзетъ на васъ съ кулаками доказывать преимущество шотландскаго бокса, то

только потому что вы иностранецъ къ которому онъ чувствуетъ такое же презрѣніе, какъ и къ Англичанину, но которому, по его невѣжеству, позволительно ошибаться. Одинъ изъ иностранцевъ уже цѣлый годъ проживающій въ Глазго по служебнымъ обязанностямъ связаннымъ съ выставкой имѣлъ неосторожность на какомъ-то банкетѣ тотчасъ по пріѣздѣ назвать въ своей рѣчи Глазго англійскимъ городомъ. Надобно было видѣть какая поднялась буря: scotch! scotch town! стали ему кричать со всѣхъ концовъ стола, и съ тѣхъ поръ онъ чрезвычайно остороженъ и никогда не употребляетъ слово „Англія“, замѣняя его названіемъ: „Тріединое королевство“.

Для Шотландца все шотландское неизмѣримо выше и лучше англійскаго.

— Вы видѣли Эдинбургъ? спроситъ пріѣзжаго каждый Глазговецъ и добавитъ:—не правда ли онъ значительно красивѣе Лондона?

Если же возразить ему, то онъ васъ закидаетъ доказательствами что Эдинбургъ не только красивѣе, но и богаче и даже больше Лондона.

— Позвольте, но вѣдь въ Лондонѣ больше четырехъ миліоновъ населенія, а въ Эдинбургѣ всего триста тысячъ, остановите вы его, но онъ сейчасъ же найдется:

— Это съ предмѣстіями, съ предмѣстіями! А предмѣстія вчетверо больше самаго города. Городъ же самый, Лондонъ, куда меньше Эдинбурга!

Противъ такого квасная патріотизма невозможно спорить и благоразуменъ тотъ кто молча, кивками головы какъ бы подтверждаетъ увѣренія шотландскихъ патріотовъ, какъ сталъ поступать и я, когда нѣсколько попривыкъ къ Шотландцамъ. Меня увѣряли что Англія обязана своимъ существованіемъ Шотландіи, которая на всѣхъ поляхъ битвъ ложилась костьми отстаивая могущество Тріединаго королевства, и я кивалъ головой; меня увѣряли что всѣ великіе люди Англіи были Шотландцами, и я опять кивалъ головой; меня увѣряли что Шотландія единственная свободная страна во всемъ мірѣ, и я кивалъ головой, хотя зналъ что въ Глазго за куреніе на улицѣ въ воскресеніе судьи приговариваютъ свободныхъ гражданъ къ тюремному заключенію, но когда меня стали увѣрять что Глазговская выставка интереснѣе прошлогодней Парижской, я хотя и кивнулъ головой, но имѣлъ неосторожность замѣтить:

— Кажется, Парижская была немного побольше?..

И послѣ этого я около четверти часа не могъ произнести ни одного слова, потому что на меня набросилось нѣсколько человѣкъ и съ пѣной у рта стали мнѣ доказывать что размѣры ничего не значатъ, что небольшой бриліантъ дороже огромнаго кирпича, что

это привычка у иностранцевъ (особенно у Русскихъ, добавилъ кто-то) судить обо всемъ по величинѣ и что только Шотландцы, одни Шотландцы имѣютъ счастье понимать истинную цѣну вещей, такъ какъ они живутъ въ небольшой, но прекрасной какъ жемчужина и свободной какъ воздухъ странѣ.

Чувствуя что бесѣда принимаетъ опасный оборотъ касаясь соперничества различныхъ народностей я усиленно закивалъ головой и больше уже не пытался вставлять неумѣстныя замѣчанія.

И при всемъ своемъ сепаратизмѣ Шотландцы удивительно чутки ко всему что̀ касается величія Тріединаго королевства. Въ этомъ королевствѣ для нихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ ихъ родная *Скотія*, но во всемъ остальномъ мірѣ первое мѣсто занимаетъ Великобританія (разумѣется, благодаря Скотіи). Они представляютъ вселенную въ видѣ микроскопическаго треугольника въ верхушкѣ котораго помѣщается Тріединое королевство съ господствующею надъ нимъ Шотландіей, и всѣ народы населяющіе землю имѣютъ право на существованіе лишь постольку, поскольку это совмѣстимо съ великобританскими интересами.

Нечего и говорить что въ вопросѣ о Трансваальской войнѣ Шотландцы стоятъ за одно съ кликой Чемберлэна. Отношеніе либеральной партіи къ этой войнѣ, ея защита несправедливо оскорбленныхъ Буровъ сдѣлали то что Шотландія отвернулась отъ либераловъ и на послѣднихъ общихъ выборахъ избрала почти безъ исключенія однихъ только консервативныхъ депутатовъ. Разсужденіе руководившее при этомъ народною массой было слѣдующее:

— Какъ!? Гдѣ-то, въ какой-то Африкѣ, какой-то незначительный народецъ смѣетъ съ оружіемъ въ рукахъ противиться великобританскому войску и убиваетъ шотландскихъ солдатъ? Этого не должно быть! Въ наказаніе слѣдуетъ вырѣзать всѣхъ Буровъ!

На объясненія же либеральныхъ ораторовъ пытавшихся доказывать что Великобританія не имѣла никакого права отбирать у Буровъ ихъ землю и ихъ богатства, шотландскіе шовинисты отвѣчали:

— Вздоръ! Великобританскіе интересы всегда идутъ объ руку съ интересами цивилизаціи. Если Великобританіи потребовалась земля Буровъ, значитъ это необходимо для достиженія высшихъ культурныхъ задачъ. Не даромъ во главѣ великобританскаго развитія идетъ Шотландія, страна свободы, культуры и науки!

Эти разсужденія намъ, иностранцамъ, представляются дѣтски-наивными, но они доказываютъ только что для Шотландцевъ, такъ же какъ и для значительной части Англичанъ, патріотизмъ сливается съ эгоизмомъ. Подкладка же въ томъ что отъ усиленнаго пароходнаго движенія вызваннаго войной, отъ казенныхъ поставокъ Шотландія

очень много выиграла и разчитываетъ выиграть еще больше, когда золотоносныя копи Іоганесбурга станутъ окончательно англійскимъ достояніемъ, такъ какъ Шотландцы владѣютъ значительною частію акцій трансваальскихъ копей и Родсовскаго синдиката.

Шотландцы страшные шовинисты и для нихъ не существуетъ на землѣ народа, который могъ бы одолѣть Великобританію и сломить ея силу, а ужь о Бурахъ съ ними лучше и не заговаривать: закидаютъ словами и на своемъ собственномъ нарѣчіи непонятномъ для остальнаго человѣчества, и на томъ языкѣ который они по недоразумѣнію называютъ англійскимъ; и хорошо еще если ограничатся словами, а то могутъ перейти и къ дѣйствіямъ.

Поэтому Буры и война это предметы строго запрещеные въ международныхъ бесѣдахъ на глазговской выставкѣ, за то излюбленною темой для этихъ бесѣдъ служитъ сближеніе народовъ на мирномъ пути торговли и взаимнаго комерческаго надувательства, а такъ какъ я былъ въ Глазго какъ-разъ во время открытія русскаго отдѣла выставки, то на очереди стояла англо-русская маниловщина.

И чего только я по этой части не наслушался! Между прочимъ особенное удовольствіе возбудило сообщеніе одного изъ русскихъ дѣятелей о томъ что въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ двадцать англійскихъ, виноватъ, великобританскихъ, компаній получили разрѣшеніе работать въ Россіи и еще десять вскорѣ получатъ это разрѣшеніе. Всѣ радовались тому что наконецъ-то маниловскій мостъ начинаетъ строиться между Великобританіей и Россіей и что британское золото потекло въ Россію широкою струей. Интересно сколько оно увлечетъ съ собою русскаго золота въ видѣ прибылей и процентовъ, когда эта струя потечетъ обратно въ Англію?

Тостовъ и рѣчей произнесено было столько что можно было порадоваться русской способности къ ораторству, шампанскаго выпито было видимо-невидимо и на этой почвѣ мы, Русскіе, особенно тѣсно сблизились съ Шотландцами которые, какъ извѣстно, выпить умѣютъ и не даромъ во всей Великобританіи слывутъ добрыми пьяницами.

Ну, конечно, on a fait jouer le télégraph, какъ говоритъ Стива Облонскій въ *Аннѣ Карениной* (замѣчательно что при извѣстномъ настроеніи всѣ народы одинаково чувствуютъ склонность къ злоупотребленію телеграфною проволокой), телеграмы разосланы были во всѣ концы Великобританіи и Россіи. Даже Worlds press (міровая печать) представленная десяткомъ репортеровъ послала телеграму въ Петербургъ, хотѣли послать телеграму герцогу Корнвальскому и Іоркскому въ Новую Зеландію, но экономные Шотландцы рѣшили что это будетъ слишкомъ дорого стоить, и телеграма такъ и осталась въ предположеніи. Вообще смѣшнаго было не мало, но по-

хвально что во время этихъ изліяній и возліяній порядокъ ни раза не былъ нарушенъ.

Единеніе Русскихъ съ Шотландцами на Глазговской выставкѣ несомнѣнно доказало возможность мирнаго англо-русскаго соглашенія на почвѣ выставочныхъ интересовъ и застольнаго ораторства, что же касается самой выставки, то она прежде всего доказываетъ практичность Шотландцевъ. Глазго устраиваетъ у себя уже вторую выставку; первая была устроена въ 1888 году за годъ до Всемірной въ Парижѣ и принесла прибыль на которую Глазговцы выстроили прекрасный дворецъ искусствъ, гдѣ теперь экспонируютъ очень интересную колекцію картинъ, статуй и другихъ предметовъ искусства. Вторую они устроили въ текущемъ году, на слѣдующій годъ послѣ Парижской Всемірной выставки, и она сравнительно съ выставкой 1888 года оказывается еще прибыльнѣе, такъ какъ число посѣщеній и вырученная съ посѣтителей сумма значительно больше чѣмъ за соотвѣтствующее время въ 1888 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ размѣрахъ платы за мѣста практичные Шотландцы не стѣсняются, а мѣста увеселеній и рестораны, кромѣ платы за мѣста, обложены еще тяжелымъ налогомъ съ выручки; такъ, русскій ресторанъ платитъ 28% съ валоваго дохода, что̀, конечно, заставляетъ повышать цѣны на кушанья и другіе предметы потребленія. Все это обѣщаетъ хорошій барышъ, и добрый старый городъ Глазго, вѣроятно, построитъ еще какое-нибудь великолѣпное зданіе съ какимъ-либо „культурнымъ“ предназначеніемъ.

II.

Выставка расположена въ долинѣ составляющей часть городскаго парка, по которой течетъ маленькая рѣчка впадающая въ Клайдъ. Съ одной стороны надъ этой долиной возвышается красивой старинной готической постройки зданіе университета съ башней-колокольней на которой во время юбилейныхъ празднествъ подымался университетскій флагъ, съ другой полукругомъ выдвигаются частные дома отъ которыхъ пескомъ усыпанная дорога зигзагами спускается по довольно крутому пригорку къ главнымъ воротамъ выставки.

Когда изъ этихъ воротъ по длинной и широкой алеѣ, между двумя рядами тѣнистыхъ деревьевъ вступишь на мостъ перекинутый черезъ упомянутую рѣчку, то очутишься какъ-разъ по срединѣ выставки причудливо раскинутой направо и налѣво. И тутъ прежде всего бросается въ глаза громадный вызолоченый куполъ *дворца промышленности*, центральнаго зданія всей выставки построеннаго въ

псевдо-класическомъ стилѣ, съ греческою колоннадой передъ италіянскимъ фасадомъ прикрытымъ византійскимъ куполомъ. Направо упомянутый мною выше дворецъ искусствъ выстроенный въ англійскомъ стилѣ, а налѣво группа построекъ русскаго отдѣла поражающихъ туземцевъ своимъ оригинальнымъ, непривычнымъ для нихъ видомъ.

Кромѣ этихъ зданій не на что больше и посмотрѣть, такъ какъ остальныя выставочныя постройки архитектурными достоинствами и красотой не отличаются.

Что же касается русскаго отдѣла, то онъ поражаетъ не только туземцевъ, но и Русскихъ какъ что-то въ дѣйствительности невиданное, развѣ только на сценѣ или въ фантастическихъ илюстраціяхъ дѣтскихъ сказокъ.

Художникъ-архитекторъ (г. Шехтель) создалъ дѣйствительно какой-то сказочный городокъ, заимствовавъ для него мотивы изъ древнихъ новгородскихъ построекъ. Но онъ не придерживался строго русскаго архаическаго стиля, далъ полный просторъ своему воображенію и настроилъ такихъ теремовъ съ высокими парамидально усѣчеными крышами, съ такими замысловатыми переходами и высокими крыльцами, наставилъ такихъ пузатыхъ колоннъ, прорѣзалъ такія причудливыя окна и двери и все это раскрасилъ прерафаэлитскими цвѣтами и листьями, на конькахъ крышъ поставилъ колеса, разцвѣтилъ все такими яркими красками, что вышли палаты царя Берендея изъ Снѣгурочки. Но надо отдать справедливость художнику: его созданіе, можетъ-быть, слишкомъ пестро, даже вычурно, но оно красиво и оригинально. Посѣтители прежде всего стремятся въ русскій отдѣлъ чтобы разсмотрѣть поближе эти причудливыя постройки и, если они и выносятъ ложное убѣжденіе что русскій отдѣлъ воспроизводитъ русскую архитектуру, то это не бѣда: стоитъ имъ проѣхаться въ Россію чтобы избавиться отъ этого убѣжденія, цѣль же художника достигнута: они прежде всего любовались его произведеніемъ. Достигнута также и другая цѣль: публика привлечена въ русскій отдѣлъ и, осмотрѣвъ его снаружи, заглянетъ, конечно, и внутрь его причудливыхъ павильоновъ, но, къ сожалѣнію, она тамъ убѣдится что лучшимъ экспозитомъ этого отдѣла остаются его постройки, внутри же онъ поражаетъ главнымъ образомъ пустотой.

Палаты царя Берендея оказались слишкомъ обширными, ихъ нечѣмъ было наполнить, и въ этомъ главный недостатокъ русскаго отдѣла.

Всѣхъ павильоновъ въ этомъ отдѣлѣ шесть: четыре большихъ: Центральный, Лѣсоводства, Земледѣлія и Горный, и два малыхъ: Министерства Финансовъ и Союза Мукомоловъ.

Въ первомъ или Центральномъ предполагалось помѣстить про-

изведенія нашего Туркестана, но почему-то это не состоялось и теперь тамъ одной частною и, что странно, варшавскою фирмой выставлены ковры разнаго происхожденія, вытканыя шелковыя матеріи, разныя мелочи, издѣлія изъ кожи и эмалированныя металическія бездѣлушки которымъ тутъ же идетъ повидимому довольно успѣшная ручная продажа. Самымъ полнымъ и наиболѣе соотвѣтствующимъ своему назначенію является павильонъ лѣсоводства.

Главными экспонентами въ этомъ павильонѣ выступаютъ: Департаментъ Удѣловъ и Лѣсной Департаментъ, Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. Ихъ цѣлію было возможно полнѣе и возможно нагляднѣе показать положеніе не столько русскаго лѣсоводства, сколько русской лѣсной промышленности, чтобы англійскимъ лѣсоторговцамъ выяснить всѣ преимущества покупки лѣсныхъ матеріаловъ въ Россіи.

Вывозъ лѣса: бревенъ и досокъ въ Англію, уже производится нами, главнымъ образомъ, въ Архангельскѣ, и Департаментъ Удѣловъ далъ полную картину именно Архангельской вывозной лѣсной торговли. Удѣльному вѣдомству это тѣмъ удобнѣе было сдѣлать что оно само заинтересовано въ этомъ вывозѣ, такъ какъ именно его лѣсъ въ значительномъ количествѣ идетъ за границу съ нашего Сѣвера и для этой цѣли въ Архангельскѣ существуетъ даже удѣльный лѣсопильный заводъ.

Фотографическіе снимки этого завода, корпусовъ для служащихъ и для рабочихъ, статистическія таблицы его производительности, доходности и колекція образцовъ бревенъ распиливаемыхъ тамъ и досокъ и тесу получаемыхъ при распилкѣ и выставлены Департаментомъ Удѣловъ. Эти экспозиты подробно поясняются въ каталогѣ изданномъ Департаментомъ. Этотъ каталогъ составленъ очень подробно и можетъ служить прекрасною справочною книгой. Изъ него, между прочимъ, мы узнаемъ что лѣсопильный заводъ пріобрѣтенный удѣлами въ 1892 году и распиливавшій тогда около 80.000 бревенъ ежегодно доведенъ теперь до распилки 300.000 бревенъ въ годъ съ валовымъ доходомъ почти въ миліонъ рублей ежегодно. Въ каталогѣ же даны существующія нынѣ цѣны на лѣсные матеріалы въ Архангельскѣ, такъ что англійскіе лѣсоторговцы, выбравъ подходящій матеріалъ по образцамъ, тутъ же узнаютъ его цѣну и тутъ же могутъ сдѣлать заказъ.

Этотъ каталогъ напечатанный на англійскомъ языкѣ значительно облегчаетъ дѣло спеціалисту интересующемуся русскимъ отдѣломъ и свидѣтельствуетъ о практичности съ которою устроена выставка своихъ экспозитовъ Удѣльнымъ вѣдомствомъ.

Практичность видна и въ колекціи образцовъ дерева изъ удѣль-

ныхъ лѣсовъ разбросанныхъ по огромному пространству Россіи. Всѣ древесныя породы представлены въ двойномъ числѣ образцовъ отъ экземпляровъ здоровыхъ, нормально развивавшихся, и отъ экземпляровъ пораженныхъ болѣзнями или наиболѣе распространеннымъ типомъ уродливости. Отдѣльныя же таблицы даютъ свѣдѣнія о болѣзненности удѣльныхъ лѣсовъ, о борьбѣ съ этою болѣзненностію, въ каталогѣ же объясненъ порядокъ управленія удѣльными лѣсами, показаны способы лѣснаго хозяйства и извлеченія выгодъ изъ лѣсной торговли. Витрины съ саженцами изъ удѣльныхъ питомниковъ, карты удѣльныхъ лѣсовъ, виды домовъ лѣсничихъ и лѣсной стражи, изображенія обмундировки этой стражи дополняютъ эту часть выставки Удѣльнаго Департамента, занимающей большую часть павильона Лѣсоводства. Перевозка и сплавъ лѣсныхъ матеріаловъ илюстрируются моделями лѣсныхъ плотовъ и барокъ и фотографическими снимками видовъ сплавныхъ рѣкъ весной, во время сплава.

Послѣ Департамента Удѣловъ слѣдующее мѣсто въ павильонѣ Лѣсоводства занимаетъ Лѣсной Департаментъ выставившій тоже большую колекцію образцовъ древесныхъ породъ и лѣсныхъ матеріаловъ; между ними есть образцы дорогихъ породъ произрастающихъ на Кавказѣ. Продукты добываемые перегонкой дерева и целюлоза выставлены какъ Департаментомъ Удѣловъ, такъ и Лѣснымъ Департаментомъ. Изъ земствъ только вятское выставило смолу и деготь и виды образцоваго лѣсопильнаго завода для обученія крестьянъ. Туркестанское генералъ-губернаторство прислало колекцію растеній служащихъ для укрѣпленія сыпучихъ песковъ и для огражденія желѣзныхъ дорогъ отъ песчаныхъ заносовъ, а Управленіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ выставило образцы дерева употребляемаго при желѣзнодорожныхъ постройкахъ. Частныхъ экспонентовъ въ этомъ павильонѣ нѣтъ, если не считать колекціи кустарныхъ деревянныхъ издѣлій и трехъ Кавказцевъ выставляющихъ мелкія деревянныя издѣлія съ серебряною насѣчкой.

Павильонъ *Земледѣлія* тоже болѣе чѣмъ на половину наполненъ экспозитами Департамента Удѣловъ который показываетъ здѣсь свое виноградарство и винодѣліе и хозяйство Государева Мургабскаго имѣнія. Главную роль тутъ играютъ карты и статистическія таблицы, но кромѣ того выставлены: прекрасная колецкія кистей всѣхъ сортовъ винограда разведеннаго въ удѣльныхъ имѣніяхъ, огромное количество бутылокъ съ виномъ, рельефная модель Мургабскаго имѣнія на которой ясно видна вся его оросительная система, образцы зерна и растеній изъ этого имѣнія, хлопокъ и весь процесъ очистки, мытья и сортировки его на удѣльномъ хлопко-очистительномъ заводѣ

Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ выставило тоже колекцію зерновыхъ хлѣбовъ, карты и таблицы распредѣленія по Россіи культуры хлѣбныхъ и иныхъ растеній и колекцію сѣтей употребляемыхъ для рыбной ловли русскими рыбаками. Управленіе казенными минеральными водами прислало нѣсколько бутылокъ нарзана, а московское общество сельскаго хозяйства выставило образцы табаку разведеннаго въ Россіи и шелка полученнаго въ среднихъ губерніяхъ отъ червей выращенныхъ на листьяхъ скорціонера, ростовское отдѣленіе того же общества выставляетъ шерсть. Министерство Финансовъ показываетъ образцы среднеазіятскаго хлопка, а Ветеринарный Департаментъ колекцію образцовъ мяса и таблицу уменьшенія заразныхъ болѣзней скота въ Россія.

Образцы зерноваго хлѣба выставлены и нѣсколькими (къ сожалѣнію, немногими) частными хозяйствами, и нѣсколько виноторговцевъ показываютъ русскія виноградныя вина и водки. Кондитерскія и табачныя фирмы дополняютъ земледѣльческій отдѣлъ своими издѣліями, и всего одна фирма, Сергіевскій заводъ въ Восточной Сибири, выставила масло изъ кедровыхъ орѣховъ и образцы этихъ орѣховъ и шишекъ.

Павильонъ Земледѣлія сравнительно очень бѣденъ и, конечно, не даетъ надлежащаго представленія о главномъ промыслѣ нашей родины. Но онъ былъ бы еще бѣднѣе, еслибы не дополнялся русскимъ ресторанымъ.

Какъ это ни странно, но на Глазговской выставкѣ русскій ресторанъ заслуживаетъ упоминанія, такъ какъ онъ играетъ относительно серіозную роль какъ мѣсто, гдѣ посѣтителямъ дается возможность ознакомиться съ продуктами русскаго маслодѣлія, сыроваренія, винодѣлія и издѣліями нашихъ консервныхъ заводовъ. Для этой цѣли ресторанъ не сданъ частному предпринимателю, а находится въ хозяйственномъ завѣдываніи комисаріата русскаго отдѣла. Кромѣ мяса и овощей употребляемыхъ для изготовленія кушаній, всѣ продукты подаваемые въ этомъ ресторанѣ русскаго производства, даже хлѣбъ бѣлый и черный печется русскими хлѣбопеками на русскій манеръ, и повидимому, ресторанъ нравится глазговской публикѣ которая усердно его посѣщаетъ и не нахвалится русскою кухней. Практичные результаты такой наглядной демонстраціи русскихъ продуктовъ уже оказались, такъ какъ удѣльному вѣдомству пришлось прислать новый запасъ винъ (привезенный на выставку запасъ оказался распроданнымъ) и кромѣ того отъ торговцевъ поступаютъ заказы на эти вина, между тѣмъ до сихъ поръ русскія вина въ Англію не ввозились, такъ что это несомнѣнный шагъ впередъ. Къ сожалѣнію, какъ я уже упоминалъ, непомѣрное обложеніе вынуждаетъ ресторанъ назна-

чать довольно высокія цѣны. Еслибы цѣны были дешевле, дѣла ресторана шли бы еще лучше и публика еще больше знакомилась бы съ русскими продуктами.

Павильонъ *горнозаводскій* былъ бы очень пустъ, если бы не выручала минералогическая колекція Горнаго института. Эта образцовая колекція въ цѣломъ рядѣ витринъ занимаетъ средину павильона во всю его длину и очень интересна для спеціалистовъ. Другая минералогическая колекція Пріамурскаго генералъ-губернаторства заключаетъ въ себѣ образцы золотоносныхъ породъ Восточной Сибири, но, къ сожалѣнію, она не подобрана систематически и образцы не снабжены надписями на англійскомъ языкѣ. Третья минералогическая колекція относится спеціально къ Кавказу и выставлена Кавказскимъ горнымъ управленіемъ. Затѣмъ въ этомъ павильонѣ интересны образцы камня употребляемаго при желѣзнодорожныхъ постройкахъ выставленные управленіемъ казенныхъ дорогъ, нѣсколько витринъ съ екатеринбургскими самоцвѣтными камнями, образцы минеральныхъ маслъ и образцы желѣза Уральскихъ заводовъ, но все это выставлено въ очень незначительномъ количествѣ.

Въ маломъ павильонѣ почему-то носящемъ названіе павильона Министерства Финансовъ выставлена колекція образцовъ зерновыхъ хлѣбовъ вывозимыхъ изъ нашихъ южныхъ портовъ. Колекція эта частная, собрана извѣстною экспортною фирмой Дрейфусъ и К° и наглядно показываетъ, какой хлѣбъ не слѣдуетъ покупать въ Россіи, такъ какъ значительная часть образцовъ экспонируется вмѣстѣ съ примѣсями попадающимися въ вывозимомъ зернѣ. Эта колекція очень поучительна для изслѣдователей нашего хлѣбнаго экспорта, но едва ли она будетъ содѣйствовать нашему хлѣбному вывозу въ Англію.

Павильонъ мукомоловъ на двѣ трети пустъ. Пока тамъ всего нѣсколько мѣшечковъ съ пробами муки одесскихъ мельницъ. Говорятъ что прибудутъ еще такіе же мѣшечки съ мельницъ изъ среднихъ губерній.

Главною цѣлью устройства русскаго отдѣла на Глазговской выставкѣ было ознакомленіе англійскихъ потребителей съ тѣми продуктами которые Россія могла бы вывозить въ Англію. Очевидно, такими продуктами нельзя считать издѣлія нашей обработывающей промышленности, такъ какъ Англія сама ихъ вывозитъ въ Россію, и поэтому мануфактурное отдѣленіе нашего русскаго отдѣла и не предполагалось блестящимъ. Нечего удивляться, если это отдѣленіе почти пусто, хотя по отзывамъ комисаріата бо̀льшая часть экспозитовъ еще не прибыла. Пока же витрина съ парчей бр. Сапожниковыхъ, серебро Овчинникова, чьи-то шелки и чьи-то ситцы въ двухъ витринахъ, красивая витрина мѣховщика Грюнвальдта, цвѣтныя и эмалированныя

стекла Московскаго стекольнаго завода, нѣсколько изящныхъ креселъ и диванъ мебельщика Зимина, чье-то пьянино, двѣ витрины съ кожами и витрина съ обувью, вотъ все чѣмъ можетъ похвастать мануфактурное отдѣленіе, помѣщающееся особо отъ русскаго отдѣла во дворцѣ промышленности, вмѣстѣ съ выставкой англійскихъ и шотландскихъ мануфактуристовъ которые хотя и не особенно постарались на этотъ разъ, но все же показываютъ товаръ лицомъ, а главное подавляютъ насъ своею численностью.

Но это бы и не бѣда, нашу мануфактуру можно было бы и совсѣмъ не показывать, а вотъ жаль что земледѣліе наше слишкомъ слабо представлено, тогда какъ именно тутъ-то, для достиженія намѣченой цѣли, намъ слѣдовало бы поразить Англичанъ грандіозностью нашей выставки. Очевидно, на это надѣялся и комисаріатъ, такъ какъ мѣста въ павильонѣ земледѣлія заготовлено болѣе чѣмъ достаточно, но, увы! главное заинтересованное лицо, нашъ сельскій хозяинъ, блещетъ своимъ отсутствіемъ.

Чтобы не быть голословнымъ, я сошлюсь на офиціальный каталогъ русскаго отдѣла. Изъ этого каталога видно что въ павильонѣ Земледѣлія выставили продукты своихъ хозяйствъ всего шестеро частныхъ землевладѣльцевъ (гг. Харитоненко, баронъ Штейнгель, графъ Стенбокъ-Ферморъ, Зиновьевъ, Фроловъ и Чариковъ). Маловато на всю-то огромную Россію. Если прибавить къ этому что ни одно общество сельскаго хозяйства тоже не выставило никакихъ колекцій зерновыхъ хлѣбовъ или молочныхъ продуктовъ, то въ виду предполагаемаго соглашенія о торговомъ обмѣнѣ съ Англіей невольно является вопросъ, кто же у насъ въ Россіи собирается вывозить свои продукты въ Англію и что̀ это за продукты?

Вотъ Департаментъ Удѣловъ несомнѣнно хочетъ вывозить свой лѣсъ и свои вина, онъ ихъ и показываетъ, и показываетъ систематически, наглядно, абсентеизмъ же сельскихъ хозяевъ доказываетъ только одно что имъ въ Англію или нечего вывозить, или вывозъ этотъ для нихъ не сподрученъ. Выставки же зерновыхъ хлѣбовъ устроенныя правительственными учрежденіями доказываютъ только отеческую заботливость этихъ учрежденій о нашемъ вывозѣ, но вовсе не стремленіе къ нему нашихъ производителей блещущихъ своимъ отсутствіемъ.

Мнѣ представляется это самымъ яркимъ посрамленіемъ нашей англо-русской маниловщины.

Есть еще одно отдѣленіе русскаго отдѣла, такъ называемое *женское;* оно помѣщается во дворцѣ искусствъ, въ отдѣлѣ женскихъ работъ разныхъ народностей. Въ немъ выставлены работы и рукодѣлія ученицъ нѣкоторыхъ женскихъ школъ, пріютовъ и частныя

колекціи вышивокъ и рукодѣлій. Въ этомъ отдѣленіи всего тридцать девять экспонентовъ, но есть очень недурныя работы, красивыя и оригинальныя.

III.

Я съ нѣкоторою подробностью остановился на русскомъ отдѣлѣ, какъ на предметѣ близко насъ касающемся, но конечно описывать съ тою же подробностью всю выставку не берусь, это было бы непосильною да, пожалуй, и безплодною работой. Вѣдь эта выставка повторяетъ все то что̀ обыкновенно даютъ всѣ выставки, въ миніатюрѣ воспроизводитъ и Парижскую выставку, такъ что особенно интереснаго или выдающагося по новизнѣ въ ней очень мало. Но все же есть кое-что на чемъ стоитъ остановиться и, во-первыхъ, кораблестроительный отдѣлъ. Благодаря тому что кораблестроеніе составляетъ спеціальность города Глазго, этотъ отдѣлъ представленъ здѣсь на выставкѣ съ такою полнотою и подробностью съ которою онъ едва ли былъ представленъ на какой-либо выставкѣ, даже на Всемірной.

Однако, прежде чтобы покончить съ международною стороной выставки необходимо бросить взглядъ на отдѣлы другихъ народовъ кромѣ Великобританіи съ ея колоніями.

Это не задержитъ насъ надолго, такъ какъ, по правдѣ говоря, нашъ русскій отдѣлъ при всей его неполнотѣ и бѣдности куда полнѣе и богаче всѣхъ остальныхъ иноземныхъ отдѣловъ. Затѣмъ ни одна страна не возвела такихъ оригинальныхъ и обширныхъ построекъ какъ русскія. Въ отдѣльномъ павильонѣ помѣщается только Японія, да Франція выдѣлила свою керамику въ особую постройку, но ни то ни другое зданія не отличаются ни красотой, ни оргинальностью. Это просто обыкновенные выставочные сараи выбѣленные снаружи и украшенные аляповатыми тесовыми орнаментами, остальныя же страны помѣстили свои экспозиты во дворцѣ промышленности, гдѣ помѣщается и большинство французскихъ экспозитовъ.

Кромѣ Россіи въ Глазговской выставкѣ участвуютъ еще Австро-Венгрія, Франція, Данія, Японія, Персія и Марокко. Но участіе послѣднихъ чисто номинальное, такъ какъ Персія, напримѣръ, представлена всего однимъ экспонентомъ, какою-то Манчестерскою фирмой продающею персидскіе ковры и имѣющею своего представителя въ Тегеранѣ. Эта фирма устроила красиво-убранный павильонъ во дворцѣ промышленности и наполнила его коврами, персидскими тканями, мѣдною посудой и мелкими вещицами персидскаго кустарнаго

производства. Марокко тоже имѣетъ свою палатку въ томъ же дворцѣ промышленности и три англійскія фирмы занимающіяся торговлей съ Марокко выставили мѣстнаго производства сѣдла, оружіе съ серебряною насѣчкой похожее на наше кавказское и ткани.

Японія въ своемъ павильонѣ выставила довольно красивую колекцію керамики и лакированныхъ вещей, но ничего выдающагося или оригинальнаго въ этой колекціи нѣтъ; всѣ эти вещи давно приглядѣлись и очень успѣшно поддѣлываются въ Европѣ. Нѣсколько шелковыхъ матерій, бумага и разныя издѣлія изъ нея дополняютъ японскую выставку, но главное назначеніе павильона состоитъ повидимому въ томъ чтобы облегчить ручную продажу всякихъ японскихъ мелочей: чашечекъ, чайниковъ, подносовъ, шкатулокъ, вѣеровъ и тому подобнаго. Эта цѣль достигается съ большимъ успѣхомъ, такъ какъ вещицы не дороги и павильонъ биткомъ набитъ покупателями.

Ту же цѣль преслѣдуетъ и Франція въ своемъ павильонѣ керамики, гдѣ бо́льшею частью выставлены однѣ дешевыя рыночныя вещи. Много продается разныхъ мелочей и во французскомъ отдѣленіи дворца промышленности. По числу экспонентовъ Франція превышаетъ всѣ остальныя иностранныя державы участвующія въ Глазговской выставкѣ, но мѣста ея экспозиты занимаютъ очень немного. Произошло же это потому что экспоненты прислали очень мало вещей, а также и потому что въ число экспонентовъ включены чуть ли не всѣ повременныя изданія выходящія во Франціи, ихъ списокъ занимаетъ болѣе двухъ страницъ каталога, но всѣ ихъ экспозиты вмѣстѣ заняли всего одну маленькую витрину. Изъ мануфактурныхъ издѣлій Франціи интереснѣе всего, конечно, витрины дамскихъ портныхъ, хотя и лондонскіе мастера не уступаютъ имъ въ изяществѣ, а пожалуй, и въ оригинальности выставленныхъ костюмовъ. Затѣмъ очень много винодѣловъ прислали свои вина, а Ліонскіе фабриканты свои шелки. Есть, конечно, и мебель, и бронза, но все это въ значительно меньшемъ количествѣ и значительно худшаго качества чѣмъ можно было ожидать.

О выставкахъ Австро-Венгріи и Даніи можно было бы и не упоминать, такъ какъ представляютъ только двадцать экспонентовъ, а послѣднюю и того меньше, всего только семь, но интересны колекціи фарфора Датской Королевской мануфактуры и богемскій фарфоръ и хрусталь выставленые тремя фабрикантами. Эти экспозиты привлекаютъ вниманіе посѣтителей и доказываютъ еще разъ что дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ.

Изъ англійскихъ колоній выставили свои продукты Канада (въ отдѣльномъ павильонѣ и во дворцѣ промышленности), Родезія, Квинслэндъ и Западная Австралія (во дворцѣ промышленности). Главнымъ

образомъ выставлены минералы и изъ нихъ больше всего золота въ самородкахъ, въ пескѣ и въ золотоносныхъ породахъ. Кто-то высчиталъ что золота на колоніальной выставкѣ находится болѣе чѣмъ на сто тысячъ фунтовъ, то-есть, почти на миліонъ рублей. Трудно сказать которой изъ колоній въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отдать преимущество, такъ какъ золотомъ онѣ всѣ хвастаются, но отдѣлы Квинслэнда и Родезіи наполнены почти исключительно золотомъ и должны быть поставлены во главѣ. Канада же и Западная Австралія кромѣ того выставляютъ произведенія своихъ полей, продукты скотоводства, плодоводства и лѣсоводства, а послѣдняя показываетъ также прекрасныя машины и двигатели различныхъ системъ.

Канадская сельскохозяйственная и лѣсная выставка особенно интересна намъ, Русскимъ, для сравненія съ выставкой нашего русскаго отдѣла, такъ какъ тутъ мы стоимъ лицомъ къ лицу съ нашей соперницей и что касается области сельскаго хозяйства, то мы должны признать себя побитыми. Канада выставила такое множество колекцій образцовъ зерноваго хлѣба и другихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ и эти колекціи такъ систематически и такъ красиво подобраны что оставляютъ наши русскія колекціи далеко за флагомъ. Кромѣ того въ канадскомъ павильонѣ выставлена огромная и прекрасная колекція фруктовъ консервированныхъ въ спиртѣ свидѣтельствующая о несомнѣнномъ успѣхѣ канадскаго плодоводства. За то наше лѣсоводство и винодѣліе представлены лучше, полнѣе и систематичнѣе чѣмъ канадское, благодаря конечно Департаменту Удѣловъ, хотя Канада и особенно Западная Австралія перещеголяли насъ размѣрами своихъ древесныхъ отрубковъ, онѣ выставили отрубки древесныхъ стволовъ около полутора сажень въ поперечникѣ, мы подобными отрубками похвалиться не можемъ, такъ какъ дѣвственныхъ лѣсовъ у насъ, увы! уже не осталось. Сельскохозяйственныя машины выставленныя Канадой значительно плоше англійскихъ.

Перещеголяла насъ Канада и мѣхами, хотя франко-русская фирма Грюнвальдта и пытается поддержать честь нашей мѣховой торговли, но ей далеко до богатства и разнообразія колекцій канадскихъ мѣховщиковъ.

Шотландія хотя и страдаетъ сепаратизмомъ, но на этотъ разъ не отдѣлилась отъ Англіи и ихъ экспозиты перемѣшаны вмѣстѣ во Дворцѣ промышленности. Но Ирландія и тутъ отдѣлилась отъ своихъ сестеръ составляющихъ вмѣстѣ съ ней Тріединое королевство. Она для своихъ экспозитовъ построила особый павильонъ въ саду воспроизводящій типичную ирландскую ферму подъ соломенною крышей. На этой фермѣ выставлены скудные продукты ирландскаго коневодства и образцы домотканныхъ полотенъ, суконъ и кружевъ. Послѣд-

нія великолѣпны, изумительны по чистотѣ и тонкости плетенія такъ же, какъ и по разнообразію и красотѣ рисунковъ. Тканье полотенъ и суконъ тутъ же и демонстрируется на доморощеныхъ станкахъ, напоминающихъ наши крестьянскіе.

Во всемъ Дворцѣ промышленности Англія и Шотландія стоятъ рядомъ, щеголяя другъ передъ другомъ своими издѣліями, но не побивая другъ друга нигдѣ кромѣ кораблестроительнаго отдѣла, гдѣ Шотландія несомнѣнно одерживаетъ побѣду надъ Англіей, а изъ шотландскихъ кораблестроительныхъ центровъ первое мѣсто принадлежитъ городу Глазго. Въ этомъ отдѣлѣ девяносто экспонентовъ, изъ нихъ только двадцать пять англійскихъ фирмъ, остальные всѣ шотландскіе и изъ послѣднихъ сорокъ семь фирмъ Глазговскихъ.

Отдѣлъ кораблестроенія занимаетъ длинную галерею составляющую правое крыло Дворца промышленности и соединяющую его съ павильономъ машинъ и двигателей. Каждая фирма выставила по нѣскольку моделей построенныхъ ею судовъ, такихъ моделей въ галереѣ около пятисотъ и между ними много моделей судовъ русскаго военнаго и комерческаго флота, между прочимъ, модель громаднаго парохода добровольнаго флота *Москва* построеннаго глазговскою кораблестроительною фирмой Джонъ Браунъ и К°. Та же фирма только въ прошломъ году построила сильнѣйшій изъ современныхъ броненосецъ *Асахи* японскаго военнаго флота; модель этого броненосца тоже выставлена.

Всѣми кораблестроителями глазговскаго порта сообща выставлена также колекція моделей построенныхъ здѣсь пароходовъ показывающая развитіе пароходостроительства въ XIX столѣтіи. Въ этой колекціи семьдесятъ двѣ модели, она расположена въ хронологическомъ порядкѣ, начинаясь *Кометой*, пароходомъ построеннымъ въ 1812 году глазговскою фирмой Джона Вуда для пасажирскаго движенія на рѣкѣ Клайдѣ. Размѣры этого парохода: длина 42 фута, ширина 11 футовъ, вышина отъ киля $5\frac{1}{2}$ футовъ; машину онъ имѣлъ четырехъсильную и у него было по парѣ колесъ съ каждаго борта. Это былъ первый пароходъ въ Англіи приспособленный для практическихъ цѣлей. Впослѣдствіи его удлиннили до шестидесяти футовъ, оставили по одному колесу съ каждой стороны, и онъ тогда сталъ ходить со скоростію пяти узловъ, то-есть, около девяти верстъ въ часъ, что тогда должно было казаться большою скоростію. *Комета* погибла въ 1820 году около западныхъ береговъ Шотландіи.

Заканчивается же серія историческихъ моделей моделью только-что спущеннаго турбиннаго парохода помѣченнаго текущимъ годомъ. Размѣры его: длина 275 футовъ, ширина 32 фута и вышина 13 футовъ, машина турбинной системы въ 20.000 лошадиныхъ силъ раз-

вивающая скорость въ 30 узловъ, то-есть, болѣе чѣмъ въ 52 версты въ часъ. Этотъ пароходъ предназначается для пасажирскаго движенія между Шотландіей и Ирландіей.

Но въ промежуткѣ между этими двумя крайностями по ходу и силѣ машины стоятъ гиганты-скороходы трансатлантическихъ линій длиной до 580 футовъ при ширинѣ въ 64 фута и вышинѣ въ 41 футъ со скоростію доходящею до 21 и 22 узловъ. А рядомъ съ этими великанами стоитъ модель скромной *Британіи*, деревяннаго колеснаго парохода съ машиной въ 413 силъ и ходомъ въ 8 узловъ, то-есть, 14 верстъ въ часъ; это былъ первый пароходъ пущенный въ 1840 г. извѣстною трансатлантическою компаніей Кунардъ изъ Ливерпуля въ Бостонъ.

Вмѣстѣ съ моделями морскихъ судовъ и красивыхъ гоночныхъ яхтъ кораблестроительныя фирмы выставили всѣ принадлежности для судовъ, модели же громадныхъ якорей, винтовъ и части пароходовъ въ натуральную величину выставлены сталелитейными и желѣзодѣлательными заводами въ выставочномъ саду, гдѣ занимаютъ цѣлую алею у подножія холма на которомъ стоитъ университетъ.

Пароходныя общества выставили фотографическіе снимки внутреннихъ пасажирскихъ помѣщеній, модели каютъ въ натуральную величину со всѣми принадлежностями, спасательныя лодки, пояса и другія приспособленія для спасанія на морѣ, а извѣстная фирма Томасъ Кукъ съ сыновьями занимающаяся устройствомъ путешествій для туристовъ во всѣхъ странахъ Европы выставила не только модели своихъ пароходовъ поддерживающихъ сообщеніе по Нилу, но и модель цѣлаго каравана туристовъ въ пустынѣ съ палатками, лошадьми и проводниками.

Кораблестроительный отдѣлъ это, несомнѣнно, le clou de l'exposition, та часть выставки которая привлекаетъ больше всего посѣтителей и которую бѣгутъ осматривать прежде всѣхъ остальныхъ ея частей. Оттуда, бѣгло осмотрѣвъ мануфактурный отдѣлъ со множествомъ витринъ съ платьями, бѣльемъ, фланелью и дамскими шляпками, отправляются въ галерею машинъ, по обширности почти не уступающую такой же галереѣ на прошлогодней парижской выставкѣ. Всевозможные двигатели выставлены главнымъ образомъ тоже шотландскими фирмами, но двигатели электрическіе, динамо-машины, распредѣлители электрической энергіи и вообще всѣ принадлежности для примѣненія этой энергіи къ полезной работѣ или освѣщенію выставлены фирмами англійскими, особенною полнотой отличается электрическая выставка фирмы Вестингаузъ (извѣстныхъ изобрѣтателей воздушнаго тормаза для желѣзныхъ дорогъ). Эта фирма кромѣ электрическихъ генераторовъ и распредѣлителей выставляетъ сво-

его издѣлія вагоны для электрическихъ желѣзныхъ дорогъ, для чего ею построенъ особый павильонъ съ саду.

Въ машинной галереѣ демонстрируются на ходу между прочимъ и такъ называемые линотипы, наборныя машины изобрѣтенныя американцами, но теперь по соглашенію съ изобрѣтателями выдѣлываемыя и двумя англійскими компаніями. Каждая такая машина на которой работаютъ съ помощью клавишей такъ же, какъ работаютъ на Ремингтоновской пищущей машинѣ, исполняетъ работу семи наборщиковъ и наборъ выходитъ изъ нея готовыми строчками, которыя потомъ связываются въ гранки. Эти линотипы поставлены уже и работаютъ во всѣхъ газетныхъ типографіяхъ въ Англіи, Америкѣ и во многихъ типографіяхъ въ Парижѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ. Быстрота и чистота работы изумительныя, только цѣна пока еще очень дорогая. Выставленныя на Глазговской выставкѣ наборныя машины продаются по 600 фунтовъ, то-есть, почти по шести тысячъ рублей каждая. Огромныя скоропечатныя машины стоятъ тутъ же рядомъ съ линотипами и одна изъ нихъ печатающая какое-то илюстрированое изданіе выкидывала изъ своего жерла по четыреста отпечатанныхъ и сфальцованныхъ листовъ въ минуту.

Изъ галереи машинъ выходъ въ садъ расположенъ какъ-разъ напротивъ входа ведущаго во дворецъ искусствъ. Это зданіе двухъэтажное. Внизу большая зала освѣщаемая сверху наполнена произведеніями скульптуры, второй этажъ состоитъ изъ нѣсколькихъ залъ и галерей съ картинами, пастелями, акварелями и рисунками. Эти произведенія искусства частію англійскихъ, частію иностранныхъ мастеровъ собраны здѣсь только для выставки, такъ какъ большая часть ихъ составляетъ собственность частныхъ лицъ откликнувшихся на призывъ города Глазго и выставившихъ здѣсь свои колекціи. Извѣстная доля прислана самими художниками, а третья меньшая часть составляетъ собственность города и навсегда останется во дворцѣ искусствъ. Къ этой послѣдней принадлежатъ многія копіи съ извѣстныхъ картинъ и гипсовые и бронзовые отливы со статуй великихъ ваятелей.

Между ними особенно интересны два гипса со статуй французскаго ваятеля Огюста Родэна, *Іоаннъ Креститель* и *Гражданинъ города Калэ,* какъ всѣ произведенія этого художника и эти двѣ вещи неокончены, не додѣланы, но поражаютъ анатомическими линіями тѣла и жизненностію. Особенно полонъ жизни суровый *Іоаннъ* котораго художникъ изобразилъ идущимъ на проповѣдь. Рукой онъ зоветъ за собой своихъ послѣдователей. Аскетическая, обнаженная фигура ничего не говоритъ о святости миссіи *Крестителя*, но напряженныя черты лица, глаза устремленные впередъ въ одну точку сви-

дѣтельствуютъ о силѣ воли, объ увлеченіи идеей. Это большой народный вождь, вѣроятнѣе всего что это пророкъ, но это не святой Предтеча, о которомъ повѣствуетъ Евангеліе.

Другой *Іоаннъ Креститель* (тоже гипсъ) Госпомба болѣе подходитъ къ евангелькому образу, но, къ сожалѣнію, въ фигурѣ святаго слишкомъ много условности и нѣтъ той жизненности и силы которыя далъ своей статуѣ Родэнъ.

Среди множества статуй и бюстовъ извѣстныхъ лицъ, (этотъ родъ скульптуры больше всего соблазняетъ англійскихъ художниковъ), лучше другихъ гипсовыя изображенія статуй Кромвеля (Торней-Крофта) и Гладстона (Померая) недавно поставленныхъ въ парламентѣ, остальныя же работы, особенно бюсты и статуи Онслау Форта, выставившаго ихъ необычайное количество, большею частію слабы и ничѣмъ не выдѣляются изъ уровня такъ называемаго ремесленнаго ваянія которое въ Англіи въ большомъ ходу. Здѣсь всѣ миліонеры, всѣ политическіе дѣятели, разбогатѣвшіе торгаши и свѣтскія дамы считаютъ необходимымъ заказать свою статую или хотя бы бюстъ; кто не успѣваетъ сдѣлать это при жизни, тому ставятъ статую послѣ его смерти его наслѣдники или поклонники, и Англія переполнена такими памятниками якобы искусства.

Яркимъ примѣромъ такого памятника можетъ служить статуя короля Эдуарда VII поставленная въ центральной залѣ Дворца промышленности. Художникъ (такъ и не могъ узнать его имени) громадною головой съ еще большихъ размѣровъ короной совсѣмъ придавилъ тучное тѣло короля. Кромѣ того огромная статуя, вчетверо больше человѣческаго роста, въ закрытомъ помѣщеніи производитъ самое странное впечатлѣніе, никакъ не отыщешь мѣста съ котораго можно было бы разобрать черты лица, и вся эта громадина представляется пилястромъ подпирающимъ крышу. Каюсь что когда я въ первый разъ увидалъ эту статую, то все искалъ пивныхъ бочекъ кругомъ, такъ какъ принялъ ее за изображеніе легендарнаго короля Гамбринуса чьи изваянія Нѣмцы ставятъ въ своихъ пивныхъ.

Въ этомъ же родѣ и выставленныя во дворцѣ искусствъ изваянія разныхъ великихъ и не великихъ Англичанъ. Не удовлетворили меня и произведенія Француза Сэнъ-Марсо выставившаго надгробный памятникъ Александра Дюма сына и *Причастницу* (гипсы). Послѣдняя изображаетъ глупенькую которой художнику не удалось придать выраженіе глубокой вѣры, а лежащая фигура Александра Дюма хороша развѣ только въ томъ что своей деревянностью воспроизводитъ посмертное окостенѣніе, но вмѣстѣ съ трупомъ у художника заодно окостенѣла и одежда, на которой нѣтъ ни одной складки.

Изъ произведеній „непортретныхъ“ лучше другихъ група *Борьба*

за жизнь Филиппа Герберта изображающая дерущихся индѣйца съ бѣлымъ; ожесточенныя лица, великолѣпная игра мускуловъ, непринужденность позъ и жизненность, вотъ главныя достоинства этого произведенія. Борющіеся изображены въ человѣческій ростъ и отъ группы трудно отвести глаза.

Очень милы четыре женскія фигуры Луккези: *Полетъ Франціи*, *Невинность*, *Забвеніе* и *Мирта*. Всѣ онѣ сдѣланы съ одной и той же очень молоденькой натурщицы которой каждый разъ художникъ сумѣлъ придать новое выраженіе. Художникъ больше всего и потрудился надъ этимъ выраженіемъ нѣсколько забывъ о тѣлѣ.

Всего выставлено 228 произведеній скульптуры, но бо́льшую часть составляютъ головки, статуэтки (между ними конечно изображеніе Лорда Робертса) и бюсты неизвѣстныхъ лицъ на которыхъ не стоитъ останавливаться.

Картинъ, акварелей и рисунковъ выставлено около 1.500 и эти полторы тысячи произведеній кисти и карандаша раздѣлены, во-первыхъ, на двѣ главныя группы: англійскую и иностранную, а во-вторыхъ, каждая группа подраздѣляется еще на картины писанныя масляными красками, акварели и рисунки карандашами цвѣтными и чернымъ. Кромѣ того, англійская группа дѣлится еще на произведенія художниковъ умершихъ и на произведенія живыхъ еще художниковъ. Больше всего, конечно, картинъ англійскихъ художниковъ, но немало и иностранныхъ картинъ, особенно разныхъ французскихъ школъ, хотя, къ моему удивленію, очень немного импресіонистскихъ картинъ, зато немало прерафаэлистовъ среди Англичанъ. Большая часть картинъ изъ частныхъ галерей и большею частію это работы уже умершихъ художниковъ, чѣмъ и объясняется отсутствіе импресіонистовъ.

Изъ иностранцевъ больше всего картинъ Коро и Милле наиболѣе излюбленныхъ Англичанами, Мейсонье всего одна картинка *Солдатъ съ алебардой*; затѣмъ есть нѣсколько картинъ Розы-Бонёръ, а изъ извѣстныхъ современниковъ Французовъ на эту выставку попала картина Каралюсь Дюрана. Остальныя имена иностранцевъ мало извѣстны и трудно назвать какія-либо выдающіяся работы.

Изъ умершихъ уже Англичанъ больше всего картинъ сэра Томаса Лауренса, Давида Кокса, Дж.-Тернера, Лорда Лейглона (между прочимъ, здѣсь выставлена его извѣстная „псевдо-класическая" картина: *Борьба Геркулеса со смертью изъ-за тѣла Альцесты*), сэра Г. Рейбурна, А. Фразера умершаго два года тому назадъ и сэра Дж. Миллэ. Въ этой группѣ, какъ впрочемъ и во всемъ англійскомъ отдѣлѣ, преобладаютъ портреты, затѣмъ здѣсь много пейзажей, и картины этой группы отличаются отъ картинъ живущихъ еще ху-

дожниковъ еще тѣмъ что среди нихъ много такъ-называемыхъ академическихъ композицій на класическія темы. Изъ живущихъ художниковъ много мѣста занимаютъ портреты разныхъ дамъ Шанона съ великолѣпно написанными платьями и картины сэра Л. Альма-Тадемы, его самого, его жены и его дочери. Затѣмъ много Брауновъ, Смитовъ мало кому извѣстныхъ и есть хорошіе четыре типа Виндзея: *Преступникъ*, *Дурная овца*, *Патрицій* и *Молодой герцогъ*, свидѣтельствующіе о томъ что и въ Англіи есть послѣдователи реальной школы въ живописи. Богаче всего группа акварелей и рисунковъ. И тамъ среди множества цвѣтовъ и natures-mortes разныхъ миссъ и дамъ можно найти истинныя жемчужины вродѣ пастелей Остинъ-Брауна, шотландскаго художника пробивающаго уже себѣ дорогу къ извѣстности. Это большой мастеръ свѣтовыхъ эфектовъ и его пастели *Когда луна взошла*, *Доильщица* и *Рыбная ловля* рисованныя въ Нормандіи передаютъ удивительную игру луннаго свѣта и горячихъ полуденныхъ солнечныхъ лучей. Это художникъ который рѣзко выдѣляется изъ среды своихъ англійскихъ коллегъ смѣлостью замысла, красотой исполненія и удачною борьбою съ техническими трудностями.

Изъ нашихъ русскихъ ходожниковъ на выставку попалъ, да и то во дворецъ промышленности, одинъ только князь Трубецкой. Въ мануфактурномъ отдѣленіи русскаго отдѣла стоятъ его три маленькія, но изящныя бронзовыя фигуры: *петербургскій извощикъ на саняхъ*, *мать* и *дѣвушка*. Какъ всѣ его произведенія это скорѣе этюды далеко не законченные, но полные жизни и красоты.

Во дворцѣ же искусствъ кромѣ отдѣловъ архитектуры и фотографіи помѣщается также отдѣлъ археологическій въ которомъ показывается богатая колекція древне-шотландскихъ одеждъ, доспѣховъ, оружія и книгъ. Между послѣдними интересны переплетенные въ кожу томы съ собраніемъ №№ глазговскихъ газетъ *Glasgow News* и *World News* за первый годъ ихъ существованія 1744 и 1748. Тогда онѣ выходили еженедѣльно „по прибытіи континентальной почты", какъ сказано въ заголовкѣ. Онѣ существуютъ и теперь какъ ежедневныя газеты, первая изъ нихъ вечерняя. Не знаю, намѣренно или случайно, но обѣ эти реликвіи старины открыты на страницахъ, гдѣ напечатаны сообщенія изъ Петербурга. Въ одномъ изъ нихъ говорится что императорское правительство недовольно медленнымъ ходомъ турецкой компаніи, а въ другомъ что „императрица приказала вывести русскія войска изъ Пруссіи". И такъ уже не только лондонскія, но и глазговскія газеты интересовались Россіей и перепечатывали извѣстія о ней голандской печати.

Многихъ, особенно дамъ, интересуетъ женскій отдѣлъ составляю-

щій часть воспитательнаго отдѣла и помѣщающійся тоже во дворцѣ искусствъ, но тамъ ничего особенно интереснаго нѣтъ, кромѣ женскихъ рукодѣлій, выжиганій по дереву, живописи по кожѣ и фарфору и тому подобныхъ „милыхъ“ дамскихъ работъ; сознаюсь что особенно ими не интересовался.

Мѣстами развлеченія на выставкѣ служатъ концертная зала и индусскій театръ. Въ первой даютъ ежедневно по нѣскольку концертовъ разные оркестры и между ними одинъ берлинскій, въ послѣднемъ показываютъ разные болѣе или менѣе интересные фокусы для развлеченія дѣтей. Затѣмъ публику привлекаютъ „русскія“ горы, скатываніе по водопаду въ прудъ, электрическія лодочки на рѣкѣ и обширная луговина отведенная для всякаго вида спорта, гдѣ Шотландцы состязаются въ играхъ въ крокетъ, лаунъ-теннисъ, въ бѣганіи и стрѣльбѣ въ цѣль.

Кромѣ того военная музыка гремитъ цѣлыми днями въ нѣсколькихъ бесѣдкахъ, а рестораны и чайные дома переполнены.

Толпа поражаетъ своимъ оживленіемъ и веселостію, не то что у насъ, грѣшныхъ, гдѣ на Нижегородской выставкѣ посѣтители еле ползали какъ мухи опущенные въ воду. Впрочемъ, можетъ-быть, это происходитъ отъ того что въ Глазго на выставкѣ толпа, а въ Нижнемъ-Новгородѣ царила пустота.

Странникъ.

14 (27) іюня, 1901.
Лондонъ.

Благотворительность въ Россіи.

I.

На страницахъ *Русскаго Вѣстника* намъ не разъ уже приходилось отмѣчать стремленіе нѣкоторыхъ городскихъ управленій установить въ той или иной формѣ налогъ на зажиточные классы населенія въ пользу бѣдныхъ. Особую изобрѣтательность въ этомъ направленіи проявили гласные Московской городской думы, засѣдавшіе въ различныхъ комисіяхъ или дѣйствовавшіе на собственный страхъ и рискъ. И какихъ только проектовъ принудительной благотворительности не возникало въ этихъ комисіяхъ. Предполагалось, напримѣръ, установить прогресивный налогъ съ лицъ держащихъ прислугу, предполагалось ввести дополнительный квартирный налогъ съ благотворительной цѣлію, предполагалось выпустить больничные контрамарки съ выигрышами и т. д.

Нѣкоторые органы нашей повременной печати не только не

противодѣйствовали этимъ стремленіямъ, но даже не безуспѣшно соперничали съ думцами по части разысканія новыхъ предметовъ для благотворительнаго обложенія. Сколько помнится, *С.-Петербургскія Вѣдомости* разъ предложили взимать особый сборъ съ посѣтителей ресторановъ, и вырученныя такимъ путемъ деньги передавать въ пользу крестьянъ въ различныхъ мѣстностяхъ постигнутыхъ неурожаемъ. Было предложено введеніе дополнительнаго налога на театральныя и другія зрѣлища.

Читая всѣ эти проекты невольно подумаешь что русскій человѣкъ зачерствѣлъ, загрубѣлъ, что онъ пересталъ заботиться о своемъ ближнемъ, что онъ сталъ равнодушенъ къ бѣдствіямъ его. Такъ ли однако это въ дѣйствительности?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ обширномъ трудѣ изданномъ недавно по Высочайшему повелѣнію на русскомъ и французскомъ языкахъ подъ названіемъ *Благотворительныя учрежденія Россійской Имперіи (Institutions de bienfaisance de l' Empire de Russie) 1900.*

Посмотримъ же что̀ дѣлаетъ русскій человѣкъ для помощи своимъ ближнимъ и нужно ли толкать его на путь принудительной благотворительности.

II.

Общее число благотворительныхъ учрежденій Россійской Имперіи, по свѣдѣніямъ приведеннымъ въ разсматриваемомъ трудѣ, къ 1 января 1899 года достигло весьма внушительной цифры 14.854. Средства этихъ благотворительныхъ учрежденій состоятъ изъ недвижимости, капиталовъ и ежегодныхъ доходовъ, къ числу которыхъ относятся всѣ денежныя годовыя поступленія: проценты съ капиталовъ, доходы отъ недвижимой собственности, членскіе взносы, случайныя поступленія отъ жертвователей, отъ концертовъ, лотерей и прочаго. Насколько значительны средства нашихъ благотворительныхъ учрежденій можно судить уже по тому что принадлежащая имъ недвижимость оцѣнивается въ 142.246.495 р., а капиталы ихъ достигаютъ 262.597.303 р., въ общей сложности эти цифры составляютъ 404.843.798 рублей!

Уже одна эта собственность должна была дать доходъ достаточный для широкой благотворительной дѣятельности, но мы сказали что, кромѣ доходовъ съ недвижимости и капиталовъ, благотворительныя учрежденія располагаютъ еще и другими поступленіями, такъ что общая цифра полученнаго ими дохода въ 1898 году достигла 59.311.768 рублей. Израсходовано же ими было 48.574.455 рублей.

Едва ли нужно говорить что эта цифра неизмѣримо ниже дѣйствительной и не даетъ о ней никакого представленія. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ въ неурожайные годы правительство не даетъ крестьянамъ ссудъ которыя потомъ разсрочиваются, пересрочиваются и вовсе слагаются. Послѣднюю сумму также приходится прибавить къ расходамъ на благотворительность. Далѣе нужно помнить что крестьяне только въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ прибѣгаютъ къ устройству богадѣленъ, а неимѣющихъ средствъ къ существованію стариковъ и калѣкъ просто водятъ изъ дома въ домъ и кормятъ ихъ поочереди. Наконецъ, далеко не всегда помощь нуждающимся оказывается при посредствѣ благотворительныхъ учрежденій, гораздо чаще оказывается она непосредственно путемъ прямой передачи пособія въ руки нуждающагося. Сосчитайте же всѣ копѣйки, всѣ куски хлѣба подаваемые нищимъ во имя Христа, и вы увидите что они составятъ многомиліонную сумму которая, пожалуй, оставитъ далеко за собою тѣ десятки миліоновъ которые тратятся благотворительными учрежденіями.

Нельзя обойти молчаніемъ еще и того обстоятельства что благотворительностію у насъ занимаются далеко не одни только благотворительныя учрежденія. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ, напримѣръ, университетъ или технологическій институтъ учрежденія благотворительныя? Конечно, нѣтъ, а между тѣмъ они располагаютъ огромными суммами составляющими неприкосновенный капиталъ, проценты съ котораго выдаются бѣднымъ учащимся въ видѣ стипендій, то-есть, въ сущности идутъ на дѣло благотворительности, такъ какъ частныя стипендіи не налагаютъ обыкновенно на учащихся никакихъ обязательствъ.

Все это значительно увеличиваетъ расходы на благотворительность и даетъ намъ полное основаніе сказать что для нея въ Россіи дѣлается такъ много что какія бы то ни было принудительныя мѣры въ этой области должны считаться совершенно излишними.

Посмотримъ теперь въ какихъ формахъ проявляется благотворительность у насъ.

III.

Наиболѣе распространенною формой благотворительности у насъ является призрѣніе взрослыхъ и дѣтей. Это вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе старая форма организованной благотворительности въ Россіи. Заведенія для призрѣнія престарѣлыхъ, убогихъ, неизлечи-

мыхъ и вообще неспособныхъ къ труду начали возникать у насъ уже очень давно. Къ началу XVIII столѣтія ихъ считалось въ Россіи 54, а въ этомъ столѣтіи число ихъ увеличилось до 86. Съ тѣхъ поръ число это начало быстро увеличиваться, и въ настоящее время насчитывается въ Россіи уже 2.792 заведенія для призрѣнія взрослыхъ и 1.313 заведеній для призрѣнія дѣтей. Большинство такихъ заведеній (882 для взрослыхъ и 595 для дѣтей) основаны частными лицами. Второе мѣсто принадлежитъ Вѣдомству Православнаго Исповѣданія которое содержитъ 749 заведеній для призрѣнія взрослыхъ и 158 заведеній для дѣтей. Вѣдомство Императрицы Маріи, напротивъ, содержитъ значительно болѣе заведеній для призрѣнія дѣтей чѣмъ взрослыхъ. Первыхъ насчитывается 242, тогда какъ послѣднихъ только 50. Совершенно противоположный характеръ носитъ дѣятельность сословныхъ учрежденій, имѣющихъ 449 заведеній для взрослыхъ и только 20 заведеній для дѣтей. Городскія общественныя управленія также склоняются на сторону призрѣнія взрослыхъ, содержа для этой цѣли 300 заведеній и имѣя ихъ только 85 для призрѣнія дѣтей. Наиболѣе слабую дѣятельность въ этомъ отношеніи обнаруживаютъ земства, въ вѣдѣніи которыхъ находится всего только 108 учрежденій для призрѣнія взрослыхъ и 20 учрежденій для призрѣнія дѣтей. Цифра и скромная и поучительная для тѣхъ людей которые только и видятъ свѣтъ, что̀ въ земскомъ окнѣ.

Престарѣлый, увѣчный, потерявшій способность къ труду нуждается только въ убѣжищѣ гдѣ онъ могъ бы мирно кончить дни свои, у одинокаго покинутаго ребенка, напротивъ, вся жизнь еще впереди, ему нужно подготовиться къ борьбѣ за существованіе, ему нужно пріобрѣсти необходимое знаніе и умѣніе, безъ котораго невозможенъ успѣхъ на жизненномъ поприщѣ. Такимъ образомъ въ задачу призрѣнія бѣдныхъ дѣтей вводится доставленіе имъ безплатнаго или дешеваго обученія.

Для этой цѣли у насъ существуютъ 993 учебно-воспитательныхъ заведенія самыхъ разнообразныхъ типовъ: общеобразовательныхъ школъ, спеціальныхъ училищъ, мастерскихъ, рукодѣленъ и т. д. Въ этихъ заведеніяхъ въ 1898 году насчитывалось 15.239 живущихъ и 71.791 приходящій, на которыхъ было истрачено болѣе $2^1/_2$ милioновъ рублей, что̀ на каждаго призрѣваемаго составляетъ около 21 р. въ годъ.

Кромѣ дѣтей, стариковъ и убогихъ въ помощи общественной благотворительности могутъ нуждаться и другія лица поставленныя въ силу тѣхъ или иныхъ условій временно въ безвыходное положеніе. Благотворительная дѣятельность по отношенію къ этимъ лицамъ

проявляется у насъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Прежде всего эти лица нуждаются въ убѣжище для себя, такъ какъ оставаться подъ открытымъ небомъ, само собою понятно, не могутъ. Имъ предоставляется или дешевое и безплатное помѣщеніе на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, или же только на одну ночь (ночлежные дома). Общее число подобныхъ благотворительныхъ заведеній равняется 387, большая часть которыхъ содержится частными лицами или Вѣдомствомъ Православнаго Исповѣданія. Цѣнность, недвижимость и капиталы этой группы благотворительныхъ учрежденій равнялись 8½ мил. рублей. Дохода ими было получено въ 1898 году 461.589 р., расходъ же достигъ 439.561 р. На эти деньги оказалось возможнымъ оказать помощь, въ общемъ, почти шести миліонамъ лицъ.

Временно впавшій въ нищету человѣкъ, кромѣ жилища, нуждается еще и въ даровой или дешевой пищѣ. Этотъ родъ благотворительной помощи началъ получать сильное развитіе только въ послѣднее время и теперь у насъ насчитывается уже 1060 столовыхъ и чайныхъ. Большая часть ихъ (715) находится въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ, затѣмъ слѣдуютъ учрежденія частныя (262). Эти благотворительныя заведенія располагаютъ сравнительно небольшими капиталами, размѣръ которыхъ, включая сюда и цѣнность принадлежащей имъ недвижимости, не превосходитъ 262.936 руб. Доходы ихъ тоже не велики и въ 1898 году равнялись 262.692 руб., при расходѣ въ 222.238 руб. Тѣмъ не менѣе услугами этихъ благотворительныхъ заведеній воспользовалось, считая и посѣщенія, свыше 15 миліоновъ человѣкъ.

Нужда, отсутствіе крова и пищи часто являются результатомъ неимѣнія работы, а потому въ кругъ дѣятельности благотворительныхъ заведеній вводится и предоставленіе ея нуждающимся. Для оказанія этой помощи у насъ существуютъ дома трудолюбія, мастерскія, рукодѣльни и пр. Общее число такихъ заведеній пока еще очень не велико, всего 187, да и изъ нихъ больше половины основаны въ промежутокъ времени между 1895 и 1899 годами. Такое быстрое развитіе трудовой помощи въ послѣднее время является почти исключительнымъ результатомъ дѣятельности состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ.

Средства заведеній трудовой помощи, какъ возникшихъ еще очень недавно, не велики и ограничиваются недвижимымъ имуществомъ оцѣниваемымъ въ 865.645 и капиталами въ 438.685 рублей. Доходы заведеній трудовой помощи тоже не велики и опредѣлялись въ

1898 году 213.776 рублями. Что же касается самой трудовой помощи, то она была оказана 165.816 лицамъ. Цифра далеко не изъ крупныхъ!

Послѣднюю группу благотворительныхъ заведеній составляютъ учрежденія призванныя оказывать лечебную помощь нуждающейся въ ней части населенія. Такихъ заведеній содержимыхъ благотворительными обществами и частными лицами во всей Россіи насчитывалось 806, изъ которыхъ 45 предназначались для лечебной помощи дѣтямъ, а 761 для взрослыхъ. Наибольшее количество этихъ заведеній (17 для дѣтей и 461 для взрослыхъ) находится въ вѣдѣніи частныхъ лицъ, но не мало дѣлается для этого и православнымъ духовенствомъ которымъ содержится 97 заведеній для взрослыхъ.

Лечебная помощь какъ и трудовая широко начала распространяться только въ послѣдніе годы; изъ 806 подобныхъ учрежденій въ періодъ времени съ 1881 по 1899 годъ основано 405, то-есть, болѣе половины. Въ отличіе отъ домовъ трудолюбія эти заведенія начинаютъ свою дѣятельность со значительными средствами и вообще могутъ считаться хорошо обезпеченными. Принадлежащее имъ недвижимое имущество оцѣнивается въ $18^1/_2$ мил. рублей, а капиталы равняются $13^3/_4$ мил. рублей. Доходы ихъ тоже весьма значительны и въ 1898 году равнялись 4.229.144 руб., изъ которыхъ было истрачено 4.105.211 руб., что дало возможность оказать лечебную помощь 237.714 живущимъ, 2.939.318 приходящимъ, да сверхъ того насчитывается еще 337.845 посѣщеній.

Вотъ въ общихъ чертахъ результаты русской благотворительной дѣятельности. Изъ этихъ итоговъ мы видимъ что благотворительность у насъ не только не ослабѣваетъ, но, напротивъ, усиливается, и наибольшее число благотворительныхъ обществъ возникло именно въ послѣдніе годы. Эти данныя краснорѣчивѣе всякихъ словъ доказываютъ что жалобы на упадокъ чувства любви къ ближнему лишены всякаго основанія, что еще меньше его для того чтобы стремиться вольную благотворительность обратить въ принудительную.

IV.

Не безынтереснымъ является и територіальное распредѣленіе благотворительныхъ учрежденій по Россіи. Всего благотворительныхъ учрежденій въ Россіи считается 14.854. Какъ и слѣдовало ожидать, подавляющее большинство ихъ (10.934) приходится на 48 внутреннихъ губерній Европейской Россіи. Второе мѣсто занимаетъ Прибалтійскій край въ которомъ находится всего только 1.359 благо-

творительныхъ учрежденій. Еще ниже цифра ихъ падаетъ въ Привислинскомъ краѣ понижаясь до 914. Обширная Сибирь имѣетъ только 383 благотворительныхъ учрежденія, на Кавказѣ ихъ считается 274 и, наконецъ, въ Средней Азіи только 141. Эти цифры только лишній разъ подтверждаютъ что въ коренномъ русскомъ населеніи сочувствіе къ ближнимъ развито не слабѣе, а сильнѣе чѣмъ въ инородческомъ населеніи нашихъ окраинъ.

Но въ територіальномъ распредѣленіи благотворительныхъ учрежденій Россіи нельзя не подмѣтить совершенно нежелательныхъ сторонъ. Такъ, изъ 14.854 благотворительныхъ учрежденій 5.270 приходится на губернскія и областные города въ которыхъ сосредоточена только ничтожная горсть населенія, а на всѣ уѣздные города и другіе населенные пункты ихъ приходится только 9.584. Положимъ, нищета ютится преимущественно въ крупныхъ людныхъ центрахъ, но уже не до такой же степени чтобы ея вовсе не оставалось въ селахъ, деревняхъ и уѣздныхъ городахъ. Вотъ эта-то централизація и является совершенно нежелательною.

Она приводитъ къ тому что приходится создавать дорогостоящія учрежденія для призрѣнія неимущихъ, тогда какъ при иныхъ условіяхъ оно обходилось бы въ гроши. Причину такой централизаціи благотворительности вѣрнѣе всего искать въ слабомъ развитіи у насъ приходской дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ трудно оказать приходу трудовую помощь нѣсколькимъ нуждающимся въ ней? Конечно, нѣтъ. Для этого не потребовалось бы, по крайней мѣрѣ, при обычныхъ условіяхъ, ни домовъ трудолюбія, ни рукодѣленъ, ни другихъ учрежденій, такъ какъ работа могла бы найтись въ домахъ тѣхъ же прихожанъ. Мы много говоримъ въ послѣднее время о патронатахъ, о помощи освобожденнымъ изъ тюремъ. Да развѣ приходъ не могъ бы позаботиться объ одномъ, о двухъ отбывшихъ срокъ заключенія? И въ тысячи, въ десяткахъ тысячъ случаевъ дешевая приходская организація могла бы замѣнить дорогостоящія организаціи крупныхъ благотворительныхъ обществъ.

Къ сожалѣнію, дѣлается въ этомъ направленіи у насъ еще очень мало. Въ Вѣдомствѣ Православнаго Исповѣданія у насъ считается только 2.148 блоготворительныхъ обществъ, изъ которыхъ 391 находится въ губернскихъ и областныхъ городахъ, а 1.757 въ уѣздахъ. Этими благотворительными обществами содержится 1.164 благотворительныхъ заведеній, изъ которыхъ 811 находятся въ уѣздахъ. Вотъ на какую сторону благотворительной дѣятельности намъ слѣдуетъ обратить вниманіе. Тѣ десятки миліоновъ которые мы тратимъ на благотворительность попавъ въ руки приходовъ могли бы замѣнить намъ сотни миліоновъ, создалась бы дѣйствительная по-

мощь и притомъ людямъ хорошо извѣстнымъ, помощь приноровленная къ личнымъ особенностямъ каждаго нуждающагося. Жаль что такая простая истина слишкомъ часто забывается у насъ.

Письмо изъ Вѣны.

Вѣна, 25 іюня.

I.

Свинцовыя тучи обложили небо и съ ранняго утра обливали Прагу частымъ и крупнымъ дождемъ. Одѣтые въ „высокій“ туалетъ дома, улицы, площади хотя и смотрѣли по праздничному, но не вызывали чувства радости, а скорѣе чувство сожалѣнія и даже боли за испорченное торжество.

Послѣ полудня, однако, тучи разсѣялись. Яркое солнце заключило промокшую чешскую красавицу въ свои горячія объятія, и отъ утреннихъ слезъ не осталось и слѣда. Прага стала какъ будто еще наряднѣе... Чѣмъ ближе подходило время къ вечеру, тѣмъ оживленнѣе становились улицы, тѣмъ гуще набивались народомъ площади, готовившимся любоваться невиданнымъ доселѣ зрѣлищемъ.

Наступила, наконецъ, ночь, тихая іюньская ночь! Небо загорѣлось миріадами яркихъ звѣздъ, Прага загорѣлась миліонами огней и разноцвѣтныхъ электрическихъ лампочекъ. На Градчинѣ, въ историческомъ замкѣ Карла IV стоялъ престарѣлый монархъ и любовался на зажженный ради него чешскимъ народомъ огромный радостный факелъ. Эта илюминація соединенная съ волшебнымъ фейерверкомъ явилась мощнымъ заключительнымъ акордомъ въ дивной симфоніи компанованной Чехами въ честь своего короля. Я былъ свидѣтелемъ пражскихъ торжествъ и произведенное ими на меня впечатлѣніе надолго останется въ моей памяти.

Я хочу посвятить настоящее письмо исключительно Чехамъ и читатели, я надѣюсь, не будутъ на меня за это въ претензіи. Среди западныхъ Славянъ Чехи, несомнѣнно, самое способное и самое богато-одаренное племя. Въ нынѣшнія земли чешской короны Чехи пришли около конца V столѣтія и выжили жившихъ тамъ прежде Кельтовъ. Чешскій король Отокаръ былъ славянскій властелинъ. Къ несчастію, онъ былъ побѣжденъ и разбитъ на-голову Рудольфомъ Габсбургскимъ. Въ Чехіи и въ Моравіи взяла свое начало реформація. Вспомните Іоанна Гуса и моравскихъ братьевъ. Пражскій университетъ насчитывалъ въ тѣ времена до десяти тысячъ студентовъ слетавшихся со всѣхъ концовъ Европы. Чешскій ученый, Іоаннъ

Амосъ Коменіусъ или просто Коменскій, сдѣлался основателемъ современной наглядной системы или медота преподаванія.

Начавшаяся на томъ самомъ Градчинѣ съ котораго императоръ Францъ Іосифъ I любовался недавно на свою цвѣтущую чешскую столицу Тридцатилѣтняя война уничтожила въ Чехіи протестантизмъ и привела къ гибели тамъ славянскаго элемента и славянскаго языка. Чешское національное дворянство было частію казнено, частію изгнано изъ страны, его имѣнія конфискованы и отданы католической церкви. Прошло полтора вѣка. За это время и чешскій народъ, и чешское дворянство успѣли нѣсколько окрѣпнуть и придти въ себя, но вотъ явилась эра Маріи Терезіи съ ея усиленною и безпощадною германизаціей, и не окрѣпнувшія еще вполнѣ народныя силы снова были подорваны и, какъ казалось, на этотъ разъ окончательно и безповоротно. Нѣмецкій языкъ насильственно былъ введенъ обязательнымъ въ народныхъ школахъ во всѣхъ земляхъ чешской короны.

Тѣмъ не менѣе славянская идея не была уничтожена. Она только ушла глубже въ широкія массы чешскаго крестьянства. Тамъ она продолжала жить въ героическихъ традиціяхъ объ Іоаннѣ Гусѣ и его сподвижникахъ. Жижка, оба Прокопа превратились въ народномъ сознаніи изъ религіозныхъ сподвижниковъ въ національныхъ героевъ. У Чеховъ въ данномъ случаѣ, какъ и у православныхъ Славянъ, религіозный моментъ сыгралъ въ дѣлѣ національной живучести чрезвычайную роль. 1848 годъ прошелъ не безслѣдно и для чешскаго народа. Окрѣпшая на Западѣ Европы національная идея живительною струею охватила и Чеховъ. Проснулись дремавшія въ продолженіе столькихъ лѣтъ національныя силы, и чешскій народъ вздохнулъ полною грудью.

II.

Если сравнить Чехію какою она была хотя бы только 30 лѣтъ тому назадъ съ Чехіею какою она представляется въ настоящее время, то просто диву даешься колосальнымъ перемѣнамъ за столь короткій, сравнительно, періодъ времени. Чешскій народъ выросъ духовно и матеріально до такой высоты что всякій безпристрастный наблюдатель долженъ проникнуться удивленіемъ и искреннимъ уваженіемъ къ этому народу. Почти вплоть до самаго конца пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія большинство чешскихъ городовъ носило чисто-нѣмецкій характеръ. Привилегированныя сословія говорили между собою исключительно по-нѣмецки; среднія школы, высшія учебныя заведенія, театръ, торговля, промышленность, все было

исключительно нѣмецкое. Чешскій языкъ былъ только языкомъ крестьянъ и домашней прислуги, да еще рабочихъ.

Теперь же въ чешскомъ національномъ театрѣ въ Прагѣ весь зрительный залъ до послѣдняго мѣстечка былъ занятъ избранною публикою среди которой блистали носители старѣйшихъ аристократическихъ фамилій въ Европѣ съ представителемъ старѣйшей въ Европѣ императорской династіи во главѣ и внимали чарующимъ звукамъ чешской національной оперы, словамъ вдохновенной чешской музы! Въ честь пребыванія императора Франца-Іосифа въ Прагѣ въ чешскомъ „земскомъ и народномъ divadlѣ", какъ гласитъ офиціальное названіе чешскаго театра, былъ устроенъ торжественный спектакль. Были представлены одно дѣйствіе изъ оперы *Русалка* Дворжака и одно дѣйствіе изъ поэтической комедіи Врхлицкаго *Ночь на Карлштейнѣ*.

Въ теченіе какихъ-нибудь 30—40 лѣтъ Чехи выдвинули могучую политическую партію играющую теперь въ вѣнскомъ рейхсратѣ чуть не первую роль, создали собственную литературу, высоко развили свою національную музыку, давъ міру нѣсколько высокоталантливыхъ и даже геніальныхъ композиторовъ, какъ Сметана, Фибихъ, Дворжакъ и др., и достигли въ пластическихъ искусствахъ и въ живописи такого совершенства что австрійскій императоръ, благородный и просвѣщенный покровитель искусствъ, счелъ нужнымъ пожертвовать для созданія въ Прагѣ картинной галереи 2 миліона кронъ. Имена выдающихся чешскихъ ученыхъ, философовъ, теологовъ, художниковъ, политиковъ, писателей, музыкантовъ слишкомъ многочисленны чтобы можно было здѣсь ихъ перечислить. Кто не видѣлъ Праги въ ея декоративномъ убранствѣ надѣтомъ ею въ честь императорскаго посѣщенія, тотъ не можетъ имѣть и приблизительнаго понятія о высокой степени развитія изящныхъ искусствъ и всѣхъ художественныхъ ремеслъ у чешскаго народа. Пражская выставка 1891 года уже показала міру, какіе успѣхи сдѣлали Чехи въ области фабрично-промышленной; но эти успѣхи за послѣднее десятилѣтіе удесятерились. Всѣ земли чешской короны въ настоящее время покрыты густою сѣтью сберегательныхъ кассъ, кредитныхъ обществъ имѣющихъ цѣлію поддержать дешевымъ кредитомъ мелкаго торговца или промышленника. Кооперативныя общества, фабрики и заводы наводняютъ страну.

Вездѣ существуютъ многочисленныя общія и спеціальныя школы открываемыя и содержимыя чешскою школьною матицею, ежегодный бюджетъ которой превышаетъ одинъ миліонъ кронъ, бюджетъ образующійся *исключительно изъ доброхотныхъ пожертвованій*. До такой степени крѣпка въ чешскомъ народѣ національная дисциплина, до такой степени живо въ каждомъ сознаніе своего долга по отношенію

къ цѣлому! При такихъ условіяхъ не удивительно что торговля и промышленность находятся въ Чехіи въ цвѣтущемъ состояніи и что вообще Чехи въ послѣднее время во всѣхъ отношеніяхъ сравнялись со своими нѣмецкими сосѣдями.

Оно, конечно, въ совершенно иномъ положеніи былъ бы теперь чешскій народъ, еслибы вмѣстѣ съ его народными массами могло ожить и воскреснуть его знаменитое дворянство. Правда, и наше время знаетъ чешское феодальное дворянство называемое почему-то еще „историческимъ“. Въ первый день пребыванія императора Франца Іосифа I въ Прагѣ оно представилось ему, шествуя въ числѣ другихъ депутацій на второмъ мѣстѣ. Во главѣ всѣхъ депутацій шествовалъ клиръ. Таковъ порядокъ придворнаго церемоніала установленнаго Фердинандомъ II еще въ 1627 г. Первое сословіе въ государствѣ это духовенство. Дворянство занимаетъ только второе мѣсто. Но что̀ это за „чешское“ дворянство да еще съ эпитетомъ „историческое“, которое имѣетъ къ чешскому народу такое же отношеніе какъ шекспировскій актеръ къ Гекубѣ! Для того чтобы это дворянство удостоило своимъ посѣщеніемъ чешскій національный театръ въ Прагѣ нужно чтобы на его представленіяхъ присутствовалъ австрійскій императоръ. Среди абонентовъ этого театра есть всего только одинъ феодалъ, это графъ Гаррахъ; всѣ остальные такъ-называемые „чешскіе“ феодалы состоятъ за то абонентами нѣмецкаго театра въ Прагѣ. Этотъ фактъ характеренъ: онъ указываетъ что дворянство въ Чехіи чешское только въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо и полезно для личныхъ дѣлъ и для всего сословія, а дальше оно насквозь нѣмецкое, во всякомъ случаѣ не чешское.

Ораторъ дворянской депутаціи, князь Лобковицъ, увѣрялъ императора въ „неизмѣнной преданности“ и въ „традиціонной вѣрности и готовности къ самопожертвованію“ „до послѣдняго издыханія“ со стороны чешскаго дворянства. Императоръ на это отвѣтилъ что онъ убѣжденъ въ томъ что дворянство есть и останется опорой трона и монархіи.

Императоръ, конечно, достаточно освѣдомленъ относительно настроенія чешскаго феодальнаго дворянства и имѣетъ, вѣроятно, всѣ основанія оказывать ему такое широкое довѣріе. Въ Прагѣ, правда, разказывали въ тотъ день что въ частной бесѣдѣ съ принцемъ Фридрихомъ Шварценбергомъ императоръ выразилъ ему свое крайнее недовольство новѣйшею политикой чешскаго дворянства, обозначившейся въ пресловутой рѣчи этого принца въ рейхсратѣ по поводу инвестицій и водныхъ путей. Но это, быть-можетъ, только сплетня. Аксіомой въ извѣстныхъ кругахъ считается что интересы династіи и интересы феодальнаго дворянства совершенно тождественны. Но

такой взглядъ господствуетъ только въ извѣстныхъ кругахъ. Въ широкихъ народныхъ массахъ считаютъ интересы династіи неразлучными отъ интересовъ монархіи, а этимъ послѣднимъ интересамъ едва ли служитъ узко-эгоистичная политика чешскаго феодальнаго дворянства. А разъ эта политика вредитъ интересамъ государства, то какъ же она можетъ въ то же время быть полезною интересамъ династіи?

III.

Будущее покажетъ, вѣрно ли что чешское феодальное дворянство „есть и останется надежною опорой трона и монархіи". Но если оглянуться на прошедшее, если развернуть исторію минувшихъ вѣковъ, то невольно напрашивается вопросъ, нельзя ли изъ этого прошедшаго извлечь урокъ для будущаго?

Древнее, потомственное, дѣйствительно родное чешское дворянство не отличалось особенною преданностію Габсбургской династіи которую оно же избрало на чешскій престолъ. Это дворянство являлось усерднымъ и упорнымъ защитникомъ сословныхъ правъ и народной свободы и независимости отъ Вѣны, а также религіозной независимости отъ Рима и отъ папы. Габсбурги захотѣли насадить въ Чехіи болѣе послушное и покладистое дворянство и рѣшили уничтожить старое національное дворянство мечемъ и огнемъ. И они уничтожили его почти совершенно. Среди всѣхъ этихъ высокородныхъ господъ которые устами князя Лобковица выражали на Градчинѣ въ испанскомъ залѣ вѣрноподданническія чувства императору Францу Іосифу было очень мало такихъ которые имѣли бы дѣйствительное право причислять себя къ чешскому потомственному дворянству. Лобковицъ, Кинскій, Гаррахъ, Хотекъ, Лазанскій и только. Всѣ же остальные пришельцы, большинство которыхъ появилось въ Чехіи лишь въ XVII столѣтіи.

Можно подумать что это новое католическое дворянство, которое было собрано въ Чехіи, что называется, съ бору да съ сосенки и которое было обласкано вѣнскимъ дворомъ и папскимъ престоломъ, оказалось благодарнымъ и всею душею преданнымъ Габсбургской династіи. Времени для этого было достаточно. Отъ Фердинанда II до Карла VI они имѣли достаточно досуга для усвоенія всѣхъ необходимыхъ дворянству по отношенію къ династіи и къ имперіи добродѣтелей. Но на самомъ дѣлѣ эти новые чешскіе феодалы, вѣрою и правдою служили государству и династіи, какъ долго тѣ могли щедро платить за эту службу. Они охотно соглашались занимать высшія должности въ государствѣ и при дворѣ, опустошая государ-

ственную казну и частную шкатулку монарховъ. Когда же умеръ Карлъ VI и его дочь могла поддерживать свои права на Габсбургскій престолъ противъ притязаній на него со стороны Франціи, Баваріи, Пруссіи и Саксоніи не могущественною арміею и не обильнымъ государственнымъ фондомъ, а всего лишь одною прагматическою санкціею; когда со всѣхъ сторонъ чужія арміи переступали государственныя границы; когда такимъ образомъ новому чешскому дворянству въ первый разъ представился случай принести серіозныя жертвы за спасеніе династіи, которой оно такъ много было обязано, какъ оно поступило тогда? Баварскій курфюрстъ вступилъ въ Чехію, взялъ Прагу, провозгласилъ себя чешскимъ королемъ и приказалъ чешскому дворянству явиться въ Прагу съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ. И это дворянство подчинилось приказу узурпатора. Богобоязненный архіепископъ пражскій короновалъ его на царство, а дворянство присягнуло ему въ вѣрности и преданности. Оно охотно стало принимать государственныя должности изъ рукъ представителя династіи Виттельсбахъ, какъ прежде принимало такія должности отъ Габсбурговъ. Въ назначенномъ новымъ королемъ правительствѣ занимали мѣста Коловротъ, Букуа, Хотекъ, Чернинъ, все громкія чешскія феодальныя имена. Графы Кинскіе, Врбны, Штеренберги, Лазанскіе, Вальдштейны, Вратиславы и другіе тѣснились и терлись около новаго престола.

Карлъ Альбертъ Баварскій не долго удержался на чешскомъ престолѣ. Но какъ ни кратокъ былъ этотъ эпизодъ, онъ въ высшей степени характеренъ для сужденія о томъ, насколько „чешское“ „историческое“ феодальное дворянство являлось надежною опорой для престола и государства въ прошедшемъ.

И вотъ съ этимъ дворянствомъ, съ знаменитою польскою шляхтою погубившею и продавшею собственное государство, да еще съ нѣмецкими клерикалами, покорнѣйшими слугами Рима, папы и отцовъ іезуитовъ, Младо-Чехи заключили союзъ отъ котораго ожидали спасенія Австріи и благоденствія чешскаго народа!

Удивительно ли что этотъ союзъ привелъ туда, куда онъ неизбѣжно долженъ былъ привести, именно къ краю пропасти въ которую каждую минуту готова обрушиться Австрія. Младо-Чехи спохватились во-время, и если Австрія получила возможность свободнѣе вздохнуть и хотя нѣсколько наверстать упущенное за долгіе годы безплодной обструкціи, сперва нѣмецкой, потомъ чешской, то этимъ она обязана исключительно Младо-Чехамъ.

И замѣчательно! Какъ только Чехи сдѣлали малѣйшій шагъ въ сторону сближенія съ Нѣмцами въ земляхъ чешской короны, какъ польская шляхта и чешское феодальное дворянство, а также тироль-

скіе клерикалы навострили уши и насторожились. Поляки прямо попытались перебѣжать Чехамъ дорогу и начали заигрывать съ Нѣмцами какъ послѣ паденія министерства графа Таафе. Тогда это заигрываніе привело къ образованію коалиціи князя Виндишгреца. На этотъ разъ оно однако привело только къ знаменитой ночи 8 іюня.

Чешскіе же феодалы повели дѣло болѣе тонко. Имъ не подобаетъ за кѣмъ-нибудь бѣгать или за кого-нибудь цѣпляться, и вотъ они вздумали обратить противъ Младо-Чеховъ то что́ они считаютъ самою важною своею заслугой, самымъ важнымъ своимъ пріобрѣтеніемъ для чешскаго народа. Съ этою цѣлію принцъ Шварценбергъ выступилъ съ громовою рѣчью противъ регулированія рѣкъ и прорытія каналовъ въ Чехіи какъ предпріятія разорительнаго и гибельнаго для страны и особенно для земледѣльческаго ея населенія.

Цѣль этой рѣчи ясна: уронить въ глазахъ сельскаго избирателя младочешскую партію и пріуготовить ей пораженіе на предстоящихъ осенью выборахъ въ чешскій сеймъ.

Этимъ своимъ маневромъ противъ Младо-Чеховъ чешское феодальное дворянство дѣйствуетъ въ разрѣзъ съ сентенціями монарха, котораго они увѣряли въ неизмѣнной преданности и въ традиціонной вѣрности и который для того именно поѣхалъ въ Чехію и въ Прагу чтобы содѣйствовать дѣлу примиренія народностей, дѣлу къ которому Младо-Чехи во всякое время готовы съ великою душой.

Обструкціонные годы выростили и среди Нѣмцевъ, и среди Чеховъ радикальные элементы которые стремятся унаслѣдовать верховодство обоими народами въ Чехіи. Но въ то время какъ нѣмецкій радикализмъ подвизается преимущественно или даже почти исключительно на національно - политической почвѣ, радикализмъ чешскаго молодаго поколѣнія сосредоточилъ свое вниманіе преимущественно или даже почти исключительно на экономическо-соціальной почвѣ.

Теперь представьте себѣ что на предстоящихъ осенью выборахъ въ чешскій сеймъ у Нѣмцевъ побѣдителями останутся (это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію) все Нѣмцы пошиба господъ Вольфа и Шенерера, а у Чеховъ побѣдителями выйдутъ, какъ этого очевидно желаютъ чешскіе феодалы, аграріи. Мало того что не только о примиреніи, но даже о какомъ бы то ни было modus vivendi между Чехами и Нѣмцами не можетъ быть тогда и рѣчи, а кромѣ того чешскій народъ можетъ еще понести чрезвычайный національный урокъ въ виду отхода у его будущихъ представителей національныхъ вопросовъ на задній планъ, въ то время какъ у противника именно ультра-національные вопросы и интересы будутъ стоять на первомъ планѣ.

IV.

Въ виду всего этого въ чешскихъ, а, кажется, также въ нѣмецкихъ сферахъ не питаютъ большихъ надеждъ на какіе-нибудь благотворные результаты отъ нынѣшней поѣздки императора Франца Іосифа I для національнаго мира въ Чехіи.

Сама мысль объ этой поѣздкѣ которою такъ кичился Dr. Кэрберъ не представляется ни оригинальною, ни даже новою. Ее съ большимъ тактомъ и умѣньемъ привелъ въ исполненіе графъ Таафе въ 1891 г. Тогдашняя поѣздка императора въ Чехію имѣла большій смыслъ уже потому что она не предшествовала, какъ теперь, совѣщаніямъ о чешско-нѣмецкомъ примиреніи, не служила, такъ сказать, введеніемъ къ этимъ совѣщаніямъ, а являлась вѣнцомъ ихъ. Такъ называемые вѣнскіе пунктуаціи пошатнулись вслѣдствіе агитаціи Младо-Чеховъ. Графъ Таафе и предположилъ что личный авторитетъ императора спасетъ эти пунктуаціи и національное соглашеніе всетаки состоится. На самомъ дѣлѣ, однако, тогда получилось обратное: соглашеніе не только не состоялось, но національныя распри еще усугубились и закипѣли съ утроенною силой. Я не хочу сказать что то же самое случится и теперь, но по теоріи вѣроятностей можно предполагать что большаго различія не будетъ.

Единственное что теперь является утѣшительнымъ заключается въ томъ что, съ одной стороны, никакое правительство въ Австріи не рѣшится дѣйствовать противъ лояльнаго и преданнаго Габсбургской династіи чешскаго народа, а съ другой, чешскія народныя партіи проникнутся поневолѣ сознаніемъ что достойной и во всѣхъ отношеніяхъ дѣйствительно могущественной, дѣятельной и талантливой защиты чешскаго народа въ австрійскихъ законодательныхъ учрежденіяхъ онѣ добьются лишь тогда когда въ отношеніяхъ между собою закапаютъ разъ навсегда боевую сѣкиру и братски протянутъ другъ другу руку примиренія. Въ этомъ направленіи теперь работаютъ лучшіе люди младо-чешской и старо-чешской партій, и я отъ всей души желаю имъ полнаго успѣха въ этомъ ихъ великомъ народномъ дѣлѣ.

Лашинъ.

Женское професіональное образованіе.

I.

Тяжелый, мучительный кошмаръ пережило русское общество въ шестидесятыхъ годахъ. Оторванное отъ дѣйствительной, реальной жизни, лишенное серіозной подготовки, ошеломленное сыпавшимися на него реформами, оно впало въ состояніе какой-то невмѣняемости и лишь дикимъ голосомъ кричало: „впередъ!.. впередъ безъ всякихъ остановокъ!..“ За ломкою общественныхъ порядковъ пошла ломка семейныхъ отношеній. Въ бракъ, въ союзъ родителей съ дѣтьми вводились новые „принципы“ расшатывающіе и опошливающіе вѣками установившіяся отношенія. Это была какая-то безшабашная вакханалія достойная развѣ только дома сумашедшихъ. Каракозовскій выстрѣлъ нѣсколько отрезвилъ и заставилъ общественную жизнь вернуться въ свое обычное русло.

Но злое сѣмя брошенное въ шестидесятыхъ годахъ и до сихъ поръ не перестало давать своихъ вредныхъ всходовъ. Замѣчаются они рѣшительно всюду, но особенно ярко бросаются въ глаза въ такъ называемомъ женскомъ вопросѣ, этомъ типичномъ наслѣдіи шестидесятыхъ годовъ.

„*Женщина должна сама зарабатывать себѣ свое существованіе и этимъ путемъ освободиться отъ зависимости родителей и мужей*“. Вотъ девизъ шестидесятыхъ годовъ свято чтимый и хранимый у насъ до сихъ поръ.

Никто, конечно, не будетъ отрицать что русская женщина и до шестидесятыхъ годовъ не жила ничего не дѣлая. Она была матерью, ходила за дѣтьми, давала имъ воспитаніе и первоначальное образованіе, вела хозяйство, подчасъ довольно обширное и сложное. Развѣ все это не давало ей нравственнаго и даже юридическаго права на заработокъ мужскихъ членовъ своей семьи? Несомнѣнно давало, такъ какъ она была полезнымъ трудящимся членомъ этой семьи. Но идеаломъ шестидесятыхъ годовъ была не женская работа, *а денежный заработокъ* женщины ради котораго ей предлагалось покинуть семейный очагъ.

И много, много женщинъ вняло этой проповѣди и начало растрачивать свой трудъ на устройство швейныхъ и брошюровочныхъ мастерскихъ, на работу въ типографіяхъ въ качествѣ наборщицъ и еще, Богъ знаетъ, на что̀. Какъ ни сильно было опьяненіе доктриною самостоятельнаго труда, но въ концѣ-концовъ должны были женщины понять что подобный трудъ рѣшительно никому ни на что̀

не нуженъ, что ей, какъ и мущинѣ, въ погонѣ за заработкомъ нужны професіональныя знанія. И вотъ у насъ начинаютъ создаваться женскія професіональныя школы, и вмѣстѣ съ тѣмъ создается и совершенно новый, невѣдомый остальному міру типъ учащейся женщины получившій широкую извѣстность подъ именемъ *курсистки*.

II.

Курсистка это въ большинствѣ случаевъ „протестующая натура“, обыкновенно отправляющаяся учиться безъ согласія родителей и иногда даже и вопреки ихъ прямому запрещенію. Для достиженія своей завѣтной цѣли „протестующія натуры“ устраивали рядъ раздирающихъ душу домашнихъ сценъ, если не помогали эти сцены, то онѣ искали защиты противъ произвола родителей у либеральнаго начальства, а если не помогало и это средство, то не останавливались и передъ *фиктивными браками* которые выводили изъ-подъ власти родителей и открывали, съ согласія мнимаго мужа, широкій просторъ для всякаго рода дѣятельности.

Наконецъ, борьба съ родительскою властью кончалась тѣмъ или инымъ путемъ, и дѣвушка попадала въ омутъ столичной жизни одна, безъ матеріальныхъ средствъ, безъ нравственной поддержки, безъ разумнаго руководства.

Начиналось сближеніе съ другими курсистками, со студентами, съ революціонерами. Жизнь впроголодь, не всегда удачная погоня за грошовой работой, трудность занятій на курсахъ для которыхъ не оставалось достаточнаго количества свободнаго времени, словомъ, совокупность всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условій озлобляли курсистку и толкали ее въ ряды недовольныхъ. Примѣръ окружающихъ, чтеніе въ одномъ и томъ же направленіи и полное незнакомство съ дѣйствительною, внѣ кружковою жизнію содѣйствовали еще болѣе закрѣпленію курсистокъ въ ихъ рядахъ.

Протестъ начиналъ принимать уже болѣе опредѣленныя формы. Начинала курсистка съ пустяковъ: съ чтенія и храненія запрещенныхъ книгъ и прокламацій. Однѣ курсистки останавливались на этомъ продолжая учиться и наполняя собою ряды „сочувствующихъ“; другія бросали ученіе и всецѣло отдавались революціонной дѣятельности.

— Нельзя не позавидовать вамъ, Русскимъ, самымъ серіознымъ образомъ говорилъ въ восьмидесятыхъ годахъ одинъ изъ выдающихся италіянскихъ революціонеровъ.—У насъ соціалистъ надеженъ

только до тѣхъ поръ, пока онъ не женатъ, а женится, его поглотитъ семейная жизнь, жена его обуржуазитъ. У васъ другое дѣло: у васъ въ революціонномъ отношеніи женщина идетъ впереди мущины, она не станетъ удерживать его отъ смѣлаго, рискованнаго поступка, напротивъ, она сама толкнетъ его на него. Въ этомъ ваше громадное преимущество...

Къ сожалѣнію, это „преимущество" дѣйствительно существуетъ и отрицать его нѣтъ никакой возможности. Правда, и на Западѣ есть свои Луизы Мишель, но тамъ роль ихъ гораздо слабѣе и ограничивается она только произнесеніемъ зажигательныхъ рѣчей, а у насъ женщина являлась даже главою революціонной организаціи. Развѣ послѣ ареста Желябова не Перовская подала платкомъ сигналъ къ убійству императора Александра II, развѣ не она составила диспозицію для всѣхъ участниковъ этого злодѣйскаго дѣла?

Благодаря Бога, мы давно уже не слышимъ о подобной роли нашихъ женщинъ. Но нельзя сказать чтобы и положеніе курсистки измѣнилось къ лучшему. Она продолжаетъ оставаться посѣтительницей студенческихъ сходокъ, близкимъ человѣкомъ ко всевозможнымъ землячествамъ и другимъ запрещеннымъ организаціямъ. Она видный человѣкъ при всѣхъ демонстраціяхъ, при всѣхъ уличныхъ безпорядкахъ. Дѣло дошло даже до того что при этихъ безпорядкахъ женщины, по своей численности, значительно превосходятъ мущинъ. О поведеніи этихъ женщинъ во время уличныхъ демонстрацій непріятно и рѣчь заводить, да многіе факты еще слишкомъ свѣжи въ памяти читателей, чтобы стоило ихъ напоминать.

Труднѣе всего встрѣтить ихъ въ своихъ школахъ занятыми своимъ собственнымъ дѣломъ. Печальный, грустный, но неоспоримый фактъ.

Не всѣ, конечно, курсистки одинаковы, есть между ними дѣвушки совершенно инаго типа, но это исключенія и не ими опредѣляется общій характеръ массы учащихся женщинъ.

Невольно является вопросъ: какъ могло создаться на русской почвѣ такое уродливое явленіе? Кто виноватъ въ немъ: семья, общество или школа? И въ данномъ случаѣ, какъ всегда, зло трудно объяснить какою-нибудь одною причиною, порождается оно совокупностію ихъ всѣхъ, но наибольшая доля отвѣтственности по всей справедливости должна пасть на женскія професіональныя школы.

Мы далеки отъ мысли утверждать чтобы въ этихъ школахъ открыто внушались слушательницамъ принципы противные религіи, нравственности и нашему государственному строю. Ни о чемъ подобномъ намъ не приходилось слышать, да ничего подобнаго, вѣроятно, никогда и не было. Но въ самой постановкѣ учебнаго дѣла на всѣхъ

этихъ курсахъ таилась такая фальшь которая не могла привести ни къ чему хорошему.

III.

„Вѣкъ живи, вѣкъ учись", говоритъ старинная русская пословица. Но слѣдуетъ ли изъ этого что человѣкъ весь свой вѣкъ долженъ проводить въ школѣ? Конечно, нѣтъ. Школьное образованіе должно быть закончено къ извѣстному возрасту, а далѣе человѣкъ можетъ учиться самостоятельно, сколько ему угодно. Чѣмъ раньше пройдетъ человѣкъ школьный курсъ, тѣмъ больше останется у него времени для практической дѣятельности и для самостоятельнаго труда. Все это простыя, азбучныя истины.

Въ системѣ мужскаго образованія онѣ проводятся болѣе или менѣе послѣдовательно. Здѣсь строго разчитана степень общаго образованія необходимая для прохожденія курса въ томъ или иномъ професіональномъ учебномъ заведеніи. Самыя учебныя заведенія этого типа отличаются значительнымъ разнообразіемъ. Совершенно на иныхъ условіяхъ построены женскія професіональныя школы.

Возьмемъ для примѣра образованіе медицинское къ которому наши учащіяся женщины чувствуютъ какую-то особенную склонность. Высшее образованіе поставлено болѣе или менѣе одинаково для мущинъ и женщинъ, но въ постановкѣ низшаго мидицинскаго образованія существуетъ весьма серіозная разница.

Въ мужскія фельдшерскія школы принимаются мальчики, лѣтъ въ 13—14, съ ограниченнымъ кругомъ первоначальныхъ познаній. Въ теченіе четырехлѣтняго школьнаго курса они успѣваютъ заниматься общеобразовательными предметами: латинскими и русскими языками, ариѳметикою, географіей и т. д., кромѣ этого они проходятъ въ необходимомъ объемѣ и медицинскія науки, проходятъ ихъ настолько основательно что жалобъ на фельдшеровъ вообще слышится мало. Въ 17—18 лѣтъ мальчикъ кончаетъ уже ученіе и вступаетъ въ жизнь съ необходимою подготовкою для практической дѣятельности. Звѣздъ съ неба онъ, правда, не хватаетъ, но онъ знаетъ столько что немедленно можетъ примѣнить свои знанія и, что̀ важнѣе всего, способенъ расширять кругъ своихъ познаній самостоятельною работой. Въ жизни фельдшеръ довольствуется очень скромнымъ положеніемъ и не предъявляетъ чрезмѣрныхъ требованій.

Если для мущинъ-фельдшеровъ мы признаемъ достаточнымъ имѣющійся у нихъ запасъ общеобразовательныхъ и спеціальныхъ свѣдѣній, то оставаясь послѣдовательными мы должны были бы признать

его достаточнымъ и для женщинъ-фельдшерицъ. Этого требуетъ самая простая, самая элементарная логика. Но ничего подобнаго мы не видимъ въ дѣйствительности.

Для поступленія на женскіе фельдшерскіе курсы требуется прежде всего окончаніе четырехъ классовъ женскихъ гимназій. Почему это? Тайны подобнаго требованія мы разгадать не можемъ. Но и требованіе окончанія четырехъ классовъ гимназіи является номинальнымъ, исполняемымъ развѣ только въ глухихъ провинціальныхъ городахъ. На столичные же фельдшерскіе курсы давно уже принимаются только окончившія полный курсъ женскихъ гимназій. И такъ нужно учиться 7—8 лѣтъ въ гимназіи и три года на фельдшерскихъ курсахъ чтобы удостоиться званія фельдшерицы съ которымъ связано тридцатирублевое жалованіе. Вѣдь это же сущая нелѣпость! Набравъ гимназистокъ съ медалями и безъ медалей, женскіе фельдшерскіе курсы начинаютъ копировать медицинскіе факультеты университетовъ. Здѣсь читаются „лекціи", здѣсь „слушательницы", а не ученицы, жизнь которыхъ внѣ школьныхъ стѣнъ протекаетъ безъ всякаго контроля со стороны училищнаго начальства. Къ чему и для чего все это? На этотъ вопросъ, вѣроятно, не въ силахъ были бы отвѣтить всѣ семь мудрецовъ древняго міра.

Въ результатѣ получается вотъ что̀: одинокая дѣвушка бросается въ омутъ столичной жизни, ставится въ обстановку при которой всѣ вредныя вліянія сказываются съ особою силою, не доѣдаетъ, не досыпаетъ и въ концѣ-концовъ ничего не получаетъ отъ затраченнаго времени и труда.

Окончаніе гимназическаго курса (безъ древнихъ и новыхъ языковъ) и слушаніе „лекцій" приводитъ къ тому что женщины-фельдшерицы начинаютъ смотрѣть съ пренебреженіемъ на мущинъ-фельдшеровъ, а во врачахъ видятъ равноправныхъ товарищей. Ни тѣ, ни другіе съ подобными взглядами на себя примириться не могутъ, отсюда происходитъ безпрерывный рядъ исторій которыми особенно богаты наши земства. То возникаетъ „шапочный инцидентъ" и фельдшерица отказывается здороваться при встрѣчѣ со своимъ врачомъ, то она не желаетъ исполнять его прямыхъ приказаній и т. д.

Ничего подобнаго не было бы, если бы женскія фельдшерскія школы служили сколкомъ со школъ мужскихъ, если бы въ нихъ принимались не взрослыя дѣвушки, а дѣвочки которыя лѣтъ въ 18 заканчивали бы свое медицинское образованіе, которыя въ этихъ школахъ получали бы не только необходимыя знанія, но и воспитаніе. Родители желающіе видѣть своихъ дѣтей фельдшерицами избавились бы отъ необходимости платить долгіе годы за обученіе дѣтей въ гимназіи, а дѣти отъ продолжительнаго ученія. Можно только

удивляться, какъ до такой простой истины мы не могли додуматься до сихъ поръ.

IV.

На это, конечно, можно возразить что не всякая отрасль медицины доступна для неокрѣпшихъ еще физически дѣвочекъ, что, напримѣръ, акушерство должно изучатьси взрослыми женщинами. Съ этимъ нельзя не согласиться, но отсюда нельзя сдѣлать и выводъ что должна быть сохранена нынѣ существующая организація акушерскаго образованія.

Образованіе это выливается у насъ въ двухъ совершенно различныхъ формахъ. Во многихъ мелкихъ провинціальныхъ городахъ существуютъ повивальныя школы, школы закрытыя, предназначенныя преимущественно для крестьянскихъ дѣвушекъ съ очень ограниченнымъ кругомъ познаній. Ученіе въ этихъ школахъ продолжается два, а для неграмотныхъ воспитанницъ три года. Окончившія курсъ пріобрѣтаютъ право заниматься акушерскою практикою внѣ городовъ. Строй школьной жизни болѣе или менѣе приноровленъ къ будущей дѣятельности воспитанницъ, онѣ исполняютъ многія черныя работы, напримѣръ, стираютъ свое бѣлье, убираютъ комнаты и т. д. На ряду съ преподаваніемъ акушерства идетъ преподаваніе воспитанницамъ общеобразовательныхъ предметовъ: Закона Божія, ариѳметики и русскаго языка. На необходимость устройства подобныхъ школъ указала сама жизнь и, несомнѣнно, онѣ имѣютъ крупное основаніе для своего существованія.

Въ иномъ видѣ существуетъ акушерское образованіе въ столицахъ и нѣкоторыхъ университетскихъ городахъ. Здѣсь мы видимъ „акушерскіе курсы", то-есть, ту же пародію на медицинскіе факультеты университетовъ, но въ еще болѣе жалкомъ и смѣшномъ видѣ. На эти „курсы" принимаются „слушательницы" съ болѣе чѣмъ скромными познаніями ограничивающимися умѣніемъ писать не совсѣмъ правильно по-русски да кое-какимъ знаніемъ началъ ариѳметики. И этимъ-то слушательницамъ читаются „лекціи", имъ предоставляется чуть ли не полная академическая свобода. Хуже всего то что на этихъ курсахъ составъ слушательницъ отличается замѣчательною пестротою: здѣсь можно увидать и простую полуграмотную дѣвушку, и гимназистку окончившую полный курсъ. Какъ вести при такихъ условіяхъ преподаваніе? При сотняхъ слушательницъ заниматься съ каждою отдѣльно, само-собою понятно, нельзя. Принять въ основу преподаванія высшій уровень познанія слушательницъ

нельзя, такъ какъ тогда воспитанницы съ меньшимъ уровнемъ знаній не могли бы слѣдить за преподаваніемъ. Принять низшій размѣръ подготовки, конечно, гораздо справедливѣе, но тогда воспитанницамъ съ большею подготовкою нечего будетъ дѣлать. Найдите выходъ изъ этого положенія!

Выходъ одинъ только и есть: уравненіе уровня подготовки воспитанницъ. И сдѣлать это вовсе не трудно. Теперь воспитанницы окончившія акушерскіе курсы идутъ часто продолжать ученіе на курсы фельдшерскіе, идутъ потому что земства, которыя только одни почти и предъявляютъ спросъ на женскій медицинскій трудъ, требуютъ обыкновенно акушерокъ-фельдшерицъ. Почему бы не сдѣлать такъ чтобы не изученіе акушерства предшествовало изученію фельдшерства, а наоборотъ. Для этого преподаваніе акушерства можно было бы отнести въ послѣдній классъ фельдшерскихъ школъ или даже устроить для этой цѣли особый дополнительный классъ. Акушерская практика дѣло сложное, богатое всевозможными неожиданными случайностями, и фельдшерскія знанія акушерки могли бы принести только пользу, а не вредъ.

При такой постановкѣ дѣла въ выигрышѣ прежде всего остались бы сами воспитанницы: теперь на акушерскіе курсы нельзя поступить раньше 18 лѣтъ, на нихъ приходится учиться два года, да проводить еще три года на фельдшерскихъ курсахъ, итого пять лѣтъ, говоря иначе, низшее медицинское образованіе не можетъ быть закончено ранѣе 23 лѣтъ, а при предлагаемой нами постановкѣ дѣла оно кончалось бы въ 19 лѣтъ. Выгода слишкомъ значительная. И при этомъ у насъ не было бы акушерскихъ курсовъ съ марксистками, народницами и уличными демонстрантками!

Даже земства остались бы въ прямой выгодѣ отъ такого порядка, такъ какъ получили бы возможность избавиться отъ услугъ quasi-фельдшерицъ которыми пользуются теперь въ довольно широкихъ размѣрахъ. Quasi-фельдшерицы это акушерки пробывшія годъ на спеціальныхъ курсахъ, гдѣ изучаются накожныя болѣзни. Эти-то лица изучившія одинъ очень необширный отдѣлъ медицины за неимѣніемъ другихъ приглашаются земствами въ фельдшерицы, лечатъ населеніе и отъ тифа, и отъ дифтерита, и отъ десятковъ другихъ болѣзней, о которыхъ ни одного слова не слыхали въ школѣ; онѣ готовятъ лекарства, не имѣя даже понятія о латинскихъ названіяхъ не употребляемыхъ въ ихъ спеціальной практикѣ снадобій. Вѣдь бо̀льшей нелѣпости, кажется, и представить себѣ нельзя! Почему же земство беретъ ихъ на службу? Да потому что онѣ могутъ сразу занимать двѣ должности: акушерки и фельдшерицы, довольствуясь однимъ жалованіемъ. „Попадетъ къ хорошему врачу, выучится“, го-

ворятъ обыкновенно земцы. И дѣйствительно выучиваются, правда, не всегда и не всѣ.

V.

Изо всѣхъ областей общественной дѣятельности, куда женщина вноситъ теперь свой трудъ, наиболѣе подходящей для нея признавалась и признается дѣятельность на поприщѣ воспитанія и образованія. Не даромъ же при всѣхъ почти женскихъ гимназіяхъ существуютъ у насъ педагогическіе классы. Куда же дѣваются воспитанницы этихъ классовъ? Мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ что значительная часть ихъ идетъ въ учительницы начальныхъ народныхъ училищъ. Здѣсь мы наталкиваемся на новую и совершенно непонятную странность.

Для приготовленія учителей-мущинъ у насъ существуютъ учительскія семинаріи, есть, впрочемъ, онѣ и для женщинъ, хотя и въ несравненно меньшемъ числѣ. По объему преподаванія общеобразовательныхъ предметовъ эти учебныя заведенія болѣе всего приближаются къ уѣзднымъ училищамъ, то-есть, къ школамъ низшимъ. Почему же гимназистка желающая сдѣлаться учительницей должна получать законченное среднее образованіе, да еще съ прохожденіемъ спеціальнаго педагогическаго класса? Потому что ей предоставляется право быть учительницей въ низшихъ классахъ гимназіи?

Но, во-первыхъ, этимъ правомъ пользуется такое ничтожное количество лицъ что содержать педагогическіе классы для нихъ рѣшительно не стоитъ, а во-вторыхъ, для мущинъ-учителей среднеучебныхъ заведеній у насъ никакой педагогической подготовки не требуется. Мы думаемъ что было бы гораздо цѣлесообразнѣе устроить педагогическій классъ для лицъ прошедшихъ, положимъ, первые четыре класса женскихъ гимназій, не могущихъ или не желающихъ продолжать дальше общее образованіе, а стремящихся перейти прямо къ практической дѣятельности. Нельзя оспаривать что эти лица получили бы вполнѣ достаточную общую и спеціальную подготовку для учительской дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ сократили бы на цѣлыхъ три года ученіе въ гимназіи, избавили бы своихъ родителей отъ совершенно ненужныхъ расходовъ и сами получили бы возможность помогать имъ.

Уничтоженіе педагогической окраски у восьмыхъ классовъ гимназіи могло бы имѣть и еще одну выгодную сторону. Теперь у насъ снова появляется стремленіе къ устройству высшихъ женскихъ общеобразовательныхъ курсовъ. Въ томъ что есть дѣвушки считающія

недостаточнымъ то образованіе которое даетъ имъ гимназія, ничего, конечно, ни страннаго, ни нежелательнаго нѣтъ. Желаютъ учиться и пусть учатся. Но является очень простой вопросъ: нужны ли для этого высшіе женскіе курсы со всѣми ихъ отрицательными сторонами?

Думаемъ что нѣтъ. Эти курсы съ успѣхомъ могли бы быть замѣнены устройствомъ дополнительныхъ классовъ при нѣкоторыхъ гимзіяхъ для желающихъ. Пріобрѣсти желаемыя познанія можно было бы и въ этихъ классахъ, не отрываясь отъ семьи, отъ домашняго очага, находясь подъ бдительнымъ надзоромъ гимназическаго начальства. Конечно, нашлись бы единицы для которыхъ и это образованіе показалось бы недостаточнымъ; но кто же мѣшалъ бы имъ продолжать дальнѣйшія занятія самостоятельно? Или мы уже настолько хорошаго мнѣнія о своихъ учебныхъ заведеніяхъ что не допускаемъ даже мысли что семь лѣтъ проведенныхъ въ общеобразовательныхъ классахъ и два, положимъ, года въ дополнительныхъ не въ силахъ дать привычки и навыка для самостоятельнаго труда? Дополнительные классы женскихъ гимназій могли бы предоставить своимъ слушательницамъ преимущественное право на занятіе должностей учительницъ въ низшихъ и среднихъ классахъ женскихъ гимназій.

Само собою понятно что не каждая женская гимназія должна была бы имѣть эти классы. Наконецъ, въ дополнительныхъ классахъ одной гимназіи могли бы преподаваться преимущественно математическія науки, въ другой словесныя, въ третьей новые языки и т. д. Можетъ-быть, такой порядокъ и имѣлъ бы нѣкоторыя невыгодныя стороны. Но онъ привелъ бы къ тому что у насъ поменьше стало бы *курсистокъ*, и родители перестали бы плакать, какъ по покойникамъ, по дѣтямъ желающимъ продолжать свое образованіе. А теперь это, къ сожалѣнію, обычное явленіе.

Изъ нашихъ многочисленныхъ женскихъ курсовъ не можетъ быть преобразованъ, такимъ образомъ, развѣ только одинъ женскій медицинскій институтъ. За то возникаетъ вопросъ: нуженъ ли онъ намъ вообще? Сколько странъ Западной Европы далеко опередившихъ насъ во всѣхъ отношеніяхъ обходятся безъ такихъ институтовъ и безъ женщинъ-врачей. Говорятъ что намъ женщины-врачи особенно нужны, такъ какъ среди русскихъ подданныхъ есть миліоны магометанокъ, неохотно прибѣгающихъ къ помощи врачей-мущинъ. Да почему же эта потребность не ощущается въ Алжирѣ, въ Тунисѣ, въ Египтѣ, даже въ самой Турціи? Если женщины-врачи намъ дѣйствительно необходимы, то почему же иниціативу во введеніи у насъ высшаго женскаго медицинскаго образованія взяло на себя Военное Министерство, по самымъ условіямъ своей дѣятельности менѣе всѣхъ другихъ министерствъ нуждающееся въ женскомъ трудѣ? Почему

этого полезнаго учрежденія никто долгое время не хотѣлъ взять въ свое завѣдываніе, когда Военное Министерство, наконецъ, поняло всю абсурдность содержать это заведеніе на свои средства? Нѣтъ, польза высшаго медицинскаго образованія женщинъ, несмотря на довольно продолжительный опытъ, остается болѣе чѣмъ гадательною.

VI.

Въ послѣднее время женскій трудъ получилъ довольно широкое примѣненіе во многихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ. Увидать женщину за кассою въ магазинѣ, увидать ее за конторкою въ ломбардѣ или въ другомъ какомъ-нибудь учрежденіи, дѣло совершенно обычное. Кажется, подобный спросъ на женскій трудъ долженъ былъ бы выдвинуть на видное мѣсто и вопросъ о женскомъ комерческомъ образованіи. Это и случилось какъ-то само собою. Возникли у насъ счетоводные курсы, опять *курсы* и опять предназначенные для взрослыхъ женщинъ. Почему же у насъ нѣтъ до сихъ поръ комерческихъ училищъ для дѣвочекъ? Почему имъ нужно учиться въ гимназіи и потомъ уже получать комерческую подготовку? Для чего эта напрасная трата труда и времени? Возьмите мужскія комерческія училища, тамъ подготовка къ будущей дѣятельности начинается съ первыхъ классовъ и идетъ рука объ руку съ образованіемъ общимъ. Въ реальныхъ училищахъ комерческому образованію была дана нѣсколько иная постановка: тамъ низшіе классы были общими для всѣхъ воспитанниковъ, а въ высшихъ намѣревающіеся посвятить себя торговой дѣятельности переходили на комерческія отдѣленія существовавшія при нѣкоторыхъ училищахъ.

Почему подобнаго же порядка не установить и въ женскихъ гимназіяхъ? Пусть одна группа ученицъ проходитъ всѣ общеобразовательные классы, а другая, пройдя опредѣленный курсъ, свернетъ на комерческое отдѣленіе. Вѣдь выгода такого порядка настолько очевидна что о ней нѣтъ никакой надобности распространяться подробно.

Женщина, какъ извѣстно всякому, развивается ранѣе мущины и ранѣе его начинаетъ старѣть. Отсюда слѣдуетъ прямой выводъ что женское образованіе должно длиться не большее, а меньшее время, чѣмъ мужское. Затягивая школьное образованіе, мы отнимаемъ лучшіе годы практической дѣятельности. Если при настоящихъ условіяхъ часть женщинъ по тѣмъ или инымъ причинамъ уклоняется отъ своего естественнаго назначенія, если онѣ должны искать себѣ труда внѣ семьи, то имъ слѣдуетъ дать професіональную подготовку возможно раньше. Существующіе *курсы* должны быть замѣнены школо-

лами, гдѣ образованіе шло бы рука объ руку съ воспитаніемъ, гдѣ не было бы мѣста различнымъ случайнымъ вліяніямъ, растлѣвающимъ умъ и нравственность курсистокъ, доводящимъ ихъ до возмутительныхъ демонстрацій на улицахъ, а подчасъ и до скамьи подсудимыхъ или до административныхъ высылокъ.

Н. Емельяновъ.

Изъ текущей жизни.

Пересмотръ университетскаго устава въ печати и торжество эмбріократіи.— Студенческія организаціи и университетскій судъ. — Пересмотръ устава о службѣ гражданской. — Льготы по образованію. — Нужны ли онѣ намъ теперь? — Ихъ вредная сторона. — Городскія управленія, нужды сельскаго хозяйства и портовые сборы.

Вдругъ, какъ бы по взмаху волшебной палочки невидимаго дирижера, наша повременная печать принялась за обсужденіе университетскаго устава. Произошло нѣчто подобное тому что̀ происходитъ во время пожаровъ. Ошеломленные неожиданностью люди забываютъ въ такихъ случаяхъ о цѣнномъ имуществѣ, хватаютъ какое-нибудь старое рѣшето и съ нимъ носятся по пожарищу. То же самое, повторяемъ, случилось и съ нашей повременной печатью. Большинство ея съ какою-то непонятною страстностью ухватилось за университетскій уставъ 1863 года рекомендуя замѣнить имъ уставъ 1884 года. Отъ этой замѣны ждутъ какихъ-то чудесъ, обновленія и упорядоченія университетской жизни.

На чемъ основаны, однако, такія ожиданія? Вѣдь положеніе университетовъ по уставу 1863 года еще у всѣхъ свѣжо въ памяти. Что же, этотъ уставъ предохранялъ отъ студенческихъ волненій? Нисколько. Развѣ уже забыты сходки на которыхъ раздавался протестъ противъ приговора Особаго Присутствія Правительствующаго Сената надъ 193 политическими преступниками? Развѣ забыта сходка на которой студенты медико-хирургической академіи, будущіе врачи, выражали свое порицаніе професору Склифасовскому за то что онъ лечилъ раненаго Вѣрою Засуличъ петербургскаго градоначальника Ѳ. Ѳ. Трепова? Развѣ забыты требованія конституціи, отказъ студентовъ встрѣчать возвращающагося съ войны императора Александра II и другія волненія учащейся молодежи того времени? Если тогда университетскій уставъ былъ безсиленъ помѣшать этимъ волненіямъ, то почему же можетъ помѣшать возникновенію ихъ въ будущемъ?

Если тогда студенты учились мало и плохо, то почему же теперь они будутъ учиться хорошо и много? Если они тогда не умѣли

пользоваться своею свободой, то почему теперь они научатся этому? Говорятъ что уставъ 1863 года создавалъ большую связь между професорами и студентами, что онъ обезпечивалъ первымъ разумное руководство послѣдними. Но когда и въ чемъ сказалось оно? Развѣ не при дѣйствіи устава 1863 года молодежь массами покидала учебныя заведенія и шла „въ народъ“, развѣ не при этомъ уставѣ пополняла она собою ряды „боевыхъ дружинъ“? Такъ въ чемъ же, наконецъ, сказалось вліяніе професоровъ? Можно было ошибиться и ввести въ дѣйствіе уставъ 1863 года, не зная къ какимъ послѣдствіямъ онъ приведетъ. Ошибка въ фальшь не ставится. Но умышленно повторять ошибку, зная что изъ этого ничего путнаго не выйдетъ, хорошаго мало.

Хуже всего то что мы предлагаемъ идти на уступки въ то время, когда учащаяся молодежь средствами не дозволенными закономъ добивается ихъ. Вѣдь этимъ мы даемъ ей основаніе думать что, дѣйствуя и впредь такимъ путемъ, она достигнетъ новыхъ уступокъ. Тактично ли это?

Мы даже опережаемъ самыя смѣлыя желанія учащихся. Они заявляютъ желанія чтобы были дозволены студенческія организаціи, и *С.-Петербургскія Вѣдомости* высказываютъ устами одного изъ своихъ сотрудниковъ пожеланіе чтобы присоединеніе студента къ одной изъ такихъ организацій *было бы обязательнымъ*, *Русскія Вѣдомости* договариваются до того что студенты должны избирать професоровъ въ университетскіе судьи, и всего подобнаго вздора появившагося въ послѣднее время нельзя даже и перечислить.

Всякій человѣкъ имѣетъ свои вѣрованія, свои взгляды и убѣжденія, свои идеалы. Но каждому человѣку данъ и умъ который долженъ подсказать: когда можно ихъ высказывать, а когда нужно и подождать, когда высказанныя мысли могутъ вести ко всестороннему обсужденію вопроса, а когда къ простому разжиганію неулегшихся еще страстей, думаемъ, и авторамъ этихъ статей также нежелательному какъ и намъ.

Среди нашихъ многочисленныхъ комисій меньше всего вниманія привлекала къ себѣ недавно окончившая свои занятія комисія по пересмотру устава о службѣ гражданской. Это невниманіе едва ли основательно, такъ какъ служба гражданская поглощала и продолжаетъ поглощать трудъ многихъ тысячъ людей. Если повременная печать порой и останавливалась на занятіяхъ этой комисіи, то все ея вниманіе сосредоточивалось почти исключительно на „пресловутомъ третьемъ пунктѣ“ дающемъ, какъ извѣстно, начальнику право удалить со службы подчиненнаго безъ объясненія причинъ, надѣлить его „волчьимъ паспортомъ“ обрекающимъ на длинный рядъ всевозмож-

ныхъ мытарствъ. Такимъ образомъ чиновникъ, „гроза населенія“, самъ часто отличается полною безправностью. Нельзя, конечно, сказать чтобы этотъ вопросъ не заслуживалъ вниманія, но уставъ о службѣ государственной затрогиваетъ другія, неизмѣримо болѣе глубокія стороны нашей жизни.

Было время когда для отправленія этой службы разыскивали „недорослей“ съ военными командами и даже въ кандалахъ отправляли ихъ къ мѣсту будущаго служенія. Однако, мы скоро вошли во вкусъ этой службы и крутыя мѣры Великаго Петра сдѣлались совершенно ненужными. Насилія смѣнились поощреніемъ. Желаніе привлечь на гражданскую службу людей съ образованіемъ повело къ предоставленію этимъ людямъ всевозможныхъ льготъ для прохожденія службы.

Льготы эти были строго сообразованы со степенью образованія поступающаго на службу. Для производства въ первый классный чинъ, колежскаго регистратора, требовались познанія въ размѣрѣ курса уѣздныхъ училищъ. Но такое образованіе не освобождало отъ обязанности служить до производства въ чинъ болѣе или менѣе продолжительный срокъ въ зависимости отъ принадлежности къ тому или иному сословію. Для крестьянъ, напримѣръ, этотъ срокъ достигалъ двѣнадцати лѣтъ. Окончаніе гимназическаго курса давало уже право на немедленное производство въ чинъ. Еще бóльшими преимуществами пользовались люди съ университетскимъ образованіемъ. Каждый годъ пребыванія въ университетѣ признавался какъ бы равнымъ полутора годамъ дѣйствительной службы, такъ какъ окончившіе четырехлѣтній курсъ университета пріобрѣтали право на третій чинъ, до котораго нужно было бы служить при обыкновенныхъ условіяхъ шесть лѣтъ. Медики для которыхъ университетскій курсъ установленъ въ пять лѣтъ выпускаются уже съ четвертымъ чиномъ (IX класса), до котораго нужно служить девять лѣтъ. Дѣло дошло даже до такихъ куріозовъ что слушателямъ зубоврачебныхъ курсовъ предоставляется право на чинъ XII класса, то-есть, каждый годъ пребыванія на курсахъ приравнивается къ нѣсколькимъ годамъ дѣйствительной службы. Мы говоримъ къ нѣсколькимъ, такъ какъ для поступленія на эти курсы окончанія гимназіи не нужно, а не кончившій ея долженъ прослужить нѣсколько лѣтъ до производства въ первый чинъ, да до полученія втораго чина провести еще три года. И эту продолжительную службу оказывается возможнымъ замѣнить трехлѣтней практикой вырыванія зубовъ, да еще и не у живыхъ людей. Это уже положительно какой-то абсурдъ. Но мало того: не требуется чтобы человѣкъ служилъ въ той области управленія къ которой болѣе или менѣе подготовило его полученное образованіе.

Естественникъ поступая въ судебное вѣдомство пользовался также правомъ на чинъ X класса, какъ и юристъ. Окончившій курсъ по факультету восточныхъ языковъ сохраняетъ право на тотъ же чинъ, если даже онъ будетъ служить по акцизному вѣдомству или управленію коннозаводствомъ и притомъ въ мѣстности гдѣ понимающихъ восточные языки людей вовсе нѣтъ. Окончившій курсъ, положимъ, артилерійскаго училища и не могущій служить въ военной службѣ выпускается также съ правомъ на чинъ X класса. Онъ сохраняетъ это право и тогда, когда поступитъ не въ артилерійскій складъ или на патронный или иной какой-либо заводъ, а даже въ губернское правленіе или духовную консисторію, гдѣ въ знаніи полевой и долговременной фортификаціи или въ умѣніи обращаться со скорострѣльными орудіями не представляется рѣшительно никакой надобности.

На это, конечно, можно возразить что спеціальное образованіе неразлучно съ образованіемъ общимъ, что изученіе любой науки расширяетъ кругозоръ, что оно развиваетъ человѣка. Все это, пожалуй, и справедливо до извѣстной степени. Но это было хорошо только въ то время когда образованныхъ людей было слишкомъ мало. Теперь же, когда въ каждую дверь стучатся десятки и сотни образованныхъ кандидатовъ, всѣ эти поощрительныя мѣры потеряли всякій raison d'être.

Напротивъ, кромѣ вреда онѣ рѣшительно ничего не приносятъ. Въ русскихъ университетахъ мы видимъ непомѣрную скученность студентовъ мѣшающую правильнымъ университетскимъ занятіямъ, а гдѣ русскіе ученые? Ихъ мало, до крайности мало. Объясняется это явленіе очень просто: поступаютъ у насъ въ университеты вовсе не для того чтобы учиться, а только затѣмъ чтобы получить дипломъ объ окончаніи курса съ которымъ связаны права на чинъ, на занятіе извѣстной должности, на извѣстный болѣе или менѣе крупный окладъ. Какую связь все это имѣетъ съ наукой? Да ровно никакой. И дѣйствительно, наши университеты представляютъ единственную, кажется, въ цѣломъ мірѣ картину студентовъ занимающихся въ теченіе года всѣмъ чѣмъ угодно, но только не наукой. За мѣсяцъ, за два, за три до экзаменовъ студенты принимаются за зазубриваніе лекцій и благодаря ему перетаскиваются съ одного курса на другой, а потомъ достигаютъ и окончанія университета, не вынося изъ него никакихъ серіозныхъ, полезныхъ для будущей дѣятельности знаній, не вынося привычки къ самостоятельному труду.

Для борьбы съ этимъ зломъ мы придумываемъ рядъ самыхъ разнообразныхъ мѣръ, начиная отъ учета студенческихъ шапокъ и кончая практическими занятіями студентовъ; но всѣ эти мѣры ни къ чему

не приводятъ, да и не могутъ привести. Ну, какъ заставить учиться людей которые наукой не интересуются, съ нею ничего общаго не имѣютъ и жаждутъ только одного атестата?

Если новый уставъ о службѣ гражданской потребуетъ отъ кандидатовъ на нее не общаго развитія, а знаній необходимыхъ въ извѣстной области дѣятельности, то многіе предпочтутъ пріобрѣтать именно эти знанія, перестанутъ гнаться за дипломомъ и не будутъ загромождать университеты, мѣшая тѣмъ кто хочетъ серіозно работать на научномъ поприщѣ.

Государственная служба ничего бы отъ этого не потеряла. И теперь, напримѣръ, практикуется такой обычай что всякое лицо желающее занять должность нотаріуса должно выдержать для этого спеціальное испытаніе. Кто же, однако, рѣшится утверждать что нотаріусы знаютъ свое дѣло хуже чѣмъ, напримѣръ, помощники присяжныхъ повѣренныхъ свое, хотя послѣдніе всѣ получили университетское образованіе?

Несомнѣнно что подобныя испытанія могутъ быть установлены не для однихъ только натаріусовъ, но и для многихъ должностныхъ лицъ. Подобная мѣра, несомнѣнно, имѣла бы самыя благотворныя послѣдствія, такъ какъ она, давая государственной службѣ людей съ необходимыми знаніями, въ то же время освобождала бы университеты отъ людей не ищущихъ въ ней серіозныхъ научныхъ познаній.

Съ другой стороны, и установленный для производства въ первый классный чинъ цензъ, окончаніе уѣзднаго училища, въ настоящее время оказывается уже черезчуръ низкимъ. Правда, отдѣльныя вѣдомства циркулярно рекомендуютъ подвѣдомственнымъ имъ учрежденіямъ замѣщать тѣ или иныя должности исключительно людьми получившими законченное среднее образованіе. Но такая мѣра, привлекая искусственно въ однѣ отрасли управленія людей съ повышеннымъ образовательнымъ цензомъ, лишаетъ ихъ другія части гражскаго управленія. Гораздо цѣлесообразнѣе было бы установленіе законодательнымъ порядкомъ, какой именно и для какихъ должностей нуженъ общеобразовательный цензъ который въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можетъ дополняться тѣми или иными спеціальными испытаніями.

Наконецъ, уставъ о службѣ гражданской долженъ коснуться и роковаго вопроса о чинахъ. Слишкомъ уже много ихъ въ нашей табели о рангахъ. Да и какое значеніе имѣютъ они въ службѣ гражданской? Значеніе чина въ военной службѣ понятно и необходимо. Тамъ никому не придетъ въ голову поручить командованіе полкомъ капитану и дать ему въ подчиненные полковника въ качествѣ ротнаго командира. На войнѣ, если сойдутся два три отряда

для совмѣстныхъ дѣйствій противъ непріятеля, то начальство надъ ними приметъ старшій въ чинѣ. Всякій иной порядокъ показался бы тамъ чѣмъ-то нелѣпымъ и невозможнымъ.

А что̀ видимъ мы въ службѣ гражданской? Начальникъ отдѣленія въ чинѣ титулярнаго совѣтника и его помощникъ надворный или коллежскій совѣтникъ, явленіе совершенно обычное. Бываютъ и такіе случаи, когда у юнца только что сорвавшагося съ университетской скамьи помощникомъ бываетъ убѣленный сѣдинами статскій совѣтникъ. Въ гражданской службѣ размѣръ получаемаго чиновникомъ содержанія опредѣляется не чиномъ, а занимаемою должностью, ею же опредѣляется и размѣръ пенсіи. Единственное значеніе чинъ имѣетъ только при опредѣленіи размѣра прогонныхъ денегъ при служебныхъ поѣздкахъ.

Говорятъ что наша табель о рангахъ имѣетъ то хорошее значеніе что она препятствуетъ необыкновенно быстрымъ карьерамъ. Но и это соображеніе скорѣе теоретическое чѣмъ практическое. Каждому слѣдящему хотя бы по газетамъ за русскою жизнью хорошо извѣстны случаи карьеръ сдѣланныхъ съ головокружительною быстротою. Стало-быть, табель о рангахъ и здѣсь не помогла. Вообще, если не полная отмѣна чиновъ, то значительное сокращеніе числа ихъ было бы желательно.

Однимъ изъ главныхъ бѣдствій русской земледѣльческой промышленности совершенно справедливо считается наше бездорожье. Цѣны на хлѣбъ и другія сельскохозяйственныя произведенія устанавливаются на международномъ рынкѣ безъ нашего согласія, подъ вліяніемъ всемірнаго спроса и предложенія, этимъ цѣнамъ мы волею или неволею должны подчиняться. Такимъ образомъ дороговизна доставки сельскохозяйственныхъ грузовъ къ ближайшей желѣзнодорожной станціи или пристани на судоходной рѣкѣ даетъ значительный минусъ въ доходѣ сельскаго хозяина. Желѣзнодорожная неурядица съ ея хроническими хлѣбными залежами еще болѣе увеличиваетъ этотъ минусъ. Наконецъ, сельскохозяйственные грузы достигаютъ портоваго города изъ котораго они должны двинуться заграницу уже морскимъ путемъ. Здѣсь снова предстоитъ цѣлый рядъ расходовъ по разгрузкѣ и перегрузкѣ. Само собою понятно что чѣмъ выше эти расходы, тѣмъ меньшій доходъ получитъ нашъ сельскій хозяинъ.

Съ этой точки зрѣнія можно только привѣтствовать стремленія городскихъ управленій портовыхъ городовъ улучшить условія разгрузки и перегрузки товаровъ, уменьшивъ такимъ образомъ расходы по отправкѣ нашего хлѣба заграницу. Съ этою цѣлію въ нѣкоторыхъ городахъ были установлены особые сборы съ провозимыхъ

товаровъ которые и должны были идти на улучшеніе портовыхъ сооруженій, на замощеніе улицъ ведущихъ къ пристанямъ и т. д. Но со временемъ получилось вотъ что̀: въ однихъ городахъ всѣ необходимыя сооруженія были уже закончены, а между тѣмъ сборы продолжали поступать, и деньги лежали непроизводительно, въ то время какъ въ другихъ городахъ средствъ не хватало даже на удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ потребностей вывоза. Въ первомъ случаѣ отправители грузовъ уплачивали сборы безо всякой необходимости, во второмъ они несутъ лишніе расходы отъ портоваго неблагоустройства.

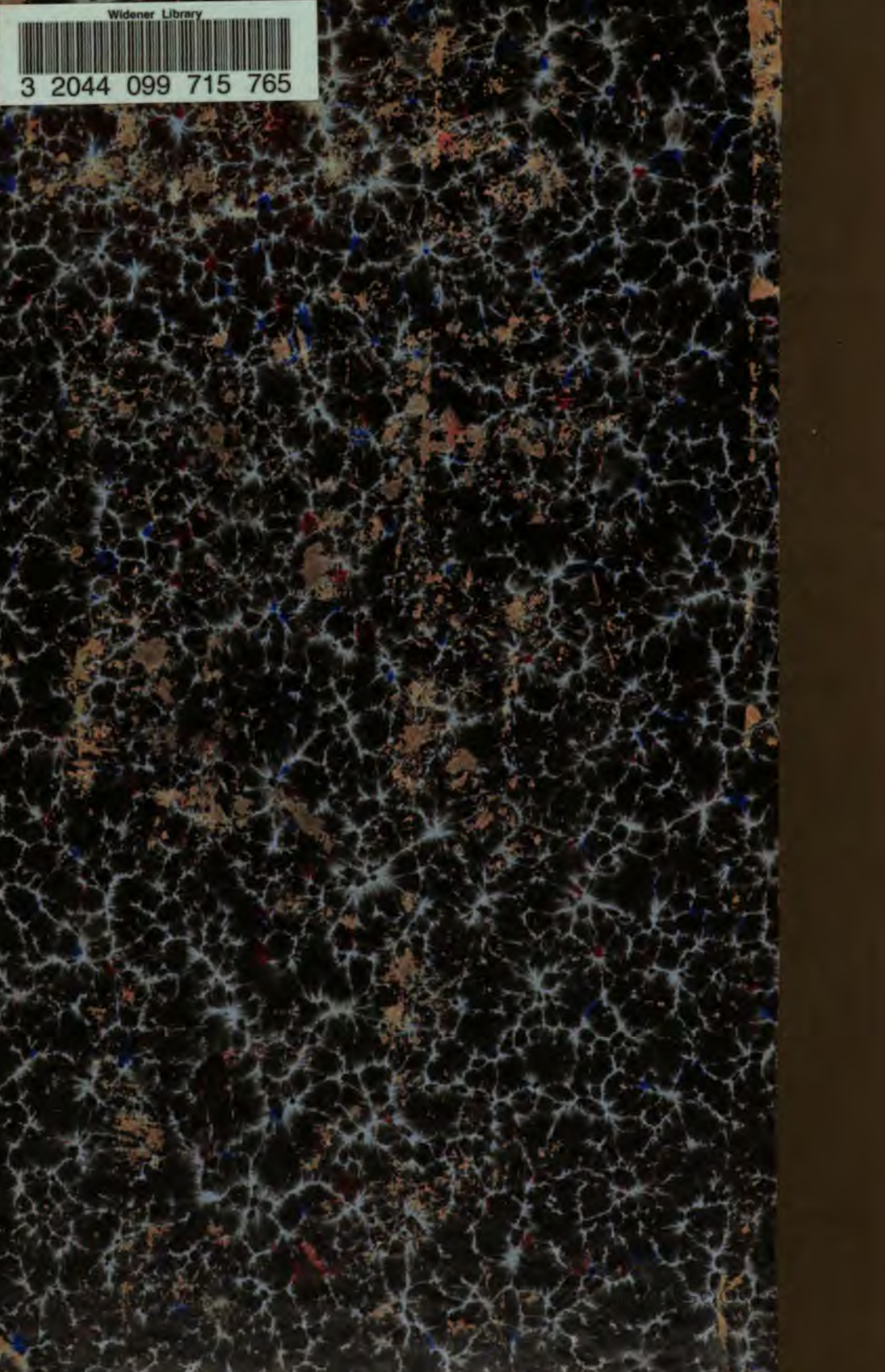
Теперь, по словамъ петербургскихъ газетъ, рѣшенъ вопросъ объ уничтоженіи и преобразованіи всѣхъ существующихъ въ пользу городовъ портовыхъ сборовъ. Сборы эти предположено замѣнить сборами тоннажнымъ и товарнымъ. Поступившія суммы будутъ распредѣляться между Министерствомъ Финансовъ и городами. Въ основу этого распредѣленія кладется совершенно новый принципъ: каждый портовый городъ будетъ получать не ту цифру которая приходится на его долю въ силу установленнаго процента изъ сбора въ его портѣ, а ту которую признаетъ нужнымъ дать ему правительство для удовлетворенія его портовыхъ нуждъ. Такимъ образомъ городъ съ ничтожными сборами можетъ получить много и, наоборотъ, городъ съ крупными сборами можетъ не получить ничего или получить очень мало.

На первый взглядъ подобное стремленіе правительства распредѣлять сборы между городами можетъ показаться несправедливымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если городъ богаче, то почему бы ему и не тратить болѣе? Но всматриваясь пристальнѣе въ дѣло не трудно замѣтить что портовые сборы уплачиваются вовсе не мѣстными жителями, а людьми съ этими городами никакой органической связи не имѣющими и живущими подчасъ отъ нихъ за тысячи верстъ. На обращеніе этихъ сборовъ въ свою пользу города не имѣютъ рѣшительно никакого права.

Да при новомъ порядкѣ они ничего и не теряютъ. Если въ портѣ нужны какія-либо улучшенія, то правительство, конечно, не откажетъ въ выдачѣ средствъ для нихъ; если же въ этихъ улучшеніяхъ надобности нѣтъ, то деньги пойдутъ въ пользу тѣхъ городовъ которые въ нихъ нуждаются. Въ общемъ же можно ожидать значительнаго улучшенія мелкихъ портовъ и расширенія ихъ дѣятельности, что̀ хотя и въ слабой степени, но все же отразится на положеніи нашей земледѣльческой промышленности.

Widener Library
3 2044 099 715 765